

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Социологический институт

Власть и элиты
Power and elites

Том 1

Санкт-Петербург
2014

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.В. Дука, к.пол.н., главный редактор
А.В. Быстрова, к.э.н.
И.И. Елисеева, д.э.н., чл.-корр. РАН
В.В. Козловский, д.филос.н.
Д.Б. Тев, к.с.н.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В.А. Ачкасов (С.-Петербург, Россия)
О.В. Гаман-Голутвина (Москва, Россия)
В.А. Гуторов (С.-Петербург, Россия)
А.А. Зоткин (Киев, Украина)
Н.Ю. Лапина (Москва, Россия)
В.Г. Ледяев (Москва, Россия)
О.Ю. Малинова (Москва, Россия)
В.П. Мохов (Пермь, Россия)
П.В. Панов (Пермь, Россия)
И. Панькув (Краков, Польша)
У. Хоффманн-Ланге (Бамберг, Германия)
А.Е. Чирикова (Москва, Россия)

EDITOR

A. Duka, Dr., St. Petersburg
EXECUTIVE BOARD
A. Bystrova, Dr., St. Petersburg
I. Eliseeva, Dr., Prof., St. Petersburg
V. Kozlovskiy, Dr., Prof., St. Petersburg
D.Tev, Dr., St. Petersburg

EDITORIAL BOARD

V. Achkasov (St. Petersburg, Russia)
A. Chirikova (Moscow, Russia)
O. Gaman-Golutvina (Moscow, Russia)
V. Gutorov (St. Petersburg, Russia)
U. Hoffmann-Lange (Bamberg, Germany)
N. Lapina (Moscow, Russia)
V. Ledyaeв (Moscow, Russia)
O. Malinova (Moscow, Russia)
V. Mohov (Perm, Russia)
I. Pańków (Warszawa, Poland)
P. Panov (Perm, Russia)
A. Zotkin (Kiev, Ukraine)

Власть и элиты / Гл. ред. А.В. Дука. Т. 1. СПб.: Интерсоцис, 2014.

Power and Elites / Ed. by A. Bystrova, A. Duka, D. Tev. Vol. 1. St. Petersburg: Intersotsis, 2014.

Альманах посвящен теоретическим и методологическим проблемам изучения власти и элит, вопросам эволюции и функционирования властных групп в России и других странах, трансформации российского общества, структур власти и практик групп доминирования. Особое внимание уделено сравнительным исследованиям элит, а также взаимовлиянию элитных групп и гражданского общества.

Издание представляет интерес для широкого круга общественников, исследующих проблемы власти и властных групп, преподавателей социологии, политологии и истории, а также политических практиков – экспертов, консультантов и действующих политиков.

Утверждено к печати Ученым советом
Социологического института РАН

*Издание осуществлено при поддержке
Фонда имени Фридриха Эберта (Германия)*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Дука А.В.</i> Предисловие	5
Проблемы исследования элит и властных отношений	
<i>Мохов В.П.</i> Циркуляция элит: проблема критериев процесса	8
<i>Панов П.В., Сулимов К.А.</i> «Преемник» versus «преемничество»: в контексте разнообразия вариантов смены политических лидеров	19
<i>Соловьев А.И.</i> Сетевая этика правящего класса в системе государственного управления	41
Политические элиты в сравнительной перспективе	
<i>Гаман-Голутвина О.В.</i> Политические элиты стран БРИК: опыт сравнительного анализа	56
<i>Бест Х.</i> «Европа» — меньшее из зол? Границы путей выхода из безграничного кризиса с точки зрения элит	70
<i>Хоффманн-Ланге У.</i> Граждане и элиты во времена экономического кризиса и общественных волнений	96
<i>Латина Н.Ю.</i> Политическая элита Франции: мотивация, карьерные траектории, профессия политика в начале XXI в.	137
<i>Зоткин А.А.</i> Институты власти и элитные группы Украины в условиях гражданского конфликта (2013–2014 гг.)	161
Российские элиты: функционирование и перспективы развития	
<i>Магомедов А.К.</i> Ресурсная база постсоветской российской власти: преемственность сырьевой парадигмы.	171
<i>Ачкасов В.А.</i> Дилеммы иммиграционной политики России	193
<i>Гуторов В.А.</i> Политическая элита и политическое образование в современной России	207
<i>Малинова О.Ю.</i> Официальная риторика и конструирование национального прошлого: анализ тематического репертуара памятных речей президентов РФ (2000–2013 гг.)	224
<i>Тарусин П.В.</i> Роль и перспективы российской контрэлиты в обновлении правящего режима.	247
Элиты и региональные сообщества	
<i>Бондаренко С.В.</i> «Право на город» как институционально-формообразующий фактор общественного участия	275
<i>Быстрова А.С.</i> Региональные административные элиты после смены губернаторов (по материалам биографических баз 2009 и 2012 годов)	295
<i>Римский В.Л.</i> Социальные факторы выстраивания политических карьер и неэффективности управления в регионах и муниципальных образованиях	318
<i>Тев Д.Б.</i> Вице-мэры крупнейших региональных столиц: социально-профессиональный бассейн и факторы рекрутирования	330
<i>Чирикова А.Е., Сельцер Д.Г.</i> Малые российские города: распределение власти между главой города и его командой	348
<i>Шентякова А.В.</i> Модели и факторы карьеры представителей политической и административной региональной элиты	385
<i>Дука А.В.</i> Власть между традиционностью и современностью (элиты российской периферии)	399
Abstracts	437
Сведения об авторах	452
Contributors	454

CONTENTS

<i>A. Duka</i> . Preface	5
Problems of the elite studies	
<i>V. Mohov</i> . The circulation of elites: problem of the criteria of the process	8
<i>P. Panov, K. Sulimov</i> . “Preemnik” versus “Preemnichestvo”: in the context of leadership succession variety	19
<i>A. Soloviev</i> . Network ethics of ruling class in system of governance	41
Political elites in comparative perspective	
<i>O. Gaman-Golutvina</i> . Comparative analysis of BRIC’s political elites	56
<i>H. Best</i> . Political elites in the transatlantic crisis	70
<i>U. Hoffmann-Lange</i> . Citizens and elites in times of economic crisis and citizen unrest	96
<i>N. Lapina</i> . Political elite of France in the beginning of the XXI century: motivations, career paths and vocation	137
<i>A. Zotkin</i> . Power institutions and elite groups of Ukraine in conditions of civil conflict (2013–2014)	161
Russian elites: practice and perspectives of development	
<i>A. Magomedov</i> . The country’s key resources and the nature of Russian post-soviet power: continuity of the raw-material paradigm	171
<i>V. Achkasov</i> . Dilemmas of the Russian immigration policy	193
<i>V. Gutorov</i> . Political elite and political education in contemporary Russia	207
<i>O. Malinova</i> . Constructing the national past in the official rhetoric: The analysis of thematic repertoire of the commemorative speeches of presidents of the Russian Federation (2000-2013)	224
<i>P. Tarusin</i> . Russian counter-elite: role and prospect in regime alteration	247
Elites and regional communities	
<i>S. Bondarenko</i> . The ‘right to the city’ as institutional factor of the public participation	275
<i>A. Bystrova</i> . Regional administrative elites after replacement of governors	295
<i>V. Rimskiy</i> . Social factors of the political careers building and of the ineffective management of the regions and municipalities	318
<i>D. Tev</i> . Vice-mayors of the largest regional capitals: social-professional pool and factors of recruitment	330
<i>A. Chirikova, D. Seltser</i> . Small Russian cities: distribution of power between mayor and his team	348
<i>A. Shentyakova</i> . Patterns and factors of regional politicians’ and bureaucrats’ career	385
<i>A. Duka</i> . Elites of Russian periphery: between traditionalism and modernity	399
Abstracts	437
Сведения об авторах	452
Contributors	454

ПРЕДИСЛОВИЕ

Власть и элиты — почти вечные сюжеты. И потому что эти явления постоянно находятся в движении, изменении, и потому что исследователи все время будут искать новые подходы к изучению вроде бы уже понятного и ясного, новые стороны того, что, на первый взгляд, известно. Наша новая книга как раз и свидетельствует об этом. Удивительно, что авторы, пишущие на данные темы, открывают каждый раз новое, и никак не скажешь, что они повторяются. В.О. Ключевский в дневнике за 1868 г. сделал следующую запись: «Наше развитие совершалось под тяжелыми влияниями эпохи, когда изменялись не одни внешние отношения, когда переделывались и самые понятия, самые принципы»¹. Это очень подходит к нашему обществу и сообществу. Поэтому читатели наших книг могут найти расхождения. Одни в них увидят развитие авторов, другие — противоречия, третьи — конъюнктуру, четвертые — смешение теоретических оснований, пятые — стремление понять «текущую современность», которая ускользает от исхитряющегося ее зафиксировать и «сосчитать» исследователя.

Новое издание «Власть и элиты» является ежегодным научным альманахом. Он будет издаваться в бумажном и электронном виде. Основные проблемы, обсуждаемые на его страницах — теория и практика власти, властных структур и институтов. Особое внимание уделяется элитам и иным властным группам. Поскольку данные сюжеты изучаются различными науками — социологией, политологией, историей, культурологией, антропологией — междисциплинарность альманаха вполне естественна. Вместе с тем предполагается, что в основном тексты будут в политико-социологическом ключе. Этот издательский проект стал логическим продолжением публиковавшихся материалов ежегод-

---

¹ Ключевский В.О. Дневник 1867–1877 гг. // Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. М.: Мысль, 1990. Т. 9. Материалы разных лет. С. 286.

ного всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации», который проводится сектором социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН совместно с Российской ассоциацией политической науки с 2001 г. Было издано семь сборников:

1. Власть и элиты в современной России: Сб. науч. ст. / Под ред. А.В. Дуки. СПб: Социологическое общ-во им. М.М. Ковалевского, 2003. 416 с.
2. Власть и элиты в российской трансформации: Сб. науч. ст. / Под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2005. 296 с.
3. Власть, государство и элиты в современном обществе: Сборник материалов второго Всероссийского научного семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» (16–18 октября 2003 г., Санкт-Петербург) / Под ред. А.В. Дуки и В.П. Мохова. Пермь: Пермский государственный технический университет, 2005. 217 с.
4. Элиты и власть в российском социальном пространстве: Материалы пятого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» (15–16 декабря 2006 г., Санкт-Петербург) / Под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2008. 268 с.
5. Власть в России: элиты и институты: Материалы седьмого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / Под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2009. 326 с.
6. Российские властные институты и элиты в трансформации: Материалы восьмого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / Отв. ред. А.В. Дука. СПб.: Интерсоцис, 2011. 326 с.
7. Властные структуры и группы доминирования: Материалы десятого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / Под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2012. 520 с.

Основу первого выпуска альманаха составили статьи, написанные по результатам дискуссий одиннадцатого и двенадцатого семинаров. Однако есть материалы и совершенно свежие, авторы которых осмысливают то, что происходит сейчас. В этом отношении анализ ситуации на

Украине — самый «горячий». Многие статьи обновлялись вслед за событиями. Конечно, из этого не следует, что жанр сборника политико-журналистский или публицистический. Научный анализ остается нашим кредо.

Помимо семинарского «пула» среди авторов есть исследователи, не участвовавшие в наших петербургских элитных бдениях. В дальнейшем круг авторов будет расширяться. На нашем семинаре за три полных рабочих дня мы успеваем выслушать и обсудить максимум 22–24 доклада, по 7–8 в день. Но размышляющих о волнующих нас проблемах ученых гораздо больше, так же как и сюжетов. Поэтому мы расширяем и проблематику.

Редколлегия альманаха стремилась сохранить своеобразие научного и «человеческого» языка каждого автора, делая только необходимые правки. В этом отношении читатель почувствует разницу и ощутит каждого исследователя. Наука делается очень индивидуальными творцами. Особенно это относится к гуманитарным и обществоведческим областям знания. Язык здесь средство выражения не только научной позиции, но и гражданской включенности и индивидуального жизненного чувства. Стиль изложения подчас оказывается не менее существенным, чем содержание. Читатель увидит в некоторых текстах отнюдь не академическую резкость. Но, как заметил наш классик, «наше дело сказать правду, не заботясь о том, что скажет какой-нибудь гвардейский штаб-ротмистр»¹. И, конечно, каждый автор готов отвечать за свою правду.

Выражаем благодарность издательству «Macmillan Publishers Limited» за возможность публикации на русском языке главы (Best H. Is 'Europe' the Lesser Evil? Limits of Elite Crisis: Resolution in a Limitless Crisis) из книги *Political Elites in the Transatlantic Crisis / Ed. by H. Best and J. Higley. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2014. P. 36–57. ISBN 9781137345745*.

Особо благодарим за возможность издания этой книги Фонд имени Фридриха Эберта и руководителя его филиала в России доктора Рудольфа Трауба, руководителя Бюро фонда в Санкт-Петербурге Наталью Павловну Смирнову и референта регионального Бюро в Санкт-Петербурге Юлию Евгеньевну Тарасову.

Александр Дука

---

¹ Там же. С. 306.

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭЛИТ И ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В.П. Мохов

ЦИРКУЛЯЦИЯ ЭЛИТ: ПРОБЛЕМА КРИТЕРИЕВ ПРОЦЕССА

В теоретической плоскости давно обсуждается проблема существования и развития элиты: как она развивается? Есть ли общие закономерности в ее развитии? На эти вопросы давали ответы теории, принадлежавшие к различным парадигмам научного знания, в том числе к теориям линейного развития, циклическим, синергетическому подходу. Основы циклического анализа заложил В.Парето, который сформулировал основы представлений об элитном цикле (циклическом характере развития элит).

Ключевым для понимания развития элит является проблема преемственности: нет автономных элитных образований, возникающих «с нуля», «из ничего». Для всех элитных циклов характерна однотипная внутренняя структура, состоящая из четырех стадий.

Для элитогенеза (зарождения и становления элиты) характерны три внутренних периода: превращение (хотя бы на время) каких-либо социальных групп в правящую силу, затем переход в состояние властвующей силы (удержание и реализация власти на постоянной основе), становление элитной группы как господствующей силы (т.е. консолидированной в слой, постоянно удерживающий власть и осуществляющий функцию господства, с одной стороны, и отчуждения от масс, с другой стороны).

Следующая стадия – развитие элиты, понимаемое как развертывание ее сущности на своей собственной основе, достижение максимума имеющегося потенциала возможностей. Эта стадия начинается тогда, когда заканчивается становление элиты, т.е. когда исчезают на политической арене конкурентные социальные силы, с которыми прямо или косвенно нужно делить власть или чьи интересы нужно в первую очередь учитывать в своей политике.

Третья стадия элитного цикла — деградация элиты происходит как постепенная утрата элитой системных качеств под воздействием внешних воздействий и внутренних трансформаций.

Наконец, завершает элитный цикл стадия гибели элиты, которая воспринимается как быстрая утрата системного качества и распад внутриэлитных взаимосвязей. При этом гибель старой элиты и становление новой элиты рассматриваются как взаимопересекающиеся процессы.

Ключевые слова: элита, элитный цикл, стадии элитного цикла, элитогенез.

По проблеме циркуляции элит сложилась определенная научная традиция, в рамках которой исследователи пишут по небольшой группе сюжетов, не выходя за самими же установленные рамки¹. Складывается впечатление, что для одних специалистов особой проблемы здесь нет, поскольку «классики» обо всем уже сказали, а частности не играют особой роли в осмыслении процессов. Для других в отношении теории циркуляции сохраняется настороженность, о которой хорошо сказали Я. Пакульски и Я. Василевски: «Паретовская теория циркуляции элит, как любая иная теоретическая конструкция, должна использоваться осторожно. Не только потому, что она насчитывает почти сто лет и явно требует модификации, но и потому, что была представлена ее автором в общих штрихах и в ней проявилась его специфическая пристрастность»². Третьи видят в теории Парето универсальную «отмычку», с помощью которой можно объяснить любые общественные тенденции «вне времени и пространства». А.В. Дука писал по этому поводу: «Часто именно философско-историческое свойство концепции В. Парето

---

¹ Арон Р. Этапы развития социологической мысли». М.: Прогресс — Политика, 1993. С. 444–462; Ашин Г.К. Смена элит // Общественные науки и современность. 1995. № 1; Ашин Г.К. Элитология. М.: МГИМО, 2005; Ашин Г.К., Понедельков А.В., Игнатов В.Г., Старостин А.М. Основы политической элитологии. М.: ПРИОР, 1999; Рахмиров П. Ю. Идеи и люди: политическая мысль первой половины XX века. Пермь: ЗУИЭП, 2011. С. 55–100; Елин С.П. Особенности взглядов Парето на роль элиты в системе социального равновесия общества // Вестник ГемГУКИ. 2012. № 20. С. 18–26; Идрисова И.Ф. О природе социальных девиаций в процессах воспроизводства элит // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 14. С. 28–34 и др.

² Пакульски Я., Василевски Я. Циркуляция политических элит: от лис к львам // Полис. 2008. № 6. С. 35. См. также: Ашин Г.К. Смена элит. С. 41.

и не замечается российскими исследователями, ссылающимися на него и его теорию элиты. Безотносительность социальному времени и контексту в рассуждениях о смене элит приводит к представлениям и высказываниям психофизиологического рода или рассматривается просто как смена индивидов, поколений или времен года»¹. Таким образом, отношение к наследию Парето отличается широким спектром оценок.

Как бы то ни было, в проблеме циркуляции элит существует довольно много сложностей, трактовка которых может существенно повлиять на интерпретацию результатов исследований, оценку социальных и политических процессов.

Нам уже приходилось высказывать несколько суждений самого общего характера по данной проблеме². Возникла необходимость уточнить некоторые положения, связанные с критериями процесса циркуляции элит, т.е. квалификации какого-либо социального процесса как процесса циркуляции элит.

И первый вопрос, который действительно должен быть поставлен: а насколько неизбежна циркуляция элит? Действительно ли это объективно необходимый элемент социальной динамики? Не существует ли вариантов обновления властной элиты, не предусматривающих процесса циркуляции? В этом отношении важна дилемма Моска — Парето, на которую обратил внимание П.Ю. Рахшмир: «В отличие от Моски, который не исключал возможности постоянного обновления правящего класса, Парето убежден в фатальной неотвратимости деградации элиты, ее неспособности устоять под натиском новой элиты»³.

Практический опыт показывает, что нет ни одного государства мира, имеющего сколько-нибудь длительную историю, в котором бы не происходила замена элит. В. Парето сводил причины циркуляции к психологическим изменениям в элитах и массах, однако такая трактовка

---

¹ Дука А.В. Концептуальные основания анализа властных элит // Управленческое консультирование. 2011. № 1. С. 53.

² *Мохов В.П.* Циркуляция элит как социальный процесс // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 10 (24). Ч. 2. Тамбов, 2012. С. 139–143. В статье отмечено несколько из высказанных положений с тем, чтобы развить проблему дальше.

³ *Рахшмир П.Ю.* Идеи и люди: политическая мысль первой половины XX века. С. 95.

не подразумевает возможности прогресса¹. Можно даже сказать больше: такая трактовка не позволяет объяснить историческое развитие, в том числе развитие самих элит, так как предполагает лишь эмоционально-психологическое объяснение причин эволюции. При таком подходе вполне допустима вероятность изменения «по кругу», при котором представители одного и того же типа элит бесконечно сменяют друг друга, отличаясь лишь психологическими чертами.

Переход власти от «львов» к «лисам» и обратно ничего не говорит о побудительных мотивах самих элит, делающих свой выбор в пользу той или иной группы элит. Теоретически можно предположить ситуацию, при которой «львы» и «лисы» одинаково консервативны и используют лишь различные технологии властвования без принципиального изменения приоритетов, средств, стимулов. В государствах Древнего Востока циклы смены властителей-львов и властителей-лис также происходили, но столетиями и тысячелетиями раз созданная модель власти воспроизводила себя. Древние общества в силу этих причин выглядят крайне стабильными с точки зрения форм и способов властвования. Менялись люди у власти, но не менялась модель власти.

Тем не менее на определенных этапах развития происходили сдвиги во власти, вызванные другими, более глобальными причинами. Это были либо внешние воздействия (вторжение, импорт технологий, ассимиляция чужих народов и др.), либо внутренние изменения, возникшие в результате структурных сдвигов в обществе, в первую очередь изменений либо социальных институтов, либо технологий и способов производства.

Полагаем, что основой естественной (социальной) циркуляции элит во всех обществах были фундаментальные сдвиги в развитии технологий и производства, способов властвования, которые порождали существование новых социальных групп, заинтересованных в обладании властью для создания условий, благоприятных для их существования.

Но если это так, то постепенное и непрерывное обновление властных элит невозможно «по определению», так как конфликт между старыми и новыми элитными группами не может быть разрешен без ущерба для интересов обеих групп. Договоры между ними возможны лишь как временные союзы, которые легко разрушаются, как только хотя бы

---

¹ *Ашин Г.К.* Смена элит. С. 41.

одна из сторон почувствует свое преимущество. Однако у новых элитных групп всегда было главное преимущество: новые средства господства, которые обеспечивали увеличение богатства, власти, контроля над массами.

Очевидно, возвышение новых групп элиты в целом коррелирует с деградацией старых элит. «В целом» означает, что процесс деградации может идти быстрее, чем возвышение новых элитных групп, как это произошло при развале СССР и создании нового российского государства.

Деградация элит — процесс утраты элитными группами своего статуса, связанный с глобальной социальной дисфункцией: элитная группа не может более господствовать прежними методами, а новых методов, устраивающих массы, предложить не способна. Скорость деградации элит может быть различной, а деградация может протекать как в эволюционной, так и революционной форме. Однако общим остается одно: новая элитная группа до тех пор не придет к власти, пока старая не исчерпает себя функционально (случаи внешнего воздействия на элиту мы не рассматриваем).

Как известно, В. Парето показал, что социальная система стремится к равновесию и при выводе ее из равновесия с течением времени возвращается к нему. Процесс колебания системы и прихода ее к «нормальному состоянию» равновесия образует социальный цикл; течение цикла зависит от характера циркуляции элит. Парето стремился представить исторический процесс в виде вечной циркуляции основных типов элит¹.

Как полагаем, циркуляция элит — понятие сложное. Нередко за ним скрывается различное содержание, что порождает некоторую неопределенность при его использовании. Контекст понятия всегда должен пояснять, что, собственно говоря, имеется в виду. Во многом данное обстоятельство стало следствием целого ряда недоговоренностей в текстах В. Парето, множественности трактовок его взглядов у различных авторов. Сам В. Парето определял циркуляцию элит как феномен, имеющий большое значение для социального равновесия двух групп — класса избранных (элиты) и класса остальных (неэлиты)².

---

¹ См.: *Парето В.* Компендиум по общей социологии. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2008.

² Там же. С. 310–311.

По сути, циркуляция элит как понятие имеет следующие значения:

- 1) как социальная циркуляция, под которой понимается замена (смена) социального субстрата элиты. Элиты как субъект социального процесса изменяются качественно или существенно модифицируются под влиянием различных экономических и социальных изменений;
- 2) как циркуляция политическая, под которой понимается циркуляция внутриэлитная — процесс смены групп внутри властной элиты, осуществляющих власть.

Социальная циркуляция есть наиболее фундаментальный процесс, характеризующий динамику элит как больших социальных групп, осуществляющих власть в обществе.

В рамках социальной циркуляции мы выделяем два разнородных процесса: смена элит и обновление элит.

Смена элит — достаточно редкий в истории процесс, заключающийся в смене исторически определенных типов элит у власти. Эти смены обусловлены в первую очередь достаточно серьезными сдвигами в развитии технологий, порождающих новые системообразующие производства или даже новые экономические уклады. Под их влиянием происходит формирование социальных групп, образующих социальное основание новых производств. Возникающие на их основе новые субэлиты начинают борьбу за власть с тем, чтобы обеспечить для себя более выгодные властные позиции. В зависимости от значимости технологий, производств, удельного веса в том или ином технологическом или социально-экономическом укладе возрастает роль выходцев из данных социальных групп во властной элите.

Завоевание политической власти новыми социальными группами и более или менее стабильное удержание ее служит важнейшим (но не единственным) критерием осуществления циркуляции элит.

Другими критериями можно считать следующие:

- 1) изменение бассейна рекрутирования правящей части властной элиты;
- 2) воспроизводство социальных практик, характерных для новой элитной группы, всей властной элитой или ее большинства;
- 3) изменение структуры властной элиты за счет обновления ее элементов. Совсем необязательно, чтобы «новобранцы» составляли большинство властной элиты, достаточно, чтобы они определяли политику властной элиты, а правящая группа властной элиты в общем и целом могла самовоспроизводиться;

- 4) изменение социального носителя элитных функций, при этом главное заключается в том, что социальный носитель элитных функций базируется на новых технологиях, отраслях производства, новых технологических укладах либо на новых способах господства;
- 5) для новой элитной группы формируется новое философское и идеологическое обоснование, которое нередко может включаться в старые формы, «подстраиваться» под них для формального соблюдения преемственности со старой элитой.

Смены элит в условиях индустриального общества происходили неоднократно, например при переходе от мануфактурного производства к индустриальному, в рамках индустриального производства — в результате «второго» промышленного переворота, при переходе к «постиндустриальной» стадии развития.

Обновление элит заключается в относительно динамичной замене внутри элиты отдельных субэлитных групп, что, по аналогии с терминологией Питирима Сорокина¹, можно назвать восходящей и нисходящей элитной мобильностью, в результате которой поднимались (опускались) в социальной иерархии социальные субгруппы. Вряд ли нуждается в особом доказательстве факт постоянной смены в составе властной элиты отдельных представителей элиты и субгрупп. Результат данного процесса — изменение социального облика властной элиты — сказывается лишь через большой промежуток времени.

Обновление элит проявляет себя следующим образом:

- 1) через частичное обновление персонального состава элитных групп. Это может быть связано как с естественным демографическим процессом, так и с притоком в элиту представителей новых субгрупп, возникших под влиянием ситуативных факторов, частных социальных процессов;
- 2) частичное обновление набора элитных субгрупп. Как правило, это связано либо с естественными процессами развития нового производства, сопровождающегося его дифференциацией, расширением географии, объемов производства и, соответственно, появлением и развитием субэлитных групп, либо с изменением социальной опоры властной элиты путем принудительного («сверху») изменения

---

¹ См.: Сорокин П.А. Социальная мобильность. М.: Academia LVS, 2005. С. 119–147.

- бассейна рекрутирования в элиту (как правило, в обществах эта-
тистского типа);
- 3) появление во властной элите новых социальных практик, которые воспринимаются как маргинальные, «экзотические», «не соответствующие» статусу, даже преступные в данной системе моральных координат и т.д.;
  - 4) появление новых альтернативных идеологий, отражающих взгляды субэлитных групп.

Обновление элит с неизбежностью переходит в процесс смены элит. Если можно так сказать, то обновление элит есть смена элит («в рассрочку»). Обновление элит всегда выступает в качестве самого длительного процесса в их циркуляции, предшествующего относительно динамичному процессу смены элит. Между собой эти процессы взаимосвязаны и взаимозависимы, обновление элит выступает в качестве естественного предшествующего этапа для смены элит.

Если социальная циркуляция — глобальный процесс, затрагивающий сами основания существования общества, его властных групп, их взаимоотношений с массами, то политическая циркуляция — частный процесс политических изменений, его проявления зримы при любых сколько-нибудь значимых политических процессах. Революции, государственные перевороты, выборы с новым победителем, «кадровые революции» есть примеры политической циркуляции. В. Парето конкретизировал данный вид циркуляции на примере смены таких психологических типов элиты во власти, как «львы» и «лисы», применительно к сфере экономики — «спекулянты» и «рантье», применительно к сфере политики — либералы и консерваторы¹.

Политическая циркуляция не затрагивает глубинных оснований власти элит и даже самого социального типа элит. Ее результатом становится смена правящих групп элиты или только лидеров правящих групп, изменение роли субэлитных групп во власти, модификация внутриэлитных взаимосвязей и т.д.

В рамках социальной циркуляции могут пройти множество циклов политической циркуляции, которые в обществе будут отмечаться как необходимые стадии политического процесса, например в ходе выборов. Значимые социальные последствия внутри элиты

---

¹ См.: *Рахимир П. Ю.* Идеи и люди: политическая мысль первой половины XX века. С. 88–92.

будут заметны лишь в результате множественных политических циркуляций.

Социальная и политическая циркуляции элит как процессы могут протекать в двух основных формах: эволюционно и революционно. Эволюционный процесс рассматривается как трансформация (по В. Парето), которая идет непрерывно на протяжении многих лет и десятилетий, медленно, но неуклонно¹. Однако, как полагаем, между эволюцией и трансформацией есть определенные различия. Если эволюция властной элиты как процесс идет путем постепенного изменения отдельных представителей властной элиты, то трансформация — разновидность эволюционного процесса, заключающаяся в смене внутренних состояний внутри одного исторического типа элиты. Трансформация идет как двуединый процесс — как постепенная замена отдельных представителей аристократий (по терминологии В. Парето) и как замена отдельных аристократий в элите. В любом случае трансформация есть определенный рубеж в эволюционном процессе, в результате которого меняется модель (состояние, разновидность) элиты.

Как правило, трансформация сопровождается сменой доминирующей идеологии (или течения политической мысли, определяющего деятельность элиты), целей во внутренней и внешней политике, самое главное — формой общественных практик, с помощью которых реализуются эти цели. Можно предположить, что трансформации определенным способом связаны с большими циклами экономического развития, определяющими динамику экономики. В результате трансформаций тип элиты не меняется, базовыми остаются все (или большинство) параметров, определяющих бытие элиты: тип общественных отношений, ценностные ориентации, формы осуществления господства в обществе, тип общественных практик и т.д.

Социальная циркуляция с точки зрения участия масс — процесс крайне противоречивый. Смена элит происходит при максимальном участии масс. Пожалуй, во всей системе масс-элитных отношений процессы смены элит отличаются наибольшим влиянием масс (отдельных социальных слоев, наиболее видных представителей масс) на процесс формирования элит. Это влияние масс нередко носит неконтролируемый характер, новые социальные группы прорываются на высокие статусные позиции, закрепляясь в элитных группах. Прежние властные

---

¹ *Парето В.* Компендиум по общей социологии. С. 314.

элиты лишь ограниченно могут влиять на данный процесс, а в некоторых случаях полностью устраняются из системы властных отношений (российский вариант элитогенеза в 1917–1921 гг.).

Особенно разрушительный характер для прежней элиты носит революционная смена элит. В данном случае массы непосредственно «творят» историю и элиты. Тем не менее даже в период революций участие масс носит неабсолютный характер. Примеры массовых революций показывают, что народ играет роль социального тарана для новых социальных групп, пробивающихся в элиту. На этапе слома старой элитной структуры новые поднимающиеся группы едины вместе с массами, они допускают в определенных пределах народную инициативу. На втором этапе революции, когда возникает потребность в стабилизации положения, закреплении результатов победы, инициативы масс подавляются с такой же решимостью, как и в прежние времена¹.

Политическая циркуляция элит неизбежно ведет к ограниченному вовлечению в процессы смены элит представителей народа, однако в рамках политической циркуляции массовое участие, как правило, носит управляемый характер и не приводит к смене ни социально-политической системы, ни типа властной элиты.

Социальная циркуляция элит, если не рассматривать ее крайние варианты, происходит постепенно благодаря политическому обновлению правящего класса, а затем и всего политического класса. Политическая циркуляция гораздо более динамична, институты властвования позволяют как в демократическом государстве, так и в авторитарном и тоталитарном государствах проводить обновление властвующего слоя в относительно короткие сроки.

Когда начинается циркуляция элит? Учитывая многозначность понятия, можно сказать, что он никогда и не прекращается. Но если под циркуляцией элит понимать процесс смены типов элит, то ответ, по всей видимости, будет заключаться в определении условной границы между процессами, отделяющими стабильное, «естественное» развитие общества, процессами повседневного обновления элиты от процессов динамичного изменения состава властной элиты. Эта условная граница появляется тогда, когда существующая властная элита не в состоянии выполнить все функции властвования и поэтому вынуждена

---

¹ См.: *Сорокин П.* Социология революции. М.: РОССПЭН — территория будущего, 2005. С. 211–262.

привлекать для реализации власти в массовом масштабе выходцев из других социальных групп, т.е. когда начинается деградация элиты. Тем самым создаются предпосылки для начала циркуляции. Однако привлечение в элиту выходцев из других социальных групп происходит постоянно, различаются лишь масштабы привлечения, в зависимости от чего находится витальность элиты. Об этом хорошо сказал В. Парето: «Чтобы удержаться у власти, правящий класс использует индивидов из управляемого класса...»¹

Так, в России расширение функций управления привело к необходимости для дворянства привлечь к государственной службе выходцев из разных чинов, которые на протяжении XIX в. стали замещать должности в государственном аппарате, а затем и в земствах. Это было началом процесса обновления элит, «разночинцы» постепенно поднимались в служебной иерархии чинов, проникая на все более влиятельные управленческие позиции. Создание Государственной Думы в Российской империи подготовило политические предпосылки для динамичной смены элит и проведения всего цикла циркуляции элит. Однако события 1917–1921 гг. привели к достаточно редкому варианту социальной циркуляции, в результате которого была сметена как старая элита царской России, происходившая из дворянства, так и новая нарождавшаяся элита в лице выходцев из буржуазии и обуржуазившегося дворянства.

Таким образом, многозначность понятия «циркуляция элит» требует достаточно осторожного подхода к определению содержания и границ процесса, его периодизации. Результат анализа будет очень сильно различаться в зависимости от конкретного содержания ключевого понятия. В любом случае, социальная циркуляция элиты — процесс, занимающий от нескольких десятилетий до 1–2 столетий. В случае политической циркуляции цикл смены элит может ограничиваться несколькими годами.

---

¹ *Парето В.* Компендиум по общей социологии. С. 375. См. также: Там же. С. 348–349.

П.В. Панов, К.А. Сулимов

«ПРЕЕМНИК» VERSUS «ПРЕЕМНИЧЕСТВО»: В КОНТЕКСТЕ РАЗНООБРАЗИЯ ВАРИАНТОВ СМЕНЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ¹

В статье анализируется соотношение и концептуальное наполнение понятий «преемник», «преемничество» и «преемственность», которые получили широкое распространение в современном российском политическом дискурсе. Все они связаны с феноменом воспроизводства политического лидерства, когда «следующий» лидер приходит на смену «предыдущему», но рассматривают его с разных сторон. Преемственность наиболее уместно использовать по отношению к политическому курсу, который проводит следующий лидер. Преемничество характеризует более или менее институционализированную модель воспроизводства власти, то есть сложившийся в данной политике относительно устойчивый способ смены/передачи публичной власти. Третий термин — «преемник» указывает на особенности самого процесса смены лидера. По сравнению с концептуальной парой «предыдущий — следующий» здесь речь идет о значительно более узкой коннотации, когда «преемник» — лишь один из вариантов смены лидера, для которого характерна вполне определенная качественная персональная связь между прежним лидером и новым. Адекватная концептуализация понятия «преемник» может быть получена, если рассматривать феномен смены лидера как принципиальное политическое решение. Под таким углом зрения ключевым критерием для классификации смены лидера будет ответ на вопрос, кто является субъектом данного решения. На основе этого разворачивается таксономия вариантов смен лидерства.

Ключевые слова: *воспроизводство власти, смена лидера, преемничество, преемник*

Применение понятий «преемник» и «преемничество» в изучении процессов воспроизводства (смены) власти² в современных обществах с недавнего времени стало серьезной исследовательской задачей. Оба слова

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Институт преемника: модель воспроизводства власти и перспективы модернизации в современном мире», проект № 11-03-00198а.

² Воспроизводство власти здесь и далее рассматривается в терминах устойчивого способа смены/передачи публичной власти в определенных обществах.

появились из политической практики и ее широкого (т.е. не узкопрофессионального) восприятия. Видимо, это связано с тем, что общественное внимание привлек некий особый феномен в процессах воспроизводства власти, строго говоря, отнюдь не новый, но прежде, видимо, не особо значимый и потому концептуально не оформленный. Теперь он стал важен, и хотя для его обозначения использовали «старые» слова (ранее «преемник» означал буквально «следующего лидера»), в новом контексте они приобрели иной смысл. При этом очевидно, что речь идет не только о российских случаях, но о целом классе явлений того же рода, относительно широко распространенных в мире. Именно такая концептуализация (может быть, не вполне осознанно) уже утверждается и в академическом, и в общественно-политическом российском дискурсе¹.

На первом этапе исследовательской работы с данными терминами² было концептуализировано понятие «преемничество»³. Суть подхода

---

¹ См., например: *Макаркин А.* Постсоветское пространство: авторитаризм и компромиссы // *Неприкосновенный запас*. 2011. № 6; *Фурман Д.* Общее и особенное в политическом развитии постсоветской России и других стран СНГ // *Прогнозис*. 2006. № 3; *Борисов Н.А.* Институционализация института президентства и перспективы консолидации политических режимов на постсоветском пространстве // *Полития*. 2011. № 4; *Дахин А.В.* Смена высших политических команд в России: анализ одной политологической гипотезы // *Политическая наука*. 2012. № 1. *Рогов К.* Неприемлемый преемник // *Pro et Contra*. 2007. № 4–5. См. также подборку статей «Политические системы постсоветских стран» в тематическом номере журнала «Pro et Contra» (2011. № 3–4). Вполне уверенно в качестве варианта «преемничества» трактуется мексиканская практика *dedaco* — «указующий перст» (исп.) (*Дабагян Э.* Указующий перст. <<http://www.og.ru/articles/2006/11/24/18835.shtml>> (дата обращения: 10.06.2011). Примечательно, что преемники и преемничество обсуждаются не только в российском дискурсе. Совсем недавно группа казахстанских ученых и экспертов опубликовали книгу «Сумеречная зона, или “Ловушки” переходного периода», в которой рассматриваются возможные варианты развития событий в Казахстане в ситуации (неизбежной ситуации!) ухода Нурсултана Назарбаева с поста президента, в том числе с использованием терминов «преемник» и «преемничество».

² Речь идет о реализации группой исследователей кафедры политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета проекта, в рамках которого подготовлена статья.

³ См.: *Панов П.В., Сулимов К.А.* Преемничество как способ воспроизводства власти: проблемы концептуализации // *Вестник Пермского университета. Серия «Политология»*. 2011. № 4. С. 31–42.

состоит в выделении наряду с прочими «элитистского» типа воспроизводства власти, которая характеризуется тем, что в руках правящей группы оказывается «исключительный мандат» на определение персонального состава новой власти. Этот мандат *как бы* включает в себя право на принятие двух разных (и в логическом, и в субъектном, и в процедурном плане) решений. В неэлитистском («демократическом») типе воспроизводства власти решения принимаются разными субъектами: а) принятие персональных решений политическими элитами (наиболее типичный случай в современных обществах — выдвижение кандидатов на выборы), б) легитимация «выдвиженческих» решений элит народом (чаще в современных обществах — как электоратом). В элитистском типе правящая группа обладает исключительной субъектностью в отношении обоих решений сразу, а народ выполняет лишь процедурную функцию, реализуемую в виде участия в выборах, на которых *как бы* «все решено заранее».

Внутри элитистского типа воспроизводства власти было проведено различие между разными моделями его реализации, а именно — между «преемничеством» и «захватом власти». Разница между ними определяется характером отношений внутри правящей элиты, прежде всего, имеют значение отношения между «действующим лидером» и правящей группой, а также отношения с возможной контрэлитой. То есть второй сущностной характеристикой модели «преемничество» является относительное согласие большинства внутри правящей группы относительно кандидатуры «следующего» лидера, что позволяет провести передачу власти, по крайней мере, без противодействия «изнутри». И наоборот, модель захвата власти предполагает внутренний или внешний элитный конфликт, за победителем в котором все равно остается исключительный мандат на решение вопроса о наделении властью.

В процессе концептуализации понятия «преемничество» вопрос о концептуальном наполнении понятия «преемник» не ставился, хотя было понятно, что необходимо проводить различие между отдельными случаями «передачи власти» по образцу преемничества и институционализацией этой модели воспроизводства власти. Иначе говоря, отдельные казусы преемничества, т.е. наличие «преемника», могут быть следствием особых обстоятельств и не приводить к формированию преемничества как устойчивой практики воспроизводства власти.

Серия эмпирических исследований конкретных случаев «преемничества» привела к пониманию того, что необходимо найти для «преем-

ника» собственное концептуальное место в силу возникших сложностей с описанием и истолкованием отдельных, но при этом довольно многочисленных случаев. Общая проблема состояла в том, что последовательное применение концепта «преемничество» в описанном виде угрожало утратой того интуитивно очевидного смысла слова «преемник», который оно имеет в общественно-политическом дискурсе — указание на некую, пока не конкретизируемую качественную связь между прежним и новым лидером¹.

Во-первых, идентификация этой качественной связи между новым и прежним лидером, которую можно обозначить термином «преемник», возможна не только в условиях элитистского способа воспроизводства власти. Пожалуй, самый яркий недавний, но явно не единственный пример — это Николас Мадуро, новый президент Венесуэлы. Не вызывает сомнений, что к нему применимо слово «преемник». Уго Чавес, прежний президент, публично объявил Мадуро своим преемником, призвал избирателей голосовать за него, если потребуется, обеспечил ему благоприятную позицию перед выборами: Мадуро исполнял обязанности президента во время болезни и смерти Чавеса и далее до момента голосования. Но при всем этом невозможно утверждать, что решение о новом президенте было предreshено, что Чавес обладал «исключительным мандатом» на определение его персоны в вышеуказанном смысле. Напротив, имела место ожесточенная борьба, в которой народ был субъектом «окончательного» решения². Следовательно, «преемник» оказывается возможен и при реализации неэлитистского («демократического») способа передачи власти.

Во-вторых, в рамках элитистского способа передачи власти довольно заметное место занимают случаи деперсонифицированной передачи власти. Для некоторых из них характерно отсутствие значимой качественной связи между новым и прежним лидером. Примеры тому —

---

¹ Мы исходим из того, что сохранение содержательной, «понимающей» связи между научными понятиями и этими же понятиями, используемыми в общественно-политическом дискурсе, является неперемнным условием построения научных концептов.

² И здесь, в интересующем нас отношении субъектности народа, не имеют значения обвинения со стороны проигравших в неверном подсчете голосов, потому что мы исходим из необходимости разведения процедурной и сущностной, субъектной сторон рассматриваемого процесса.

устойчивая практика передачи власти в Китае в последние примерно два десятка лет и институт *dedaco* в Мексике примерно с 1940-х до 1990-х годов¹. Связь между прежним и новым лидером здесь состоит только в том, что оба они входят в правящую группу, которая по своим особым внутренним правилам и принимает решение о персоне нового лидера. Значимого, т.е. имеющего особый статус, персонального решения прежнего лидера или вовсе нет (как, видимо, в Китае), или оно имеет статус предложения «первого среди равных» (так, вероятно, в некоторых случаях было в Мексике). Мы имеем единое решение коллективного субъекта, в котором не остается места «преемнику» в духе, например, отношений между Чавесом и Мадуро. Действующего председателя КНР Си Цзиньпина называют преемником предыдущего, но только в той логике, что он буквально следует за предыдущим, занимает его место, а не в смысле, что он является персональным выбором Ху Цзиньтао. Напротив, утверждается, что они принадлежат к разным группировкам внутри единой правящей группы.

Таким образом, неконцептуализированная привязка «преемника» к «преемничеству» приводит к необходимости или исключить из рассмотрения случаи (Венесуэла), в которых, по мнению реальных общественно-политических субъектов, есть преемники, т.е. неоправданно сужать объем понятия «преемник». Или, наоборот, неоправданно его расширять на случаи (Китай), где никто в рамках сложившегося словоупотребления преемников не видит.

Каким образом можно решить эту проблему? С концептуально-логической точки зрения, если оставаться в предметном поле воспроизводства власти, возможны два варианта. Первый будет состоять в том, чтобы рассматривать «преемника» и «преемничество» как связанные разноуровневые понятия. То есть «преемник» — это конкретная реализация здесь и сейчас «преемничества» как устойчивой практики смены власти в этой стране, или за конкретным случаем «преемника» может последовать формирование такой устойчивой практики. Второй вариант состоит в том, чтобы рассматривать «преемника» и «преемничество» как самостоятельные подтипы внутри элитистского способа смены власти. Каждый из них имеет свои преимущества и недостатки

---

¹ См. подробнее: *Борисова Н.В., Сулимов К.А.* Воспроизводство власти в современной России: преемничество как инвариант? // *Политическая наука.* 2012. № 3. С. 105–124.

концептуально-логического свойства, но разбирать их нет необходимости, потому что ни один из этих способов не решает той принципиальной проблемы, которая была поставлена выше — неоправданного сужения или расширения объема понятия «преемник».

Следовательно, нужен другой путь. Он возможен в том случае, если дифференцировать исследовательское поле, различив в нем а) воспроизводство власти (смена власти) и б) смену лидера как разные предметы исследования. Разумеется, эти предметы связаны между собой и логически, и эмпирически. Смена лидера воспринимается как квинтэссенция процесса смены власти, особенно в собственно политическом измерении, т.е. в восприятии реальных действующих субъектов. Здесь сходятся ожидания, перспективы и усилия всех заинтересованных субъектов. Тем не менее очевидно, что смену лидера нельзя рассматривать как процесс, тождественный смене власти хотя бы потому, что это «более локализованный» процесс. Она не всегда означает смену власти, в том числе и в восприятии действующих субъектов. Как представляется, смена власти и смена лидера не рядоположенные и даже не равноуровневые явления, а различные ракурсы, перспективы восприятия политической реальности. Более того, воспроизводство власти — тема скорее для специализированных академических штудий, в которых предполагается выход за рамки очевидного, поиск неких глубинных объяснений политических процессов. Смена лидера, напротив, относительно легко идентифицируемый процесс в силу его физической очевидности, и он вполне может быть и является обычным предметом для обыденного дискурса.

Если так, то и концептуализация этих феноменов должна иметь разные логики. Описанная выше логика концептуализации преемничества оправдана в рамках предметного поля «воспроизводство власти», но понятию «преемник» в этом поле не находится места, оно оказывается излишним, не вписывается в концептуальную логику данного поля, а попытки «внедрить» его в это поле приводят к описанным выше концептуальным проблемам. В то же время стоит нам переместиться в другое предметное поле — смена лидера — понятие «преемник» оказывается вполне понятным и уместным. И это неудивительно: смена лидера — «родное» для термина «преемник» поле, ведь его «изначальный» смысл и есть «смена лидера»: преемник как следующий, приходящий на смену. Аналогичная ситуация и в английском языке, когда смена лидера обозначается парой понятий «predecessor — successor», т.е. «предшественник — преемник». Смена лидера в своей основе является естественным про-

цессом, это замена одного физического лица другим на той или иной лидерской (руководящей) позиции (должности) в социальном пространстве. Этот процесс происходит во всех организованных группах: сменяются президенты, губернаторы и министры, ректоры и деканы, лидеры политических партий и общественных организаций и т.п.

Разумеется, как уже отмечалось, в последние годы утвердилась и иная, более узкая коннотация термина «преемник», но и в этой коннотации преемник — один из вариантов смены лидера (правда, уже не всякой, а специфической), а отнюдь не смены власти. В чем особость этого более узкого понимания, интуитивно понятно, речь идет о некоей качественной персональной связи прежнего лидера и нового. Об интуитивной понятности свидетельствует конвенциональность использования данного понятия в общественно-политическом дискурсе последних лет. Самые разные авторы именуют «преемниками» одних политических лидеров, которые пришли на смену предшественникам (Ильхам Алиев, Николас Мадуро, Рауль Кастро и т.д.), тогда как в отношении других (Обама, Камерон, Иванишвили, Янукович и т.д.) этот термин не применяется.

Нетрудно заметить, что и в этом, более узком значении понятие «преемник» используется отнюдь не только для описания российского случая, оно применяется к значительно более широкому кругу явлений. В английском языке есть аналог этого узкого смысла — *handpicked successor*. Следовательно, есть все основания говорить о «преемнике» (в узком смысле) как особом классе явлений, а не о единичном случае. Таким образом, в этом узком смысле «преемник» — особая разновидность смены лидера, т.е. преемник в широком смысле. Тем не менее, если для общественно-политического дискурса интуитивной конвенциональности достаточно, академический дискурс предполагает более строгую концептуализацию понятий. В этой логике, определяя понятие «преемник», необходимо четко зафиксировать основания для спецификации данной разновидности (класса) феномена смены лидера и «расположить» его в ряду других классов («таксономическое развертывание»), а также, «спускаясь на ступеньку ниже в лестнице абстракции», выделить разновидности «преемников»¹.

---

¹ Таксономическое развертывание “распаковывает” концепты и играет незаменимую роль в процессе мышления, разлагая ментальные соединения на упорядоченные и удобные в обращении наборы составных единиц <...> Согласно самой логике классификации классы должны быть взаимоисключаю-

«ПРЕЕМНИК» КАК РАЗНОВИДНОСТЬ СМЕНЫ ЛИДЕРА

Мы полагаем, что адекватная концептуализация понятия «преемник» может быть получена, если рассматривать феномен смены лидера как решение, т.е. как принципиальное политическое решение. Под таким углом зрения ключевым критерием для классификации смены лидера будет ответ на вопрос, **кто является субъектом данного решения**. Соответственно, нам необходимо идентифицировать а) тип необходимого нам решения в ряду других возможных решений по поводу смены лидера — «диспозиция решений», б) тип субъекта в ряду других актуальных или потенциальных субъектов рассматриваемого процесса — «диспозиция субъектов».

Диспозиция решений в процессе смены лидера. «Смена лидера», хотя и предстает более «локализованным» явлением, нежели «смена власти», все равно является достаточно сложным, можно сказать, комплексным решением. Во-первых, по крайней мере, потенциально оно является «многоступенчатым». Логически «смена» состоит из двух «актов»: первый акт — решение по поводу «ухода прежнего лидера» (освобождение лидерской позиции), второй — решение о «приходе нового лидера» (замещение лидерской позиции). Разумеется, нередко эти два «акта» накладываются друг на друга и даже сливаются. Например, если лидер терпит поражение на выборах («уход»), это сопровождается победой («приход») нового лидера.

Следует оговориться, что речь идет не о временном измерении. В этом плане «уход» и «приход» зачастую как раз разведены, так как выборы порой лишь дают старт процессу смены лидера, и проигравший инкубент продолжает исполнять обязанности до официального вступления в должность (инаугурации) победившего кандидата. Но в данном случае нас интересует не хронология процесса, а хронология решения о смене лидера, а в случае выборов решение об «уходе» и «приходе» принимается одновременно. Тем не менее есть и противоположные случаи, когда решения по поводу «ухода» и «прихода» принимаются раздельно. Вотум недоверия правительству в парламентских

щими и в совокупности исчерпывающими, таксономическое развертывание обеспечивает упорядоченные серии четко выделенных категорий и, тем самым, основу для сбора информации соответствующей точности...» (*Сартори Дж.* Искажение концептов в сравнительной политологии // Полис. 2003. № 3. С. 74–75).

системах означает решение об его отставке. Каким будет новое правительство — по этому поводу парламент примет другое решение¹. Другой вариант — лидер покидает свою должность («уход»), например, под давлением массового движения, и в течение какого-то времени может наблюдаться вакуум власти, борьба за власть и т.д. И в этом случае решение о том, кто будет новым лидером, — отдельное решение.

Мы полагаем, что в случае «двухактности» ключевое значение имеет второй «акт». Именно «приход» означает «смену лидера» как таковую, без него процесс *смены* будет не завершен. Соответственно, при классификации смен лидера ориентироваться нужно в первую очередь на решение по вопросу о новом лидере, а решение по поводу «ухода» имеет второстепенное значение, обозначим его как «нулевое решение».

Во-вторых, несколько составляющих («стадий») явно или неявно присутствуют и «внутри» отдельных актов. Если, к примеру, новый лидер избирается, формально решение принимается в момент выборов, и субъектом решения считаются избиратели. Очевидно, однако, что есть немало случаев, когда результаты выборов «предрешены», т.е. фактическое решение было принято раньше, а формальная процедура — это не более чем «оформление» уже принятого решения. Речь идет, конечно, не только о выборах, аналогичная ситуация возможна и тогда, когда лидерская позиция замещается через процедуру назначения: далеко не всегда тот, кто подписывает указ (приказ, распоряжение и т.п.) о назначении на должность, является субъектом решения.

Но даже если формальная сторона совпадает с фактической, это не снимает вопроса, так как до данного решения были другие и не менее важные: решение о выдвижении (или самовыдвижении, номинировании, представлении и т.п. — форматы различаются в разных процедурах) кандидатуры будущего лидера, решения о его поддержке и т.д. Очевидно, без выдвижения он точно никогда не будет лидером, и именно это — «первичное решение» — следует взять за основу при классификации смен лидеров. Тогда ключевое значение приобретает вопрос, кто принял решение о выдвижении кандидатуры будущего лидера. Следует опять-таки пояснить, что речь идет не о формальном выдвижении, а о фактическом решении, которое не всегда принимает тот, кто фор-

---

¹ Правда, как известно, в мировой практике используется и так называемый «конструктивный вотум недоверия», в соответствии с которым эти два решения сливаются в одно.

мально выдвигает кандидатуру — ситуация, аналогичная упомянутому предрешенному голосованию. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что «первичное решение» — это решение по поводу того лидера, который пришел к власти. Поскольку, исследуя смену лидера, мы уже знаем, кто пришел на смену (иначе теряется предмет разговора), решения по поводу всех остальных (проигравших борьбу за власть) не имеют значения для изучения «первичного решения», даже если среди них — представители прежней власти.

В каких-то случаях «первичное решение» и будет единственным «решающим», а все остальные окажутся лишь его процедурным «оформлением». Тогда субъектом (или субъектами) решения по вопросу о новом лидере будет тот (те), кто принял «первое решение», а те, кто участвует в остальных стадиях (обсуждение, голосование, подписание акта и т.д.) теряют качество субъектов. Разумеется, так бывает далеко не всегда. Поскольку на лидерскую позицию реально рассматриваются и претендуют, ведут конкурентную борьбу разные кандидаты, следующие после «первичного» решения стадии также имеют характер решений, соответственно, увеличивается набор субъектов решения по вопросу о новом лидере. И это, несомненно, следует учитывать, разрабатывая классификацию смены лидера, но в качестве второстепенных признаков.

Таким образом, мы обозначаем «линейку» необходимых и потенциально необходимых или возможных решений в процессе смены лидера, структурировав их в две группы: решение об «уходе прежнего лидера» («нулевое решение») и решение о «приходе нового лидера». Но при этом мы должны удерживать в фокусе внимания то обстоятельство, что в современных условиях господства принципа демократической легитимности решение о «приходе нового лидера» почти всегда требует, по крайней мере, в процедурном плане, легитимации «выдвиженческих» решений элит народом. Соответственно, мы можем говорить о трех видах решений: «нулевое решение» об уходе прежнего лидера, «первичное решение» о выдвижении нового лидера и «окончательное решение» о его легитимации. Как уже было сказано, в субъектном отношении (т.е. с точки зрения принятия *фактических* решений) в процессе смены лидера безусловно необходимым из них является только «первичное решение». «Нулевого решения» как *решения* может просто не быть из-за, например, физической смерти прежнего лидера (если, конечно, например, он не был убит с целью освободить место). «Окончательное реше-

ние» может быть *предрешено*, т.е. иметь сугубо процедурное значение, или отложено, или реализовываться в разнообразных комплексных практиках легитимации «по факту» смены лидера¹.

Диспозиция субъектов решений в процессе смены лидера. Именно потому, что «нулевое» и «окончательное» решения имеют более условный характер, нежели «первичное», мы рассматриваем последнее как базовое для классификации смен лидера в интересующем нас ракурсе — концептуализации понятия «преемник». С обозначенной диспозицией решений в процессе смены лидера необходимым образом связана диспозиция возможных субъектов этих решений. В рамках концептуализации понятия «преемничество» мы исходили из наличия двух групп решающих субъектов: «элиты» и «народ». В рамках текущей задачи в «линейку» решающих субъектов мы добавляем «лидера», выделяя его из «элиты» и получая трехчастную формулу: «лидер — элита — народ». Вопрос стоит следующим образом: кто из них является (может являться) субъектом каких решений, и прежде всего, «первичного» решения?

Представляется, что «народ» необходимо рассматривать как возможного субъекта (реального или номинального) только «окончательного решения» или «нулевого», но не «первичного». «Первичное решение», если оно имеет субъектный характер, всегда остается в компетенции элит и лидеров. То есть даже если новый лидер вырос из массового движения, революционного движения, то в качестве субъекта его выдвижения («первичное решение») нужно принимать не «народ» (широкие массы), а контрэлиту как разновидность «элиты» в нашей диспозиции или его самого в логике самовыдвижения/самоназначе-

---

¹ Например, в парламентских системах смена фактического лидера страны — главы правительства — может происходить внутри правящей партии в период между выборами в национальный парламент. Случай Великобритании видится типичным в этом отношении (смена лидера Консервативной партии и «по совместительству» премьер-министра в 1990 г. Маргарет Тетчер на Джона Мейджора с последующей победой партии на выборах 1992 г.; смена лидера Лейбористской партии и «по совместительству» премьер-министра в 2007 г. Тони Блэра на Гордона Брауна с последующим проигрышем партии на выборах 2010 г.). Легитимация внутривыборного выбора народом на национальных выборах была в обоих случаях *как бы* отложена и при этом очевидно работали и другие механизмы легитимации, в том числе потому, что британцы, несмотря на достаточно высокую степень персонализации британской политики, голосуют, ориентируясь не только на личность лидера той или иной партии.

ния — как разновидность «лидера». Тем не менее «народ» как политическая категория должен остаться в комплексе диспозиций «субъекты решения процесса смены лидера», потому что именно он в современных условиях (повторимся, господства демократической легитимности) является неперменным адресатом или объектом обращения о персоне нового лидера. Иными словами, любое «первичное решение» одновременно является своеобразной офертой всем остальным, включая «народ». На это предложение может быть получен или не получен субъектный ответ, причем в обоих случаях предложение может быть принято или не принято.

«Преемник» и «апреемник». Если ключевым критерием для классификации вариантов смены лидера является субъект «первичного решения», есть все основания выделить, во-первых, такой класс, где субъектом решения является прежний лидер. Достаточно очевидно, что именно этот (и только этот!) класс можно обозначить как «преемник». Иначе говоря, только такое «первичное решение» может быть истолковано как решение о «преемнике» (разумеется, при условии, что «первичное решение» устояло в акте «окончательного решения», т.е. операция «преемник» удалась). Соответственно, все случаи, которые остаются за рамками этого класса, где субъектом «первичного решения» был кто-либо, но не прежний лидер, не будут решениями о «преемнике».

Разумеется, в эмпирической плоскости данные типы субъектов могут быть весьма разнообразными и, соответственно, по-разному классифицироваться в зависимости от решаемой задачи и избранного подхода. Можно разбить их, к примеру, на такие группы, как правящая элитная группа, оппозиционная элитная группа и контрэлита. Другой вариант — провести различие между субъектностью группы и субъектностью лидера этой группы. Речь о том, что в одних случаях следующий лидер «делает себя сам». Он, несомненно, опирается при этом на поддержку группы, но именно его активность и оказывается решающей при формировании этой группы. Тогда субъект «первичного решения» — сам следующий лидер, он — «вождь», «предводитель», порой «самозванец», «узурпатор» и т.п. В других случаях «лидера делает группа», и тогда он — «выдвиженец», «ставленник», возможно, «марионетка». Наконец, нетрудно представить ситуацию «множественности субъектов», принимающих «первичное решение». Иначе говоря, здесь невозможно бесспорно выделить единственного решающего субъекта ни исследовательски, ни политически.

Вместе с тем в рамках диспозиции «лидер — элита — народ», которая была выше обоснована как базовая для классификации вариантов смены лидера, все эти различия несущественны, а учитывая, что народ не является субъектом «первичного решения», у нас остается всего два варианта — лидер и элита — и, соответственно, два класса. В первом — один субъект (прежний лидер), во втором — самые разнообразные «элитные» субъекты и/или их комбинации (лидеры или/и группы, правящие или оппозиционные). Несмотря на то что с точки зрения содержательного разнообразия два класса выглядят не равновесно, такое выделение обосновано логикой классификации. Дать обобщенное название второму классу в силу его разнородности представляется затруднительным, поэтому условно обозначим его «апреемник».

Эта же логика объясняет и еще один момент, который может показаться сомнительным. Во второй класс попадают варианты смены лидера, очень разные по траектории властных изменений. Сюда относятся, к примеру, революции, перевороты, которые кардинально меняют конфигурацию власти, сметают прежнюю элиту, и в то же время такие мягкие случаи, когда, например, после смерти прежнего лидера его место занимает его соратник или родственник, и существенных изменений не происходит. Однако, если прежний лидер «указал», кто будет следующим после него лидером, т.е. был субъектом «первичного решения», этот случай оказывается в первом классе «преемников». Иначе говоря, очень близкие по политическим последствиям случаи оказываются в разных классах, и наоборот, очень разные — в одном. Тем не менее для целей данной классификации не имеет значения политическая ориентация того, кто пришел на смену, важно другое: был ли субъектом первичного решения лидер или «элитные акторы». При этом, разумеется, лидер — часть правящей группы, но логика в данном случае такова, что диспозиционально он выделяется отдельно, а главная характеристика этих остальных субъектов в том, что диспозиционально они — «внешние» к персоне/личности правящего лидера, в том числе и сама правящая элита, и даже ближайшее окружение лидера¹.

---

¹ Внешний актор может быть ближайшим сотрудником прежнего лидера, как, например, Гордон Браун по отношению к Тони Блэру. Важно то, что он сам (и влиятельные круги в правящей партии), а не Блэр был субъектом решения о том, что Браун сменит Блэра на лидерской позиции, и по отношению к Блэру Браун — «внешний актор».

Преемничество как вариант смены лидера. Представляется, однако, что наряду с двумя указанными классами необходимо выделить третий, который мы уже ранее концептуализировали как «преемничество». В случаях, имеющих к нему отношение (в эмпирической плоскости речь идет о случаях, подобных уже упоминавшимся камарилье в Мексике и коллективному руководству в современном Китае), тоже происходит смена лидера, но отличает этот класс от двух других особое «качество» субъекта «первичного решения», т.е. того, кто принимает это решение.

Особое «качество» этого субъекта обнаруживается в, первую очередь, в отношении диспозиции субъектов решения о смене лидерства. Очевидно (это лежит на поверхности), что в отношении этих случаев необходимо вести речь о деперсонифицированных «первичных решениях». Они не имеют в качестве источника никакой конкретной личности, персоны. Как уже было сказано, в этих случаях нет никакой необходимой субъектной связи между прежним лидером и новым. Собственно субъектная связь выстраивается между некоей правящей группой и новым лидером, которого она порождает. На этом основании видно, что такие случаи не могут попасть в класс, обозначаемый как «преемник».

Но в диспозициональном отношении эти явления необходимо выделить из второго обозначенного нами класса смены лидера. Здесь диспозициональное противопоставление лидера и правящей группы теряет смысл, поскольку они вместе составляют единый субъект в публично-политическом смысле, внутри которого персональная политическая субъектность *как бы* снята. Внутри этой группы прежний лидер, по крайней мере, в вопросе определения нового лидера (возможно, самом принципиальном вопросе самого существования группы), вообще не обладает самостоятельной персональной субъектностью. В политическом смысле он существует только как часть этой группы. Соответственно, возникает напряжение с возможностью существования внутри второго класса уже потому, что отсутствуют «внешние» к прежнему лидеру субъекты решения. Правящая группа не является в совокупности внешним субъектом решения, потому что отсутствует «внутренний», т.е. прежний лидер как субъект решения. Он предстает просто неотъемлемой частью этой группы. Именно так она выглядит со стороны — как единый, но коллективный субъект, принимающий «первичное решение» и делающий тем самым оферту всем остальным. Более

того, этот субъект не только единый внутри себя, но и единственный на публично-политическом поле, кто может сделать «сильное предложение».

Тут можно видеть, что в важном диспозициональном отношении, а именно в единственности решающего о выдвижении нового лидера субъекта, случаи «преемничества» оказываются очень близки к случаям, классифицируемым нами как «преемник». Собственно, по отношению «единственности — множественности» субъектов, имеющих отношение к «первичному решению» все разнообразие случаев смены лидера можно разделить на две группы. Возможная схема представлена ниже в таблице.

Количество решающих субъектов о персоне нового лидера	<u>Один субъект</u>				<u>Множе- ственность субъектов</u>
Тип решения в контексте диспозиции субъектов	Персональное решение		Групповое решение		
Решающий субъект	Прежний лидер	Внешний лидер	Внешняя группа	Правящая группа и прежний лидер как целое	Апреемник
Тип смены лидера	Преемник	Апреемник		Преемничество	
		Само-назначенец	Ставленник		

Таким образом, преемничество вписывается и в предметное поле «смена лидера», хотя оно, конечно, иначе преломляется в этом поле. Тем не менее это лишний раз доказывает, что эти поля сложным образом пересекаются, «взаимодействуют» друг с другом. И следует отметить, что в поле «смена лидера» между преемником и преемничеством мы видим не только отмеченное выше родство, но и значимое напряжение, даже «классовое различие», поскольку они относятся к различным классам. Преемники появляются как результат субъектного — по существу волюнтаристского — решения прежнего лидера. Корни преемни-

чества как варианта смены лидера — в преемничестве как модели воспроизводства власти, и это приводит к совершенно особому варианту смены лидера. Здесь взаимодействия между членами правящей группы, которая выступает как единый субъект, в достаточно высокой степени институционализированы и происходят в соответствии с институциональными установлениями предписывающего типа¹. Иначе говоря, институциональная среда такова, что пространство волюнтаристских решений для отдельных акторов фактически сводится к минимуму.

«Серая зона». Разумеется, в реальности всегда имеет место «серая зона» — случаи, которые находятся «между» («в промежутке») этими двумя классами. Здесь властная конфигурация такова, что и прежний лидер, и внешние акторы вносят значимый «вклад» в «первичное решение» вопроса о новом лидере. По крайней мере, такую возможность необходимо зарезервировать, имея в виду, что в некоторых случаях эмпирически не удастся определить соотношение значимости прежнего лидера и внешних акторов. Впрочем, это отнюдь не означает, что необходимо выделять еще один класс смены лидера по этому основанию. Эта зона выглядит неопределенной и «серой» скорее в исследовательском ракурсе, нежели в реально-политическом. Граница между двумя классами определяется логикой классификации, точнее, тем критерием, который положен в основу классификации. Отнесение же эмпирических случаев к тому или иному классу, в конечном счете, определяется ответом на вопрос о том, является ли достаточно очевидным в публично-политическом смысле, что ключевую роль в определении персоны нового лидера сыграл прежний лидер или нет². Иначе говоря, любое значимое сомнение в том, что ключевое решение принадлежало прежнему лидеру, имеет смысл трактовать таким образом, что новый лидер не является преемником.

---

¹ Здесь уместно сослаться на «Граматику институтов» Сидни Крауфорд и Элинора Остром, где проводится модальное различие между предписывающими, разрешающими и запрещающими институциональными установлениями (*Crawford S., Ostrom E. A Grammar of Institutions // American Political Science Review. 1995. Vol. 89. No. 3. P. 582–600*).

² В том же случае, если ответ на этот вопрос сам становится предметом политической борьбы, то он просто трансформируется в вопрос о том, кто обладает достаточной силой, чтобы навязать остальным собственное представление о реальности.

К этому необходимо добавить, что в рамках данной логики преемники могут обнаруживаться и в демократических системах, т.е. когда очевидным субъектом «первичного решения» становится прежний лидер. Правда, такое бывает, конечно, нечасто в силу множественности акторов, чья позиция в таких системах имеет значение. И даже если сложилась ситуация безусловного доминирования одного из акторов, что случается, хотя и нечасто, то он или может не иметь в этой системе стимулов к определению преемника или институциональные условия не благоприятствуют этому. В этом плане показателен сам термин *hand-picked* — «поставленный вручную». Вручную в демократических системах ставить кого-либо сложно, потому что это предполагало бы почти полную пассивность других представителей правящей группы и других элитных групп¹.

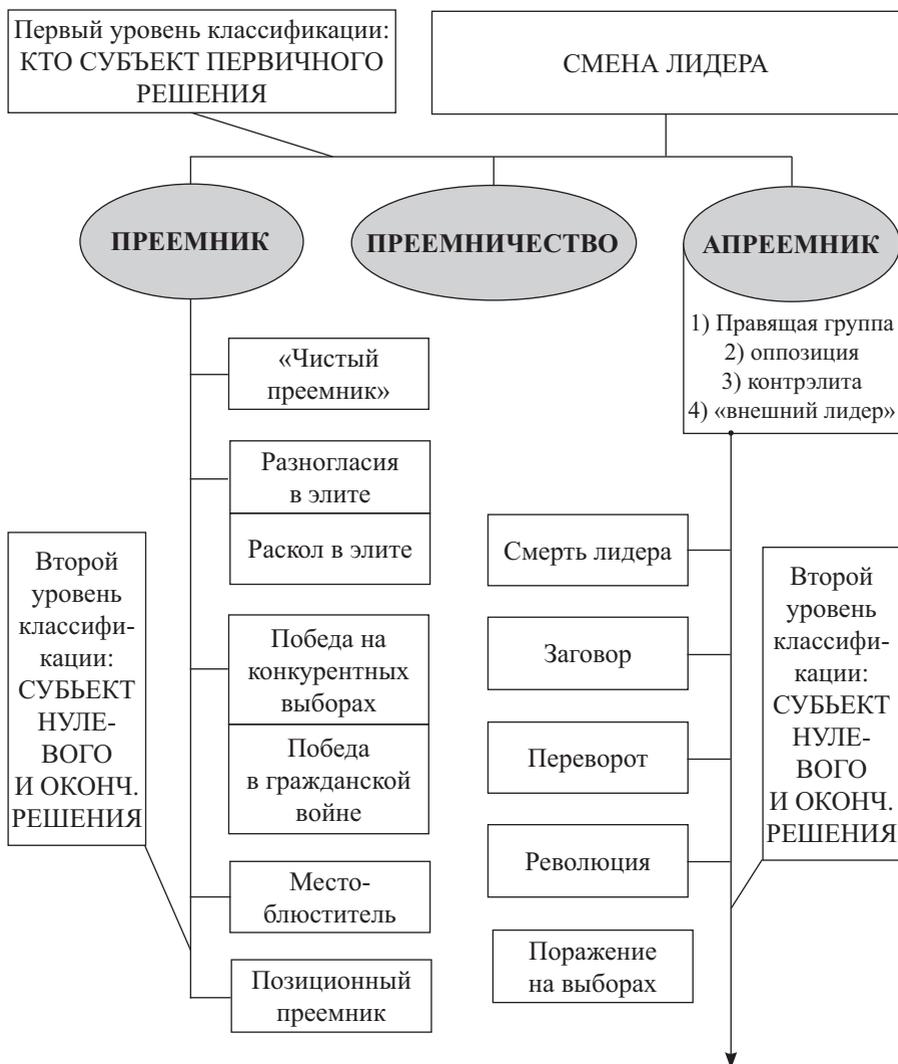
РАЗНОВИДНОСТИ ПРЕЕМНИКОВ

Таким образом, мы имеем три класса вариантов смены лидера. Соответствующая таксономия представлена на схеме. Базовый критерий для классификации — субъект «первичного решения». Характеристики субъектности «нулевого» и «окончательного решений» — второстепенные критерии, на основе которых можно спуститься на уровень ниже и выделить подклассы смены лидера. Поскольку в отношении этих решений приоритета какого-то одного из них не просматривается, на

---

¹ Возможно, хорошим примером здесь (а также в отношении возможной интерпретации «серой зоны») может быть случай смены премьер-министра Великобритании в 1990 г. — Маргарет Тетчер на Джона Мейджора. Он очевидно отличается от случая с парой Блэр — Браун уже тем, что Мейджор сделал головокружительную карьеру именно в эпоху лидерства Тетчер. И в каком-то смысле она, видимо, благоволила ему и даже прямо поддерживала. Более того, на выборах нового лидера партии она сделала недвусмысленную ставку именно на Мейджора и даже сама обзванивала часть парламентариев из числа ее собственных сторонников (см. подробнее: *Перегудов С.П.* Тэтчер и тэтчеризм. М: Наука, 1996. 301 с.). Но также не вызывает сомнений, что к решающему моменту Мейджор уже вырос в самостоятельную фигуру и — главное — рассматривался в качестве одного из фаворитов безотносительно к тому, поддержит его прежний лидер на выборах или нет. Тетчер же выступала в этой ситуации как очень сильный, но всего лишь один из акторов, заинтересованных в исходе дела. Единственная, но значимая, неопределенность задается в данном случае вопросом о том, мог ли Мейджор победить без поддержки Тетчер?

основе каждого из них могут быть выделены свои подклассы. В предлагаемой схеме подклассы развернуты неполностью. Мы сочли достаточным привести лишь несколько примеров, которые позволяют представить, в каком направлении возможно дальнейшее развертывание классификации.

Что касается преемников, рассмотрим их разновидности более подробно. Для этого необходимо, в первую очередь, наметить наборы возможных вариантов по каждому из двух второстепенных решений.

«Нулевое решение». Прежде всего, следует заметить, что смена лидера происходит в определенных обстоятельствах, которые также могут существенно влиять на решение вопроса о том, кто является субъектом решения. Если, например, лидер умирает естественной смертью или физически неспособен осуществлять свои полномочия, очевидно, никакого субъекта решения в части «акта ухода» здесь просто нет, но из этого, однако, совсем не следует, что прежний лидер не может быть субъектом «первичного решения». Он может оставить своего рода «политическое завещание», назвав кого-то своим преемником. Поэтому преемники могут иметь место и в тех случаях, когда нет субъекта «нулевого решения». Разумеется, при этом необходимо, чтобы «завещание» было исполнено, но это уже связано с «окончательным решением».

Следующий вариант «нулевого решения» — добровольная отставка — не требует специальных комментариев: здесь субъектом является сам прежний лидер.

Далее надо учесть и такую возможность, когда существуют какие-либо институциональные ограничения на занятие лидерской позиции, например типичное в современном мире ограничение на количество сроков полномочий для президентов или предельный возраст («пенсионный возраст»). Прежний лидер может покинуть должность, следуя этим правилам, что также ставит под вопрос наличие некоего субъекта «нулевого решения». Необходимо оговориться, что в данном случае возможны разные интерпретации. Там, где следование правилу происходит на уровне несомненности, безусловности, это означает *как бы* отказ от субъектности¹. В то же время хорошо известны случаи, когда ответ на вопрос, следовать институциональному ограничению или нет, был отнюдь не очевидным. Многие политические лидеры, сталкиваясь с подобными ограничениями, прилагали усилия (и зачастую успешные), чтобы отменить или как-то обойти их. Но даже если, в конце концов, они по тем или иным причинам принимали решение подчиниться правилам, это, безусловно, было субъектное решение.

---

¹ Если понимать субъектность как дискретную и всегда неполную, незавершенную сущность. Иначе говоря, бессубъектность в вопросе смены лидера не означает бессубъектность в других вопросах, моментах времени и т.д.

Наконец, «принудительная отставка», т.е. уход с должности под давлением правящей группы. Данный случай может сопровождаться некой договоренностью о том, что, уходя, прежний лидер «указывает» на преемника, и правящая группа принимает это решение. В этом случае субъект нулевого решения — правящая группа, а «первичного» — прежний лидер.

Все остальные варианты «нулевого решения», а их достаточно много — навязанная отставка без возможности «выбрать преемника», переворот, революция, поражение на выборах и т.д. — даже логически, а тем более эмпирически не допускают вероятности того, что прежний лидер может быть субъектом «первичного решения». Соответственно, они не ведут к появлению преемника.

В дополнении к сказанному следует обратить внимание на еще один нюанс, связанный с «нулевым решением». В некоторых случаях «нулевые решения» оказываются *не совсем* настоящими, поскольку прежний лидер *не совсем* «уходит». Во-первых, «уход» может быть временным, т.е. он на время оставляет должность «в руках» преемника, но затем возвращается обратно. Смена лидера, строго говоря, при этом имеет место, и каждый цикл этой смены по отдельности можно рассматривать в логике преемника. И для этого есть все основания, поскольку в рамках каждого цикла никогда нет гарантии, что прежний лидер вернется. Тем не менее, зная «результат» нескольких циклов, мы понимаем, что это весьма специфический вариант смены лидера. Как представляется, для него вполне уместным будет такое обозначение как *местоблюститель*.

Во-вторых, прежний лидер не совсем уходит в том смысле, что, оставляя преемника на своей позиции, он занимает другую позицию (должность). Как известно, значимость политической лидерской позиции в современном мире определяется как конституционными характеристиками организации публичной власти («конституционный дизайн»), так и реальным соотношением сил, ресурсов и т.д. Изменение одной из этих переменных кардинально меняет конфигурацию власти, и это может использоваться «прежними лидерами». В частности, можно передать позицию президента страны преемнику, но при этом изменить конституцию и вместо президентской модели ввести парламентскую, а затем занять позицию премьер-министра. Формально смена лидера при этом происходит (на президентскую позицию приходит преемник), но фактически власть сохраняется в руках прежнего лидера,

который «всего лишь» сменил позицию. Аналогичные метаморфозы возможны (хотя и более сложны в плане реализации) и без конституционных реформ. Например, в силу того, что прежний лидер, переместившись на другую позицию, сохраняет мощные персональные ресурсы, он продолжит играть ведущую роль, несмотря на то что его позицию занял преемник. Этот вариант уместно обозначить как *«позиционный преемник»*.

«Окончательное решение». Здесь круг вариантов также весьма ограничен. «Самым чистым» можно назвать случай, когда «первичное решение», собственно, и является окончательным. Иными словами, никто не осмеливается поставить под сомнение решение, принятое уходящим лидером.

Судя по всему, шансы на этот вариант возрастают, если он жив, в случае смерти появление оппозиции решению лидера более вероятно, и здесь мы имеем второй вариант. Сомнения в отношении кандидатуры преемника в рамках правящей группы ведут к тому, что элитные группы приобретают качество субъектности. Для будущего лидера (преемника) в этих условиях становится важна поддержка не только своего предшественника, но и правящей группы. Разумеется, накал борьбы внутри правящей группы по поводу кандидатуры преемника может быть очень разным. В одних случаях небольшую группу несогласных изолируют и устраняют либо, наоборот, договариваются с ними на каких-то условиях, в других происходит раскол правящей элиты. Как бы ни развивались события, для исследуемого класса смены лидера характерно то, что в конечном итоге намеченный прежним лидером преемник должен победить, иначе случай выйдет за рамки данного сценария. Степень включенности элиты в принятие «окончательного решения» — важный момент для эмпирического исследования, но для классификации решающим является сам факт субъектности элиты, а все остальное — вариации «внутри» этой разновидности.

Накал борьбы в правящей группе может быть столь интенсивным, что выходит за рамки внутриэлитных отношений. Известны случаи, когда внутриэлитные разногласия по вопросу о преемнике приводили к гражданской войне. Это значит, что «на арену» выходят широкие массы населения, и тогда мы имеем еще один вариант «окончательного решения», когда субъектом являются не только элиты, но и народ. Очевидно, он связан не только с гражданской войной. Народ (а также оппозиционная элита) становятся значимым субъектом «окончательно-

го решения» и тогда, когда, например, преемник занимает должность в результате конкурентных выборов. Оговоримся еще раз, в современных условиях господства демократической легитимности народ всегда является адресатом или объектом обращения о персоне нового лидера, и в этом смысле он явно или неявно «участвует» в смене лидера. Но в данном случае мы говорим именно о его субъектности, а она проявляется далеко не всегда.

А.И. Соловьев

СЕТЕВАЯ ЭТИКА ПРАВЯЩЕГО КЛАССА В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

В статье раскрывается роль этических норм и принципов политико-административных сетей в механизмах принятия государственных решений в современной России. Показывается, что комплекс этических ориентиров ряда таких ассоциаций не только оправдывает и направляет их управленческую деятельность, но и переключает активность государственных институтов на корпоративные и партикулярные интересы правящего класса. Этот этический комплекс способствует распространению принципов негражданственности, препятствует формам общественного контроля за управленческой деятельностью, влияет на символическую политику правящего режима в целях умиротворения общественного мнения. В этой связи определяются задачи, которые стоят перед российским обществом в части преодоления пагубного влияния сетевых ассоциаций.

Ключевые слова: *сети, этические нормы и принципы, правящий класс, политические элиты, государственное управление, административная рента, коррупция, гражданская активность.*

Государственное управление было и остается высшей формой политического процесса, скрывающего в своей структуре наиболее важное для общества ядро его взаимоотношений с властью, а именно — механизм принятия решений. В то же время практический опыт убедительно показал, что формально-правовые, институциональные параметры этого процесса не вполне адекватно отражают его существо, изначально пронизанное многочисленными неформальными связями¹. Именно эти неинституциональные, субъективные факторы организации политико-административных процессов определяют не только формы, но и характер функционирования государства, а нередко и основные механизмы саморазвития политической сферы.

Понятно, однако, что неинституциональные характеристики взаимодействия управляющих включены в сложную комбинацию полити-

---

¹ См.: *Morçöl G. Decision Making: An Overview of Theories, Contexts, and Methods // Handbook of Decision Making / ed. by G. Morçöl. Boca Raton: CRC/Taylor & Francis, 2007; Соловьев А.И. Принятие и исполнение государственных решений. М.: Аспект Пресс, 2014 и др.*

ко-административных институтов и возникающих естественным образом в деловом пространстве сетевых конструкций, организующих кооперацию и координацию игроков, обладающих как статусными, так и фактическими позициями в управлении государством. При этом именно сетевые конструкции следует признать наиболее влиятельными игроками в системе государственного управления¹. Ведь практически во всех случаях именно сетевое влияние способствует привлечению или «отвлечению внимания» государства «от конкретных вопросов», в итоге определяя, какие вопросы должны попасть или не попасть «в верхние строчки политической повестки дня»². В развитии своих возможностей эти «невидимые обществу» коалиции (нередко функционирующие «с минимальным участием политиков и высших государственных управленцев») контролируют «вопросы на уровне государства» и доминируют при решении конкретных проблем³.

Иначе говоря, в зоне принятия решений сети представляют собой те сегменты правящего класса, которые обладают решающим влиянием на формальные центры государственной власти (а следовательно, являются и самой властью). Взаимодействуя с формальными структурами, соединяя статусные и нестатусные позиции своих членов, сети превращаются в некие «переплетенные институты» (Н. Лауманн, У. Кноке), играющие ключевые роли на разных социальных аренах. При этом они действуют не как «опосредующие власти» или «промежуточные тела» между государством и обществом (Ш. Монтескье), а как ассоциации, для которых не существует понятий срединности, представительности чьих-то, помимо собственных, интересов, а следовательно, и понятий партийной или политической ответственности, а подчас и гражданско-го долга.

Сетевые ассоциации создают в управлении государством особую социальную ткань, ту проникающую во все уголки целеполагания систему взаимодействий, которая подтягивает в зону принятия решений только тех игроков, которые обладают определенными ресурсами и придерживаются неформальных договоренностей относительно ре-

---

¹ См.: Михайлова О.В. Сети в политике и государственном управлении. М.: Университетская книга, 2013.

² Cairney P. Understanding public policy: theories and issues. Houndmills, Basingstoke, Hampshire; N.Y.: Palgrave Macmillan, 2012. P. 8.

³ Ibid. P. 12.

шаемой задачи. Благодаря неформальным основаниям самоорганизации сети образуют не жесткие «кольца Сатурна», а весьма подвижные конструкции, которые динамично меняют как свои внутренние коммуникации (от сговора до конфликта), так и реальные диспозиции в процессе принятия государственных решений.

Однако деловой функционал сетей зависит не только от их позиционирования в зоне принятия решений, но и от *направленности* целевого распределения ресурсов. Ведь в конечном счете сети и являются перераспределительными коалициями, направляющими потоки государственных ресурсов по нужным социальным адресам. Именно для этого они и выстраивают сложные цепочки целеполагания, осуществляя направленные инвестиции социального и политического капитала в кооперативные связи своих агентов и государственных институтов.

Понятно, что сама возможность выбора различных траекторий для ресурсных потоков придает сетевому функционалу извечную неопределенность, а следовательно, и обуславливает постоянную непросчитываемость фактических действий этих альянсов и коалиций. Собственно, это положение и демонстрирует принципиальную роль субъективного фактора, который профилирует сетевую активность, придавая ей четкую социальную направленность.

В целом функциональная мощь сетевой субъективности обладает бинарным характером, т.е. содержит внутреннюю развилку их деятельности, демонстрирующую способность этих ассоциаций либо к учету общегражданских интересов, либо к их игнорированию. Так, сети (используя сговор, сделки, манипуляции, выборочное применение законов и даже физическое устранение конкурентов) могут превратить систему государственного управления в структуру прикрытия своих узко групповых целей. В этом случае в своем логическом пределе сетевое могущество правящего класса, способно превратить государство в «стационарного бандита» (М. Олсон) или в централизованную и внутренне дифференцированную организацию рэкетиров, контролирующих производство услуг безопасности на данной территории (Ч. Тилли)¹. Между тем логика сетевых действий может создать все возможности для необходимого обществу устранения административных барьеров на

---

¹ См.: *Tilly Ch. War Making and State Making as Organized Crime // Bringing the state back in / ed. by P.B. Evans, D. Rueschemeyer, T. Skocpol. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 1985.*

пути реализации общегражданских интересов и наиболее полного выражения целей социально справедливой государственной политики.

И хотя следует признать, что органическая слабость организационного контроля в государстве (практическая невозможность наложения каких-либо существенных ограничений на неформальные контакты в правящем классе) в основном активизирует внутригрупповые и партикулярные ориентиры сетевых сообществ, все же чисто теоретически нельзя исключать и общесоциальной направленности их активности.

В то же время, признавая принципиальную роль субъективных оснований сетевой деятельности, нужно подчеркнуть, что их содержание (ценностные ориентации, морально-этические принципы, психологические установки и пр.) в основном обусловлено тем, что сети как управленческие ассоциации основаны на временных, неформальных договоренностях и потому представляют собой совокупность определенных *контрактов*, исполняемых заинтересованными агентами. И именно через эту предметную призму преломляются все представления о самосохранении ассоциаций (обеспечении безопасности), целесообразности совместных действий, а также иные воззрения. Так что именно цель и стоящие за нею ресурсы профилируют любые представления сетевых участников.

Таким образом, проектный профиль деятельности побуждает у сетевых агентов не абстрактные, а *инструментальные* ценности (М. Рокич), т.е. те идеи и верования, которые обладают *регулятивным* характером (Р. Будон) или, другими словами, обуславливают границы допустимых для них действий и используемые ими методы достижения цели. Проектная одержимость или инструментальное смыслонаделение целей, собственно, и обуславливает мобилизационный характер действий участников сети. Будучи реальными, а не номинальными проектировщиками решений, они закладывают в них те смыслы и представления (демонстрирующие отношение их участников к своим фактическим позициям), которые *de facto* становятся ориентирами деятельности государственных институтов.

Благодаря этой ориентации сетевые коалиции в большей степени озабочены определением *средств* получения искомого результата, предоставляемых им в рамках их коридора возможностей. В силу этого принципы и установки сетей в большей степени сориентированы не на понимание того, *что* им (а следовательно, и государству) необходимо делать, а на то, *как* достичь собственных интересов наиболее опти-

мальным и безопасным для себя образом. Другими словами, тот факт, что смысловые образы и ориентиры сетевых сообществ уточняются сугубо конъюнктурным образом (что одновременно аттестует сети как результат непрерывной конференции их участников, постоянно оценивающих и переоценивающих свои реальные возможности), объективно ограничивает возможности стратегического проектирования в государстве, сужает его долгосрочные управленческие перспективы.

Подчеркнем это положение еще раз: сетевая этика формируется не в связи с пониманием возможностей реализации собственного проекта (в сочетании с состоянием или перспективами движения общества), а исключительно с озабоченностью тем, *как* использовать имеющиеся возможности для реализации групповых промыслов в сложившейся ситуации. Такой смысловой рефрен не только исключает моральный выбор при постановке целей (вариативность соотнесения групповых и общественных целей), но и занимает нейтральную позицию по отношению к развитию и иным параметрам общественного порядка (впрочем, кроме стабильности). Поэтому для сетей деловым приоритетом является не конструирование нового, не расширение горизонта будущего, не установка на развитие, а стремление к воспроизводству сложившегося порядка и перераспределение ресурсов. Закладываемая в основании национальных стратегий сетевая этика становится инструментом профилирования государства по преимуществу на перераспределительный тип функционирования.

Конечно, чисто теоретически следует признать, что этическая миссия сетей, состоящая в поддержании корпоративных целей, может находиться в различных отношениях с общегражданскими интересами и даже, в случае частичного совпадения, может открывать серьезные перспективы для развития государства и общества. Однако опыт показывает, что это весьма нечасто встречающиеся варианты.

По сути, сетевая этика — это та форма эволюции общественной морали, которая не способна преодолеть границы корпоративного видения (и внутреннего оправдания) общегражданских интересов. Это форма этического видения общества и его интересов через призму группового сообщества, малой контактной группы, где нет отщепенцев и оппортунистов, выпадающих из коллектива, нацеленного на конкретный результат. В то же время абсолютный приоритет целедостижения (и одновременно конкуренции с другими коалициями) формирует в сетях тот круговой контроль и внутренний надзор (в виде

«братской помощи»), который заменяет и моральные, и правовые ограничители.

Причем преобладающая ориентация сетевых сообществ на средства достижения цели не предполагает активизацию всего духовного потенциала своих участников, и потому эти ассоциации не стремятся подмять под себя личную жизнь человека. Поэтому в сетях складывается «однобокая» индивидуальность агентов, предполагающая исключительную ориентацию на достижение групповых целей. Такой функциональный интерес к актору отражает установку не на то, чтобы совместно жить (существовать, коммуницировать, общаться), а всего лишь на совместное решение конкретной задачи. В силу этого сетевая идентификация участников ограничивается конкретным «деловым партнерством», в значительной степени нивелирующим нормы общественной морали, понятия права и даже персональный эгоизм.

Конечно, сетевая этика как комплекс инструментальных, морально оправданных установок конкретных действий не является механическим отражением корпоративных интересов. Сетевым представлениям также свойственна и определенная нелинейность в формировании представлений, и многообразие, и внутренняя неопределенность. В этих воззрениях в той или иной степени резонируют институциональные нормы и публичные ценности. Однако при всех вариантах здесь преобладает «кодекс товарищества», закон делового «братства», той «команды», интересы и действия которой направлены против конкурентов и чужаков¹.

В этом смысле крайне важно понять, что у сетей как первичной формы самоорганизации правящего класса всегда существует возможность либо стать *релевантными представителями элиты* (как ответственной структуры, обеспечивающей связи государства и общества, превращающей их «вершины» в полноценных политических лидеров), либо превратиться в *теневой механизм корпоративного эгоизма*, игнорирующего принципы гражданского сообщества (и снимающего все моральные ограничения вплоть до оправдания использования террора).

Иначе говоря, сам факт наличия сетей как естественной платформы принятия государственных решений не говорит о характере их деятельности, способности инвестировать в этот процесс тот или иной социаль-

---

¹ Бочаров В.В. Российская власть в политико-антропологической перспективе // Полис. 2011. № 6. С. 89.

но-политический капитал. Так что сетевой ландшафт, складывающийся в зоне принятия решений, следует рассматривать как своеобразную форму контактов внутри правящего класса, формирующих в государстве некую коммуникативную конструкцию, которая может придавать государственной власти как общественный, так и антиобщественный характер. Действуя в границах определенных арен и озвучивая свои решения в качестве государственных, сети являются глашатаями государственной политики (за которую они по сути не несут ответственности). И в этом смысле за сетями следует признавать статус не эпифеноменальных структур власти и управления, а самой власти.

Очень важно понять, что сетевая архитектура принятия решений демонстрирует, что государственное управление в принципе *не обладает единой социальной направленностью и не гарантирует сохранение в государстве общественного характера власти* на его суверенной территории. Сила этих автономных структур способна переориентировать деятельность его институтов, подчинив официальные нормы корпоративным ценностям и даже поглотить гражданские основания государственной власти.

В любом случае можно констатировать, что благодаря своим субъективным основаниям сети способны ломать логику функционального (представительского) взаимодействия государства и общества, превращаясь в главный тумблер, переключающий деятельность государственных органов на общественные интересы с частных и наоборот. Причем такие возможности сохраняются у сетей на любых социальных площадках, в том числе и наднациональных, на которые распространяется их фактическое влияние. В этом смысле национальные государства — это те же частные арены, которые контролируются менее ресурсно обеспеченными и низко позиционированными сетями (по сравнению с коалициями, способными влиять на центры принятия решений глобального и трансграничного уровня).

Сказанное позволяет констатировать, что сети — это референт государства как актора, принимающего решения, как структуры, которая в рамках своей активности перераспределяет ресурсы и статусы. Сетевые сообщества не несут ответственности перед обществом, но именно они определяют реальный режим правления, формируя ту управленческую реальность, которая свидетельствует о фактических принципах и приоритетах государства. И это неудивительно, ибо, действуя внутри и поверх институтов государственного управления, сети отражают тот

баланс сил, который предопределяет соответствующий профиль и характер конкретных решений.

Заметим, что этот характер сетевой организации и направленность их ролевого функционала особенно заметны в переходных системах, в слабых государствах, где у общества не существует возможностей противостоять циничному переделу собственности и асимметричному перераспределению сетями общественных ресурсов. К примеру, хорошо известно, что в России за короткий срок выросла (и продолжает расти) прослойка миллиардеров, аттестующая тот рукотворный «капитализм для своих», который построили «питерцы», «друзья Путина», члены «кооператива Озеро», «силовики» и другие ассоциации правящего класса, обволакивающие официальные структуры и вертикали власти различными формами «партнерского» влияния. Не случайно нынешнее российское государство не без оснований воспринимается многими людьми всего лишь как «наиболее мощная группировка по оказанию услуг безопасности», выделившаяся на «арене борьбы коалиций и клик силовиков», а также иных корпораций, предлагающих аналогичные услуги¹.

Понятно, однако, что все сложные сетевые коммуникации, протекающие в политико-административных и бизнес-политических недрах государства, в публичной форме всегда имеют одно и то же *простое* и *позитивное* выражение: независимо от содержания преследуемых сетевыми ассоциациями целей, последние постоянно облагораживаются в формах символической политики властей, скрывая возможные риски и сигнализируя обществу об исключительно позитивной направленности действий правительства и эффективной реализации общественных благ. И такое положениешний раз показывает высокую стоимость информационной поддержки управленческих действий, также находящихся под контролем правящего класса, позиционирующего свои проекты и интересы как общественно полезные и целесообразные. Поэтому, утилизируя корпоративную мораль, сетевые ассоциации всегда сохраняют публичный образ оптимистичной и социально направленной политики государства.

Сказанное особенно важно для современной России, где в системе управления государством можно констатировать полное господство

---

¹ Харкордин О. Основные понятия российской политики. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 108.

сетевых, причем монопольных коалиций, деформирующих как систему госрегулирования, так и политическую систему общества. Низкая эффективность институтов власти и управления (и даже утрата частью из них своего общегражданского содержания), закрытый от общественности механизм принятия решений, декоративная система представительства гражданских интересов и непроходимая «стена согласований» для низовых инициатив, чудовищная коррупция, ритуальный характер публичных дискуссий, периодические репрессии против гражданских активистов, катастрофический разрыв в доходах и уровне жизни простых и «приближенных» к власти слоев населения — все это наглядно демонстрирует господство латентного сетевого госрегулирования.

По сути, вместо стандартных — централизованных — форм госрегулирования в России сложилось *горизонтальное саморегулирование* политико-административных сетей, каждая из которых обладает собственным доступом к правосудию, силовым ресурсам и т.д. Даже пресловутая «вертикаль власти» превратилась в средство обеспечения господствующего положения монопольных сетей, позволяющих им не только доминировать при разработке решений, но и избегать гражданско-правового контроля. Неудивительно, что, даже не претендуя на официальные привилегии, доминирующие сети просто присваивают себе те ресурсы, которые они в данный момент в состоянии присвоить.

Опираясь на опыт двух последних десятилетий, можно утверждать, что под влиянием монопольных сетей правящего класса в России сложилась «новая логика государственного управления»¹. И дело не просто в том, что официальные институты охраняют сетевые коммуникации, расширяя деловое пространство для этих коалиций (защищают сетевых агентов от правового контроля, поддерживают неформальные цепочки административного рекрутинга, ограничивающие политические места во власти для общественности, обеспечивают коммуникации сетей со спецслужбами и судебными структурами, сужают поле гражданского активизма и т.д.) и обеспечивая им дальнейшие возможности для присвоения ресурсов.

Представляется, что сегодня есть основания ставить вопрос более принципиально. На наш взгляд, сложившаяся в России ситуация свидетельствует о том, что в системе государственного управления действу-

---

¹ Волкова А.В. Публичные ценности и система государственного управления. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. С. 36.

ют *новые агенты*, обладающие особым функционалом и формирующие особый тип отношений государства и общества. Думается, что в этом смысле можно говорить уже не о политической элите в традиционном смысле слова, а о *постэлитарных акторах* (группе сетевых «вершин» и активистов), которые выключены из механизмов представительства общественных интересов и не связаны обязательствами перед гражданским населением. Это те агенты, которые сформировались в результате межсетевых коммуникаций в зоне принятия решений (фактического правления и распределения ресурсов), превратившихся в инструмент *внешнего* контроля за представительством гражданских интересов и разорвавших отношения «демократической подотчетности органов власти»¹. При этом для таких постэлитарных акторов в одинаковой мере неприемлема ни этика ответственности (порождаемая механизмами представительства и подотчетности в системе власти), ни этика убеждения (в силу меняющихся ориентиров в связи с каждым новым проектом).

Таким образом, управление российским государством становится сферой взаимодействия как минимум двух типов представителей правящего класса — политической (функционально ответственной перед гражданами) элиты и политико-административных (бизнес-политических) «вершин» сетевых ассоциаций. И сегодня в качестве предварительного итога этого противоборства уже можно наблюдать как российское государство постепенно превращается в набор технико-организационных средств реализации сетевых проектов, а общество — в объединение лиц, покрывающих издержки такого типа правления.

Однако не углубляясь в макрохарактеристику правящего класса, заметим, что, несмотря на эти внутренние трансформации, сети как управленческие структуры практически не идентифицированы в публичном пространстве. Понятно, что это результат официальной символической политики. Правда, выполняя функции самолегитимации правящего режима, эта информационная активность государства вступает в острый конфликт с публичными ценностями (т.е. нормативными представлениями общества о роли государства, деятельности аппарата, характере администрирования, принципах служебной деятельности госаппарата, которые позиционируют его как инструмент общественной власти). И хотя объективно заложенный в них приоритет обще-

---

¹ Handbook of public administration / ed. by B.G. Peters & J. Pierre. T. Oaks. CA: SAGE Publications, 2007. P. 17.

ственного блага (надежды на справедливость правления и ответственность управляющих, призвание чиновников служить не лицу, а государству и др.) должен объединять элитарные и неэлитарные слои (М. Мур), тем не менее в российском обществе эта нормативность никак не обретет «инструментальный характер»¹ в государственном управлении. Напротив, принципы сетевой этики, а пуще всего очевидная для людей «незаинтересованная преданность [чиновников, политиков, влиятельных фигур] общим интересам» (П. Бурдые) превращается для граждан в «повелевающую силу наглядного поведения» (К. Гирц) правящего класса, становясь мерилom государственных действий.

Даже за завесой официальной пропаганды люди видят демонстративное отсутствие у этих управляющих чувства вины, их неготовность откладывать на потом собственное потребление, их неограниченность в запросах и лишенный стыда эгоизм. Наблюдаемый стиль поведения управляющих и бизнес-фигур разлагает глубинные источники гражданства, в силу чего в сознании многих людей государство превращается в форму личного правления, которая утрачивает дух «отечества», где личность человека уважается, а не используется для достижения благ руководителями и их приближенными.

Впрочем, для немалого числа людей сетевые принципы становятся одним из *очагов этического притяжения*. Немало граждан (особенно испытывающих идентификационные проблемы) с готовностью перенимает нормы царящей наверху вседозволенности и безответственности «начальников», их неготовности подчиняться общим нормам и правилам. Так, в массовом сознании широко распространено отношение к коррупции как к естественному правилу игры, некоей обоснованной плате за подключение к системе распределения ресурсов. Немало предприимчивых людей заражаются и форбс-идеологией (убеждениями тех бизнесменов от политики, кто в России только зарабатывает, а деньги и семьи хранит за рубежом), увеличивая число тех, кто мечтает включиться в неподсудный механизм обретения благ.

Усугубляет ситуацию и то, что официальные идеи транслируются в массовом сознании «в чрезвычайно путаной и неясной форме»². Это

---

¹ *Morell K. Governance and Public Good // Public Administration. 2009. Vol. 87. No. 3. P. 543.*

² *Шестопал Е.Б. Ценностные характеристики российского политического процесса и стратегия развития страны // Полис. 2014. № 2. С. 62.*

усиливает в массовом сознании ценностный релятивизм и дезориентирует население в вопросе о подлинных целях и приоритетах власти. В обществе, где люди не могут соотнести декларации и реальную политику, «автоматически» усиливается влияние патримониальной психологии и консерватизма (причем в его фундаменталистской версии, означающей не пристрастие людей к сохранению традиций, а скепсис по отношению к демократическим нормам политической системы и развитию как таковому). Разлагая «дух гражданской нации», такая политика элиминирует чувства всеобщности из идейного пространства социума.

Коротко говоря, прикрывая сетевой эгоизм, символическая политика искажает «искусственную душу» государства, обуславливающую единство власти и населения, разрушает личную связь гражданина и правящей элиты, не позволяет людям ощущать близость интересов, внутреннее единство и позитивную направленность гражданской кооперации (хотя, заметим, это нисколько не травмирует монолитный характер сетевой идентичности, уверенно сохраняющей приоритеты корпоративного эгоизма значительной части правящего класса). Поднимаемая этой политикой волна постимперской травматической морали не дает прорасти новой системе массовых ценностей, сохраняя органическую притерпелость людей к политическому и административному произволу. Она формирует в обществе настроения диссенсуса, квазисолидарности с целями государства, углубляет раскол между культурными полюсами российского социума.

В конечном счете, сетевой госменеджмент продуцирует распространение настроений и убеждений, не столько имитирующих гражданственность, сколько демонстрирующих племенную *архаическую гражданственность*, еще не испытавшую достоинств институализации власти и общественного правления. По сути, сетевая этика, как вирус, проникая в различные сегменты массового сознания, формирует психологию *негражданственности*, разрушающую социальность как форму единства государства и общества. Этот эндогенный фактор, способствуя эрозии общественной морали и противопоставляя элитарную и народную культуры, по сути разламывает общество по его духовной вертикали. А в конечном счете, в еще большей степени снижает роль публичных структур и механизмов в управлении государством.

Рискну предположить, что если в этой атмосфере и появится новая когорта политиков, то под влиянием сетевой этики и соответствующего

стиля госменеджмента эти люди вряд ли будут способны на что-то более существенное, чем на изменение публичной риторики.

Не надо никого убеждать, что изменение сложившегося положения предполагает перестройку политической системы общества, направленную на новое позиционирование сетевых коалиций, которое не позволит им искоренить общественную направленность государственной власти и направит их влияние и силу во благо общества. Ясно и то, как можно ограничить и изжить сетевой произвол, несущий угрозу существованию российского государства. Мировой опыт показал, что это возможно путем вживления в систему государственного управления механизмов публичного контроля и надзора (расширения управленческого пространства для гражданских ассоциаций), организации механизмов политического представительства и административной подотчетности управляющих, формирования каналов массового участия и демократического дискурса, обеспечения естественного характера образования сетевых коалиций и их конкуренции (на всех площадках госрегулирования, а не в разрешенных монопольными ассоциациями зонах), обеспечения главенства официальных государственных институтов. В таком случае сетевая активность правящего класса может быть поставлена на службу государству, превратившись в эффективное средство преодоления административных барьеров, придания управленческим институтам должной гибкости и способствуя их оперативной перестройке в соответствии с вызовами времени.

Думается, однако, что такие институциональные трансформации не вполне сработают в России, где этическое мышление сетевых агентов, их субъективный профиль обусловлен не только приоритетом латентных коммуникаций в правящем классе, но и более универсальными основаниями социальной самоорганизации общества как такового, а именно — тенденцией к групповому самозакукливанию и автономизации. Это та форма взаимной дистанцированности социальных образований, которая противостоит «самоорганизующемуся гражданскому обществу» и представляет собой социум клик¹. Нельзя забывать и о том, что в России корпускуляция сетевой этики опирается и на ряд характерных для российского чиновничества культурных характеристик

---

¹ Хлотин А.Д. Гражданское общество или социум клик: российская дилемма // Полития. 1997. № 1 (3); Гражданское и политическое в российских общественных практиках / Под ред. С.В. Патрушева. М.: РОССПЭН, 2013.

(формирувавшихся в условиях идеологического прикрытия), в том числе неуважительного отношения к праву, подмена служебных отношений личными, боязнь публичной ответственности и др.

Особенно опасной роль сетевой культуры и этики представляется в тех случаях, когда эти (правящие!) коалиции формируются на ценностных основаниях более высокого, мировоззренческого порядка, связанных с особым пониманием патриотизма, «цивилизационной особенности» России, других общественных идеалов. В таком случае сетевая активность превращается в инструмент символического давления на любые — политические, культурные, профессиональные, гендерные и прочие — группы социума, отклоняющиеся от единственно верных трактовок любви к Родине, национальных интересов, «русской идеи», государственной идеологии, общественного блага и др. И тогда к этим «отщепенцам» морально оправданным становится применение любых средств воздействия (вспомним в данном случае и про зверства в Кампучии, и про бандеровский террор на нынешней Украине).

Кратко обобщая сказанное, можно утверждать, что раскассированные по социальным аренам различного рода сети, контролируя центры принятия решений и манипулируя ожиданиями общественности, демонстрируют свою полную бесконтрольность, а зачастую и неподсудность действий своих членов. При этом этические ориентиры сетевых агентов в еще большей степени побуждают их к расширению своих возможностей в достижении целей, укрепляют корпоративный дух и свободу выбора (даже в условиях низкой конкуренции в межсетевых коммуникациях правящего класса).

В этой связи представляется, что даже теоретически возможные перспективные институциональные изменения в системе государственного управления вряд ли смогут (хотя бы в среднесрочном горизонте развития) «победить» столь укоренившиеся в истеблишменте и в массовом сознании принципы сетевого управления. Так что в ближайшем будущем от сетевых сообществ правящего класса следует ждать не корректировки корпоративных стратегий, а всего лишь дальнейшего повышения ставок (увеличения требуемой от властей ренты, снижения законодательного контроля и усиления давления на гражданских активистов, усиления государственной поддержки деловых «товариществ» в международных проектах и пр.).

Таким образом, общим содержанием прогнозных презумпций относительно государственного управления в России является устойчивый

скептицизм и понимание органического несоответствия нашей системы госрегулирования нормам демократического общества. Этот скептицизм распространяется и на институциональную перестройку системы (предвосхищая очередной обвал административных реформ), и на динамику массового сознания россиян. Причем украинский кризис только подогревает архаические черты квазипатриотического сознания, расширяя при этом возможности сетевых сообществ к повышению автономности своих действий. И даже зреющая волна гражданского активизма вряд ли в ближайшее время развеет попечительскую власть сетевого сообщества.

Ну а испуганные «цветными революциями» и событиями на Украине отечественные элиты будут активно использовать эти события как предлог для еще большей дистанцированности от демократических стандартов политической системы, ужесточения отношения к оппозиции и, несмотря на санкции Запада, расширения собственной ресурсной оснащенности. Так что реальная перспектива будущего развития российской системы управления государством выражена простой формулой, выведенной журналистом А. Ивановым по другому поводу, но тем не менее очень точно отражающей нынешнюю ситуацию: у властей во всем спектре их усилий и деятельности выработался «очень простой критерий — свое и чужое»¹.

---

¹ Цит. по: Янковская Г.А. Локальный фундаментализм в культурных войнах за идентичность // Вестник Пермского университета. 2013. № 2. С. 163.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

О.В. Гаман-Голутвина

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ СТРАН БРИК: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА¹

Динамичное развитие стран БРИКС не просто поражает воображение исследователей, но побуждает их обратиться к анализу властных групп этих стран, ибо — при всех различиях в системах рекрутирования и ротации правящих сообществ в столь непохожих странах — именно политике властных групп страны БРИКС обязаны достижениям существенных экономических успехов. Элиты — ключевой элемент системы управления, который играет определяющую роль в любом состоянии системы, а тем более на стадии ее существенной трансформации. Именно существенной трансформацией в государствах БРИКС стали процессы модернизации в конце XX — начале XXI в., результатом которых явилось значительное возрастание экономической мощи и политического влияния стран данной группы. При этом системы формирования элит в странах БРИКС не просто различны — они разительно контрастируют исторически и актуально, что не случайно: государства-члены БРИК чрезвычайно разнятся по историческому генезису и социальному опыту, моделям политического развития и социальной структуре, экономическому развитию и внешнеполитическим приоритетам. Это обстоятельство побуждает автора данной статьи обратиться к сравнительному анализу, ибо, как справедливо писал Г.-В.-Ф. Гегель, сущность лучше всего познается при пересечении ее пределов.

Сопоставление четырех членов БРИК — сложная в методологическом отношении задача, поскольку общая для сравнительной политологии проблема сравнимости обретает особую остроту в связи с неочевид-

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 1403-00815.

ностью оснований и критериев сопоставления в данном случае. Автор подвергает изучению особенности рекрутирования и ротации политических элит, позволившие им стать ключевыми акторами модернизации в странах БРИКС.

Присоединение к группе Южно-Африканской Республики в 2011 г. добавило в аббревиатуру «С». В данной статье анализ будет осуществляться в отношении «первого состава», без ЮАР.

Ключевые слова: БРИК, БРИКС, властные группы, политические элиты, рекрутирование политических элит, ротация политических элит, модернизация.

Сопоставление четырех членов БРИК — сложная в методологическом отношении задача: общая для сравнительной политологии проблема сравнимости обретает особую остроту в связи с неочевидностью оснований и критериев сопоставления в данном случае.

Государства-члены БРИК чрезвычайно разнятся по историческому генезису и социальному опыту, моделям политического развития и социальной структуре, экономическому развитию и внешнеполитическим приоритетам. Не случайно о данной группе стран порой говорят, что их не объединяет ничего, кроме аббревиатуры БРИК. На наш взгляд, последнее суждение неточно: хотя автор термина Jim O'Neill в 2001 г. не предполагал какого-либо интеграционного измерения данной группы стран, в настоящее время ясно, что БРИК — это объективная геополитическая реальность. Более того, саммит БРИКС¹ в Форталезе (июль 2014 г.) был отмечен качественным возрастанием экономического потенциала, а значит, и политического влияния в связи с созданием Банка развития и пула резервных валют.

Можно назвать целый ряд общих для всех членов БРИК характеристик, которые включают два блока показателей. Первый характеризует *статичные* показатели: значительные масштабы территории и населения; все члены группы обладают значимыми природными ресурсами, что дает основание для определения данной группы как *стран-гигантов*.

Второй блок показателей характеризует *динамику* эволюции членов группы: все страны БРИК демонстрируют высокую динамику догоняю-

---

¹ Присоединение к группе Южно-Африканской Республики в 2011 г. добавило в аббревиатуру «С». В данной статье анализ будет осуществляться в отношении «первого состава», без ЮАР.

щего роста, осуществляют масштабные институциональные и структурные преобразования, обладают значительным потенциалом роста в средне- и долгосрочной перспективе.

Особый интерес в изучении стран БРИК представляет политическое руководство этих стран, поскольку именно элиты — ключевой элемент системы управления, который играет определяющую роль в любом состоянии системы, а тем более на стадии ее существенной трансформации. Именно существенной трансформацией в государствах БРИК стали процессы модернизации в конце XX — начале XXI в., результатом которых явилось значительное возрастание экономической мощи и политического влияния стран данной группы.

Каковы особенности рекрутирования и ротации политических элит, позволившие им стать ключевыми акторами модернизации?

Наибольшее число сходных черт прослеживается в случае сопоставления российского и бразильского случаев.

Среди сближающих процессы модернизации в России и Бразилии характеристик наиболее значимые следующие.

Импульсы модернизации и в России, и в Бразилии исходили сверху: и в СССР в середине 1980-х годов, и в РФ в начале 1990-х годов инициатором демократизации явилось высшее политическое руководство страны.

Традиционными пулами рекрутирования политических элит в Бразилии, как и в пореформенной России, были государственный аппарат, региональные администрации, политические партии и общественно-политические движения, крупный бизнес — федерального и регионального уровня, университетская среда; в Бразилии до 1985 г. важнейшим институтом рекрутирования политического руководства была армия. Достоинством существующей системы рекрутирования и ротации стал режим реальной политической конкуренции, в рамках которой существенное значение имеют позиции крупного национального капитала и транснациональный бизнес. Наиболее значимые механизмы карьерного продвижения — конкурентные выборы, в ходе которых особое значение имеют имиджевые технологии, основанные на медиатизации имиджа лидера; публичная политическая деятельность; общественная популярность (особенно в случае обладания харизмой, как это было с Лулой); профессиональная компетентность (как в случае Кардозу, осуществившего обуздавший гиперинфляцию знаменитый План Реал), но также механизмы негативной селекции, как протекционизм и коррупция.

Главные черты сходства модернизационных процессов в двух странах определялись совпадающими концепциями и стратегиями модернизации: и в Бразилии, и в России начала 1990-х годов методологической рамкой осуществления модернизации стал нелиберальный экономический курс в формате «шоковой терапии». Российские реформаторы не раз отмечали, что важнейшей целью ускоренной приватизации была не экономическая эффективность, а социально-политические цели, а именно: создание социальной базы новой политической власти. Как и в России начала 1990-х годов, политика «шоковой терапии» в Бразилии была продиктована установками элиты на осуществление epochальных перемен одновременно.

Идентичными в обеих странах были и методы реализации «шоковой терапии» — преимущественно директивными авторитарными методами (в случае России достаточно упомянуть расстрел в Москве в октябре 1993 г. здания парламента, депутаты которого не согласились с концепцией Ельцина по радикальному реформированию).

Осуществление рыночных реформ усилило размежевания в среде и бразильских, и российских элит. Линии элитных расколов в обеих странах были разнообразными; большинство из них в двух странах совпадали. Прежде всего, это раскол по линии ветвей власти. В России конфликтом президента и парламента было отмечено начало 1990-х годов. В Бразилии выражением усиления этого раскола стал конфликт при президенте Ф. Коллоре между исполнительной и законодательной ветвями власти — президента и парламента.

Другим значимым расколом внутри бразильских элит, как и в России, стала линия центр — регионы. Правда, есть и отличие. В России усиление влияние региональных лидеров носило кратковременный характер (оно существенно возросло в 1990-е годы): уже в начале 2000-х годов центральная власть вернула себе утраченный было приоритет в отношениях с региональными руководителями. В Бразилии значительные на протяжении всего XX в. обширные полномочия региональных властей оставались константой и не были поколеблены даже в условиях военной диктатуры. В условиях политической и экономической турбулентности 1990-х годов влияние региональных элит еще больше возросло и сопровождалось в Бразилии (как и в России) усилением центробежных, а порой и сепаратистских тенденций. Нередкими были открытые конфликты региональных и федеральных властей.

В упомянутых конфликтах ветвей и уровней власти проявилась незрелость политической культуры элит обеих стран — неготовность к компромиссу и неразвитость культуры диалога. В позициях бразильских парламентариев преобладали не общенациональные, а региональные устремления, защита интересов отдельных кланов и групп, личных интересов депутатов. Аналогичной выглядит характеристика и российских депутатов. Проведенное под руководством автора этих строк исследование эволюции российского парламента в рамках общеевропейского проекта «ППЕ» показало, что в законотворческой деятельности личные и корпоративные интересы депутатов нередко брали верх над общенациональными.

Еще одним значимым расколом в среде элит, на сей раз экономических, который составляет сходство противоречивых процессов модернизации в России и Бразилии, стали *размежевания между национально ориентированным бизнесом и компрадорскими силами*. Кроме того, в обеих странах *совпадает конфигурация факторов экономического успеха* — условием бизнес-успеха является покровительство политического руководства. Неудивительно, что в условиях данной системы коррупция становится повседневной практикой. Причем характерно, что победить эту болезнь в Бразилии не смогли ни правые, ни левые во власти. Коррупция — проявление более общей проблемы: обширного в обеих странах неформального сектора экономики и системы теневых отношений, в том числе откровенно криминальных.

Но главный раскол в среде бразильских элит — *это раскол относительно повестки модернизации, ее приоритетов и направлений, а также по вопросу соотношения модернизации и демократизации*. Данные расколы имели формат вызова: возможно ли совмещение неолиберальной политики с реализацией активной социальной политики? Поскольку в качестве главного инструмента смягчения негативных последствий неолиберального курса рассматривалось государство, это определило смещение в центр общественных дискуссий вопроса о роли государства в условиях глобализации, трансформации его полномочий и функций, о роли в процессах модернизации и демократизации, конфигурации способствующего модернизации политического режима.

Подчеркнем специфическую конфигурацию данного раскола. Как известно, в Бразилии, как и в большинстве стран региона, размежевание между правыми и левыми флангами политического спектра является одной из наиболее значимых демаркационных линий, что определе-

но наличием мощных левых сил: не случайно на рубеже XX и XXI вв. в Латинской Америке произошел знаменитый «левый поворот». Раскол в бразильских элитах не повторяет буквально раскол между правыми и левыми, он сложнее: так, придя к власти, Лула не смог отказаться от проведения экономического курса, близкого по содержанию к курсу его предшественника у власти Кардозу.

Нахождение оптимального баланса между рыночными мерами и эффективной социальной политикой стало фирменным знаком правления Лулы и обеспечило успех политики модернизации на рубеже XX и XXI вв. Активная и гибкая управленческая политика в 2000-х годах позволила Бразилии оперативно преодолеть последствия экономического кризиса и восстановить темпы экономического роста на уровне 5 % в год уже к 2010 г.

В России на протяжении последнего двадцатилетия также существует размежевание относительно стратегии модернизации. Приверженцы первой линии придерживаются монетарных установок, тогда как их оппоненты выступают за проведение более социально ориентированного экономического курса.

Однако раскол относительно повестки и стратегии модернизации не был в России главной линией раскола элит: абсолютное большинство внутриэлитных конфликтов, порой ожесточенных, разгоралось не по политико-концептуальным сюжетам, но по мотивам борьба за доступ к эксклюзивным ресурсам. Но даже в ходе сущностных конфликтов можно обнаружить элемент партикулярных интересов.

Тот факт, что в центре внутриэлитной борьбы находятся не столько вопросы стратегии развития страны, сколько борьба за доступ к ресурсам, характеризует уровень мышления, мировоззренческие установки, ценностные ориентации отечественных элит.

В контексте обсуждения сходных черт модернизации и Бразилии, и России следует обратить внимание на еще одну неслучайную характерную особенность, аналогичную для Бразилии и России. Фирменным знаком современного латиноамериканского стиля лидерства выступает харизматический стиль популизм. Лидерами-популистами в разное время были президент Бразилии Ф. Коллор, Перу — А. Фухимори, Аргентины — К. Менем. Суть этого феномена в том, что лидеры латиноамериканских стран, будучи в большинстве случаев выходцами из высших страт общества, стремятся позиционировать себя как отцов всей нации, как лидеров «над схваткой», обращаясь напрямую, минуя партии, к народу.

Сходство лидерского стиля в Бразилии и России дополняется *близостью характеристик массового сознания и поведения в обеих странах*, где накануне шоковой терапии наблюдалось состояние эйфории, ожидание чуда, одномоментного вхождения в рыночный рай, восприятие лидера страны в качестве мессии, который одним махом осчастливит всех обездоленных.

Наличие отмеченных выше сходных черт не отменяет ***отличий бразильского и российского опыта.***

Во-первых, стоит отметить *разносоставность повесток модернизации в России и Бразилии*: если в первом случае важнейшей задачей была маркетизация государственного социализма, то во втором — речь шла лишь о расширении сферы рыночных отношений за счет урезания полномочий государства.

Вторым существенным различием Бразилии и России являются *отличия алгоритмов модернизации*: если в России ориентированный с начала 1990-х годов преимущественно на монетарные императивы вектор экономической политики не претерпел существенных изменений на протяжении всего последнего двадцатилетия, то в Бразилии первоначальная монетарная модель не стала догмой и в начальный план были внесены существенные коррективы.

Существенно *отличался в двух странах и темп модернизации*: в Бразилии был реализован реформистский, а не революционный, умеренный, а не радикальный алгоритм преобразований. Причем умеренные алгоритмы проведения политического курса характерны и для периода демократического транзита (1985–1994 гг.), и для «эры Кардозу» (1995–2002 гг.), и для «эпохи Лулы» (с 2003–2010 гг.). Стоит отметить, что, несмотря на авторитарное наследие военной диктатуры, даже в условиях острых конфликтов между ветвями и уровнями власти, между различными политическими фракциями внутри федеральной элиты данные конфликты не обретали формата войны, а стороны конфликтов не прибегали к силовым стратегиям: ни один из президентов не прибегал к крайним репрессивным или насильственным мерам.

Уникальной особенностью организации правящих элит в **Китае** является ее поразительная устойчивость: сложившись в основных чертах около двух тысяч лет назад, она продолжает существовать (хотя и в модифицированном виде), несмотря на происшедшие в XX в. тектонические трансформации (социалистическая революция 1949 г., переход к смешанной экономике в конце 1970-х годов). Другая значимая осо-

бенность организации власти в Китае — система традиционных ценностей китайской цивилизации: в этом в полной мере проявляется в том, что Китай — это цивилизация, выдающая себя за страну. К числу базовых ценностей следует отнести приверженность традиции и уважение к старшим, признание обоснованности иерархизма и аскеза, умение довольствоваться малым, дисциплинированность и организованность, приверженность этическим заповедям конфуцианства, готовность к напряженному труду, высокая трудовая этика.

Эти ценности, сложившиеся около двух тысяч лет назад как осмысление философских оснований конфуцианства, даосизма и легизма, проецируются на систему рекрутирования властной элиты в качестве системообразующих принципов.

Наиболее важными из них являются неизбежность и целесообразность вертикальной политической иерархии; понятие «мандата Неба» на правление, который получает первое лицо Поднебесной; меритократическая по сути система карьерного продвижения управленцев, построенная на воспринятом от конфуцианства культе знаний и системе экзаменов; убежденность в необходимости поддерживать непрерывность и стабильность системы трансляции власти и значимая роль старшего поколения руководителей в выборе и продвижении преемников; выбор преемника происходит посредством многоступенчатых консультаций преимущественно путем согласований.

Из перечисленных принципов «фирменным отличием» Китая можно считать прежде всего сложную систему используемых для отбора управленцев многоступенчатых экзаменов на знание гуманитарных текстов, ставшую важным фактором вертикальной социальной мобильности.

Экзаменационная система и дает основание для определения сложившейся в Китае на протяжении полутора тысяч лет системы рекрутирования как меритократии.

Алгоритм передачи власти, который иногда называют «престолонаследием на два срока вперед», предполагает, что первое лицо государства может занимать свой пост только в течение десяти лет — только два срока без шансов вернуться на вершину политического Олимпа.

Всестороннюю подготовку проходят не только кандидаты на высшее лидерство, но и вся нижестоящая управленческая иерархия. В КНР функционирует разветвленная, многоотраслевая и многоуровневая система подготовки кадров, включающая такие учреждения, как Партий-

ная школа при ЦК КПК, Государственная административная академия, Центральная академия национальностей, Академия военных наук Китая, Академия национальной обороны НОАК и др. Институт государственных служащих стал значимым элементом общенациональной системы управления.

Механизмами модернизации этой направленной на обеспечение качества кадровой ротации системы стали введенные в последние годы нормы: запрет практик пожизненного пребывания на руководящих постах и традиции единоличного назначения лидером КПК своего преемника; обязательность практики регулярного обновления и омоложения состава руководящих кадров.

Важный элемент механизма ротации — циркуляция кадров по стране, которая была в прошлом и является сегодня важным фактором национального единства. Значимым механизмом обеспечения качества кадров считается ставшая существенным дополнением традиционных экзаменов система контроля, включающая комплекс финансово-контрольных и аудиторских структур под руководством Министерства контроля Госсовета.

Основным пулом, из которого черпаются руководящие кадры, стал партийно-государственный аппарат. Рекрутирование и ротация носят относительно открытый характер: госслужба по партийной или государственной линии доступна всем независимо от происхождения, главное — качество образования и эффективность работы, хотя в реальности сельские жители располагают несопоставимо более ограниченными по сравнению с горожанами возможностями доступа к образованию. Но еще более важную роль, чем управленческая эффективность, играет партийная принадлежность: несмотря на имевшие место прецеденты участия в высших эшелонах власти представителей других партий или беспартийных, приоритет КПК не подлежит обсуждению.

Армия не является кадровым резервом: по сложившейся в Китае традиции партия командует винтовкой, а не винтовка командует партией.

Что касается выдвижения представителей бизнеса на ключевые политические позиции, то, несмотря на имевшие место прецеденты, когда предприниматели занимали управленческие позиции низового уровня, их продвижение на общенациональный уровень не приветствуется.

Политическим Олимпом КПК и КНР является Постоянный комитет Политбюро ЦК КПК — закрытый орган, включающий высшее руководство КНР и КПК и известный тем, что его решения принимаются пре-

имущественно консенсусом. Следующий круг власти — ежегодные пленумы ЦК, участие в которых принимают 350 наиболее влиятельных партийных чиновников. В рамках пленума ЦК узкий круг китайских руководителей принимает все основные решения, которые затем обсуждаются и официально утверждаются на более публичных мероприятиях — ежегодных сессиях Всекитайского собрания народных представителей. Наиболее значимые стратегические решения утверждаются раз в пять лет на съездах КПК. Особую роль в политической системе КНР играет армия НОАК. Высшим партийно-государственным органом является Центральный военный совет, который наряду с дублирующим его по персональному составу Военным советом ЦК КПК командует всеми вооруженными формированиями страны и представляет собой один из ключевых элементов властной иерархии КНР.

Важнейшее значение для устойчивости системы имеет способность элит разрешать внутренние конфликты путем компромиссов. В КНР не только передача власти от первого ко второму поколению руководителей происходила конфликтно (арест в 1976 г. «банды четырех» и отстранение от власти в 1978 г. Хуа Гофэна), но и передача власти от второго к третьему поколению (освобождение от всех постов Чжао Цзяна с назначением Цзян Цзэмина в 1989 г., в том числе в связи и массовыми выступлениями на площади Тяньаньмынь в мае-июне 1989 г.) стала серьезным испытанием устойчивости политической системы КНР.

Передача власти в 2002 г. от третьего к четвертому и от четвертого к пятому поколению прошла неконфликтно. Значит ли это, что политическое руководство КНР монолитно и лишено внутренних противоречий? Отнюдь: мирный характер трансляции власти в 2002 и 2013 гг. не отменяет существенных различий в позициях различных сегментов китайской политической элиты.

До недавнего времени наиболее распространенным в профильной литературе тезисом было положение о размежеваниях по линии «*princelings*» («наследники») — «комсомольцы». На наш взгляд, это суждение неточно — скорее, имеет место компромисс между этими группировками, учитывая формирование действующего тандема Си Цзиньпин — Ли Кэцян: первый принадлежит к первой группе, последний — ко второй.

Возражения против представления о важности «наследников» заключается не столько в том, что феномен «*princelings*» — это специфическое и сугубо временное явление, возникшее на волне молодежных

выступлений 1989 г. в КНР, сколько в том, что карьерные траектории «принцев» радикально противоположны: нынешний председатель КНР Си Цзиньпин и Бо Силай в равной мере вышли из данной категории, но один из них сейчас является Генеральным секретарем, председателем КНР, а другой находится в тюрьме по обвинению в коррупции.

Более обоснованным представляется утверждение о том, что главной линией размежевания в китайской элите являются разногласия между «шанхайцами» и «пекинцами». Это размежевание носит принципиальный содержательный характер, поскольку не просто проистекает из личной политической конкуренции, но основано на концептуальных расхождениях в интерпретации приоритетов модернизации.

Шанхайский клан, лидером которого был стоявший у руля Китая в 1989–2002 гг. Цзянь Цзэминь, будучи представлен выходцами из наиболее экономически развитой территории Китая, ориентирован на форсирование экономического роста посредством внешнеэкономической экспансии и индустриализации за счет деревни (стратегия «идти вовне»). Эта стратегия позволила КНР существенно увеличить экономический потенциал и занять второе место в мире. Однако данная стратегия обусловила перегрев экономики, усиление чреватой взрывом социальной дифференциации, в т.ч. между городом и деревней, где проживает две трети населения страны (800 млн крестьян), которая производит лишь 14 % ВВП и имеет очень низкие по сравнению с горожанами доходы.

Пересмотр методов достижения модернизационных задач начался в начале 2000-х годов с переходом власти от Цзянь Цзэминя к Ху Цзиньтао, который, как и большинство его сторонников, представляет интересы центральных провинций Китая. Концептуальным стержнем правления Ху Цзиньтао стал лозунг гармонизации как выражение необходимости более сбалансированной иерархии приоритетов и курса на социально-ориентированное государство и переход от «теории опережающего обогащения» в интересах части общества к «теории гармонизированного совместного развития», когда выгоду получают все.

Однако планы пекинцев наткнулись на сопротивление шанхайского клана экс-председателя Цзянь Цзэминя. Занимая ключевые посты в китайской номенклатуре во времена Цзянь Цзэминя, они выступали за дальнейшее ускорение темпов роста экономики КНР, флагманом которой как раз и является Шанхай. Внутри китайской элиты развернулась продолжающаяся до сих пор борьба, главным сюжетом которой стало противостояние «пекинского клана» Ху Цзиньтао с «шанхайским кла-

ном» Цзян Цзэминя. Названия эти кланы получили не по принципу происхождения их лидеров: центральный предмет борьбы между ними — вопрос приоритетов экономического развития Китая. Шанхайский клан выступал и выступает за ускорение темпов экономического роста страны. В то время как «пекинские» опасаются, что в стране может начаться революция, вызванная неравенством между богатеющими с каждым годом горожанами и 800-миллионным крестьянством.

Постепенно вытеснив ключевые фигуры шанхайского клана из высших эшелонов власти, особенно на провинциальном уровне, пекинский клан взял курс на масштабные перемены, включающие увеличение расходов на нужды деревни и на систему социального обеспечения. Эти шаги означают переход Китая к новой стратегии, основанной на сочетании («гармонизации») внешнеэкономической экспансии с социально-экономическим развитием страны.

Базовое противоречие между пекинцами и шанхайцами в полной мере проецируется на решение конкретных проблем. Непрерывающаяся борьба с коррупцией находит адреса, в том числе в противостоящих кланах и предстает также инструментом межэлитной борьбы и перераспределения контроля над государственными активами и финансовыми потоками.

Таким образом, основные разделительные линии в китайской элите, как и в бразильской, пролегают по базовым концептуальным вопросам относительно стратегии, приоритетов, этапности и социальных измерений модернизации. Форсирование модернизации на первом этапе, сопряженное усугублением социальных расколов и формированием социальных рисков, побуждает искать корректирующие стратегии. Анализ показывает корреляцию между проводимым курсом и социально-политической аффилиацией его субъектов. Разногласия между элитными сегментами имеют различный формат, но порой обретают очертания жесткой политической борьбы, сопряженной с политическим уничтожением противников. Таким образом, специфическую китайскую систему можно определить как движение от меритократии к меритократии без демократии.

Базовые ценности и характеристики индийской цивилизации определяют важнейшие характеристики системы власти в **Индии**. Это культ знаний, определяющий стремление к освоению культуры и науки; кастовая стратификация, санкционировавшая кастовое неравенство и иерархичность; приверженность принципам ненасилия, в основе которой — при-

знания роли кармы и дхармы в определении судьбы человека. Эти ценности одной из древнейших цивилизаций сочетаются с воспринятой от британской колонизации традицией партийной конкурентной политики. Но демократические принципы не чужды и самой индийской культуре.

Конфигурация политической вертикали Индии определяется устойчивостью кастовой системы, выступающей основанием социальной иерархии. Цивилизационную парадигму Индии эксперты называют элитарной, что непосредственно связано с кастовым наследием. Важнейшей особенностью кастовой системы является консервация разделения на протяжении не только веков, но даже тысячелетий. Несмотря на то что кастовая система была отменена Конституцией 1950 г., на практике она, хотя и в несколько смягченном виде, сохраняется. Не случайно в профессиональной политической жизни на протяжении первых десятилетий независимости участвовали преимущественно представители высших страт, обладавшие необходимым образованием и подготовкой. Это существенно отличает индийские практики, по существу элитарные, от китайских, по сути эгалитарных и меритократических.

Несмотря на устойчивость кастовой и — шире — жестко-стратификационной системы, изменения в пользу ее смягчения в период независимости все же происходили. В частности, это выразилось в вовлечении в политику не только представителей высших каст, но и выходцев из торговых и земледельческих сословий. Получив необходимое образование, они приходили в политику, занимали посты в парламенте и исполнительной власти на федеральном и региональном уровнях. Ныне даже неприкасаемые участвуют в политическом процессе.

Наиболее востребованной в политике является интеллектуальная среда как важнейший пул рекрутирования элит, что обусловлено традиционным для Индии культом знания. В стране до недавнего времени во многих анкетах люди подразделялись на три категории: мужчины, женщины и доктора наук. Представители бизнес-элиты особенно гордятся своими родственниками, имеющими степень профессора. Собственно, проект индустриализации Индии был выдвинут интеллектуальной элитой страны, пришедшей к власти после обретения ею независимости.

Важной позитивной тенденцией изменения социальной структуры, которые проецируются на политическую сферу, представляется возрастание численности среднего класса. Причем в Индии происходят не только количественные изменения среднего класса, но и качественные — пополнение его состава за счет работников новых развивающихся

ся высокотехнологичных отраслей. Новый средний класс проявляет себя в политическом качестве — как перспективный пул рекрутирования политической элиты.

Важнейшими институциональными каналами карьерного продвижения политиков становятся политические партии, важнейшим механизмом — конкурентные парламентские выборы. Парламент предстает ключевой институциональной площадкой артикуляции и продвижения различных политических сил. Именно смена правительств по итогам выборов дает основание для определения Индии как самой крупной демократии в мире.

Другим аргументом в пользу признания демократичности индийской политики предстает преимущественно согласительный формат разрешения политических противоречий и конфликтов, который характерен для решения стратегических проблем, тогда как во взаимодействиях относительно частных вопросов нередко острые столкновения.

Из других особенностей индийских элит следует отметить крайне слабое участие в политике женщин, немногочисленные представительницы которых занимали высокие посты.

Бизнес-элиты рекрутируются преимущественно из торговых каст. Вектор изменений отражает включение в бизнес на значимых позициях представителей низкокастовых слоев.

Таким образом, даже беглый анализ показывает чрезвычайное разнообразие практик рекрутирования и ротации властных групп стран БРИК: если опыт России и Бразилии, несмотря на определенные частные различия, все же характеризуется значительным количеством общих черт системного характера, то сложившиеся в Китае и Индии модели формирования властных элит не только радикально отличны от российской и бразильской, но и сущностно различаются между собой. Значит ли это, что общего знаменателя в процессах элитного рекрутинга не существует. Наш ответ на этот вопрос таков: *общей характеристикой* моделей рекрутирования властных групп в странах БРИК является их приверженность ценностям развития и способность конвертировать эту приверженность в управленческие практики. *Значительные сущностные различия* обусловлены важными различиями в социально-экономических и политических характеристиках четырех государств: в различных средах формируются различные структуры, равно релевантные задачам развития обществ, поскольку достижение сходных целей не означает похожести реализующих эти цели структур.

Хайнрих Бест

«ЕВРОПА» — МЕНЬШЕЕ ИЗ ЗОЛ? ГРАНИЦЫ ПУТЕЙ ВЫХОДА ИЗ БЕЗГРАНИЧНОГО КРИЗИСА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЭЛИТ¹

В статье анализируются предпочтения европейских политических элит относительно вариантов урегулирования экономического кризиса, разразившегося в 2008 г. Выясняется их отношение к четырем стратегиям борьбы с кризисом, среди которых согласованные действия национальных правительств (межправительственный уровень), вмешательство Европейского союза (многоуровневое управление), вмешательство международных финансовых институтов (многосторонний подход), самостоятельные действия национальных правительств (односторонний подход). Как показало исследование, согласованные действия национальных правительств в рамках и с помощью наднациональных и многонациональных организаций были идеальным предпочитаемым путем выхода из кризиса для политических элит Европы. Почти половина всех элит предпочитала их в качестве основного варианта борьбы с кризисом. Вместе с тем панъевропейского консенсуса относительно наилучшего пути выхода из кризиса не существовало: более половины респондентов в первую очередь поддержали один из трех других вариантов, и были выявлены огромные различия в предпочтениях элит 17-ти стран.

Автор рассматривает вопрос о том, в какой мере различия в предпочтениях национальных элит коренятся в общей экономической ситуации их стран, положении этих стран на международных финансовых рынках, их большей или меньшей вовлеченности в деятельность международных институтов ЕС или просто в индивидуальных предпочтениях респондентов. Как показали многоуровневые модели множественной регрессии, предпочтения элит отражали в первую очередь институциональный статус их собственных стран в Европейском союзе, экономическую ситуацию в их странах и сигналы, полученные от релевантных референтных групп, таких как местные экономические элиты. Установки играли определенную роль, но не такую важную и только в двух

---

¹ Данный текст на русском языке публикуется с разрешения издательства «Macmillan Publishers Limited»: Best H. Is 'Europe' the Lesser Evil? Limits of Elite Crisis: Resolution in a Limitless Crisis) // *Political Elites in the Transatlantic Crisis* / Ed. by H. Best and J. Higley. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2014. P. 36–57. ISBN 9781137345745).

моделях. Тот факт, что индивидуальные характеристики политических элит — связанные с их отношением и положением в социальных структурах — имели малое значение, можно считать знаком активности этих элит, так как это расширяет границы возможных вариантов борьбы с кризисом и облегчает поиск компромисса и путей выхода Европейского союза из ситуации, вызванной кризисом.

Ключевые слова: кризис, политические элиты, предпочтения, консенсус, Европейский союз.

Когда кризис американского рынка ипотечного кредитования и облигаций начал сказываться на финансовых рынках Европы, перед правительствами и парламентами различных стран встала задача предотвращения коллапса банковских систем. Вскоре национальные политические элиты оказались вовлечены в гигантскую задачу по реорганизации основных европейских политических и финансовых институтов. Экономические элиты полагали, что наступившая после 1990-х эра «глобализации» освободила их от назойливого контроля со стороны политики. Однако в кризисной ситуации стало ощутимо, насколько важна роль национальных государств и международных политических институтов для защиты основ международного капитализма от чрезмерно эгоистичного преследования личных интересов¹. Впрочем, как показало дальнейшее развитие событий, попытки урегулирования кризиса не смогли предотвратить его углубление и распространение. Говоря в терминах «вызовов и реакций», реакции на кризисные явления начальной стадии повлекли за собой вызовы второго порядка, приведшие к реакциям, создавшим следующие этапы кризиса... и так далее².

В середине 2013 г. все еще было неясно, насколько новые формальные правила и институциональные изменения, направленные против кризиса, приемлемы для политических и экономических элит. Возникновение и развитие кризиса показали, что эффективность финансовых и правительственных институтов в большой степени зависит от согласия и применения лучших практик внутри элит, управляющих данны-

---

¹ *Reinhart C.M., Rogoff K.S.* From Financial Crash to Debt Crisis // *American Economic Review*. 2011. Vol. 101. No. 5. P. 1677–1706; *Mody A., Sandri D.* The Eurozone Crisis: How Banks and Sovereigns came to be Joined at the Hip // *Economic Policy*. 2012. Vol. 27. No. 70. P. 199–230.

² *Shambaugh J.C.* The Euro's Three Crises // *Brookings Papers on Economic Activity*. 2012. P. 157–211.

ми институтами. Элиты играют ключевую роль, тем более когда речь идет о государственном и частном финансовых секторах, где решающими факторами являются моральные качества, знание отрасли, взаимное доверие и неформальные контакты. Неудачи и успехи различных стран и институтов в борьбе с кризисом в большой степени можно связать именно с поведением элит¹. Это не значит, что существует какая-то простая связь между целенаправленными действиями элиты и значительными экономическими и политическими результатами. Сложные политические инициативы, осуществляемые во время кризиса, подвержены т.н. *effects pervers*, т.е. возможности возникновения незапланированных последствий социального характера². Элиты ведут себя как ученик чародея: нередко они не в состоянии контролировать результаты приложения своих сил. У элит нет генерального плана действий; они стараются справиться с разнообразными и неожиданными для них аспектами кризиса по мере их появления. В статье речь пойдет о том, обладают ли национальные политические элиты Европы в достаточной мере единой платформой для нахождения пусть даже промежуточных решений в ситуации кризиса, имеющего тяжелые последствия для населения их стран, а также несущего серьезные риски для них самих³.

«ЕВРОПЕИЗАЦИЯ» КРИЗИСА В РАЗРОЗНЕННОМ СОЮЗЕ

Наиболее интересным аспектом финансового кризиса стал переход от кризиса кредитования в финансовых секторах США и Великобритании к проблемам в сфере государственных финансов в Европе, особенно в самых южных странах еврозоны. Последствия экономического спада в США и Великобритании, затронувшие всю Европу, невозможно было предсказать в 2007 или 2008 гг., когда Европейский союз в целом и еврозона в частности демонстрировали лишь незначительно отрицательные торговые балансы с остальными экономиками мира, умеренные темпы роста ВВП и средний общий уровень государственной задолженности. Такие страны, как Австрия, Испания и Ирландия, имели

---

¹ См.: Best H., Higley J. Introduction // Political Elites in the Transatlantic Crisis / Ed. by H. Best, J. Higley. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2014.

² Boudon R. Perverse effects and social order. P.: PUF, 1977.

³ Best H. Transitions, Transformations and the Role of Elites // Historical Social Research. 2010. Vol. 35. No. 2. P. 9–12.

даже профициты бюджетов в конце 1990-х и в начале 2000-х годов¹. В течение 2007–2008 гг. основные экономические и финансовые показатели Европы были относительно стабильными.

После банкротства Королевского банка Шотландии и вынужденной национализации в Великобритании, а затем банкротства Lehmann Brothers в сентябре 2008 г. в США, правительства по обеим сторонам Атлантического океана решили поддержать банки своих стран и оживить экономику с помощью государственного финансирования в крупном объеме. Государства Европейского союза скоординировали свои действия в данном направлении удивительно быстро, вероятно, быстрее, чем в США, охваченных конфликтами между конгрессом и исполнительной ветвью власти. Страны ЕС, возглавляемые Гордоном Брауном, Ангелой Меркель и Николя Саркози, казалось, уже перенесли кризис, и евро демонстрировал замечательную стабильность по отношению к доллару США: в середине 2009 г. курс обмена составлял 1,52 доллара за один евро². Но именно в это время на фасаде здания еврозоны начали появляться трещины. Первые из них были замечены в Ирландии, где срочная помощь банковскому сектору превратила профицит бюджета в астрономический дефицит. Вскоре эти трещины появились в экономике стран южной Европы, на которые повлиял не столько разразившийся кризис, сколько спад экономической активности, начавшийся в конце 2009 — начале 2010 г. И общая экономическая и политическая слабость южной Европы, и недостатки каждой из входящих в этот регион стран быстро превратились в серьезные проблемы, создавшие разрыв между северными и южными странами еврозоны. На севере Германия продолжала демонстрировать значительный профицит импорта, уверенные темпы роста, снижение безработицы и сокращение бюджетного дефицита. На юге Греция была на грани дефолта, а Португалия к дефолту стремительно приближалась³.

Из-за такого разрыва между севером и югом нормативные и институциональные основы европейской интеграции оказались под серьез-

---

¹ *Hodson D. Governing the Euro Area in Good Times and Bad. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 63, 116–17, 124.*

² *Reinhart C.M., Rogoff K.S. From Financial Crash to Debt Crisis // American Economic Review. 2011. Vol. 101. No. 5. P. 1677–1706.*

³ *Hodson D. Governing the Euro Area in Good Times and Bad. Oxford: Oxford University Press, 2011.*

ным давлением. Развитие и усиление этих процессов, поддерживаемых масштабными спекуляциями на рынке облигаций, привели к тому, что здание еврозоны начало рушиться. Многие наблюдатели считали, что не за горами конец еврозоны, падение евро как единой валюты и даже распад ЕС. Основной причиной называлось наличие единой валюты без скоординированной налоговой политики государств еврозоны. Европейский центральный банк по закону не имел права быть кредитором последней инстанции на рынках государственных облигаций или предоставлять евробонды. Институты ЕС были недееспособны из-за права вето, которым обладало каждое государство-член ЕС, например в вопросах налогообложения. И, наверное, самое важное — отсутствовали эффективные механизмы перевода денежных средств между странами, которые могли бы предотвратить ситуацию, когда экономически более сильные страны вынуждены оплачивать долги более слабых.

С учетом всех этих проблем воззвания к европейской солидарности выглядели так, будто с их помощью хотели скрыть политику попрошайничества у соседей. В такой ситуации элиты вынуждены были одновременно выполнять две задачи: (1) принимать меры для предотвращения скорого финансового краха одного или нескольких государств еврозоны; (2) трансформировать институты ЕС в эффективную систему координации и контроля налоговой политики стран-членов. Одним словом, элитам необходимо было перестраивать корабль прямо в море во время шторма. По мере распространения кризиса национальным политическим элитам была отведена ключевая роль в спасении собственных экономических систем при одновременном укреплении институциональных основ европейской интеграции.

ОСНОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО КРИЗИСНОГО УПРАВЛЕНИЯ ЭЛИТ

Результаты опросов представителей элит, проведенных в рамках крупного меж-университетского проекта (IntUne) в 2007 и повторно в 2009 гг., продемонстрировали, что структурные и нормативные основания для реализации этих задач были довольно хрупкими¹. Данные опросов не подтвердили предположение о том, что европейская инте-

---

¹ The Europe of Elites: A Study into the Europeanness of Europe's Political and Economic Elites / Ed. by H. Best, G. Lengyel, L. Verzhicelli. Oxford: Oxford University Press, 2012.

грация основана на широком консенсусе европейских элит, благодаря которому эмоции, представления и убеждения элит сводятся к общей цели европейского единства. Напротив, опросы показали наличие разрозненных позиций, которые и связывают элиты с процессом евроинтеграции, и заставляют их дистанцироваться от него. Опросы также продемонстрировали, что направленность и особенности «европейскости», чувства принадлежности к Европе слабо поддерживаются международными социальными связями и каналами коммуникации. Участие в формальных институциональных сетях ЕС оказывает лишь незначительное влияние на чувство принадлежности к Европе¹. Одно утверждение выделялось в качестве возможного основания для широкого консенсуса элит — это согласие с тем фактом, что страна респондента выиграла от европейской интеграции. Однако в целом вместо обнаружения нормативной интеграции опросы раскрыли разнообразные конфигурации *Europe à la carte*², где различные аспекты принадлежности к Европе объединялись специфичным для каждой страны образом. Хотя крайние взгляды еврофобов и еврофилов были исключениями, лишь небольшая часть представителей элит соглашалась или не соглашалась сразу со всеми аспектами принадлежности к Европе.

Таким образом, в 2009 г. не существовало твердой почвы, на которой можно было выстраивать федеративный Европейский союз. Однако различные представления элит о сути принадлежности к Европе могли создать гибкость и разнообразие, способствующие поиску компромисса и уравниванию интересов перед лицом кризиса. До тех пор, пока финансовый кризис не начал сотрясать основы евроинтеграции, казалось, что разнообразие является преимуществом, а не недостатком. Но при возникновении угрозы основам благосостояния и единства Европы выяснилось, что разнообразная и разнонаправленная структура европейских элит слишком громоздка и недееспособна, и для

---

¹ Best H. Elite foundations of European Integration: a causal analysis // The Europe of Elites: A Study into the Europeaness of Europe's Political and Economic Elites / Ed. by H. Best, G. Lengyel, L. Verzichelli. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 208–233.

² Cotta M., Russo F. Europe à la Carte? European Citizenship and its dimensions from the Perspective of national elites // The Europe of Elites: A Study into the Europeaness of Europe's Political and Economic Elites / Ed. by H. Best, G. Lengyel, L. Verzichelli. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 14–42.

предотвращения обвала, казалось, необходим новый, более четко структурированный вариант Европейского союза¹.

Формировать политику антикризисного управления, создавать новые институты и инструменты для устранения огромного дисбаланса экономических показателей и финансовой состоятельности различных стран ЕС и, в частности, еврозоны должны национальные политические элиты. Требование консенсуса Европейского совета и Совета министров означает, что лидеры или представители всех национальных элит должны прийти к соглашению для проведения любых межнациональных мероприятий, которые повлияют на национальный суверенитет и национальные бюджетные права стран². Это относится к большинству инструментов и институтов, необходимых для разрешения финансового кризиса на европейском уровне, особенно к Европейскому стабилизационному механизму (ЕСМ). Таким образом, национальные политические элиты являются основными действующими субъектами при решении проблем, связанных с кризисом. Их важность в ходе кризиса даже увеличилась, в то время как Европейская комиссия стала играть второстепенную роль, координируя и реализуя меры, согласованные главами или министрами государств-членов и ратифицированные национальными парламентами. Сопутствующим моментом стал отказ от принципа равноправия государств-членов и появление определенной иерархии стран в зависимости от относительной силы их экономики. Переход от равноправия к иерархичности подтверждается различиями в формировании большинства, например между Европейским центральным банком и Европейским стабилизационным механизмом (а также его предшественниками): в то время как Совет ЕЦБ принимает решения по принципу «одна страна — один голос», ЕСМ рассматривает страны в соответствии с размером их экономики, т.е. согласно их доле в ВВП еврозоны. Совокупный вклад Германии и Франции составляет около 48 % общего объема капитала ЕСМ, который на 2013 г. заполнен не был. В этом и заключалась реальная основа совместного господства «Меркози» и последовательного изменения порядка взаимоотношений между членами ЕС.

---

¹ *Best H.* Elites of Europe and the Europe of Elites. A conclusion // *The Europe of Elites: A Study into the Europeaness of Europe's Political and Economic Elites* / Ed. by H. Best, G. Lengyel, L. Verzhicelli. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 234–241.

² *Hodson D.* Governing the Euro Area in Good Times and Bad. Oxford: Oxford University Press, 2011.

ПУТИ И СРЕДСТВА УРЕГУЛИРОВАНИЯ КРИЗИСА

Развитие кризиса повлекло за собой создание определенной иерархии среди 17-ти членов еврозоны (а также среди кандидатов на вступление, таких как Латвия, вступившая в зону в июле 2013 г.) в соответствии с относительной силой их экономики, главенствующую позицию при этом заняла Германия. Вопрос, который встает в связи с этим и будет разбираться ниже, заключается в том, насколько такой иерархический порядок отражает предпочтения национальных элит, и если это так, на каких контекстных и индивидуальных обстоятельствах данные предпочтения основываются.

Помимо межправительственной стратегии выхода из кризиса также были (и есть) несколько наднациональных и многосторонних вариантов. Одним из наднациональных вариантов является передача руководящей роли в урегулировании кризиса институтам ЕС и снабжение их инструментами вмешательства в рынки облигаций, например путем разрешения ЕЦБ выпускать евробонды для противодействия атакам «виджиланте» рынка ценных бумаг на страны еврозоны с крупным государственным долгом. Эта мера заключается в объединении долгов в рамках еврозоны и делегировании полномочий по решению основных вопросов национальной фискальной политики наднациональному органу, ЕЦБ, который будет в большой мере недосыгаем для национальных правительств и парламентов. Такая «стратегия развития чувства принадлежности к Европе» лишает влияния отдельные государства-члены и расширяет поле деятельности еврозоны. Вторая наднациональная стратегия заключается в более активном вовлечении таких международных институтов, как Всемирный банк и, особенно, Международный валютный фонд, в процесс урегулирования кризиса. Последствия этого похожи на результаты вышеописанной стратегии, с тем отличием, что принятие решений в международных органах основывается на *modus operandi*, при котором вес голоса стран с более сильной экономикой будет больше, чем у стран со слабой экономикой. Еще одно отличие заключается в том, что вовлекаются гораздо больше стран, хотя исторически доминирующее положение во Всемирном банке и МВФ занимают США, иногда обладая там единоличным контролем. Третья стратегия — действовать по одиночке, т.е. передать всю полноту ответственности в борьбе с кризисом в руки отдельных государств без помощи ЕС или международных органов. Таким образом, суверенные государства останутся ключевыми действующими

лицами и будут самостоятельно справляться с давлением и рисками финансовых рынков.

Подытоживая, можно сказать, что за пять кризисных лет европейские политические элиты имели четыре не исключающие друг друга варианта урегулирования кризиса:

- согласованные действия национальных правительств (межправительственный уровень),
- вмешательство Европейского союза (многоуровневое управление),
- вмешательство международных финансовых институтов (многосторонний подход),
- самостоятельные действия национальных правительств (односторонний подход).

Поскольку меры, которые могут повлиять на национальный бюджет или на предоставление финансовой помощи от Европейского центрального банка, *de jure* принимаются именно национальными правительствами и парламентами, в условиях кризиса очень важно, какой из этих вариантов предпочтут европейские политические элиты. Можно считать удачным, хотя и не случайным то обстоятельство, что представители национальных политических элит 17-ти европейских государств были опрошены в ходе второго этапа исследования IntUne на предмет того, какая из этих четырех стратегий борьбы с кризисом представляется им наиболее предпочтительной¹. Второй этап исследования проводился в *annus horribilis*, в 2009 г., когда почти все атлантические экономики переживали сильное падение ВВП, резкий рост безработицы и увеличение бюджетного дефицита. В США предпринимались кейнсианские меры по стимулированию экономики, и пусть и в небольшом объеме, но все европейские правительства вводили или готовились ввести программы экономии, предусматривающие сокращение бюджетных расходов. В 2009 г. стало ясно, что государственные финансы, возможно, слишком сильно пострадали от мер по спасению банковского сектора, когда резко сократились налоговые поступления. Одним словом, именно в 2009 г. политическим элитам необходимо было принять решение о выборе стратегии и институтов, на которые можно положиться в борьбе с кризисом и его последствиями.

---

¹ Lengyel G., Jahr S. Appendix. Surveying Elites: Information on the Study Design and field Report of the IntUne Elite Survey // The Europe of Elites: A Study into the Europeanness of Europe's Political and Economic Elites / Ed. by H. Best, G. Lengyel, L. Verzichelli. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 242–268.

КОНФЛИКТ И КОНСЕНСУС В КРИЗИСНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЯХ ЭЛИТ

В ответ на просьбу выбрать один из вышеуказанных вариантов минимизации «последствий текущего финансового кризиса для национальных правительств» 47% представителей политических элит 17-ти европейских стран выбрали «согласованные действия национальных правительств» (рис. 1). Другие три варианта оказались гораздо менее популярны: варианты «вмешательство Европейского союза» и «вмешательство международных финансовых институтов» набрали по 18%, а «самостоятельные действия национальных правительств» — 17%. Действия на межправительственном уровне однозначно признавались основным вариантом, а второе место поделили многоуровневый, многосторонний и односторонний подходы. При включении в опрос второго возможного варианта доля респондентов, которые предпочли в качестве первого или второго варианта межправительственный подход, возросла до 73%. Это можно интерпретировать как сильную поддержку выбранного в ходе кризиса образа действий со стороны политических элит. Здесь признается взаимозависимость и конечная ответственность национальных государств, которые в итоге являются политической сферой деятельности и родной территорией для законодателей той или иной страны. В том, что элиты не уверены

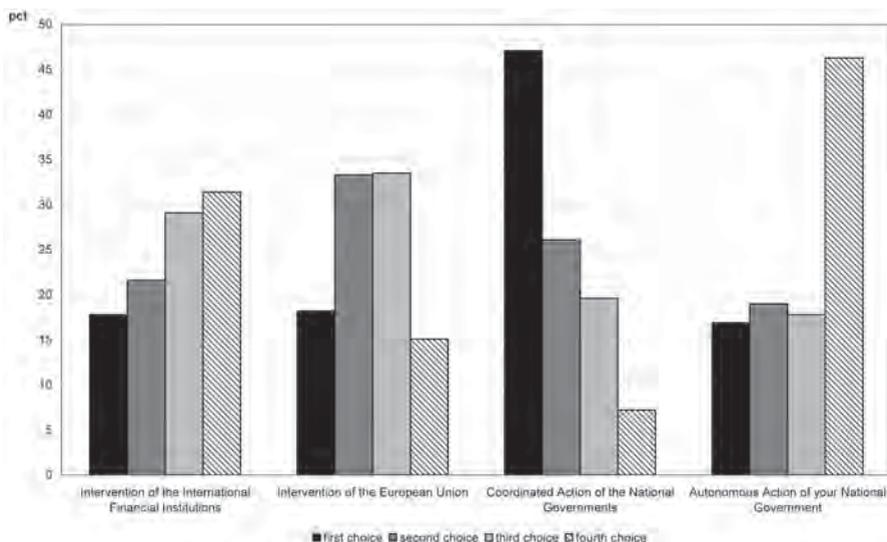

Рис. 1. Варианты уменьшения влияния финансового кризиса

в целесообразности передачи власти наднациональным органам управления, в том числе ЕС, мы видим очевидное ограничение для устранения кризиса. Между тем «согласованные действия» подразумевают широкую гармонизацию и учет интересов других стран, т.е. смягчение концентрации на национальных государствах и, следовательно, признание необходимости наднационального решения. «Самостоятельные действия национальных правительств» оказались гораздо менее популярны, набрав всего 17% в качестве первого варианта и 36% при совместном подсчете первого и второго вариантов ответа. Столь низкий результат показывает, насколько политические элиты дистанцируются от единоличных действий: почти половина респондентов отказалась рассматривать такие действия в качестве сколько-нибудь приоритетного варианта, исключив их таким образом из возможных альтернатив. «Вмешательство Европейского союза» оказалось гораздо более популярной возможностью. Более половины (52%) респондентов выбрали эту меру в качестве первого или второго варианта, и только 15% поставили данный пункт на четвертое место.

Такие настроения неудивительны, так как проект IntUne показывает, что большинство представителей политической элиты хочет как суверенных роли и статуса для своего национального государства, так и сотрудничества с другими странами в контексте ЕС¹. Хотя «вмешательство международных финансовых институтов» набрало почти столько же процентов в качестве первого варианта, как и «вмешательство ЕС», при возможности двух вариантов ответа первый из упомянутых пунктов набрал намного меньше голосов, чем последний (39%). Заметное меньшинство в 31% респондентов поставили «вмешательство международных финансовых организаций» на последнее четвертое место.

Если принять во внимание все варианты выбора, возникает четкая градация альтернатив по снижению последствий кризиса для экономики стран респондентов. Явное предпочтение было отдано согласованным действиям национальных правительств, затем с небольшим отрывом следовало вмешательство ЕС, а на третьем и четвертом

---

¹ Best H. *Elites of Europe and the Europe of Elites. A conclusion* // *The Europe of Elites: A Study into the Europeanness of Europe's Political and Economic Elites* / Ed. by H. Best, G. Lengyel, L. Verzhichelli. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 234–241.

местах — вмешательство международных институтов и самостоятельные действия национальных правительств. Та же последовательность наблюдалась и при подсчете ответов с возможностью выбора только одного варианта: примерно 17% респондентов указали варианты именно в данном порядке.

Согласованные действия национальных правительств в рамках и с помощью наднациональных и многонациональных организаций — таким, очевидно, был идеальный предпочитаемый путь выхода из кризиса для политических элит Европы. С учетом довольно низкой поддержки единоличных действий, казалось, наблюдался широкий консенсус в борьбе с кризисом именно таким способом. Здесь можно сделать заключение о том, что антикризисные меры, предпринятые национальными европейскими политическими элитами, имели под собой поддержанное большинством соглашение о комбинировании межгосударственных согласований, многоуровневого управления и многосторонних действий по борьбе с кризисом. Действительно, данная комбинация стратегий преследовалась в ходе кризиса. В то же время говорить о единогласном консенсусе было бы слишком оптимистично, и это противоречило бы текущему курсу антикризисного управления. В действительности этот процесс часто сопровождался конфликтами, возникавшими в связи с межнациональной напряженностью и различиями в интересах, так что по состоянию на середину 2013 г. он не привел ни к окончанию кризиса, ни даже к единому мнению среди стран Европы о том, какие меры должно включать в себя решение данной проблемы. Такие страны как Великобритания не присоединились и не присоединятся к ЕСМ, они отказываются принимать общеевропейские механизмы контроля для обеспечения стабильности национального бюджета. Другие страны следуют европейской линии неохотно, оставляя за собой обширные права на самостоятельность и протестуя против строгой экономии, требуемой со стороны Германии (рис. 2–5).

Основания для возникновения данных конфликтов становятся понятны при изучении различий в степени поддержки вышеуказанных четырех вариантов среди элит 17-ти стран в опросе IntUne 2009 г. «Согласованные действия национальных правительств», самый популярный из четырех вариантов, с одной стороны, поддержали 72% представителей британской политической элиты и 67% политической элиты Германии, с другой стороны, 24% представителей политической элиты Венгрии и 22% политической элиты Сербии (Сербия была единствен-

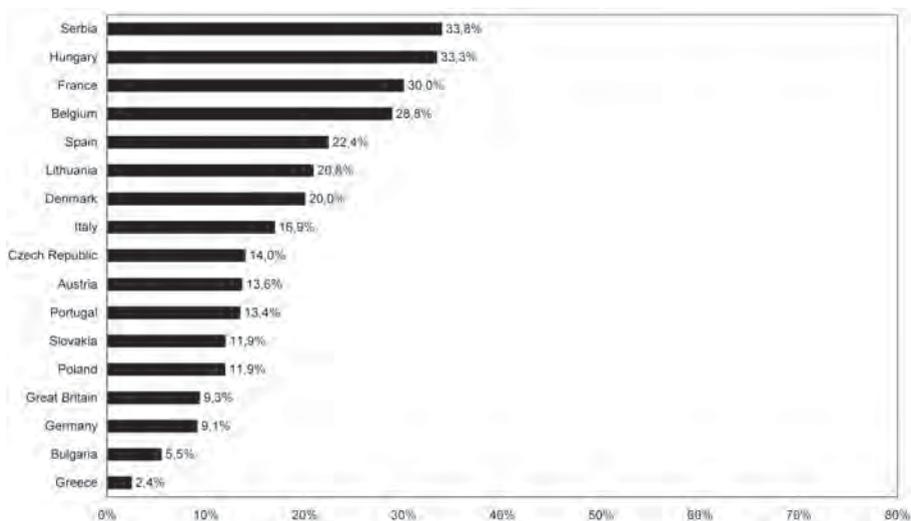

Рис. 2. Варианты уменьшения влияния финансового кризиса: вмешательство международных финансовых институтов (первый выбор)

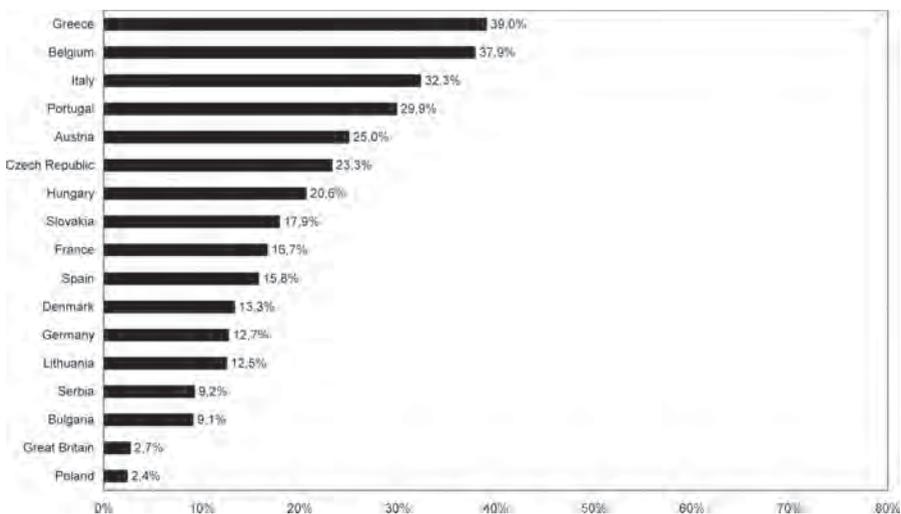

Рис. 3. Варианты уменьшения влияния финансового кризиса: вмешательство Европейского союза (первый выбор)

ной страной, не входящей в ЕС и принявшей участие в исследовании). «Вмешательство ЕС» в качестве первого варианта набрало 39% в Греции (!) и 38% в Бельгии, но 3% в Великобритании (!) и 2% в Польше.

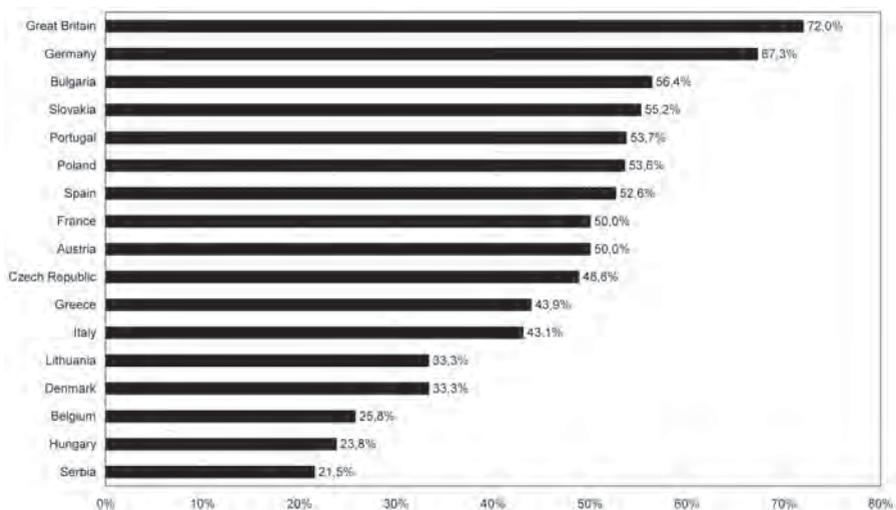

Рис. 4. Варианты уменьшения влияния финансового кризиса: согласованные действия национальных правительств (первый выбор)

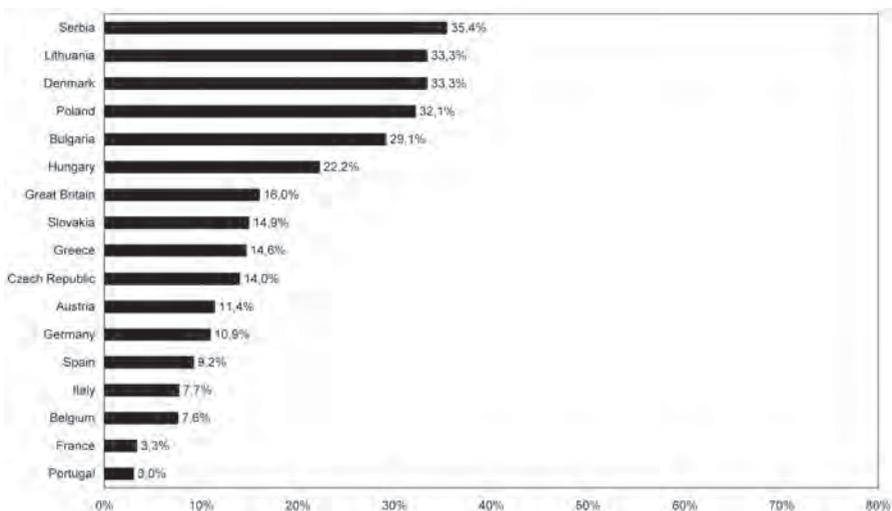

Рис. 5. Варианты уменьшения влияния финансового кризиса: самостоятельные действия правительства вашей страны (первый выбор)

«Самостоятельные действия национальных правительств» получили от 35% и 33% в Сербии и Литве соответственно, и лишь до 3% во Франции и Португалии. «Вмешательство международных финансовых ин-

ститутов» было наиболее популярно среди представителей политических элит Сербии и Венгрии (34% и 33% соответственно), и наименее популярно в Болгарии (!) и Греции (6% и 2% в качестве первого варианта).

Очевидно, что панъевропейского консенсуса относительно наилучшего пути выхода из кризиса не существовало. Предпочтения, выраженные в позициях отдельных стран, и различия между национальными элитами были огромны. Также очевидно, что уже на ранней стадии кризиса в 2009 г. выделялись элиты тех стран, которые впоследствии при усугублении кризиса стали знаменитыми «особыми случаями» в том или ином отношении: это элиты Германии, Великобритании, Франции, Португалии и наиболее ярко Греции.

МОДЕЛИ АДАПТАЦИИ И ПРЕДРАСПОЛОЖЕННОСТИ ЭЛИТ ВО ВРЕМЯ КРИЗИСА

Вопрос заключается, конечно, в том, какие различия между национальными элитами коренятся в общей экономической ситуации их стран, положении этих стран на международных финансовых рынках, их большей или меньшей вовлеченности в деятельность международных институтов ЕС или просто в индивидуальных предпочтениях респондентов. Это будет проанализировано с помощью этиологического анализа контекстных (т.е. специфических для данной страны) и индивидуальных (т.е. специфических для данного человека) детерминантов предпочтений элит в отношении выхода из кризиса. Порядок, в котором респонденты располагают четыре предложенных варианта, можно рассматривать как зависимую переменную, и в связи с гнездовой (вложенной) структурой выборки элиты — вложенной согласно национальной принадлежности — применяется многоуровневая регрессивная модель¹.

В регрессивной модели независимые переменные на контекстном уровне включают информацию о статусах 17-ти государств в 2009 г. в отношении связей с еврозоной (т.е. член или не член еврозоны, используется ли евро в качестве национальной валюты), экономические показатели (ВВП на душу населения), экономическая стабильность (общий показатель ВВП), задолженность на душу населения, задолженность в процентах ВВП и длительность членства в ЕС (количество лет).

---

¹ *Steenbergen M.R., Jones B.S. Modeling Multilevel Data Structures // American Journal of Political Science. 2002. Vol. 46. No. 1. P. 218–237.*

Чтобы учесть возможные эффекты восприимчивости респондентов к определенным сигналам, можно добавить контекстную информацию о массовых настроениях экономических элит (данные 2007 г.). Поскольку население отдельных стран не опрашивалось о том, какой из четырех вариантов выхода из кризиса является предпочтительным, их отношение к интеграции ЕС может быть использовано в качестве показателя общего уровня чувства принадлежности к Европе. Это делается с целью определить, связано ли принятие или неприятие релевантными референтными группами передачи полномочий по антикризисным мероприятиям на уровень ЕС с предпочтениями политических элит в 2009 г.

Та же переменная — принятие или неприятие передачи полномочий на уровень ЕС — была на индивидуальном уровне включена в регрессивную модель более крупного набора установочных переменных, описывающих чувство принадлежности респондентов-представителей элит к Европе. В ходе предшествовавшего опросу глубинного анализа данных было установлено, что данные переменные существенным образом связаны как минимум с двумя зависимыми переменными. В регрессивные модели были включены показатель политической идеологии, представленный как самостоятельная оценка респондентом собственной позиции по 11-балльной шкале от левого до правого политических полюсов, и данные о вовлеченности респондентов в деятельность институтов ЕС. Так как остальные демографические характеристики респондентов значительного влияния на двумерном уровне не оказывали, в качестве демографических переменных в моделях были использованы только уровень образования, возраст и пол.

Результаты многоуровневого регрессивного анализа (табл. 1) приведены как для полной многоуровневой, так и для пустой многоуровневой модели (в последнем случае указываются только R^2 Маддалы и необъяснимая вариативность на контекстном уровне). Первичное изучение четырех многоуровневых моделей демонстрирует значительную вариативность подбора модели: R^2 Маддалы снижается от значительного показателя 0,260 модели с «вмешательством Европейского союза» в качестве зависимой переменной, к показателю 0,195 односторонней альтернативы («самостоятельные действия национальных правительств») и всего 0,108 и 0,105 многостороннего («вмешательство международных финансовых институтов») и межгосударственного («согласованные действия национальных правительств») подходов.

Многочленные регрессионные модели
 (1 — наибольшее предпочтение; 4 — наименьшее предпочтение)

Независимые переменные	Вмешательство международных финансовых институтов	Вмешательство Европейского союза	Согласованные действия национальных правительств	Самостоятельные действия правительства вашей страны
1	2	3	4	5
€ как валюта (реф.: не евро)				
€ как национальная валюта	0,132**	-0,286***	-0,192**	0,206**
Нац. валюта, связанная с €	0,207***	-0,174**	-0,115*	-0,019
ВВП на душу населения	-0,059	-0,051	-0,153	0,205
ВВП всего	0,218**	0,126*	-0,273***	-0,185*
Долг на душу населения	0,675***	0,239	-0,290***	-0,557*
Долг всего в процентах	0,073	-0,356***	-0,004	0,221
Длительность членства в ЕС	-0,788***	0,031	0,555***	0,308
Общественное мнение: интеграция с ЕС (0 — уже слишком сильная; 10 — необходимо усилить)	0,244***	0,121**	-0,199***	-0,149*
Мнение эконом. элит: интеграция с ЕС (0 — уже слишком сильная; 10 — необходимо усилить)	-0,280***	-0,050	0,263***	0,088
Будущее ЕС: единая внешняя политика (1 — резко против; 5 — очень поддерживаю)	-0,033	-0,112**	0,022	0,116**
Привязанность к Европе (1 — низкая; 4 — высокая)	0,009	-0,085**	0,015	0,034

1	2	3	4	5
Личное доверие к Европейской комиссии (0 — нет, 10 — высокий уровень)	-0,035	-0,086*	-0,002	0,132**
Политическое самоопределение (0 — левый; 10 — правый)	0,091*	0,030	0,003	-0,058
Возраст (z-величины)	-0,013	-0,022	-0,051	0,094*
Контакт с институтами ЕС (0 — нет; 1 = — да)	0,045	-0,001	-0,082*	0,034
Пол (0 — мужской, 1 — женский)	-0,010	0,081**	-0,033	-0,020
Угроза того, что директивы ЕС повлияют на повседневную жизнь (1 — угрозы нет; 4 — серьезная угроза)	0,008	0,097*	-0,071	-0,015
Угроза иммиграции из стран, не входящих в ЕС (1 — угрозы нет; 4 — серьезная угроза)	0,006	0,088*	0,001	-0,086**
Самоощущение европейца или не-европейца (0 — не-европеец; 1 — европеец)	-0,009	-0,078**	0,018	0,077**
Константа/Пересечение	2,468***	3,339***	1,714	2,521***
R ² Макдалы	0,108	0,260	0,105	0,195
Необъяснимая вариативность на контекстном уровне: (пустая многоуровневая модель) / полная модель	(9,5%) / <0,1%	(14,6%) / <0,1%	(7,9%) / <0,1%	(11,1%) / 2,6%
-2 лог. правдоподобия	2334,357	1980,250	2124,028	2313,070
Тест отношения лог. правдоподобия	92,564	242,968	89,225	175,967
Действительное значение N	807	807	807	807

^aРеференция: -2 лог. правдоподобия пустой одноуровневой модели
Уровни значимости: *** знач. < 0.001; ** знач. < 0.01; * знач. < 0.05

Данные различия выражают степень ориентации респондентов при выражении своих предпочтений на статус и состояние своих стран, их отношение к Европе и Европейскому союзу, их политические предпочтения, а также их место в социальных и институциональных структурах своих обществ и Европейского союза. Выясняется, что влияние данных факторов очень мало при выборе межправительственного и многостороннего варианта — в случае с межправительственным подходом данная модель даже не является значимой — в то время как предпочтение многоуровневого или одностороннего управления в условиях финансового кризиса в гораздо большей степени структурируются индивидуальным опытом респондентов и их национальными контекстами.

Возможно, популярности межправительственному подходу добавили его аморфные основания: предпочтение согласованных действий национальных правительств, очевидно, является совместимым с более широким спектром контекстных условий и индивидуальных диспозиций, чем предпочтение односторонних действий определенного государства или вмешательства ЕС. Но данное объяснение не работает для многостороннего подхода: предпочтение вмешательства международных финансовых институтов также имеет аморфные основания, но при этом очень популярно среди национальных политических элит в Европе. Причина таких различий между межправительственным и односторонним подходами может заключаться в том, что в случае последнего общее влияние контекстных переменных — то есть, ориентации на состояние и статус родной страны респондента — сильнее, и конфигурация таких контекстных переменных обладает большим потенциалом, чем в случае с межправительственным подходом.

Данное наблюдение предполагает потребность более внимательно исследовать относительного веса контекстных и индивидуальных переменных, что возможно за счет сравнения измерений степени согласия пустой и полной многоуровневой модели. Это показывает, что контекстные переменные являются явно наиболее определяющими. В случаях межправительственного и многоуровневого подходов переменные индивидуального уровня едва ли оказывают хоть какое-то влияние на предпочтения респондентов. Это важные сведения, так как они демонстрируют, что политические элиты прежде всего думали о состоянии и статусе собственной страны при выборе предпочтительного варианта борьбы с кризисом. Их индивидуальные связи, политические предпочтения и взгляды играли гораздо меньшую роль. Данный вывод

напоминает о распространенном упреке в адрес политических элит относительно того, что они преследуют собственные интересы: если поведение политических элит во время кризиса и было обусловлено собственными интересами, они глубоко укоренены в их восприятии состояния и статуса собственных стран, или, иначе говоря, для политических элит Европы страны и избиратели имеют определенное значение.

Какое они имеют значение и почему — становится ясно, если проанализировать влияние (измеренное в стандартных бета-величинах) контекстных переменных на показатели предпочтений. Данные показатели принимают значение от одного (наиболее высокий) до четырех (наиболее низкий), так что негативные бета-величины подразумевают более высокий уровень предпочтения при росте значения независимой переменной. Например, в случае предпочтения «согласованных действий национальных правительств» можно заметить очень явный негативный эффект показателя ВВП, что означает, что респонденты в странах с мощной экономикой чаще отдавали предпочтение межправительственному подходу, чем представители стран с более слабой экономикой. Экономические показатели стран (ВВП на душу населения), напротив, значительного влияния не оказывали. Институциональный контекст также играл важную роль: принадлежность к одной из стран еврозоны или связь с такой страной повышали степень предпочтения межправительственного подхода, так же как и более длительный срок членства в ЕС. Высокий показатель государственного долга на душу населения значительно повышал степень предпочтения межправительственного подхода, в то время как государственный долг в процентах от ВВП влияния не оказывал. Массовые представления и подверженность мнениям, царящим внутри элиты, также имели большое значение: поддержка интеграции среди населения повышала степень предпочтения элитами межправительственного подхода, а склонность к интеграции соседних экономических элит наоборот данное предпочтение снижала.

Хотя возникает неоднородная картина, мы все же видим несколько общих тенденций, поддерживающих идею о том, что мощная экономика, сильные и длительные связи с институтами ЕС и население, поддерживающее интеграцию, усиливают предпочтение межправительственного подхода среди представителей элиты. Данный вариант оказался наиболее популярным среди элит крупных государств, для которых ЕС,

вероятно, служит институциональным ресурсом, выступающим в качестве посредника при заключении межправительственных договоренностей и усиливающим их позиции в переговорном процессе с правительствами других стран. Данная интерпретация влияния связи с ЕС и еврозоной подкреплена и тем фактом, что единственная переменная на индивидуальном уровне, оказывающая значительное (и положительное) влияние на степень предпочтения межправительственного подхода — это «контакт с институтами ЕС». Высокий показатель государственного долга на душу населения мог служить катализатором для начала переговорных процессов с другими странами и для избегания вмешательства международных организаций во время кризиса, так как международные организации действуют вразрез с национальной политикой и настаивают на перераспределении финансовых ресурсов за рамками контроля национальных политических элит. Отрицательное влияние межправительственного подхода среди экономических элит на восприятие данного подхода элитами политическими можно также объяснить с помощью данной интерпретации: возможно, именно объединение рисков и долгов в глубоко интегрированном Европейском союзе делает дальнейшую интеграцию привлекательной для экономических элит и заставляет дистанцироваться от межправительственного подхода, к которому испытывают склонность их коллеги из политической сферы.

Структура, вырисовывающаяся для модели с межправительственным подходом в качестве зависимой переменной в целом, подтверждается и для всех остальных вариантов борьбы с кризисом. Экономическая мощь и/или эффективность склонны снижать предпочтительность многостороннего и многоуровневого подходов и повышать предпочтительность односторонних действий. Это означает, что вмешательство ЕС и вмешательство со стороны международных институтов были в частности поддержаны политическими элитами стран с менее мощной и/или менее эффективной экономикой. Высокий показатель государственного долга на душу населения и/или государственный долг, составляющий крупную долю ВВП, повышали предпочтительность вмешательства Европейского союза и снижали предпочтительность вмешательства международных институтов. Это подтверждается и тем фактом, что отдельные страны-члены ЕС, особенно более мелкие, имеют гораздо большее влияние на решения, принимаемые в ЕС, чем на решения Международного валютного фонда или Всемирного банка.

Элиты стран-членов ЕС с высокой задолженностью также могли испытывать солидарность и пользоваться особым обращением со стороны других членов ЕС, чего им не приходится ожидать от международных институтов. Мысли о национальном интересе и суверенитете тоже могут повлиять на более активное предпочтение одностороннего подхода элитами из стран-должников. Членство в еврозоне или связь с ней значительно повышали предпочтительность вмешательства ЕС и снижали предпочтительность одностороннего или многостороннего подходов. Вывод о том, что элиты европейских стран, входящих в ЕС лишь с недавних пор или не входящих в него вовсе, испытывают наиболее сильную антипатию к вмешательству со стороны международных институтов может быть объяснен тем, что в нашей выборке данная группа состояла исключительно из респондентов из стран Центральной и Восточной Европы, которые крайне неохотно отказываются от суверенитета в пользу многосторонних институтов, где их страны обладают небольшим весом¹.

Что касается того, что элиты берут пример друг с друга, это повлияло только на многосторонность, где политические элиты стран, экономические элиты которых выступают за интеграцию, поддерживали вмешательство международных институтов. В то время как данный эффект может быть интерпретирован как показатель *консенсуса между элитами* относительно вовлечения наднациональных институтов, если принять во внимание также настроения широких слоев населения, то существуют свидетельства и *различий между элитами и населением*: там где широкая общественность демонстрировала высокий уровень неприятия дальнейшей европейской интеграции, политические элиты поддерживали вмешательство ЕС и были против самостоятельных действий национальных правительств. Впрочем, эти различия между элитами и общественностью не были очевидны в отношении вмешательства со стороны международных институтов, так как тенденции поддержки интеграции среди широких слоев населения совпали с предпочтениями политической элиты относительно многостороннего подхода к поиску выхода из финансового кризиса.

---

¹ *Real-Dato J., Göncz B., Lengyel G. National Elites' Preferences on the Europeanization of Policy Making // The Europe of Elites: A Study into the Europeanness of Europe's Political and Economic Elites / Ed. by H. Best, G. Lengyel, L. Verzichelli. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 67–93.*

Говоря о переменных индивидуального уровня, влияние индикаторов чувства принадлежности к Европе на предпочтение вмешательства со стороны ЕС представляется вполне ясным и последовательным. Доверие к Европейской комиссии, готовность принять единую европейскую внешнюю политику, определение самого себя как европейца, принадлежность к Европе, принятие вмешательства ЕС в повседневную жизнь и открытость к иммиграции из стран, не входящих в ЕС, — все это положительно связано с предпочтением выхода из кризиса за счет многоуровневого управления. Влияние чувства принадлежности к Европе на выбор варианта односторонних действий было обратным: респонденты-евроскептики отдавали гораздо большее предпочтение самостоятельным действиям национальных правительств. Предпочтение левой или правой стороны политического спектра оказало значительное влияние только на отношение к многосторонности, а именно: респонденты, придерживавшиеся правых политических взглядов, меньше симпатизировали вмешательству международных финансовых институтов. Это понятно, если принять во внимание, что многосторонний подход является угрозой целостности национального государства. Из демографических переменных влияние оказали только возраст и пол, и только в двух моделях. Причем оба эффекта оказались скорее неожиданными: более молодые политики склонялись к предпочтению самостоятельных действий своих правительств, а респонденты женского пола предпочитали вмешательство Европейского союза. В целом все переменные, связанные с чувством принадлежности респондентов к Европе, имели значение только в моделях, где зависимыми переменными были односторонний подход или многоуровневое управление. Другие переменные индивидуального уровня, такие как политические пристрастия, пол и возраст, оказывали лишь иллюзорные и частичные эффекты. Таким образом, можно заключить, что этиологический анализ предпочтений политических элит относительно путей выхода из кризиса преимущественно отражал экономическую ситуацию в родных странах респондентов, вовлеченность их стран в институциональный контекст ЕС и мнения релевантных референтных групп на национальном уровне. Чувство принадлежности к Европе имело значение только при выборе между многоуровневым управлением или односторонним подходом к разрешению кризиса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приведенный анализ показывает, что триумф межгосударственного подхода при поиске выхода из экономического и политического кризиса в Европе после 2009 г. основывался на серьезной поддержке национальных политических элит на начальной стадии кризиса: почти половина всех элит предпочитала «согласованные действия национальных правительств» в качестве основного варианта из четырех различных способов борьбы с кризисом. Хотя это означало серьезную поддержку межправительственного подхода, полного консенсуса не было: более половины респондентов в первую очередь поддержали один из трех других вариантов, и были выявлены огромные различия в предпочтениях элит 17-ти стран. В то время как межгосударственный, многосторонний и многоуровневые подходы являются в некотором роде совместимыми, а самостоятельные действия национальных правительств — нет, все же в целом те предпочтения, которые элиты выражали в 2009 г., были предзнаменованием значительного конфликтного потенциала вопроса о путях и средствах сокращения последствий кризиса в их странах.

Как показывают наши многоуровневые модели множественной регрессии, предпочтения элит отражали в первую очередь институциональный статус их собственных стран в Европейском союзе, экономическую ситуацию в их странах и сигналы, полученные от релевантных референтных групп, таких как местные экономические элиты. Установки играли определенную роль, но не такую важную и только в двух моделях. Оценки различных вариантов реакции на кризис оставляли возможность для различных определений и переопределений национальных интересов, а также давали почву для переговоров и поиска компромисса. Они также вывели на арену Европейский союз, который занял второе место среди коллективных акторов, призванных справиться с кризисом. Предпочтение вмешательства со стороны ЕС было связано с чувством принадлежности респондентов к Европе, которое выступало в качестве ограничивающего фактора в отношении популярности вмешательства ЕС среди европейских политических элит. Однако за исключением одностороннего подхода, оставшиеся две модели не показали ни явного положительного, ни отрицательного влияния какой-либо из переменных, связанных с чувством принадлежности к Европе, на показатели предпочтительности. Это означает, что «европейское решение» было идеологически совместимо с межправительственным и многосторонним подходом, но не с односторонними действиями.

Курс европейского антикризисного управления до 2013 г. привел к реформированию межправительственных структур Европы и созданию новых институтов для многоуровневого управления «финансовым союзом». Эти новые институты соответствуют иерархии стран ЕС, выстроенной согласно их экономическим показателям, и добавляют элемент иерархичности в институциональную структуру многоуровневого управления в Европе. Это не предполагалось и не было запланировано, но именно к этому привел триумф межправительственного подхода в течение пяти кризисных лет.

Тот факт, что индивидуальные характеристики политических элит — связанные с их отношением и положением в социальных структурах — имеют столь малое значение, можно считать знаком активности политических элит, так как это расширяет границы возможных вариантов борьбы с кризисом и облегчает поиск компромисса и путей выхода Европейского союза из ситуации, вызванной кризисом.

Институциональный статус и экономическое положение стран-членов ЕС не стали в той же мере ограничивающим фактором, как идеологические предпочтения элит, поскольку от политических элит можно ожидать способность к адаптации к изменению ситуации и потребностей своих стран. Удивительная гибкость, которую европейские политические элиты демонстрировали до сих пор, отвечая на вызовы кризиса и соглашаясь с новой институциональной структурой единой финансовой политики на уровне ЕС, была предсказана опросом IntUne 2009 г. Однако, так как чувство принадлежности к Европе также было довольно важным фактором формирования предпочтений односторонних действий или многоуровневого управления, можно было предсказать, что страны с явно скептическим отношением к евроинтеграции элитами либо откажутся от участия полностью (такие угрозы исходят от Великобритании), либо будут участвовать с большой неохотой, как Чехия и Венгрия. Основным импульсом институционального ответа ЕС на кризис было не чувство принадлежности политических элит к Европе, а их страх. *S'unir ou périr!* — «Объединение или гибель!» — таким был девиз во времена создания ЕС, и, похоже, ответ политических элит на кризис после 2008 г. также обусловлен надеждой на сплоченность¹. Страх руководил европейскими политическими элитами

---

¹ Best H. Elite foundations of European Integration: a causal analysis // The Europe of Elites: A Study into the Europeanness of Europe's Political and Economic

при формировании Европейского союза как *cartel of angst*, и именно страх руководит ими сегодня в стремлении к федеративному и иерархичному Европейскому союзу.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Спасибо Штефану Йару (Университет г. Йены) за помощь в обработке данных и анализе информации и Вероне Кристмас-Бест (Университет г. Йены) за корректировку языка, стиля и связности текста.

Перевод с немецкого Владимира Балахонова

Урсула Хоффманн-Ланге

ГРАЖДАНЕ И ЭЛИТЫ ВО ВРЕМЕНА ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА И ОБЩЕСТВЕННЫХ ВОЛНЕНИЙ

Глубокий финансовый, экономический и налоговый кризис 2008 г. стал началом широких протестных движений, направленных против сокращения государственных бюджетов и социальных выплат в большинстве европейских и североамериканских демократий. Поскольку ответственность за данный кризис приписывалась безответственному поведению частных финансовых институтов и неолиберальной политике демократических правительств, кризис не только обострил неудовлетворенность политическими акторами и капиталистическими рынками, но и усилил общественную поддержку требований НПО и политических партий предоставить обычным гражданам больше возможностей для прямого влияния на принимаемые политические решения. В статье рассматривается вопрос, изменил ли кризис фундаментальным образом отношения элит и граждан за счет ускоренного разрушения традиционных связей между элитами и массами в старых демократиях, ослабления общественной поддержки институтов политического представительства и решений правительства в целом. В то время как некоторые социологи приветствовали эти тенденции, видя в них возможности давления на демократии с целью предоставления гражданам больше возможностей для прямого влияния на политические решения и, таким образом, повышения качества демократического строя, в статье будет показано, что такие ожидания не находят отражения в реальности. И теория элит, и эмпирическая политическая социология доказывают наличие менее благоприятных последствий усиления прямого демократического участия граждан в принятии политических решений. В теории элит утверждается, что определенный уровень автономности элит необходим для возможности реализации ими целостной и устойчивой политики, а эмпирическая политическая социология показывает, что политические интересы и вовлеченность граждан в политику не только ограничены, но и в высшей степени неравномерны. Поэтому времена активного участия граждан являются сложными периодами для элит в целом и для демократической политической элиты в частности. Основание их власти становится менее стабильным, а их карьеры более подвержены поражению на выборах. В связи с этим они скорее будут придерживаться краткосрочных стратегий для максимизации своих карьерных перспектив. Подобные тенден-

ции ведут к росту волатильности и непоследовательности демократической политики в будущем.

Ключевые слова: элиты, граждане, кризис, НПО, политические партии, демократия, политическое участие, политические карьеры.

ВВЕДЕНИЕ

Экономическая рецессия, связанная с финансовым, экономическим и налоговым кризисом имела глобальные последствия и вынудила правительства во всем мире отреагировать на экономический спад и налоговые проблемы. Практически во всех демократиях, как старых, так и новых, это стало причиной широких политических протестов. В статье речь пойдет о политических последствиях этих протестных движений для европейских и североамериканских демократий. Будут рассмотрены следующие взаимосвязанные вопросы:

1. Насколько глубоко влияние рецессии на выборы и стабильность правительств в европейских и североамериканских демократиях?

2. Демонстрируют ли вызванные кризисом массовые протесты новое качество протестного движения, или это лишь временная реакция на трудности, возникшие вследствие правительственных мер по борьбе с кризисом?

3. Если текущие протесты должны восприниматься как индикаторы общей тенденции к увеличению политического участия граждан, которая только усилилась за счет кризиса, то какое влияние это окажет на качество демократии в Европе и Северной Америке? Является ли это закатом «делегативной демократии» и можем ли мы сказать «прощай, элита»? Приблизимся ли мы к идеалу демократии, которая осуществляется не только для народа, но и самим народом? Или это приведет к эрозии институтов представительской демократии и станет причиной анархии?

ВЛИЯНИЕ ВЕЛИКОЙ РЕЦЕССИИ НА ЭЛЕКТОРАЛЬНУЮ ВОЛАТИЛЬНОСТЬ И СТАБИЛЬНОСТЬ ПРАВИТЕЛЬСТВ В ЕВРОПЕЙСКИХ И СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ ДЕМОКРАТИЯХ

Первый и самый важный вопрос, который следует рассмотреть, — это вопрос о влиянии кризиса на выборы в странах, участвовавших в исследовании, т.е. в демократических странах Европы и Северной Америки. В Европе помимо 28 стран, входящих в ЕС (включая Хорва-

тию с июля 2013 г.), были рассмотрены еще три государства, имеющих рейтинг Freedom House — «свободные»: Исландия, Норвегия и Швейцария. В таблице 4 в приложении приведены основные экономические показатели этих 33 стран. По уровню ВВП на душу населения их можно разделить на три группы: посткоммунистические страны (за исключением Словении) являются наиболее бедными с национальным доходом менее 20 000 дол. США на душу населения. ВВП стран юга Европы составляет от 18 000 до 35 000 дол. США на душу населения, а в старых демократиях на севере и западе Европы, а также в Северной Америке этот показатель составляет более 38 000 дол. США. Разброс в третьей группе очень большой: от немногим менее 40 000 дол. США в Великобритании и Франции до более 100 000 долларов США в Норвегии.

Беглый анализ динамики ВВП в 2009 г. показывает, что только одна из 33 стран — Польша — продемонстрировала небольшой экономический рост в 2009 г. Из таблицы также видно, что три прибалтийских государства — Эстония, Латвия и Литва — больше остальных пострадали от рецессии в 2009 г., но быстро восстановились. Норвегия и Румыния также смогли восстановиться, в то время как Греция (–3,9 % в 2013 г.), Португалия (–1,4 %), Испания (–1,2 %) и Хорватия (–1,0 %) все еще борются с продолжающимся кризисом.

В 2011 г. показатели безработицы выражались двузначными числами в одиннадцати из 34 стран, в том числе в трех прибалтийских государствах, в четырех других посткоммунистических странах (Болгария, Хорватия, Венгрия и Словакия), а также на юге Европы в Греции, Италии, Испании и Португалии. Это показывает всю серьезность данного кризиса и его наиболее яркое проявление в более бедных странах, в то время как более богатые были затронуты намного меньше.

Данные о выборах в таблице 5 в приложении и в таблице 1 позволяют определить политическое влияние кризиса с помощью сравнения результатов выборов как косвенного инструмента измерения уровня доверия правящим политическим партиям. С начала 2008 г. до середины сентября 2014 г. в 33 странах было проведено 58 выборов в органы законодательной власти. В 19 странах выборы уже состоялись дважды, а в Греции, Словении и США — трижды; 22 раза выборы эти были досрочными. За исключением трех стран с фиксированными сроками легислативных полномочий (Норвегия, Швейцария и США) досрочные выборы составили более двух пятых всех проведенных выборов (41,5 %). Но хотя досрочные выборы проводились, вероятно, чаще

обычного, в некоторых странах решения о проведении досрочных выборов никак с кризисом связаны не были (например, в Австрии — в 2008 г., в Канаде — в 2008 и 2011 гг.¹, в Бельгии — в 2010 г., в Италии — в 2008 г., в Нидерландах — в 2010 г.).

В таблице 1 отражена информация о различиях между тремя вышеуказанными группами стран. На первый взгляд кажется удивительным, что экономический кризис и экономическая и фискальная политика действующих правительств стали главной темой менее чем в 60 % предвыборных кампаний. Вероятно, это связано с тем, что некоторые выборы 2008 г. прошли до банкротства «Lehman Brothers». К недавним же выборам, особенно прошедшим с 2013 г., многие страны, напротив, уже успели восстановить свою экономику и на первый план вышли другие вопросы. Помимо этого в некоторых странах тему кризиса затмили внутривнутриполитические противоречия, например конституционные вопросы, коррупция в правительстве, другие политические скандалы, этнические конфликты или иммиграционные вопросы.

Рассматривая случаи досрочных выборов, можно сказать, что в одиннадцати посткоммунистических демократиях они состоялись реже, чем в странах двух других групп. Только пять из этих государств провели досрочные выборы с 2008 г. (Латвия — в 2011 г., Словакия — в 2012 г., Болгария и Чешская республика — в 2013 г., Словения — в 2011 и 2014 гг.). Менее чем в трети случаев выборы в странах данной группы проводились до предусмотренного срока окончания законодательных полномочий. Так как партийные системы этих относительно новых демократических государств являются не столь устойчивыми, расколы внутри партий, предвыборные партийные коалиции и формирование новых партий встречаются чаще. Это позволяет избежать новых выборов за счет перегруппировки существующих партий в парламенте. Таблица 1 показывает, что в среднем даже одной новой партии удавалось добиться существенного представительства в парламенте в ходе выборов в этих странах.

---

¹ Канада является частным случаем, поскольку канадский премьер-министр, как и его британский коллега, может назначить досрочные выборы в любой момент. Так, досрочные выборы нередко проводятся в ситуации, которая кажется наиболее благоприятной премьер-министру. Именно так и обстояло дело с двумя выборными циклами в Канаде, оба были выиграны консервативным правительством Харпера.

Таблица 1

**Выборы, электоральная волатильность и изменения
в правительствах 33 демократических стран Европы и Северной
Америки* (в % от всех в данной группе стран)**

Группа стран	Северная и Западная Европа, Северная Америка	Пост- коммуни- стические демокра- тии	Демокра- тии юга Европы	Все страны
Количество стран	16	11	6	33
Количество проведенных выборов	26	20	12	58
Доля досрочных выборов	42,9 %*	30,0 %	58,3 %	41,5 %*
Доля стран, где экономическая политика или рецессия — главные темы предвыборных кампаний	61,5 %	45,0 %	75,0 %	58,6 %
Доля стран с высокой электоральной волатильностью	73,1 %	100,0 %	75,0 %	82,8 %
Выборы с набором или потерей веса правительственных партий	-7,6 %	-11,0 %	-9,0 %	9,0 %
Выборы, где общая потеря доли правительственных партий превысила 10 %	34,6 %	60,0 %	33,3 %	43,1 %
Выборы, в результате которых в парламент вошли новые партии (и заняли не менее пяти мест)	15,4 %	115,0 %	41,7 %	55,2 %
Выборы, в результате которых произошли изменения в правительстве	61,5 %	120,0 %	100,0 %	87,9 %

* Норвегия, Швейцария и США не учитывались как страны с фиксированным сроком законодательных полномочий.

Досрочные выборы, некогда считавшиеся индикатором политической нестабильности, были намного более частотны в южноевропейских демократиях, где их доля составила почти 60 %. Но они также до-

вольно часто встречались и в старых демократиях, за исключением стран с мажоритарной выборной системой, в том числе Кипра и Мальты. Таким образом, можно сделать вывод, что проведение досрочных выборов для политиков теперь является не проблемой, а способом разрешения правительственного кризиса за счет обращения к избирателям в поисках выхода из политического тупика.

Экономический кризис играл наиболее важную роль в предвыборных кампаниях в южноевропейских демократиях, которые наиболее сильно пострадали от крупного государственного долга и кризиса евро. Он также принял угрожающие размеры и в старых демократиях. Хотя посткоммунистические демократии пострадали от кризиса сильнее всего, часто другие вопросы оказывались там более важными, возможно, потому что данные страны все еще сталкиваются с другими насущными проблемами, такими как конституционные споры, этнические конфликты, коррупция и политические скандалы.

Электоральная волатильность была довольно высокой в 48 из 58 избирательных кампаний. При проведении данных измерений волатильностью считалось уменьшение или увеличение доли на выборах как минимум одной политической партии на пять или более процентов от общего количества голосов. Только в двух странах — Кипре и Люксембурге — не наблюдалось существенных изменений в раскладе сил на выборах. Во многих странах с наиболее серьезными потерями голосов избирателей столкнулись именно правящие партии, например 28,8 % в Болгарии в 2009 г., 47,8 % в Греции в июне 2012 г., 29,7 % в Ирландии в 2011 г. и 34 % в Словении в 2011 и 2014 гг. Средний уровень потери голосов правящих партий на всех выборах составил 9,0 %, а улучшить свой результат правящим партиям удавалось только в 13 из 58 выборов, и улучшение это всегда составляло менее десяти процентов.

Другим индикатором электоральной волатильности является успех новых партий на выборах. В 58 рассматриваемых выборных циклах 32 новым партиям удалось получить минимум пять мест в парламенте, но часто это число было гораздо больше. Некоторые из них даже смогли набрать значительную долю общего количества голосов, например партия «Граждане за европейское развитие Болгарии» (ГЕРБ), выигравшая выборы в 2009 г. с 39,7 % голосов, или движение Грилло в Италии, набравшее 25,5 %. Новые партии были особенно успешны в посткоммунистических демократиях, где 23 из них получили места в парламентах в 20 выборных циклах, а также в южноевропейских демократиях на большей части про-

веденных выборов. Партийные системы старых демократий, напротив, показали себя более стабильными, но даже там на политической арене появилось много новых партий, например «Партия Вилдерса», «Истинные финны», «Шведские демократы» и «Альтернатива для Германии», ставшая самой молодой из всех участвовавших в исследовании.

Изменения в правительстве могли быть следствием конфликта в правящей коалиции или итогом поражения на выборах. С 2008 г. правительства 33 государств менялись в общей сложности 52 раза. Следует заметить, что учитывалось только изменение партийной принадлежности и большинства в правительстве¹. Только в пяти странах не произошло перемен за семь лет с 2008 г., в 14 странах состав сменился один раз, в восьми — два, а в шести странах — трижды и чаще. Наиболее часто смена правительств происходила в посткоммунистических странах, особенно в Чешской республике (3), в Латвии (4), в Румынии (4) и Словении (4). Эти страны вместе представляют 46,2 % от общего числа (52 смены в правительствах 33 стран), составляя при этом лишь треть всех рассматриваемых стран. Также там наблюдалась более сильная волатильность избирателей. Это неудивительно, так как партийные системы данных новых демократий не имели так много времени на консолидацию, как в старых демократиях.

Изменения в правительстве также довольно часто случались в юноевропейских демократиях. В то же время таблица 1 показывает, что правительственные перестановки стали более частотны и в старых демократиях, где более чем в половине выборов действующее правительство не переизбиралось.

Недавние исследования демонстрируют, что текущий экономический кризис отрицательным образом влиял также и на политическое доверие и удовлетворенность демократией. Проведенное на основании данных Европейского социального опроса 2004 и 2010 гг. исследование Полавейя² демонстрирует, что оба этих показателя сильно снизились

---

¹ Поэтому не рассматривались смены премьер-министров и проведение новых выборов. Также не брался в расчет партийный состав правительств, созданных по итогам досрочных выборов, и/или временных правительств, просуществовавших менее шести месяцев, так как внимание здесь уделяется исключительно партийному составу правительств.

² *Polavieja Javier G.* The great recession: Political trust, satisfaction with democracy and attitudes to welfare-state redistribution in Europe. Manuscript. Madrid:

с 2004 г., особенно в Греции, Испании и Словении, которые наиболее сильно были затронуты кризисом¹. В данной работе также показано существенное значение членства в зоне евро, где снижение данных показателей было более четким². Отчет Исследовательского центра Пью³, опубликованный в мае 2013 г., свидетельствовал о резком снижении уровня национальной экономики и способности политических лидеров справиться с экономическим кризисом, особенно в трех южноевропейских странах — Греции, Испании и Италии, а также во Франции и Великобритании⁴.

Означают ли данные индикаторы политической неудовлетворенности действиями правительств угрозу для жизнеспособности демократических институтов? Относительно молодые посткоммунистические демократии в этом отношении представляют особый интерес, так как они одновременно являются наиболее бедными странами Европы и, за исключением Польши, серьезно пострадали от рецессии в 2009 г. Можно предположить, что демократия в данных странах будет наиболее уязвимой. Но, несмотря на высокий уровень нестабильности правительств в этих странах, электоральные или парламентские поражения правительств не привели пока к конституционным кризисам. Сегодня опасность заключается не столько в том, что правящие партии не смогли смириться с поражением на выборах и отказались отступить. Как минимум не меньшую опасность представляет возможность изменения ими правил проведения выборов в целях предотвращения поражений в будущем. Коррупция и подтасовки на выборах все еще довольно распространены в некоторых из этих стран, но только правительство ФИДЕС в Венгрии открыто выступило за возвращение к авторитарной системе

IMDEA Institute, 2012. <repec.imdea.org/pdf/imdea-wp2012-08.pdf>, retrieved 2013/09/01.

¹ Ibid. P. 18–19, 35.

² Ibid. P. 21–23, 37.

³ Pew Research Center. The New Sick Man of Europe: The European Union. Manuscript. Washington (D.C.): Pew Research Center, 2013. P. 3–5. <<http://www.pewglobal.org/2013/05/13/the-new-sick-man-of-europe-the-european-union/>>, retrieved 2013/09/01.

⁴ Что интересно, поддержка евро оставалась на высоком уровне и — за исключением Греции и Польши — большинство граждан предпочитали сокращение расходов правительства увеличению социальных пособий.

правления и изменило и конституцию, и выборную систему в данном направлении. Необходимо время, чтобы понять, позволит ли это ФИДЕС остаться у власти в долгосрочной перспективе. Итальянская демократия пережила несколько попыток установления несправедливых выборных практик, а также автократию Берлускони. По сравнению с высокой политической нестабильностью демократий Центральной и Южной Европы в период между первой и второй мировыми войнами демократия в посткоммунистических странах до сих пор была необыкновенно устойчивой, что, вероятно, также связано с их членством в ЕС.

В то время как экономические и налоговые проблемы в южноевропейских странах, безусловно, очень серьезны, что выражается в высокой безработице, большой государственной задолженности и электоральных успехах открыто фашистской партии в Греции, тем не менее демократия в них не находится в опасности. Нестабильность правительства в Италии в первые сорок лет после второй мировой войны была гораздо сильнее, и сроки полномочий итальянских правительств тогда исчислялись днями, а не месяцами¹. Политическое доверие в Италии после второй мировой войны также было крайне низким. Очевидно, что нестабильность правительства нарушает возможности эффективного управления, однако вряд ли это может считаться серьезным кризисом демократии. Также со стороны избирателей не последовало единогласной серьезной критики в адрес действующих правительств, которые ввели политику строгой экономии. Больше того, большинство крупных политических партий повели себя ответственно, присоединившись в поисках прагматичных решений насущных проблем экономической политики своих государств к большим коалиционным правительствам, даже если туда входили их главные политические противники, особенно в Греции и в Италии.

Сегодня показатели электоральной и правительственной нестабильности, в первой половине XX в. свидетельствовавшие о серьезном кризисе демократии, следует интерпретировать в свете общей эрозии политического доверия, повышения волатильности избирателей и продолжающихся изменений партийных систем даже в старых демократиях. Электоральная волатильность в масштабах, которые сегодня считаются нормальными или даже скромными, была интерпретирована

---

¹ *Cotta M., Verzichelli L. Political Institutions in Italy. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 110–118.*

как недостаток демократической стабильности в Германии в 1950–1960-е годы, когда эксперты все еще опасались призраков нацизма. Повышенная электоральная волатильность привела к серьезным изменениям партийных систем даже в таких странах с сложившимися демократическими традициями, как Дания, Нидерланды, Бельгия, Канада и недавно Швейцария. В Великобритании, где победа отдается кандидату, набравшему простое большинство голосов, общая доля консерваторов и лейбористов снижалась с 1970-х годов, и это даже привело к созданию первого послевоенного коалиционного правительства в 2010 г.¹ Эффективное число партий, участвовавших в выборах, в Великобритании выросло с 1945 по 2010 г. с 2,7 до 3,7, даже с учетом того, что количество парламентских партий не росло пропорционально, а увеличилось только с 2,1 до 2,6². То, что раньше воспринималось как потенциально опасная политическая нестабильность, сегодня даже приветствуется интеллектуалами и социологами как достижение демократии, как показатель повышающейся гибкости избирателей и предоставления избирателям права большего влияния на решения правительств.

ИЗМЕНЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПОЛИТИКИ ПРОТЕСТА

Последние десятилетия показали значительное повышение протестной активности, направленной против решений местной администрации, национальных правительств и даже частных предприятий. Кроме того, влиятельной силой на международных саммитах и конференциях стали международные протестные движения. После начала международного финансового кризиса наблюдается резкий рост глобальных протестных движений, среди которых «Оссиру» — лишь самый заметный пример. Движение «Оссиру» («Захвати Уолл-стрит» и пр. — *прим. переводчика*) показывает, с какой легкостью протестные группы, появляющиеся сначала лишь в одной стране, могут распространиться на территорию других государств и быстро превратиться в гибкую глобальную протестную сеть. Однако не все эти организации принадлежат к тому, что обычно обозначается как *новые социальные*

---

¹ *Quinn Th.* From New Labour to New Politics: the British General Election of 2010 // *West European Politics*. 2011. Vol. 34, No. 2. P. 403.

² *Ibid.* P. 410.

движения, поскольку устоявшиеся организации, особенно профсоюзы, также активизировали свои мобилизационные усилия.

Политическая безмятежность послевоенного времени закончилась уже в начале 1960-х годов внезапной и неожиданной вспышкой политических протестов среди студентов в демократических странах Запада. Исследование политического действия (Political Action Study, 1979 г.), основанное на опросе, проведенном в пяти странах в 1974 г., подтвердило возникновение новых видов политического активизма помимо традиционных посреднических объединений. Большинство респондентов в четырех из пяти странах, участвовавших в исследовании, сочли законное прямое политическое действие, например демонстрации и петиции, легитимным способом формулирования своего несогласия с политикой правительства. Однако в то же время лишь некоторые респонденты (примерно 10 %) указывали, что и сами принимали участие в подобных действиях¹. Участие в прямых политических действиях имело негативную связь с возрастом и позитивную — с высшим образованием и глубокой политической компетентностью. Хотя в распоряжении авторов была только одномоментная выборка данных, они ожидали, что полученные результаты отображают долгосрочный сдвиг форматов участия в политической жизни, который в будущем изменит характер политической борьбы в странах со старыми демократиями. В то же время эти данные показывали, что обнаруженный протестный потенциал не был направлен против демократических институтов, а скорее маркировал расширение возможностей гражданского участия в политическом процессе². Больше того, протестная активность и традиционные пути участия в политической жизни, такие как голосование и деятельность в рамках традиционных промежуточных организаций, были тесно связаны. Поэтому протестные действия являются не альтернативным, а скорее дополнительным способом участия в политической жизни.

В своих выводах авторы попытались оценить вероятное влияние этих новых форматов политического участия на состояние политической системы. Они ссылаются на Хантингтона, считавшего, что «сущест-

---

¹ Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies / S.H. Barnes, M. Kaase, K.R. Allerback, B. Farah, F. Heunks, R. Inglehart, M. Kent Jennings, H.D. Klingemann, A. Marsh, and L. Rosenmayr. Beverly Hills, Calif.: Sage Publications, 1979. P. 548–549.

² Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies. P. 27.

ствование институтов политического участия, таких как партии, группировки по интересам, ассоциации, а также механизм выборов, более не могут адекватно отвечать на запрос о расширении этого участия»¹. Исследование завершается гипотетическими заключениями относительно политических последствий, которые могут иметь эмпирические результаты опроса: «Несомненно, положение элит в будущем будет становиться все менее стабильным, менее иерархичным и всеохватывающим; вопреки ожиданиям Ч.Р. Миллса, существующая структура элит будет все более разнообразной и плюралистичной. Мы считаем, что это пойдет на пользу демократическому обществу. Кроме того, нас не пугает заявление о том, что процесс принятия решений будет усложняться из-за более широкого участия граждан. Вероятно, это действительно так, но старый аргумент эффективности не достаточен для демократического политического процесса; он должен соответствовать определенным требованиям и быть сбалансирован за счет консенсуса или легитимности. Весьма вероятно, что граждане согласятся участвовать в более длительном процессе принятия решений и принимать его политический результат, даже если он не будет соответствовать их желаниям, если само их участие в процессе будет удовлетворять их потребность к самореализации и убеждать их в легитимности данного результата»².

За 40 лет, прошедших с момента публикации Исследования политического действия, доля граждан в постиндустриальных странах, принимающих участие в прямых политических действиях, увеличивалась с невероятной скоростью³. Это уже было видно в заключении сравнительного исследования, где подводился итог изучению общественного мнения относительно государства и изменений форматов участия граждан в политической жизни с середины 1970-х до середины 1990-х годов. «Наблюдаемый рост неинституционального участия практически во всех странах является наиболее однозначным фактом, полученным в ходе данного исследования»⁴. Репрезентативный опрос 2009 г. в Германии подтверждает, что данный процесс, возможно, еще не достиг

---

¹ Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies. P. 525.

² Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies. P. 531.

³ Ср.: Dalton R.J. Citizen Politics. 4th ed. Washington (D.C.): CQ Press, 2006. P. 68.

⁴ Fuchs D., Klingemann H.-D. Citizens and the State: A Relationship Transformed // Citizens and the State / H.D. Klingemann, D. Fuchs (eds.). Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 431.

своего завершения. Процент молодых жителей Германии в возрасте от 18 до 32 лет, которые ответили, что уже принимали участие в демонстрациях, вырос до 44 %, 25 % указывают, что участвовали в протестных акциях в интернете, и 77 % подписывали различные петиции¹.

Достаточное количество эмпирических данных подтверждает тот факт, что оба вида гражданского участия дополняют друг друга, и что активные граждане склоняются к использованию всего спектра доступных вариантов для отражения своих политических предпочтений: путем голосования, партийной работы, а также с помощью попыток повлиять на политические решения разного рода прямыми, более или менее яркими действиями. Возросшая готовность к участию в политическом протесте против политики правительства, однако, не подразумевает, что граждане будут «отказывать в поддержке демократической системе государственного устройства в целом или хотя бы каким-то из ее элементов»². Напротив, уровень поддержки демократии и демократических процедур за последние десятилетия только вырос.

В то же время членство в традиционных массовых организациях, особенно в политических партиях и профсоюзах, сокращается³. Впрочем данный спад вполне компенсируется возникновением большого количества групп прямого действия, поддерживающих множество различных социальных и политических инициатив, в том числе на локальном, национальном и глобальном уровнях в таких сферах, как защита окружающей среды, проблемы женщин или стран третьего мира, благотворительность, НКО или общественный надзор, как «Transparency International»⁴. Одним только своим количеством данные организации

---

¹ Gille, M., Hoffmann-Lange U. Jugend und politische Orientierung // Handbuch Jugend. Evangelische Perspektiven / Yvonne Kaiser et al. (eds.). Opladen: Verlag Barbara Budrich, 2013: S. 130–135.

² Ibid. S. 434.

³ Ср.: Putnam R.D. Bowling Alone. N.Y.: Simon & Schuster, 2000.

⁴ Huntington S.P. Postindustrial Politics: How Benign Will It Be? // Comparative Politic. 1974. Vol. 6. No. 2. P. 176; Fuchs D., Klingemann H.-D. Citizens and the State: A Changing Relationship? // Citizens and the State / H.D. Klingemann, D. Fuchs (eds.). Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 1–23; Fuchs D., Klingemann H.-D. Citizens and the State: A Relationship Transformed. P. 419–443; Keane J. Monitory democracy? // The Future of Representative Democracy / S. Alonso, J. Keane, W. Merkel (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 212–235.

опровергают опасения Пудман относительно того, что упадок традиционных массовых организаций стал причиной эрозии социального капитала в постиндустриальных демократиях. И все же, как указывают Фуки и Клингеманн¹, эти новые группы и инициативы с организационной точки зрения менее институционализированы и менее стабильны. Можно также добавить, что в особенности благодаря интернету и смартфонам даже у групп, не обладающих значительными ресурсами, появилась возможность без особых затрат организовать спонтанные политические действия. «С точки зрения граждан они способны эффективно оперативно представлять интересы; с точки зрения политической системы они являются коллективным политическим актором, способным адаптироваться к изменению проблематики быстрее, чем формальные организации»².

Как справедливо замечали многие наблюдатели, рост политической активности может быть связан в первую очередь с распространением образования. Однако, хотя Инглхарт и другие утверждали, что рост уровня образованности и распространения СМИ, в особенности интернета, ускорили массовый процесс когнитивной мобилизации и рост политической осведомленности³, политика все же остается сферой, которой большинство людей уделяет мало внимания. Более глубокое понимание всех сложностей политического процесса и продолжительная вовлеченность в него остаются уделом относительно небольшой доли населения. Интерес к политике не вырос так, как этого можно было ожидать, учитывая имеющийся рост уровня образованности населения. В исследовании Ние, Юнн и Штелик-Бэрри⁴, посвященном связи образования и демократических взглядов граждан, предпринимается попытка разгадать этот парадокс. Авторы различают два с аналитической точки зрения обособленных аспекта демократических убеждений граждан: демократическая просвещенность и политическая вовлеченность. Де-

---

¹ Fuchs D., Klingemann H.-D. Citizens and the State: A Changing Relationship?

² Ibid. P. 19.

³ Inglehart R.; Welzel Ch. Modernization, Cultural Change, and Democracy. The Human Development Sequence. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 28; Dalton R.J. Citizen Politics. 4 ed. Washington (D.C.): CQ Press, 2006. P. 25.

⁴ Nie N.H., Junn J., Stehlik-Barry K. Education and Democratic Citizenship in America. Chicago: University of Chicago Press, 1996.

мократическая просвещенность связана со знанием принципов демократии, приверженностью демократическим ценностям и толерантности. «Политическая вовлеченность, с другой стороны, означает способность граждан преследовать свои предпочтения в политике и характеризуется такими атрибутами, как участие в сложной политической деятельности и знание лидеров»¹.

Оба аспекта демократичности граждан связаны с формальной образованностью, но у них разная логика. Вовлеченность в политику зависит не только от образования, но и от воспринимаемой способности влиять на политические процессы. В отличие от образования, однако, влияние является дефицитным статусным товаром. Поэтому политическое участие связано с тем, что авторы называют *относительной образовательной моделью*. Рост образованности повышает конкуренцию за политическое влияние среди людей, получивших высшее образование, так что польза от высшего образования снижается. Авторы показывают, что это действительно так. Доля респондентов, участвующих в трудоемкой политической деятельности, такой как предвыборная кампания, и регулярно следящих за политическими новостями, оставалась более или менее стабильной между 1972 и 1992 гг.² Демократическая просвещенность является в свою очередь личным атрибутом, связанным с *абсолютной образовательной моделью*. Соответственно, поддержка демократических ценностей сильно выросла вместе с ростом среднего уровня образованности населения³.

Исследование Най, Юнн и Штелик-Бэрри дает подходящее объяснение некоторым парадоксам развития ценностных ориентаций граждан и форматов участия в политической жизни современных демократий. Абсолютная образовательная модель объясняет, почему рост уровня образования способствовал распространению демократических ценностей, снизив при этом уровень доверия к политикам, готовность делать денежные взносы и выходить на улицу во имя «правильных» политических идей. В любом случае, подобные действия чаще всего непостоянны и степень их влияния на отдельные вопросы ограничена. Относительная образовательная модель, напротив, объясняет, почему количество активистов, готовых посвящать значительное количество

---

¹ Ibid. P. 37.

² Ibid. P. 127.

³ Ibid. P. 122.

времени политике, не выросло сравнимым образом. Данный вывод подтверждается также тем фактом, что и старые, и новые организации сталкиваются с проблемами при привлечении и удержании новых членов. В то время как демонстрации могут привлечь большое количество участников, организационная работа остается прерогативой относительно стабильного ядра активистов.

ДЕМОКРАТИЯ ПРЯМОГО УЧАСТИЯ И МОНИТОРИНГОВАЯ ДЕМОКРАТИЯ КАК НОВЫЕ МОДЕЛИ ДЕМОКРАТИИ?

Распространение протестной активности долгое время считалось типичным феноменом западных стран с высоким уровнем достатка населения. Но и развитие диссидентских движений против политических притеснений в бывших коммунистических странах, и недавние восстания в арабском мире, а также повторяющиеся политические протесты в Иране, Китае и авторитарных посткоммунистических государствах, таких как Россия, Украина и Беларусь, показывают, что политический протест стал по-настоящему глобальным феноменом. Наиболее популярное объяснение распространению подобных протестов дает теория Рональда Инглхарта о смене ценностей. Даже те, кто сомневаются в правильности данной теории, не спорят с корректностью наблюдения Инглхарта о том, что произошел вековой сдвиг моделей участия в политической жизни, которое ранее *определялось элитами*, а теперь стало связано с *противодействием элитам*¹, что было подтверждено большим количеством эмпирических данных. Позднее Инглхарт и Вельцель² развили теорию смены ценностей в полномасштабную теорию взаимоотношений между модернизацией, развитием человечества и демократией. Они утверждают, что социально-экономическая модернизация привела к когнитивной мобилизации и увеличила гражданский спрос на индивидуальную свободу и демократические права участия в политической жизни.

Инглхарт и Вельцель принимают решительно восходящий подход к демократии. Данная перспектива не только отрицает релевантность

---

¹ Inglehart R. *Modernization and Postmodernization*. Princeton: Princeton University Press, 1997. P. 169.

² Inglehart R., Welzel Ch. *Modernization, Cultural Change, and Democracy*.

элит в процессе демократизации и консолидации демократии¹, но и не учитывает последствия снижения потребности граждан принимать решения правительства для демократических институтов. Демократия нуждается не только в формулировании интересов, но и в объединении интересов, для чего от правительств требуется способность найти баланс между различными нуждами и достичь компромисса, который обязательно разочарует тех, чьи предпочтения не стали преобладающими. В итоге Инглхарт и Вельцель опровергают *противодействие элитам* и *определение элитами* как типы поведения и не уделяют внимания различию между ними.

Политические активисты, а также многие социологи считают, что наблюдаемые перемены требуют фундаментальной реформы представительной демократии и настаивают на ее замене новой моделью *демократии прямого участия*, которая предоставляет гораздо больше прямых гражданских прав, используя, например, гражданские инициативы, референдумы, совещательные гражданские комитеты и т.д. В этой связи часто упоминается швейцарская модель прямой демократии, хотя и без признания центральной роли элит, т.е. политических партий и групп, объединенных определенными интересами, в швейцарском демократическом процессе².

Джон Кин недавно представил концепцию *мониторинговой демократии*, имеющую много общего с демократией прямого участия. Кина интересуют не столько институциональные инновации, сколько распространение контролирующих групп, осуществляющих мониторинг деятельности правительств и правительственных органов, что и стало причиной возникновения демократии нового типа³. «Мониторинговая демократия является новой исторической формой демократии, вариантом “постпарламентской” политики, определяемой быстрым ростом различных внепарламентских механизмов контроля за властями»⁴. Кин считает, что это не приведет к исчезновению или даже снижению значи-

---

¹ Ср.: Ibid. P. 2.

² *Kriesi H. Direct Democratic Choice: The Swiss Experience. Lanham: Lexington Books, 2005.*

³ Также у Кина упоминаются опросы общественного мнения, фокус-группы, совещательное голосование, онлайн-петиции, голосование среди публики и клиентов.

⁴ *Keane J. Monitory democracy? P. 214.*

мости выборов, политических партий, законодательных учреждений, но они потеряют свою лидирующую позицию в формировании актуальной политики. Автор считает, что это увеличит влияние обычных граждан: «Новые контролирующие власть инновации часто представляют голоса граждан, иногда от лица *невыворных представителей*, умеющих пользоваться тем, что американцы иногда называют “подиум хулигана”¹. Автор явно указывает на то, что такие новые механизмы «сломают принцип власти большинства — преклонение перед цифрами, связанное с представительной демократией»².

Сторонники идеи демократии прямого участия или мониторинговой демократии считают, что большая вовлеченность граждан в политические процессы улучшит качество демократии, но они склонны забывать о фундаментальных принципах теории элит и эмпирической политической социологии. Между тем представляется необходимым учитывать и упомянутые подходы, чтобы дать более реалистичную картину вероятных последствий роста политической вовлеченности граждан.

ТЕОРИЯ ЭЛИТ, ЭМПИРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И РОЛЬ ГРАЖДАН В ПОЛИТИКЕ

Роль граждан в теории элит

Классики теории элит (Вильфредо Парето, Гаэтано Моска, Макс Вебер, Роберт Михельс) были поглощены идеей универсальности (политической) власти и элит. Их главной целью была демонстрация того, что теоретическая концепция демократии как системы правления народа имела фундаментальные изъяны. В первую очередь их интересовали пути рекрутирования элит, стратегии сохранения (оснований) власти элит, а также история взлетов и падений элит. Все, кто не относился к элитам, были, по их мнению, скорее объектами, а не субъектами истории. Признавая тот факт, что элиты должны принимать во внимание предпочтения масс, они ожидали, что элиты будут делать это, манипулируя массами в свою пользу. Они также предполагали, что изучения характеристик правящего класса достаточно для понимания политики. Из этого следовало предположение о том, что если политика не в со-

---

¹ Ibid.

² Ibid.

стоянии решить возникающие проблемы и справиться с социальными изменениями, то в первую очередь это связано с «некомпетентностью и неадекватными действиями правящих классов»¹.

Особенно мало интересовались *массами* Парето и Моска, считавшие их более или менее нерелевантными для политики. Даже в парламентской демократии, писал Моска, парламентский представитель не является выбранным избирателями, но «сам избрался за счет избирателей»² (курсив мой. — У.Х.-Л.). Далее он утверждал, что теоретическая свобода выбора избирателей «обязательно становится нулевой, если не сказать нелепостью», хотя на следующей странице это формулируется более осторожно: избиратели имеют «ограниченное право выбора из определенного числа кандидатов». Это обязывает кандидатов «всеми силами представлять себя в выгодном свете, располагать к себе и завоевывать доброе отношение избирателей», а также «учитывать настроения масс»³.

На заре индустриализации и на раннем этапе лейбористского движения культурологи часто высказывали опасения относительно распада традиционных социальных связей, обусловленных семейными и родственными отношениями или религией, из-за чего человек лишается корней, а общество атомизируется. В этом виделся не только вред для чувства идентичности граждан, но и проблемы для социального и политического порядка, поскольку потеря социального контроля со стороны традиционных элит открывала шансы для массовой мобилизации со стороны экстремистских движений и ставила под угрозу политическую стабильность. Опасности, связанные с рождением *общества масс*, стали темой анализа различных авторов. Вот лишь несколько известных ученых, интересовавшихся данной темой: Фердинанд Тённис (1887 г.), Густав Ле Бон (1985 г.) и Хосе Ортега-и-Гассет (1935 г.)⁴.

---

¹ Mosca G. The Ruling Class. Revised Edition / ed. by Arthur Livingstone. N.Y.: McGraw-Hill, 1939. P. 430.

² Ibid. P. 154.

³ Ibid. P. 155–156.

⁴ Подробный анализ их аргументов приводится в работе Альберта Хиршмана (*Hirschman A.O. The Rhetoric of Reaction. Perversity, Futility, Jeopardy. Cambridge (MA): Belknap Press, 1991.*) и Джозефа Фемиа (*Femia J.V. Against the Masses: Varieties of Anti-Democratic Thought since the French Revolution. Oxford: Oxford University Press, 2001.*)

Роберт Михельс¹ и Йозеф Шумпетер² стали первыми, кто проанализировал разделение труда между политиками и обычными гражданами в представительных демократиях. В то время как Михельс пытался продемонстрировать существование *железного закона олигархии*, управляющего жизнью всех организаций, Шумпетер разработал новую модель демократии как выборной конкуренции между политическими партиями, попытавшись примирить власть элит с демократией. Оба отводили активную роль политикам в определении политической повестки дня и оставляли гражданам в основном пассивную роль.

На основании проведенного им анализа немецкой СДПГ в период до первой мировой войны Михельс определил причины возникновения стабильного политического лидерства в демократических организациях: организационные требования и мотивация как со стороны партийных лидеров, так и со стороны рядовых членов. Он утверждал, что требование политической эффективности, заинтересованность политических лидеров в стабилизации своего привелегированного социального статуса и политическая власть, а также ограниченный интерес граждан к политическим делам и их низкая осведомленность приводят к возникновению более или менее постоянного политического лидерства даже в демократических организациях и государствах.

Похожим образом Шумпетер утверждал, что большинству избирателей не хватает знаний о политических вопросах и что политические интересы избирателей остаются латентными до тех пор, пока они не будут сформулированы политическими лидерами: «Такие стремления, как правило, не декларируются напрямую. Даже будучи сильными и определенными, они остаются латентными, часто на протяжении десятилетий, пока в них не вдохнет жизнь какой-нибудь политический лидер, который превратит их в политические факторы. Он делает это (или за него это делают его агенты), организуя данные стремления, придавая им законченный вид и включая приемлемые их части в свое конкурентное предложение»³.

---

¹ *Michels R. Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie. Reprint of the Second edition. Stuttgart: Kröner, 1970. English Edition: Political Parties. Kitchener (Ontario): Batoche Books, 2001. (Впервые опубликовано в 1911 г.)*

² *Schumpeter J.A. Capitalism, Socialism, and Democracy. London: Routledge, 1994. (Впервые опубликовано в 1943 г. Рус. изд-е: Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995.)*

³ *Ibid.* P. 270–271.

Таким образом Шумпетер делает заключение о необходимости разработки модифицированной теории представительной демократии, которая признает ограниченный интерес к политике со стороны обычных граждан и опирается на конкурентные выборы и институционные ограничения для гарантии политической подотчетности избранных лидеров. Это подразумевает обратную модель представления интересов: в отличие от теории мандата, основанной на ожидании того, что представители являются агентами, реализующими требования граждан (принципалов), Шумпетер говорит об активной роли политических лидеров в разработке альтернативных программ и представлении их избирателям. В данной модели роль граждан органичивается избранием и снятием правительств. Следует заметить, что концепция демократии у Шумпетера очень похожа на взгляды М. Вебера, хотя он напрямую его не цитирует. Вебер также считал, что власть в партии находится в руках партийного руководства, а активные члены партии выполняют функцию утверждения и контроля¹.

Джованни Сартори соглашается с предположением о том, что политические курсы редко иницируются избирателями², однако он занимает более дифференцированную позицию и опровергает адекватность предложенной Карлом Дойчем *каскадной модели формирования общественного мнения*, в которой признается дифференциация граждан на основании их знаний по политическим вопросам. Он утверждает, что политический курс может быть иницирован обоими способами и что в модели Дойча слишком мало внимания уделяется «идейным группам» и их месту в политической стратификации. «В целом я бы сказал, что наши демократии достигли уровня, когда восходящие процессы формирования мнения наилучшим образом характеризуются как автономный независимый процесс»³.

---

¹ Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft*. 2 Bd. / Johannes Winkelmann (Hrsg.). Köln. Kiepenheuer & Witsch, 1964. Ch. 4, § 18. (American edition: *Economy and Society* / ed. Guenther Roth & Claus Wittich. Berkeley: University of California Press).

² «Среднестатистический избиратель редко действует — он реагирует. Политические решения редко генерируются независимыми людьми — они представляются им на рассмотрение. А процессы формирования мнения не исходят от людей — они проходят через них» (*Sartori G. The Theory of Democracy Revisited*. Chatham, 1987. P. 123).

³ *Sartori G. The Theory of Democracy Revisited*. P. 94.

Посреднические объединения как связующий механизм

Теоретики плюрализма¹, в частности Роберт Даль в своей теории полиархии², отводили гражданам более активную роль в политике, чем в классической теории элит, но в то же время предполагали, что политическое влияние опосредуется через добровольные объединения и влиятельные группы, оказывающие давление на политику. Отдельные граждане воспринимаются не как простые обыватели и более или менее неграмотные судьи государственной политики (и поэтому от них ожидается не столь опосредованное участие в управлении не только путем участия в выборах), но и как члены в политических партиях и других посреднических организациях.

«Политика массового общества» Вильяма Корнхаузера — хороший пример такого рода теоретизирования, обладающий дополнительным преимуществом, поскольку описывает именно отношения элит и масс. Корнхаузер утверждает, что данные отношения включают в себя две перспективы. Восходящая перспектива предполагает доступность элит для требований масс, нисходящая перспектива — доступность остальных для доминирования и манипуляции со стороны элит. Результат их совмещения представлен в таблице 2.

Таблица 2

Отношения элит и масс

Доступность элит для требований масс	Доступность неэлит для доминирования и манипуляции со стороны элит	
	низкая	высокая
низкая	коммунальное общество	тоталитарное общество
высокая	плюралистичное общество	общество масс

¹ Aron R. Social Structure and the Ruling Class // British Journal of Sociology. 1950. Vol. 1. No. 1. P. 1–16; No. 2. P. 126–143. Reprinted in: Political Sociology / Lewis A. Coser (ed.). N.Y.: Harper & Row, 1966. P. 49–100; Stammer O. Das Elitenproblem in der Demokratie // Schmollers Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft, 1951. Bd. 71. S. 1–28; Kornhauser W. The Politics of Mass Society. L.: Routledge and Kegan Paul, 1960.

² Dahl R.A. Polyarchy. Participation and Opposition. New Haven: Yale University Press, 1971.

Корнхаузер утверждал, что плюралистичное общество характеризуется высоким уровнем отзывчивости элит на требования граждан, а также высоким уровнем независимости элит от общественного давления. Требования граждан передаются на уровень принятия политических решений скорее через густую сеть посреднических объединений по институционализированным каналам выражения интересов, а не через прямые массовые действия. Общество масс, напротив, характеризуется нехваткой посреднических объединений, а это означает, что взаимодействия между элитами и неэлитами становятся нестабильными. В обществе масс элиты сталкиваются с давлением требований большинства, выражаемым с помощью прямого политического действия, а граждане становятся объектами манипуляции со стороны элит. Поэтому Корнхаузер считает, что общество масс может стать жертвой тоталитаризма, так как разрозненные индивидуумы не имеют других средств влияния на политику, кроме участия в прямом политическом действии.

Теория Корнхаузера — это один из примеров, демонстрирующих старую традицию социальных наук подчеркивать культурную функцию посреднических объединений для общественной интеграции и для функционирования демократии, идущую еще от Торквилля. В эту традицию входят теории плюрализма, коммунитаризма и гражданского общества Патнэма¹. В то время как данные теории признают положительный эффект участия граждан в политическом процессе, они также предполагают, что данное участие должно происходить за счет посреднических организаций, объединяющих индивидуальные интересы, а не за счет массовых политических акций более размытых групп прямого действия, которые становятся все более частыми в последние годы.

Уроки эмпирической политической социологии

Исследования общественного мнения регулярно подтверждали тот факт, что подавляющее большинство граждан вовлечены в политические вопросы лишь маргинально и что только относительно небольшой сегмент населения обладает глубокими познаниями в политической

---

¹ См., напр.: *Lipset S.M. Political Man*. L.: Heinemann 1960; *Lipset S.M., Trow M., Coleman J. Union Democracy*. Garden City: Doubleday (Anchor Books), 1956; *Putnam R.D. Making Democracy Work. Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton: Princeton University Press, 1993; *Putnam R.D. Bowling Alone*.

сфере. В своем классическом исследовании Филип Конверс¹ утверждал, что лишь небольшое меньшинство от 10% до 20% избирателей обладало тем, что он назвал высоким уровнем политической осведомленности, в то время как политические убеждения большинства граждан отличались низким уровнем идеологической строгости и стабильности. Анализ Конверса вызвал сильную критику с различных сторон за методологические огрехи и пренебрежение политической эвристикой, которая позволяет даже менее осведомленным избирателям адекватно реагировать на политические сигналы, однако позднее Конверс² опроверг критические замечания. Он пишет, что не делал вывод о неспособности избирателей выносить политические суждения, а скорее хотел подчеркнуть невероятное разнообразие степеней политической осведомленности. Автор также признает, что точный уровень политического интереса и участия граждан в политике существенно различается в различных странах и в разные годы. Это подразумевает существование иерархии политической вовлеченности, а не дихотомию между политическими элитами и массами. Эмпирические данные не подтверждают предположение о том, что новые политические курсы всегда иницируются элитами, и не исключают, что они также могут быть иницированы группами активных граждан. Очевидно, что они будут реализованы только в том случае, если политические лидеры воспримут их всерьез и перенесут в формальные законодательные инициативы, однако данный факт сам по себе не является доказательством обратного.

Эмпирические исследования настроений избирателей, их поведения на выборах и в рамках других форм участия в политической жизни не подтверждают тот факт, что избиратели являются политически неграмотными и не способны принимать квалифицированные политические решения, но они содержат ряд возражений против оптимизма авторов, обсуждающих исключительно положительные последствия увеличения участия граждан в принятии политических решений. Еще в 1970–1980-х годах, когда заканчивался период непрерывного послевоенного экономического роста, ряд социологов пророчил перегрузку

---

¹ *Converse Ph.E. The Nature of Belief Systems in Mass Publics // Ideology and Discontent / D.E. Apter (ed.). N.Y.: The Free Press, 1964. P. 206–261.*

² *Converse Ph.E. Assessing the Capacity of Mass Electorates // Annual Review of Political Science. 2000. Vol. 3. P. 331–353.*

правительства и невозможность государственного управления в современных демократиях¹. Большинство этих авторов предполагало, что в связи с этим правительства столкнутся с серьезными проблемами. Они указывали на то, что рост требований граждан к правительствам может создать проблемы с управляемостью.

Хантингтон, в частности, выделял три причины подобного развития: распространение эгалитарных и индивидуалистических взглядов, снижение общественного доверия к правительственным институтам и делегитимация власти, которые все более затрудняют решение насущных политических проблем и в национальной, и в международной политике².

Все вышеуказанные теоретические и эмпирические выкладки могут помочь в оценке сложностей, связанных с увеличением гражданского участия в политическом процессе, в частности, в отношении четырех аспектов:

- выбор лидера,
- неравенство участия в политике,
- проблемы объединения интересов,
- тупиковые ситуации в политике.

Необходимо помнить не только о том, что распространение групп прямого политического действия увеличило власть граждан, но и о том, что и к данным организациям применяется железный закон олигархии. Они в первую очередь являются инструментами своих лидеров. Многие из этих лидеров — политические предприниматели, ставшие «политиками» в полной мере и зарабатывающие на жизнь, а иногда и получаю-

---

¹ См., напр.: *Huntington S.P. Postindustrial Politics: How Benign Will It Be?; King A. Overload: Problems of Governing in the 1970s. // Political Studies. 1975. Vol. 23. No. 3/4. P. 284–296; Crozier M., Huntington S.P., Watanuki J. The Crisis of Democracy. Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission. N.Y.: New York University Press, 1975; Rose R. Ungovernability: Is There Fire Behind the Smoke? // Political Studies. 1979. Vol. 27. No. 3. P. 351–370; Parsons W. Politics Without Promises: The Crisis of “Overload” and Governability // Parliamentary Affairs. 1982. Vol. 35. No. 4. P. 421–435; Birch A.H. Overload, Ungovernability and Delegitimation: The Theories and the British Case // British Journal of Political Science. 1984. Vol. 14. No. 2. P. 135–160.*

² См., напр.: *Huntington S.P. Postindustrial Politics: How Benign Will It Be?; Crozier M., Huntington S.P., Watanuki J. The Crisis of Democracy. Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission.*

щие прибыль с помощью средств, поступающих в качестве взносов в данные организации. Хорошо известно, что многие из них, например Greenpeace, даже не практикуют демократические процедуры при выборе своих лидеров. Тот факт, что они называют себя *защитниками общественных интересов*, не должен вводить нас в заблуждение и заставлять верить в то, что они действительно существенным образом отличаются от традиционных групп, оказывающих давление на политику. Мы могли бы даже применить к ним вердикт Парето о том, что они пытаются манипулировать общественным мнением в своих интересах, заявляя о своем отличии, поскольку они преследуют реализацию коллективных благ, а не узких интересов¹.

Вторая фундаментальная проблема модели демократии прямого участия — ее пренебрежение принципом политического равенства. На основании эмпирических исследований участия в политическом процессе Макс Каазе² и Най с соавторами³ указывали на то, что стандартная модель участия в политической жизни подразумевает неравенство участия, которое растет с усложнением акта участия. Таким образом, стандартная модель участия в политической жизни напоминает закон *увеличивающейся диспропорции* рекрутирования элит Роберта Патнэма⁴. Поскольку большинство неинституционализованных форм участия в политической жизни и особенно те, которые приветствуют приверженцы демократии прямого участия, таких как петиции, электронная демократия, участие в гражданских инициативах и т.п., является в первую очередь прерогативой личностей, обла-

---

¹ Как было упомянуто ранее, исследование прямой демократии в Швейцарии, осуществленное Ханспетером Кризи (*Kriesi H. Direct Democratic Choice: The Swiss Experience. Lanham: Lexington Books, 2005*) также подтвердило, что в первую очередь политические партии и организованные группы, оказывающие давление на политику, играют доминирующие роли в кампаниях за успех общественных референдумов.

² *Kaase M. Politische Beteiligung und politische Ungleichheit // Politische Parteien auf dem Weg zur parlamentarischen Demokratie / Lothar Albertin (Hrsg.). Düsseldorf: Droste, 1981. S. 363–377.*

³ *Nie N.H., Junn J., Stehlik-Barry K. Education and Democratic Citizenship in America. Chicago: University of Chicago Press, 1996.*

⁴ *Putnam R.D. The Comparative Study of Political Elites. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1976.*

дающих высоким уровнем социально-экономических ресурсов, они склонны сокращать институционализированное влияние граждан, обладающих меньшими ресурсами, чье участие в основном ограничивается голосованием на выборах.

Третий фундаментальный недостаток модели демократии прямого участия заключается в том, что она совершенно не учитывает проблемы объединения интересов. В то время как традиционные добровольные массовые организации обладали диверсифицированным членством, требовавшим от них объединения интересов своих членов, новые группы прямого действия гораздо более мелкие и преследуют специфические интересы, которые не требуют от них систематической рефлексии всех последствий, которые повлечет за собой успешная реализация их требований. Пьер Розанваллон¹ утверждает, что в этом кроется одна из главных причин роста протестных настроений: гораздо проще провести мобилизацию против чего-либо, так как это не требует нахождения консенсуса относительно альтернативных решений. Он заключает, что в связи с этим политическим партиям стало гораздо сложнее объединять разнообразные интересы современного общества и проводить мобилизацию в поддержку своих политических курсов.

Роберт Даль определял проблемы объединения интересов как фундаментальную дилемму плюралистской демократии, считая что группы, преследующие определенные интересы, стабилизируют социальные и политические неравенства, способствуют деформации общественного сознания, поскольку публично защищают узкие интересы, что они разрушают общественную повестку дня, определяя с помощью своих ресурсов, какие именно политические альтернативы будут всерьез рассматриваться, и используют право вето, чтобы не допустить полного контроля над своими действиями². Все это свидетельствует о том, что причиной возникновения проблем является само существование групп, представляющих определенные интересы, а не их численность. Но так же очевидно и то, что распространение небольших групп, нацеленных на довольно специфические интересы, усложняет задачи объединения интересов, поскольку давление на мелкие и когерентные

---

¹ *Rosanvallon P.* Counter-Democracy. Politics in an Age of Distrust. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

² *Dahl R.A.* Dilemmas of Pluralist Democracy. New Haven: Yale University Press, 1982. P. 47.

группы в связи с необходимостью хотя бы частичного объединения интересов своих участников гораздо меньше, что и отличает их от традиционных крупных объединений по интересам и особенно от крупнейших экономических и трудовых объединений. Это снижает прозрачность процесса принятия политических решений, так как попытки оказать влияние со стороны небольших групп, как правило, получают незначительную долю внимания со стороны СМИ. В своем исследовании групп, объединенных определенными интересами в США, Хайнц и др.¹ также подчеркивают, что рост фрагментированности различных ассоциаций увеличил непредсказуемость политических результатов. Подобно Р. Далю, они заключают, что и частные организации, и государственные чиновники склонны фокусироваться на достижении своих краткосрочных интересов, не обращая внимания на какие-либо негативные последствия, которые могут возникнуть в связи с этим².

Поэтому вызывает сомнение предположение о том, что модель демократии прямого действия на самом деле увеличит политическое влияние обычных избирателей и отзывчивость элит к их нуждам, как предполагали Фукс и Клингеманн³. Последнее слово в принятии решений все равно остается за политическими лидерами, которые должны объединить различные интересы и выбрать политические приоритеты. Также неясно, увеличится ли общественный контроль при чрезмерной разрозненности требований. Наконец, следует заметить, что не все из данных новых организаций преследуют демократические цели. Использование интернета в целях пропаганды всевозможных фундаменталистских и экстремистских целей показывает, что свобода организации открыта для всех и может быть использована для самых разных задач, необязательно носящих демократический характер.

Помимо прочего протестная политическая деятельность также повышает недовольство сложностями формирования демократического политического курса. Поэтому склонность организаций прибегать к политическому протесту против не устраивающих их решений не умень-

---

¹ *Heinz J.P., Laumann E.O., Nelson R.L., Salisbury Robert H.* The Hollow Core. Private Interests in National Policy Making. Cambridge: Harvard University Press, 1993. Ch. 12.

² *Ibid.* P. 412.

³ *Fuchs D., Klingemann H.-D.* Citizens and the State: A Relationship Transformed. P. 437.

шится с введением демократических институтов прямого участия, как предполагали некоторые¹. Довольно маловероятно, что введение прямого участия граждан в политической жизни повысит готовность принимать поражения в политике², особенно если речь идет о фундаментальных конфликтах на ценностном уровне³. Это проявилось в Германии после недавнего референдума по вопросу о строительстве нового вокзала, когда большинство проголосовавших, даже в тех районах города, которые будут наиболее сильно затронуты данной стройкой, поддерживали проект. В то время как политики партии зеленых приняли волю избирателей, небольшая группа протестующих, в течение нескольких месяцев поддерживавших палаточный лагерь рядом со стройплощадкой, решила не соглашаться с результатами референдума, и теперь эти протестующие продолжают регулярно устраивать демонстрации против строительства, хотя общественного внимания им уже уделяется меньше.

При слишком большом количестве групп, обладающих правом вето, они могут в конце концов блокировать друг друга и не допустить принятия политического решения вовсе — такая ситуация довольно часто случается в Швейцарии. Еще в 1974 г. Хантингтон писал о том, что продолжающееся расширение прямого участия граждан в политике может привести к тому, что управлять постиндустриальными обществами будет крайне сложно. Он цитирует исследование, показывающее, что американские города с населением, обладающим уровнем образования выше среднего, характеризуются более низким уровнем инноваций: «Одна из причин, которые предлагаются для объяснения данной, казалось бы, ненормальной ситуации, заключается в том, что распространение образования ведет к повышению интереса и степени участия в политике, что, в свою очередь, становится причиной тупиковых ситуаций в политике»⁴.

Похожим образом Сартори утверждает, что меньшая власть политических лидеров необязательно подразумевает наличие большей власти

---

¹ См., напр.: *Schmidt M.G.* Demokratietheorien. 3. Auflage. Opladen: Leske + Budrich, 2006.

² *Scharpf F.* Demokratietheorie zwischen Utopie und Anpassung. Kronberg: Scriptor Verlag, 1975.

³ *Rose R.* Ungovernability: Is There Fire Behind the Smoke?

⁴ *Huntington S.P.* Postindustrial Politics: How Benign Will It Be? P. 177.

у народа. В то время как «общий тренд западных демократий до сих пор развивался в направлении диффузного бессилия, слабости и паралича, довольно продолжительное время растущей силой является разнообразное, разноплановое “право вето” — сила, заключающаяся в блокировании действий».¹

Карьерные последствия для политиков и представителей элит

Рост волатильности избирателей и серьезные изменения в национальных партийных системах снизили уровень стабильности политических карьер. Партии в большой степени лишились своей прежней способности гарантировать потенциальным кандидатам и должностным лицам (пере)назначение или переизбрание в обмен на активную работу на благо партии. Относительная неуверенность влияет не только на самих парламентариев, но и на их сотрудников. После выборов в Бундестаг 2014 г., когда СвДПП не смогла преодолеть 5-процентный барьер, около 500 штатных сотрудников потеряли работу вместе с 93 депутатами СвДПП². Более трети сегодняшних депутатов Бундестага (34,2 %) избраны впервые, у 22 % идет второй, у 13 % третий срок парламентских полномочий. На основании анализа переизбрания государственных парламентариев в Германии Бест и Яр заключают, что рабочие места в политической сфере являются нестабильными, поскольку вероятность потери мандата после первого срока довольно высока: 26 % в земельных парламентах на западе и целых 62 % на востоке Германии³. Авторы характеризуют профессиональную деятельность, связанную с политикой, как нестабильную, эпизодическую и неспециализированную в плане профессиональной сферы, требующей квалификации и карьерных перспектив⁴. Также авторы ожидают, что в связи с этим должностные лица в политике будут делать все, чтобы увеличить собственные доходы и снизить риски своей должности. Такое превали-

---

¹ *Sartori G.* The Theory of Democracy Revisited. P. 122.

² *Kempkens S., Weiland S.* Aus für 500 FDP-Angestellte: Eine Fraktions wird abgewickelt // SPIEGEL online, September 23, 2013 (accessed 2014/09/23).

³ *Best H., Stefan J.* Politik als prekäres Beschäftigungsverhältnis. Mythos und Realität der Sozialfigur des Berufspolitikers im wiedervereinten Deutschland // Zeitschrift für Parlamentsfragen. 2006. Vol. 37. S. 74.

⁴ *Ibid.* S. 79.

рование краткосрочной перспективы — прямая противоположность тому, что мы ждем от парламентариев, которых наделяем ответственностью за благополучие наших стран.

Данные проекта EURELITE показывают, как в долгосрочной перспективе менялся расклад сил в парламентах европейских государств с середины XIX в. Они демонстрируют заметное влияние обеих мировых войн, а также смены политических режимов на изменение сил в парламентах. Неудивительно, что первые выборы после перехода к демократии, как правило, приводят к очень значительной смене парламентских партий по сравнению с предыдущими выборами и по сравнению с последними демократическими выборами перед приходом к власти авторитарных или тоталитарных сил¹. Более интересным в данном контексте является рост масштабов изменений в парламентах с 1980-х годов. Средний срок парламентских полномочий снизился с 2,7 срока в 1980-х годах до 2,3 срока в 1990-х, но затем немного вырос до 2,4 в первой половине 2000-х годов². Эти данные также показывают, что такой тренд не является ни в достаточной степени выраженным, ни единообразным. Исследование Матланд и Студлар³, в котором сравниваются изменения в парламентах двадцати пяти развитых демократических стран в период с 1979 по 1994 г., показывает серьезные различия между государствами. Наименьшая средняя сменяемость парламентских партий наблюдается в США (15,1%)⁴, затем

---

¹ *Cotta M., Luca V.* Paths of Institutional Development and Elite Transformations // *Democratic Representation in Europe* / M. Cotta, H. Best (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 467–469; *Best H.* New Challenges, New Elites? Changes in the Recruitment and Career Patterns of European Representative Elites // *Comparative Sociology*. 2007. Vol. 6. P. 101, 109.

² *Best H.* New Challenges, New Elites? P. 109; *Cotta M., Luca V.* Paths of Institutional Development and Elite Transformations. P. 473; *Verzichelli L.* Degradable elites? Modes and factors of parliamentary turnover in the early XXI century. Paper for the conference “Farewell to the elites?”, University of Jena, 25–26 September 2014.

³ *Matland R.E., Donley T.S.* Determinants of Legislative Turnover: A Cross-National Analysis // *British Journal of Political Science*. 2004. Vol. 34. P. 87–108.

⁴ Процент переизбраний в Палате представителей США был очень высоким на протяжении большей части послевоенного периода, варьируясь от 80 % до свыше 90 %, за исключением 1993 г., когда он опустился до 74 % (*Manning J.E., Petersen R. E.* First-Term Members of the House of Representatives and

следует Австралия (20 %) и Западная Германия (22,3 %), а Франция (43,3 %), Испания (44 %), Португалия (45,2 %) и Канада (46,9 %) расположились в противоположной части спектра¹. Низкая сменяемость парламентариев в Палате представителей США, вероятно, связана с американской двухпартийной системой и избранием относительным большинством голосов в небольших избирательных округах, где личность и опыт представителя более важные факторы, чем партийная принадлежность, и где границы округов перекраиваются для осуществления предвыборных махинаций. Можно найти противоположный тренд в посткоммунистических демократиях, где все началось с высоких показателей сменяемости в 70 %, а к настоящему времени эта доля немного снизилась², но можно также предполагать, что она останется на высоком уровне, пока будет сохраняться крайняя волатильность партийных систем. Показатели сменяемости в парламентах старых демократий находятся где-то между этими экстремальными значениями, и в последние годы наблюдается их рост. В Канаде сменяемость парламентариев начала расти после 1980 г. и в 1993 г. составила 66,1 %³. В Германии рост сменяемости заметен, но не очень ярко выражен. За исключением двух выборных циклов в Бундестаг, средняя сменяемость на выборах с 1961 по 1987 г. составляла 24 %, а с 1990 по 2013 г. выросла до 29,5 % (табл. 3)⁴.

Senate, 64th — 113th Congresses. Washington: Congressional Research Service, 2013. — CRS Report for Congress 7-5700. <www.crs.gov>.

¹ *Matland R.E., Donley T. S.* Determinants of Legislative Turnover: A Cross-National Analysis. P. 93.

² *Edinger M.* Elitism in Central and Eastern Europe // *Democratic Elitism: New Theoretical and Comparative Perspectives* / Н. Best & J. Higley (eds.). Leiden: Brill. 2010. P. 145.

³ *Docherty D.C.* Mr. Smith Goes to Ottawa: Life in the House of Commons. Toronto: UBC Press, 1997. P. 52.

⁴ Поскольку авторы анализировали институциональные детерминанты в процессе сменяемости, они не предоставили информацию о развитии показателей во времени, влиянии волатильности избирателей или о последствиях высокой сменяемости для законодательного процесса. Однако они продемонстрировали, что в новых демократиях есть склонность к более высоким показателям сменяемости парламентариев.

Таблица 3

Новые депутаты в немецком Бундестаге (%)

Год выборов	Доля новых депутатов	Год выборов	Доля новых депутатов
1949	100,0 %	1983	17,7 %
1953	48,1 %	1987	21,2 %
1957	30,6 %	1990	35,5 %
1961	25,1 %	1994	30,2 %
1964	25,5 %	1998	24,8 %
1969	30,1 %	2002	28,7 %
1972	28,0 %	2005	23,0 %
1976	22,6 %	2009	32,9 %
1980	24,9 %	2013	34,2 %

Карьеры в других элитных секторах, вероятно, стали также менее предсказуемыми, причем не только на высшем уровне. Предполагается, как правило, что кандидаты на высокопоставленные должности являются довольно гибкими, а частая ротация на всех уровнях иерархии считается желательной. В бизнесе позиции в совете директоров и особенно посты директоров крупнейших промышленных корпораций стали менее стабильными в последние годы. Опрос топ-менеджеров 50 крупнейших немецких компаний показал, что хотя средний возраст достижения позиции директора оставался довольно постоянным и лишь немного снизился с 53 до 51 по сравнению с 1960 г., средняя продолжительность нахождения на данном посту сократилась с 11 до восьми лет¹. И хотя данные перемены не являются решающими, они подтверждают общую тенденцию, которая, вероятно, продолжится.

Впрочем, в отсутствие более надежных данных и глубоких исследований предположения о последствиях повышения волатильности на выборах и нестабильности карьер элит остаются спекуляциями. Нельзя исключить, что элиты адаптируются к данным вызовам и что качество исполнения ими своих обязанностей не пострадало в той мере, как этого можно было ожидать.

¹ Freye S. Führungswechsel. Die Wirtschaftselite und das Ende der Deutschland AG. Frankfurt/Main: Campus, 2009. S. 63–65.

ВЫВОДЫ: ВРЕМЕННЫЕ И ДЛИТЕЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВЕЛИКОЙ РЕЦЕССИИ

Как связаны два направления анализа, приведенные в статье? Представляется, что кризис ускорил политический тренд в политических ценностях, взглядах и форматах участия граждан в политике, который существовал в европейских и североамериканских демократических странах с 1970-х годов. Конечно, еще слишком рано оценивать добавочное влияние экономического кризиса. Много будет зависеть от готовности элит к сотрудничеству в борьбе с глубокой экономической рецессией без угроз стабильности демократических институтов.

Что касается фрагментированности партийных систем, общий тренд явно направлен в сторону еще большей их разобщенности¹. Это особенно очевидно в странах со старыми демократиями, где в последнее время появились новые типы популистских, антиэмигрантских партий, лишь частично обязанные успехом кризису, а в большей степени — глубоким социально-экономическим изменениям и нестабильности, ставшими следствиями глобализации. В то же время новые партии образовались в Греции и Италии в качестве реакции на кризис. Кроме того, рецессия также сделала явными фундаментальные недостатки политических институтов и партийных систем в этих двух странах. Выживание традиционных социальных сетей укрепило развитие клиентелистских партий, которые способствовали раздуванию государственной службы и государственных бюджетов для удовлетворения своих избирателей². Кризис показал, что это нанесло удар по конкурентоспособности экономик этих стран на мировом рынке. Впрочем, сокращения бюджетных расходов, требуемые ЕС, ЕЦБ и Всемирным банком в обмен на предоставление финансовой помощи, с трудом достижимы при низкой производительности и сокращении доли занятого населения. Это сделало свой вклад в электоральный успех новых протестных партий, мобилизующих общественное сопротивление реформам. Другие страны смогли войти в режим строгой экономии без подобных политических сложностей.

---

¹ Иначе развиваются события в Румынии, где к выборам 2012 г. были сформированы две широкие коалиции. Однако будут ли они стабильными или распадутся, предстоит оценить в будущем.

² О ситуации в Греции см.: Pappas T.S. Why Greece Failed // Journal of Democracy. 2013. Vol. 24. No. 2. P. 31–45.

Рост фрагментированности партийных систем в комбинации с увеличением протестного потенциала избирателей сделал политическую борьбу более изменчивой и менее предсказуемой. Некоторые ученые интерпретировали данные процессы как более высокую стадию демократизации, но я постаралась указать на менее оптимистичные последствия, связанные с ростом протестного потенциала. Традиционные политические партии в связи с этим сталкиваются с выбором между реагированием на краткосрочные запросы своих избирателей и ответственным отношением к долгосрочным последствиям принимаемых политических решений. Без институтов, транслирующих требования граждан в политическую систему, активное участие в политической жизни нарушит возможности широкого объединения интересов и пойдет на пользу только тем, кто сможет лучше использовать свое политическое влияние на благо собственных узких интересов.

Перевод с немецкого Владимира Балахонова

Таблица 4
Некоторые экономические показатели европейских и североамериканских демократий с 2007 г.

Страна	ВВП на душу населения, в долл. США			Рост ВВП, в %				Процент безработицы			Государ- ственный долг, в % от ВВП 2011
	2007	2009	2012	2007	2009	2010	2012	2007	2009	2011	
1. Австрия	45,181.5	45,859.4	47,226.2	3.7	-3.8	2.1	0.8	4.4	4.8	4.1	75
2. Бельгия	43,255.4	43,843.1	43,412.5	2.9	-2.8	2.4	-0.3	7.5	7.9	7.1	91
3. Болгария	5,498.0	6,403.1	6,986.0	6.4	-5.5	0.4	0.8	6.9	6.8	11.2	15.4
4. Хорватия	13,376.0	14,053.8	13,227.5	5.1	-6.9	-1.4	-2.0	9.6	9.1	13.4	(68.2)*
5. Кипр	27,860.3	29,427.9	26,315.5	5.1	-1.7	1.3	-2.4	3.9	5.3	7.7	112.6
6. Чехия	17,467.4	18,805.7	18,607.7	5.7	-4.5	2.5	-1.3	5.3	6.7	6.7	38.3
7. Дания	57,021.2	56,226.6	56,210.2	1.6	-5.7	1.6	-0.5	3.8	6.0	7.6	50.6
8. Эстония	16,392.7	14,264.0	16,316.5	7.5	-14.1	3.3	3.2	4.7	13.8	12.5	7.1
9. Финляндия	46,538.2	44,837.7	46,178.6	5.3	-8.5	3.3	-0.2	6.8	8.2	7.7	47.7
10. Франция	40,341.9	40,487.9	39,771.8	2.3	-3.1	1.7	0.0	8.0	9.1	9.3	93.7
11. Германия	40,403.0	40,275.3	41,514.2	3.3	-5.1	4.2	0.7	8.6	7.7	5.9	55.6
12. Греция	27,288.3	28,451.9	22,082.9	3.5	-3.1	-4.9	-6.4	8.3	9.5	17.7	106.5

Страна	ВВП на душу населения, в долл. США			Рост ВВП, в %					Процент безработицы			Государ- ственный долг, в % от ВВП
	2007	2009	2012	2007	2009	2010	2012	2007	2009	2011		
13. Венгрия	13,534.7	12,634.6	12,621.7	0.1	-6.8	1.3	-1.7	7.4	10.0	10.9	81.6	
14. Исландия	65,566.3	38,037.8	42,658.4	6.0	-6.6	-4.1	1.6	2.3	7.2	7.1	118.9	
15. Ирландия	59,286.6	50,245.6	45,835.7	5.4	-5.5	-0.8	0.9	4.6	11.8	14.4	104.3	
16. Италия	35,826.0	35,073.2	33,048.8	1.7	-5.5	1.7	-2.4	6.1	7.8	8.4	110.9	
17. Латвия	12,638.1	11,475.7	14,008.5	10.0	-18.0	-0.3	5.6	6.0	17.1	15.4	42.1	
18. Лихтенштейн	130,348.6	134,617.4		3.3	-1.2						-	
19. Литва	11,584.2	11,033.6	14,150.2	9.8	-14.7	1.3	3.7	4.3	13.7	15.4	43.5	
20. Люксембург	106,919.5	100,541.2	107,475.9	6.6	-4.1	2.9	0.3	4.1	5.1	4.9	16.8	
21. Мальта	18,369.0	19,564.2	20,847.6	4.3	-2.7	2.7	1.0	6.5	6.9	6.4	84	
22. Нидерланды	47,770.8	48,173.9	46,054.4	3.9	-3.7	1.6	-1.0	3.2	3.4	4.4	66	
23. Норвегия	83,556.2	78,457.4	99,557.7	2.7	-1.6	0.5	3.1	2.5	3.2	3.3	20.2	
24. Польша	11,157.3	11,294.9	12,707.9	6.8	1.6	3.9	1.9	9.6	8.2	9.6	(57.1)*	
25. Португалия	21,845.2	22,019.3	20,182.4	2.4	-2.9	1.9	-3.2	8.0	9.5	12.7	92.5	
26. Румыния	7,856.5	7,651.0	7,942.8	6.0	-6.6	-1.6	3.7	6.4	6.9	7.4	(37.2)*	
27. Словакия	15,583.4	16,100.1	16,934.3	10.5	-4.9	4.2	2.0	11.0	12.1	13.5	45.5	

	ВВП на душу населения, в долл. США			Рост ВВП, в %					Процент безработицы			Государ- ственный долг, в % от ВВП
	2007	2009	2012	2007	2009	2010	2012	2007	2009	2011		
	2007	2009	2012	2007	2009	2010	2012	2007	2009	2011		
28. Словения	23,441.0	24,051.0	22,092.3	6.9	-8.0	1.4	-2.3	4.8	5.9	8.2	(53.2 %)*	
29. Испания	32,118.1	31,714.2	29,195.4	3.5	-3.7	-0.3	-1.4	8.3	18.0	21.6	55.2	
30. Швеция	50,558.4	43,639.5	55,244.6	3.3	-5.0	6.6	0.7	6.1	8.3	7.5	38.3	
31. Швейцария	59,663.8	65,790.1	79,052.3	3.8	-1.9	3.0	1.0	3.6	4.1	4.1	27.7	
32. Великобритания	46,330.2	35,331.3	38,514.5	3.6	-4.0	1.8	0.3	5.3	7.7	7.4	101.2	
33. Канада	43,248.5	39,659.1	52,219.0	2.2	-2.8	3.2	1.7	6.0	8.3	7.4	52.5	
34. США	46,349.1	45,305.1	49,965.3	1.9	-3.1	2.4	2.2	4.6	9.3	8.9	81.8	

Источник: сайт Всемирного банка <<http://data.worldbank.org>>

* Источник: Справочник ЦРУ <<https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/>>

Таблица 5

**Выборы, электоральная волатильность и изменения
в правительствах 33 европейских
и североамериканских стран с 2008 г.**

Показатели:

1. Досрочные / регулярные выборы: выборы до истечения предусмотренного срока полномочий / выборы в установленный срок (4–5 лет).
2. Релевантность экономического кризиса в предвыборной кампании: Были ли центральной темой предвыборных кампаний действия правительства по борьбе с экономическим кризисом / кризисом Еврозоны / государственным долгом?
3. Высокая электоральная волатильность: как минимум одна из партий, участвовавших в выборах, потеряла или приобрела более 5 % голосов.
4. Средний показатель приобретения / потери голосов партий по сравнению с предыдущим правительством.
5. Количество новых партий в парламенте: минимум 5 мест.
6. Количество изменений в правительстве / законодательном большинстве с 2008 г.: любые изменения партийного состава либо большинства / меньшинства в правительстве, либо смена премьер-министра (для США — смена партии, контролирующей президентский пост, Сенат).

	Страна	Количество выборов с 2008 года	Количество дочерних выборов с 2008 года	Релевантность экон. кризиса в предвыборных кампаниях	Выборы с высокой электоральной волатильностью	Средний показатель приобретения/потери голосов	Выборы с общей потерей голосов более 10 %	Количество новых партий, вошедших в парламент	Количество изменений в правительстве с 2008 года
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	Австрия	2	1	0	2	-9.5 %	1	2	0
2	Бельгия	2	1	0	1	+5.6 %	1	1	1
3	Болгария	2	1	0	2	-19.0 %	1	2	2
4	Хорватия	1	0	0	1	-13.1 %	1	1	1
5	Кипр	1	0	1	0	-0.7 %	0	0	1
6	Чехия	2	1	1	2	-22.3 %	2	5	3
7	Дания	1	0	1	1	-6.5 %	0	0	1
8	Эстония	1	0	1	1	+3.4 %	0	0	0
9	Финляндия	1	0	1	1	-10.7 %	1	0	1
10	Франция	1	0	1	1	-12.4 %	1	0	1
11	Германия	2	0	1	2	-7.4 %	1	0	1
12	Греция	3	3	3	3	-15.9 %	1	2	4
13	Венгрия	2	0	1	2	-15.9 %	1	2	2
14	Исландия	2	1	2	2	-18.8 %	1	1	2
15	Ирландия	1	1	1	1	-29.7 %	1	0	1
16	Италия	2	2	2	2	-20.2 %	2	3	3
17	Латвия	2	1	0	2	-1.5 %	2	1	4
18	Литва	2	0	2	2	-23.9 %	2	3	2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
19	Люксембург	2	1	0	0	-2.3 %	0	0	1
20	Мальта	2	0	0	1	-1.8 %	0	0	1
21	Нидерланды	2	2	2	2	-9.8 %	1	0	2
22	Норвегия	1	-	0	1	-3.8 %	0	0	1
23	Польша	1	0	0	1	+2.9 %	0	1	0
24	Португалия	2	1	2	2	-8.5 %	0	0	2
25	Румыния	2	0	1	2	+3.9 %	0	1	4
26	Словакия	2	1	2	2	-11.0 %	1	3	2
27	Словения	3	2	1	3	-24.2 %	2	4	4
28	Испания	2	1	1	1	-7.1 %	1	0	1
29	Швеция	2	0	1	1	-4.6 %	1	0	1
30	Швейцария	1	-	0	1	-5.9 %	0	0	0
31	Великобритания	1	0	1	1	-6.2 %	0	0	1
32	Канада	2	2	2	1	+1.7 %	0	0	0
33	США ¹	3	-	3	1	-2.0 %	0	0	2
	Сумма/в среднем	58	22	34	48	-9.0 %	25	32	52
	Доля всех выборов	100.0 %	41.5 %²	58.6 %	82.8 %	43.1 %	55.2 %	89.7 %	

Источники: Европейская база выборов Норвежского архива социологических данных (NSD) <http://www.nsd.uib.no/european_election_database/>, национальные избирательные комиссии, статьи о выборах в журнале «Исследования выборов» (*Electoral Studies*), интернет (Wikipedia и пр.)

1. Приобретение/потеря голосов президентской партии в Палате представителей; изменения правительства фиксировались, когда контроль в законодательной власти переходил от (a) президентской партии либо к обеим партиям, либо к другой партии, или же (b) от обеих партий к президентской партии.

2. Норвегия, Швейцария и США не учитывались, так как сроки полномочия законодателей там закреплены в конституции.

Н.Ю. Лапина

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА ФРАНЦИИ: МОТИВАЦИЯ, КАРЬЕРНЫЕ ТРАЕКТОРИИ, ПРОФЕССИЯ ПОЛИТИКА В НАЧАЛЕ XXI в.

В статье на основе материалов эмпирического исследования анализируются мотивация и карьерные траектории французских политиков. Выделены четыре типа мотивации, которые стимулируют политическую активность: стремление изменить жизнь; личная преданность вождю; желание продолжить дело своей семьи; стремление социально адаптироваться. Изучение карьерных траекторий представителей французской политической элиты позволяет описать и проанализировать различные модели продвижения в большую политику: (1) модель постепенного продвижения, (2) аппаратная карьера, (3) административно-бюрократический путь или модель «парашютирования», (4) модель наследования, (5) бизнес как политика. Показано, что в последние десятилетия в политическом классе Франции возросло представительство политиков, сделавших аппаратно-бюрократическую карьеру. Данный тип карьеры делается при поддержке аппарата партии и ее руководства, а продвижение по карьерной лестнице зависит от степени лояльности политика. Делается вывод, что кризис политических партий во Франции вызван не только их неспособностью выразить общественные интересы и архаичностью политического дискурса. Кризис в значительной степени является результатом сложившегося механизма отбора и продвижения партийных кадров на выборные должности.

***Ключевые слова:** политическая партия, политическая карьера, нотабль, аппаратчик, Франция, Ф. Олланд, С. Руаяль, М. Обри.*

В последние десятилетия в научной литературе много пишут о «закате политики». Кризис, на взгляд исследователей, проявляется в неспособности партий выразить и отстаивать общественные интересы, в разрыве между политиками и широкими слоями населения, «архаичности» политического дискурса, который не находит понимания в обществе¹. Особое внимание уделяется кризису представительства,

---

¹ *Perrineau P. La crise de la représentation politique // La politique en France et en Europe/ Sous la dir. de P. Perrineau et L. Rouban. P.: Presses des Sciences Po, 2007. P. 11–34; Les partis politiques français / Sous la dir. de P. Bréchon. P.: La Documentation française, 2005.*

а именно слабой представленности в политическом классе различных социально-профессиональных групп¹.

Во французском обществе также доминируют критические настроения. Подавляющее большинство французов (72 %) полагают, что партии не выражают их интересов, 92 % не испытывают к ним доверия². В начале 2000-х годов снижение доверия граждан к политике и политикам рассматривалось социологами как новое явление³. Сегодня недоверие к политикам становится устойчивой тенденцией.

В статье представлены результаты эмпирического исследования «Французские политические институты и акторы: традиции и современность», проведенного автором во Франции в 2013–2014 гг. Нас интересовало, как за последние годы изменился профиль политической элиты, диверсифицировались карьеры французских политиков, какова мотивация политика и как меняется его профессия.

В ходе исследования методом полуструктурированного интервью было опрошено 36 респондентов. Среди них французские политики — нынешние и бывшие депутаты Национального собрания, сенаторы, мэры, министры, сотрудники партийных аппаратов ведущих политических партий, а также эксперты — политологи, социологи, экономисты, высокопоставленные государственные служащие. Были также проанализированы политические карьеры министров в кабинете Ж.-М. Эйро (июнь 2012 — март 2014). Продолжительность интервью составила 50 мин. — 1,5 часа каждое. Интервью проводились на условиях анонимности, в тексте выдержки из них выделены курсивом.

Автор выражает глубокую благодарность Дому наук о человеке (Париж), при поддержке которого исследование было осуществлено, и лично его администратору М. Вивьорке (M. Wiewiorka). Хочу также выразить признательность моим друзьям — Од д'Аркур (Haude d'Harcourt) и Владимиру Мачабелли (Wladimir Matchabelli), без помощи которых это исследование вряд ли удалось провести.

---

¹ *Rouban L.* Sociologie politique des députés de la V-e République, 1958–2007 // Les Cahiers du CEVIPOF. Paris, 2011. N 55.

² Самый высокий уровень доверия к партиям у сторонников левых взглядов (14%), самый низкий — у последователей Национального фронта (4%) (Fractures françaises. 2013. Vague 1. <<http://www.cevipof.com/fr/france-2013-les-nouvelles-fractures/resultats>>, available 17.07.2014).

³ *Galland O., Lemel Y.* La société française. Pesenteurs et mutations: le bilan. P.: Armand Colin, 2006.

МОТИВАЦИЯ ПОЛИТИКА

Мотивация политика — это внутренние стимулы, которые заставляют человека заниматься политической деятельностью. Мы хотели понять, какими мотивами руководствуется современный француз, посвятивший свою жизнь политике. В группу «политиков» были включены лица, находящиеся или находившиеся в прошлом на выборных должностях (депутаты Национального собрания и Сената; члены муниципальных, региональных и генеральных департаментских советов, мэры), а также лица, занимающие руководящие позиции в руководстве своих партий. Мотивация индивида бывает открытой и скрытой. В интервью с французскими политиками и людьми, посвятившими свою жизнь политике, но не находящимися на выборных должностях или в руководстве партий, нам удалось обсудить открытые мотивы выбора ими политической карьеры, в беседах с экспертами — скрытые мотивы, которые, на их взгляд, побуждают человека заниматься политикой.

Материалы исследования позволяют выделить четыре типа мотивации, о которых говорили политики: (1) «Я хотел изменить жизнь»; (2) верность герою; (3) «Быть достойным своей семьи», или «взятие реванша»; (4) «Я хотел социально адаптироваться».

1. *Я хотел изменить жизнь.* Стремление изменить жизнь, сделать мир более справедливым упоминается в ряде интервью. *Мне было 20 лет в 1968 г., — вспоминает французский политик с 40-летним стажем. — Франция времен де Голля успешно развивалась в экономическом, культурном, социальном отношении. Но молодежь не имела возможности участвовать в политической жизни. События 1968 г. изменили жизнь респондента. У представителей его поколения начало формироваться политическое сознание. Тем не менее открытым оставался вопрос, на чьей стороне участвовать в политической жизни. Ответ был им найден в 1971 г., когда на конгрессе в Эпинэ была создана Французская социалистическая партия (далее — ФСП). Я хотел изменить жизнь, сделать ее более справедливой. В ФСП меня привлек новый взгляд на общество.* Более четырех десятилетий респондент принимает активное участие в работе своей партии.

О своем стремлении «изменить жизнь» заявляли в основном политики, представляющие левый политический спектр. Среди опрошенных политиков были социалисты, которые избрали членство в ФСП, так как видели в ней политическую организацию, способную пере-

устроить общество на принципах социальной справедливости и равенства. Немалую роль в их политическом выборе сыграла семья. Во Франции *существует связь поколений, сильны семейные воспоминания*. Социологические исследования свидетельствуют, что именно в семье французы говорят на политические темы, которые не обсуждаются с посторонними¹.

Ряд участников исследования — выходцы из семей, где деды или отцы состояли членами партий или придерживались определенных политических взглядов. *Я восхищался дядей, который был коммунистом, избирался мэром. Это был потрясающий человек. Он по-настоящему сражался за людей! Я пошел по его стопам и пришел в политику, чтобы изменить мир, улучшить его*, — говорит депутат. Респондент в раннем возрасте начал заниматься политикой, был на выборных должностях, в том числе избирался сенатором от Французской коммунистической партии (далее — ФКП). Несогласие с тем, что происходило внутри ФКП, привело его в ряды центристов. Он неоднократно избирается депутатом Национального собрания.

2. Мотивация *верность герою* сегодня в основном встречается среди членов неоголлистского «Союза за народное движение» (далее — СНД). В прошлом этот побудительный мотив был широко распространен в коммунистической среде. В голлистской партии сформировался особый тип партийного милитантизма, основанный на личной преданности вождю и отсутствии личной заинтересованности².

Семейные политические традиции на правом политическом фланге не менее устойчивы, чем на левом. *Мои родители — голлисты, дедушка и бабушка — участники Сопротивления. В семье существовал культ генерала. Я была пронизана голлистской культурой*, — рассказывает респондентка. Традиции семьи, голлистское окружение определили ее политический выбор — она стала членом ОПП³, работает в партийном аппарате.

---

¹ Les étudiants de Sciences Po. Leurs idées, leurs valeurs, leurs cultures politiques / Sous la dir. de A. Muxel. P.: Presses des Sciences Po, 2004.

² De Gaulle et les élites / Sous la dir. de S. Berstein, P. Birnbaum, J.-P. Rioux. P.: La Découverte, 2008. Н. 47, 60.

³ Партия Объединение в поддержку республики (ОПР) была создана Ж. Шираком в 1976 г. В 2002 г. сторонники Ж. Ширака основали новую партию «Союз за народное движение». — *Н.Л.*

3. Мотив *быть достойным своей семьи*, или *взятие реванша*, отличает выходцев из семей, где деды и отцы были политиками, находились на выборных должностях. Для этих респондентов важно, что они являются продолжателями дела семьи. *Если бы мой отец не был политиком, я занимался бы чем-то другим. Я восхищался отцом. Он был муниципальным советником в том же округе, где сегодня избран я. Для меня это верность его памяти,* — говорит мэр одного из парижских округов. Выстраивая свою политическую карьеру, этот политик подчеркивает, что стремился быть достойным своей семьи, хотя и признает, что карьера отца была более успешной — он стал депутатом Национального собрания и сенатором.

Другой участник исследования с гордостью говорит о том, что ему удалось взять *политический реванш*: *Я выходец из семьи, которая всегда была близка партии радикалов. Мой дедушка в момент Освобождения и на протяжении многих лет (1947–1971) избирался мэром деревни, откуда родом наша семья. Я был воспитан в этой среде, в 16 лет стал членом Партии радикалов. В 1985 г. я впервые был избран членом генерального совета департамента. Это был своего рода семейный реванш: мой дедушка задолго до меня участвовал в этих выборах, но потерпел поражение.* Респондент также был избран на пост, который ранее занимал дед, — стал мэром родной деревни, а позже был избран депутатом Национального собрания. Электоральные успехи явились не только его личной победой. Для политика они имели большой внутренний смысл: то, что не удалось сделать деду, осуществил внук. Некоторые представители «политических семей» говорили в интервью, *что политика течет в их венах, у них присутствует политический ген.*

4. Стремление к *социальной адаптации* как побудительный мотив занятия политикой был сформулирован одним из участников исследования. Его политическая карьера настолько нетипична, что заслуживает того, чтобы остановиться на ней подробнее. Респондент, отец которого был русским, вырос в среде русской иммиграции: *Я получил подлинно русское воспитание. До 12 лет не говорил по-французски, был крещен по православному обряду, но жил во Франции.* В возрасте 17 лет у молодого человека случилось «просветление»: он понял, что не может продолжать жить изолированно, окруженный сверстниками, которые говорят только по-русски, что он *должен интегрироваться во французское общество.* Участник исследования не уточняет, при каких

обстоятельствах «просветление» произошло. Очевидно одно: семья и ближайшее окружение отношения к этому решению не имели. Молодой человек начал усиленно заниматься, получил диплом средней школы и поступил в университет. Со временем он стал преподавателем русского языка и литературы в Сорбонне. Профессиональная карьера стала первым шагом в его личной стратегии социальной адаптации. Второй шаг был сделан в тот момент, когда он вступил в голлистскую партию и начал заниматься политикой. Третий шаг — избрание мэром французского города. Это был символический акт, означавший, что задачи социальной адаптации выполнены: *В этот момент я сказал себе: «Если в городе проживают 25 тыс. избирателей, готовые за тебя проголосовать, это значит, что французы тебя приняли»*. Работа на выборной должности, связи в голлистских кругах способствовали успешной карьере — политик был избран депутатом Национального собрания, занимал пост министра высшего образования, в начале 2000-х годов был избран национальным секретарем ОПР, в 2007–2012 гг. являлся советником премьер-министра Франции Ф. Фийона по вопросам образования и культуры. Надо полагать, что мотив «социальной адаптации» и сегодня актуален для выходцев из семей, которые не обладают ресурсами.

Озвученная французскими политиками мотивация позволяет говорить о том, что этих людей, независимо от политических симпатий, возраста, социального происхождения, объединяет активная жизненная позиция, готовность взять на себя ответственность. «Я вступил в партию, — пишет Н. Саркози, — поскольку должен был что-то делать в жизни. Я страстно хотел быть действующим лицом, а не простым наблюдателем»¹. Для тех, кто вступил на этот путь, политика стала способом самовыражения, дала возможность подняться по социальной лестнице. Некоторые респонденты не скрывали, что большая политика явилась для них *социальным лифтом*.

Анализируя потребности человека, американский психолог Д. Макклеланд ввел такие понятия, как потребность власти, успеха, принадлежности к высшим классам². Однако сами респонденты перечисленные мотивы чаще всего не озвучивали, как не говорили они о собственных

---

¹ *Sarkozy N. Au bout de la passion, l'équilibre...* P.: Albin Michel, 1995. P. 18.

² *McClelland D. Human motivation.* Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

амбициях или стремлении преуспеть. Многие, напротив, отмечали, что *делать политическую карьеру не собирались*, что их приход в большую политику был случайностью, «проделкой жизни», говоря словами Э. Триоле. Однако в некоторых интервью эта тема четко прочитывается. Политик, неоднократно менявший «политические этикетки», мог не уточнять, что переходил из одной партии в другую ради самосохранения во власти и удовлетворения властных амбиций: его политическая карьера говорит сама за себя. Политик, стремившийся взять *политический реванш*, несомненно, стремился к успеху и признанию, он не скрывает «гордости победителя».

В интервью с экспертами, наоборот, мотивы, связанные со стремлением к власти, привилегиям, обогащению, оказались в центре обсуждения. Мнения экспертов в отношении политиков разделились. Одни с уважением говорят о профессии политика, прежде всего потому что политик *избран нацией в ходе всеобщего голосования*. Успех на выборах обеспечивает политику легитимность. По окончании выборного мандата он участвует в новых выборах. *Нет другой такой профессии в мире, в которой человек должен был бы каждые пять лет доказывать свою востребованность*, — замечает участница исследования. Вторая группа экспертов придерживается нейтральной позиции и не высказывается о мотивации действующих политиков. Представители третьей группы не скрывают критического взгляда на современную политику и политиков. Их анализ сфокусирован на морально-нравственных оценках, в их интервью звучат суждения, часто встречающиеся во французских СМИ. Наряду с экспертами критической точки зрения придерживаются политики, покинувшие большую политику. *Наши элиты бесплодны, пусты, раболепны. Я встречался со многими ничтожными людьми, которые хотели занять пост во властных структурах не для того, чтобы принимать решения, а просто чтобы его иметь. Это высшее проявление тщеславия, желание иметь деньги и привилегии, которые даются властью*, — замечает руководитель аналитического центра. Власть притягивает, завораживает, но иногда, добившись ее, *люди не готовы работать, им не хватает целеустремленности и силы воли*. Сторонники этого взгляда особо подчеркивали, что одна из главных задач политика — самосохранение во власти. Это заставляет его «подстраиваться» к ситуации, подыгрывать вышестоящим. *Именно поэтому*, — считает бывший депутат, — *так мало смелых политиков, способных отстаивать собственную точку зрения*.

Еще более критичными являются оценки рядовых французов: они считают, что политики коррумпированы (62 %) и действуют исключительно в собственных интересах (82 %)¹.

До сих пор речь шла о побудительных мотивах, которые способствуют приходу человека в большую политику. Нам представлялось интересным выяснить, что отталкивает людей от политики, почему талантливые, небезразличные, хорошо образованные граждане не хотят ею заниматься. Этот вопрос задавался экспертам и государственным служащим. Политическая деятельность, считают респонденты, мало привлекательна для французских элит. Она требует от человека публичности, участия в избирательных кампаниях, общения с избирателями. Далеко не для всех людей, даже имеющих политические симпатии и партийный билет, эта деятельность привлекательна. Вспоминая некоторых политиков, с которыми он лично был знаком, участник исследования рассказывал о том, как непросто им было *регулярно встречаться с избирателями, интересоваться их жизнью, семьями, детьми*. Для некоторых — это была *скука смертельная*. Цинизм, несомненно, присутствует в большой политике. Не случайно *спектакль, театр* как образы политического мира неоднократно упоминались в интервью. Но вряд ли игра может рассматриваться как основа политической деятельности. Большинство профессиональных политиков должно, чтобы быть услышанным, говорить с избирателями на одном языке.

Политика также отпугивает людей своей *жесткостью и агрессивностью*. Именно этим объясняется тот факт, что многие люди, которым небезразлично будущее их страны, политической активности не проявляют. Снижение политической активности (в настоящее время лишь 3 % французов принимают постоянное участие в работе партий) не означает, что граждане страны не проявляют интереса к политике или перестали быть социально активными. Социальная активность выражается в создании горизонтальных сетей (волонтерство, гуманитарные акции, защита социальных, национальных и прочих меньшинств), появлении новых социальных практик (создание комитетов в городских кварталах). Современных французов, как отмечали участники исследований, не удовлетворяют политические партии, они не желают быть связанными партийной дисциплиной и с большим энтузиазмом участвуют в отдельных социальных акциях.

---

¹ Fractures françaises. 2013. Vague 1.

КАРЬЕРА ПОЛИТИКА

Изучение карьерных траекторий представителей политической элиты позволяет судить об открытости или закрытости общества. Во Франции существуют различные модели продвижения в большую политику: (1) модель постепенного продвижения, (2) аппаратная карьера, (3) административно-бюрократический путь, или модель «парашютирования», (4) модель наследования, (5) бизнес как политика.

(1) Модель постепенного продвижения в политику наиболее распространена. Вновь избранный депутат Национального собрания не новый человек в политике. Прежде чем стать национальным избранником, он, как правило, на протяжении многих лет занимался политической деятельностью. Вот как о своем пути в большую политику рассказывает депутат Национального собрания: Я часто объясняю молодым: чтобы не разочароваться в политике, лучше начинать «снизу», с малых дел. Сначала я была членом муниципального совета (с 1977), затем заместителем мэра. Я прошла длинный путь, прежде чем мои коллеги по партии попросили меня выставить кандидатуру на выборах в парламент.

Депутаты, начавшие карьеру на местном уровне, хорошо укоренены в локальной среде. Связи с избирателями, знание местных проблем являются их сильной стороной. Тем не менее, как отмечали политики, возможность продвинуться с местного уровня на национальной в современной Франции зависит от партийного руководства. *«Партийной демократии» больше не существует, продвижение происходит благодаря кооптации. Решения принимаются на самом верху,* — отмечает политик со стажем.

Описанный выше карьерный путь в политике рассчитан на долгие годы и характеризуется устойчивостью. В годы V Республики половина депутатов Национального собрания (49,3 %) начинали свою политическую карьеру на местном уровне. Эта тенденция в равной степени характерна, как для депутатов, представляющих ФСП, так и для депутатов неоголлистского СНД¹.

(2) Аппаратная карьера. В прошлом аппаратная карьера была типична для членов ФКП. Не случайно за лицами, преуспевшими на партийной работе, закрепилось советское слово «аппаратчик». В настоящее время феномен «аппаратчика» получил распространение во всех, прежде всего крупных, политических партиях. Карьера аппаратчика

---

¹ Rouban L. Les députés // Cahiers du CEVIPOF. 2011. N 55. P. 38–41.

начинается в аппарате партии, где молодой человек начинает трудовую деятельность. Со временем он обрывает нужными связями, заводит полезные знакомства, заручается поддержкой партийного руководства и при благоприятном стечении обстоятельств получает предложение участвовать в выборах. В случае удачи за избранием на пост муниципального советника, мэра, члена или президента регионального совета к 40–44 годам следует избрание депутатом Национального собрания, а в последующем, возможно, и назначение на министерский пост¹. Главная особенность партийного аппаратчика состоит в том, что он никогда прежде не работал ни в государственном, ни в частном секторе.

Партийная карьера во Франции начинается в раннем возрасте — в молодежных партийных организациях или профсоюзах: в левых партиях, в том числе в ФСП, нередко в возрасте 13–14 лет, в голлистской среде чуть позже — в 17–18 лет². Опрошенные политики подчеркивают, что в современном мире от политика, участвующего в избирательных кампаниях, требуются особые навыки и знания, они должны быть специалистами в сфере коммуникации. *Партии привлекают не любых молодых людей*, — подчеркивает сотрудник партийного аппарата. — *Речь идет о выпускниках факультетов права, Парижского института политических исследований, которые готовят высокопрофессиональные кадры. Эти люди хорошо говорят, умеют выступать на публике, знакомы с законодательством, умеют работать со СМИ.*

Видимость прозрачности политики порождает среди молодых людей, начинающих карьеру внутри партийного аппарата, иллюзию, что политические карьеры делаются быстро и легко. Они наблюдают за карьерами своих коллег, успешных политиков, и рассуждают по аналогии. Иначе говоря, карьерные соображения применительно к молодым сотрудникам аппарата нередко доминируют над всеми остальными.

---

¹ Во Франции, где развиты традиции парламентаризма, существует традиция назначать на министерские посты лиц, имеющих опыт работы в представительных органах власти. В правительстве Ж.-М. Эйро, сформированном в июне 2012 г., из 37 министров и министров-делегатов 31 были депутатами Национального собрания и Европарламента, сенаторами. Сам бывший премьер-министр Ж.-М. Эйро с 1997 по 2012 г. занимал пост председателя группы социалистов в нижней палате парламента. — Н.Л.

² *Rouban L. Sociologie politique des députés de la V-e République, 1958–2007 // Cahiers du CEVIPOF. 2011. N 55. P. 43.*

Представители молодого поколения ставят перед собой сиюминутные задачи, не думая о том, что работа политика — *это сложный систематический труд, полное погружение в конкретные проблемы*, — замечает политик с 30-летним партийным стажем.

Анализ состава Национального собрания позволил социологу Л. Рубану сделать вывод, что в последние десятилетия заметно возросла доля депутатов-социалистов, сделавших карьеру в недрах партийного аппарата: в 1973 г. они составляли 11 % депутатов, избранных от ФСП, в 1978 г. — 25 %. С 1988 г. доля «аппаратчиков» стабилизировалась на уровне 25 % (2007 г.). Аналогичная тенденция с 1986 г. наблюдается в среде депутатов от неоголлистской ОПР/СНД: депутаты, сделавшие карьеру внутри партийного аппарата, в настоящее время составляют 18 %¹.

(3) *Административно-бюрократический путь, или модель «парашютирования»*, основывается на привлечении кандидатов в депутаты из структур исполнительной власти, ближайшего окружения президента, премьер-министра, ключевых министров. Одним из вариантов административно-бюрократической карьеры является приход в большую политику через пост помощника депутата или сенатора. В отличие от модели постепенного продвижения в большую политику эта карьерная модель реализуется в короткие сроки. Она предполагает наличие у претендента необходимого культурного капитала и обширных ресурсов в виде связей и знакомств. Главное — профессиональный капитал и социальные связи должны подкрепляться капиталом политическим: *сделать политическую карьеру вне партии практически невозможно*.

Этот карьерный путь в политике сформировался в 1960-е годы. По окончании «большой школы», чаще всего Национальной школы администрации (ENA, далее ЭНА), имеющий хорошие результаты выпускник мог рассчитывать на пост в секретариате президента, премьер-министра, одного из членов кабинета. Из ближайшего сотрудника видного политика он постепенно сам становился политиком. Затем партия «парашютировала» его в один из «своих» округов, где победа на парламентских выборах была обеспечена. Нередко «парашютирование» становилось своего рода «политической компенсацией» для покинувшего пост министра. Так, в 2001 г. Ж. Ланг, проигравший муниципальные выборы в Блуа, был «парашютирован» ФСП в Па-де-Кале, где избирался депутатом с 2002 по 2012 г.

---

¹ Ibid. P. 41.

Таким путем в большую политику пришла С. Руаяль. После окончания ЭНА в 1980-х годах она работала техническим советником президента Ф. Миттерана. В 1988 г. по личному решению президента ей было предложено баллотироваться на пост депутата Национального собрания, и она выиграла эти выборы. Она неоднократно избиралась депутатом Национального собрания, была избрана президентом регионального совета Пуату-Шаранты, занимала министерские посты, прежде чем в 2007 г. была выдвинута кандидатом на президентских выборах от ФСП.

Многие политики, особенно женщины, как считают эксперты, предпочитают этот путь в большую политику. Вместе с тем следует подчеркнуть, что административно-бюрократический путь ненадежен, поскольку кадровые решения принимаются вышестоящими лицами — это всегда выражение «княжеской воли» (*le fait du prince*), как принято говорить во Франции. Этот карьерный путь требует исключительной лояльности от соискателя, ставя его практически в полную зависимость от руководителя. У этого карьерного пути существуют и другие ограничения. Осуществить «парашютирование» политика возможно лишь в случае, если местная партийная федерация согласна с решением партийного руководства. Случаев «парашютирования» в последнее время становится меньше¹. В условиях кризиса высоко ценится территориальная укорененность политика, его знание местности, тесные связи с избирателями. В 2012 г. в ходе парламентских выборов руководству ФСП не удалось «парашютировать» С. Руаяль в округ, где партийная федерация была не согласна с этим решением. В результате она эти выборы проиграла. В 2012 г. проиграл выборы и другой французский политик, в прошлом генеральный секретарь Елисейского дворца при президенте Н. Саркози К. Геан. Против него на выборах выступили не только политические оппоненты, но и представители СНД, недовольные политикой партийного руководства.

(4) *Модель наследования* предполагает, что политический капитал передается внутри семьи. Во Франции принадлежность к семье нотаблей дает возможность наследнику избираться на местных, региональных или общенациональных выборах. *Есть немало политиков-мужчин, которые являются наследниками. Так, был политик, мэр Тулузы, и его отец тоже был мэром этого города. В Сенате заседают внуки,*

---

¹ *Rouban L.* Les députés issus des classes populaires ont disparu // *Le Figaro*. 18 juillet 2012.

правнуки, представители известных аристократических семей, — отмечает эксперт. Если говорить о потомках аристократических или крупных буржуазных семей, их в современной политике немного: сенаторы Э. де Монтестье, И. Поццо ди Борго, Л. Понятовский, С. Дассо и его сын депутат О. Дассо. Список «политических наследников» более внушительный. В нем бывший министр Р. Башло, отец которой Ж. Наркен был депутатом; мэр Лилля и бывший Первый секретарь ФСП М. Обри, дочь известного французского социалиста Ж. Делора; бывший депутат и заместитель председателя Национального собрания (2011–2012), а ныне мэр Л. Жискард д'Эстен, сын бывшего президента Франции; бывший министр обороны, внутренних дел и иностранных дел М. Аллио-Мари, дочь мэра Биаррица; нынешний лидер правой националистической партии «Национальный фронт» М. Ле Пен, дочь основателя этой партии Ж.-М. Ле Пена, и его внучка депутат Национального собрания М. Марешаль-Ле Пен.

Особенность политического наследования при республиканском строе состоит в том, что власть не передается напрямую от отца к сыну или дочери. Наследник должен продемонстрировать свои способности, стать признанным политиком, а главное, участвуя в конкурентной борьбе, пройти через процедуру демократических выборов, которые одни, могут обеспечить ему политическую легитимность.

Модель наследования в современной Франции, как считают аналитики, применяется все реже. В большой политике преобладают люди, которые продвигаются на высокие посты благодаря своим деловым качествам, а не поддержке ближайшего окружения или семьи¹. *Наследники — это прошлое, а не будущее французской политики,* — убежден респондент. Вместе с тем фактор семейных связей невозможно сбрасывать со счетов. Социолог Л. Рубан, изучавший социальный профиль депутатов Национального собрания, пришел к выводу, что начиная с 1980-х годов семейные связи оказывают все большее влияние на карьеру депутатов. Поскольку многие персональные и биографические сведения конфиденциальны, социолог предложил в качестве единицы измерения социальных и родственных связей показатель «суммарный индекс социальных ресурсов», который включает в себя профессию депутата и его отца, супруга или супруги, обучение в престижной

---

¹ Femmes et pouvoir exécutif dans le monde. <http://centre-histoire.sciences-po.fr/centre/groupes/femmes_politiques.html> (12.09.2014).

«большой школе». Вывод исследования однозначен: за последнюю четверть века доля депутатов, имеющих высокий «индекс социальных ресурсов», возросла. Эта тенденция в равной степени распространялась, как на представителей ФСП, так и представителей СНД¹.

Бизнес как политика. Эта карьерная траектория отличает предпринимателей, пришедших в политику. Предприниматели-политики немногочисленны: 20 человек в Сенате (из 348) и 30 в Национальном собрании (из 577). Наиболее известными предпринимателями, представленными в законодательной власти, являются сын и отец Дассо, представляющие корпорацию «Dassault Aviation». С. Дассо заседает в Сенате, его сын О. Дассо — депутат Национального собрания (впервые избран в 1988 г.). Встречаются предприниматели и на других выборных должностях. Так, в 2008 г. мэром фешенебельного города Нейи в предместье Парижа был избран бывший руководитель крупной компании Ж.-Ш. Фромантэн. В целом, как считают исследователи, эта карьерная траектория в современной Франции не слишком распространена, поскольку не приносит бизнесменам большой выгоды. Зато во власти немало адвокатов, многие из них представляют крупные адвокатские конторы, работают с крупным бизнесом. Из этой среды вышел Н. Саркози и его министр Э. Вёрт.

Зачем крупный бизнес идет во власть? Отвечая на этот вопрос, политики и эксперты чаще всего отмечали, что предприниматели в Национальном собрании не лоббируют свои интересы, поскольку для этого существует исполнительная власть. Вместе с тем, находясь в стенах парламента, они получают исчерпывающую информацию о том, что планирует сделать правительство, какие законы будут приниматься в первую очередь. Исследователи, оценивая связи власти и бизнеса, полагают, что либерализация французской экономики, начавшаяся в 1980-е годы, привела к снижению интереса частного бизнеса к государству². Этот тезис, как представляется, требует дополнительных аргументов. Большое значение имеет личная уния политиков и представителей крупного бизнеса — феномен, наблюдавшийся в годы правления Н. Саркози, поддерживавшего дружеские отношения со многими крупнейшими бизнесменами Франции.

---

¹ *Rouban L.* Sociologie politique des députés de la V-e République, 1958–2007.

² *Dudouet F.-X., Grémont E.* Les grands patrons et l'Etat en France, 1981–2007 // Sociétés contemporaines. 2007. N 68. P. 105–131.

Для некоторых успешных финансистов и предпринимателей поход в большую политику — это испытание сил, попытка достичь новых высот. Именно с этих позиций можно рассматривать карьеру назначенного в августе 2014 г. министром экономики Э. Макрона. Выпускник Парижского института политических наук и ЭНА, в возрасте 23 лет он вступил в ряды ФСП. Успешный государственный чиновник покинул государственную службу и сделал карьеру в банке Ротшильдов. Э Макрон принимал активное участие в президентской кампании Ф. Олланда. После победы был назначен заместителем генерального секретаря Елисейского дворца¹, а летом 2014 г. — министром экономики.

Среди наших респондентов не было предпринимателей-политиков. Однако они нередко выступают в прессе, объясняя мотивы своего прихода в политику. В их интервью подчеркивается, что они действуют как представители гражданского общества, основная цель которых — сделать политику более рациональной, увязать ее с экономическими реалиями. «Было бы неверно считать, что всем политикам недостает широкого видения и смелости. В нашей политике слишком много карьерных политиков, половина из них государственные служащие. Они оторваны от реального мира»², — считает Д. Пейрэ, бывший предприниматель, решивший посвятить себя политике.

Представленные карьерные пути схематичны. В реальной жизни различные траектории переплетаются. Большинство политиков стремятся как можно дольше пребывать на властных позициях, аккумулировать различные должности. Они делают карьеру внутри партии, выдвигаются при поддержке партийного руководства на выборные должности на местном и национальном уровнях, объединяют выборные мандаты. Национальный мандат — важнейший этап в политической карьере. *Во французской политике не быть депутатом — это быть никем*, — замечает политик со стажем. Депутат может занять руководящие должности внутри парламента. Если он умен и *хорошо выполняет свои обязанности*, перед ним открывается перспектива назначения на министерский пост.

---

¹ Генеральный секретарь Елисейского дворца — руководитель президентской администрации. — *Н.Л.*

² *Payré D.* Tous les politiques ne sont pas incapables, il peut y avoir de bonnes surprises // *L'Opinion*. 9 oct. 2013.

Анализ состава правительства Ж.-М. Эйро¹ показал, что большинство министров рано вступили в ФСП и в партии, вошедшие в союз с социалистами, — Партию зеленых и Партию левых радикалов. Они избирались на местных выборах — в муниципальные, департаментские и региональные советы, прежде чем быть избранными в Национальное собрание. Редко, кто из них представлял организации гражданского общества. Но, пожалуй, самое главное, что объединило членов кабинета, — это успешная карьера внутри партии: 21 из 37 министров находились на руководящих постах в своих партиях, среди социалистов было немало лиц, близких Ф. Олланду и С. Руаяль.

Говоря о карьерах французской политической элиты, стоит отметить, что ее члены, единожды попав в «элитную обойму», как правило, остаются в политике до конца своей жизни. *Во Франции из элиты не уходят*,² — говорит высокопоставленный чиновник. Практика подтверждает сказанное: политики мигрируют с руководящих постов в политических партиях на выборные должности, с выборных должностей в исполнительную власть, а затем снова на выборные должности. *Валери Жискар д'Эстен покинул элиту, но это было его самостоятельное решение*. Известно, что бывший президент Франции позже вернулся в большую политику, став политиком европейского масштаба. Другой пример — бывший премьер-министр Франции Л. Жоспен. Он принял решение об уходе из большой политики после поражения на президентских выборах 2002 г. Это была, по мнению участника исследования, недопустимая ошибка, поскольку политик призван сражаться, вести борьбу, а не покидать «поле боя».

Среди опрошенных нами был один политик, который сознательно ушел из политики после длительного пребывания на выборных должностях. Это решение было связано как с внешними обстоятельствами (политик проиграл ряд выборов), так и с внутренним желанием человека изменить свою жизнь. В настоящее время, по его собственным оценкам, он чувствует себя гораздо более свободным и продолжает заниматься общественной деятельностью.

---

¹ Второе правительство Ж.М. Эйро было сформировано в июне 2012 г. В марте 2013 г. правительство в результате финансового скандала покинул Ж. Каюзак. — *Н.Л.*

² Исключение, несомненно, составляют лица, вынужденные уйти из политики вследствие громких скандалов, связанных с неуплатой налогов, незаконными доходами или незаконным финансированием политических партий. — *Н.Л.*

ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Впервые вопрос, в чем суть профессии политика, в начале прошлого века сформулировал М. Вебер. Немецкий социолог выделял два способа сделать из политики профессию: «либо жить “для политики”, либо жить “за счет” политики и политикой». В первом случае политик служит своему делу и видит в нем «смысл своей жизни», в другом — политика становится для него постоянным источником доходов¹. Эти вопросы не потеряли актуальности и в наше время. Тем более что в специализированных исследованиях все чаще внимание уделяется «профессионализации политики»². В ходе интервью мы хотели выяснить, как профессия политика меняется в начале XXI в.

С конца XIX до середины XX в. центральное место в политической жизни Франции принадлежало нотаблям. Карьера нотабля начиналась в профессиональной сфере. Профессия приносила врачам, учителям, адвокатам известность, со временем превращалась в политический капитал, располагая которым можно было рассчитывать на политическую карьеру. Характерная черта нотабля — укорененность в той местности, где он жил, работал, избирался. Его карьера занимала не один год: сначала надо было зарекомендовать себя в качестве хорошего специалиста, а затем рассчитывать на политические дивиденды. *В мое время, — вспоминает бывший депутат и министр, — политик должен был работать, иметь профессию. Я преподавал, а политиком занимался вечером и в воскресные дни.* Участник исследования неоднократно избирался мэром, совмещая выборную должность с профессиональной деятельностью. Эта жизнь была непростой, но насыщенной и интересной, она ему нравилась. «Республику нотаблей» в годы V Республики сменила «республика высших государственных служащих» (1950–1970-е годы), когда на выборные должности стали приходить государственные служащие³. Сегодня на смену им приходят

---

¹ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 644–706.

² Perrineau P. La crise de la représentation politique // La politique en France et en Europe / Sous la dir. de P. Perrineau et L. Rouban. P.: Presses des Sciences Po, 2007. P. 17.

³ Birnbaum P. Les sommets de l'Etat. Essai sur l'élite du pouvoir en France. P.: Seuil, 1994.

профессиональные политики, карьерная траектория которых была описана выше.

Феномен «профессионализации» политической деятельности имеет объективные основания. *Первое*, в настоящее время аппараты крупных политических партий численно выросли. Это стало возможно благодаря государственному финансированию политических партий, принимающих участие в выборах¹. *Второе*, изменился статус лиц, находящихся на выборных должностях. Во Франции материальное содержание предоставляется лицам, находящимся на выборных должностях, вне зависимости от численности жителей населенного пункта². *Как мэр я почти ничего не получал*, — вспоминает респондент. — *А сегодня мэр города — это профессия. В моем городе с 25 тыс. жителей мэр имеет зарплату 4–5 тыс. евро в месяц.*

Профессионализация карьер политиков, как свидетельствуют материалы исследования, для политика и политики имеет ряд серьезных последствий.

Во-первых, внутри партий образуется *каста несменяемых*, основная цель которых — обеспечить свое переизбрание. За неимением иного профессионального опыта получение выборного мандата для многих из них — это единственный способ достойного существования. Применительно к категории политиков-аппаратчиков особо актуальны слова одного из респондентов: *Потеря выборного мандата для политика — это смерть.*

Во-вторых, карьера аппаратного политика зависит от партийного руководства. *Если партийный деятель материально зависит от пар-*

---

¹ Впервые закон о государственном финансировании политических партий был принят во Франции в 1988 г. За прошедшие годы он неоднократно дорабатывался. В настоящее время государственную финансовую поддержку получают политические партии, которые на последних парламентских выборах получили не менее 1 % голосов избирателей и за них проголосовали в 50 округах. — *Н.Л.*

² Во Франции общее число мэров, заместителей мэров и муниципальных советников составляет 560 тыс. человек. Оплата их содержания обходится государству ежегодно в 1,2 млрд евро (данные 2011 г.). Оплата содержания мэра устанавливается решением муниципального совета. В городах с числом жителей свыше 100 тыс. человек мэр может получать вознаграждение в размере 5000 евро. См.: *Rémunération des élus locaux: le dessous des cartes // Politiques. 2013. 24 déc.*

тии, он не может высказать собственное мнение, не мыслит самостоятельно, становится своего рода зомби, — отмечает сенатор. С этой точки зрения новый закон, запрещающий совмещать выборные должности¹, будет иметь негативные последствия. Лишившись статуса мэра или президента генерального совета, который давал политику определенную автономию и позволял вести себя независимо, депутат или сенатор будет *постоянно оглядываться* на партийное руководство, считает этот респондент. *Аппаратчики будут везде: среди правых, левых, в центре. В 2017 г. мы получим парламент, полностью зависимый от партий*, — убежден депутат со стажем. Есть и другое мнение: новый закон позволит обновить ряды политической элиты, обеспечит приток новых людей в политику.

Между политиками-аппаратчиками и политиками, имеющими профессию и не боящимися лишиться депутатского мандата, существует очевидное различие. *В Национальном собрании я видел депутатов, которые голосовали как надо. Я понимал, что им не хватает смелости вести себя иначе. Я голосовал, как считал нужным, хотя это порой вызывало серьезные конфликты. В момент голосования я всегда помнил, что у меня есть профессия, я адвокат*, — говорит бывший депутат.

Желание сохранить самостоятельность тормозит приход в партийное руководство ярких политиков. Вместе с тем поощряется приток лояльных людей, которые готовы безропотно выполнять указания сверху. Респондент, 40 лет отдавший ФСП, признается, что отказался от партийных должностей, чтобы сохранить свою независимость: *Я вижу своих друзей, которые находятся на должностях в партийном аппарате. Они чувствуют себя очень неуютно, поскольку не могут высказать собственное мнение*.

В-третьих, в условиях экономического спада, роста безработицы и социальной напряженности тенденция жить *за счет политики* нарастает. Многие представители молодого поколения политиков рассматривают партийный аппарат как эффективный социальный лифт. Не слу-

---

¹ В 2014 г. во Франции был принят закон, запрещающий совмещение выборных должностей: с 2017 г. — сенатора и депутата Национального собрания, а с 2019 г. — депутата Европейского парламента с выборной должностью, носящей функции исполнительной власти: мэра, президента регионального или генерального совета. — *Н.Л.*

чайно доля депутатов Национального собрания, сделавших карьеру в партийном аппарате, как было показано выше, за годы V Республики возросла.

В-четвертых, численный рост политиков, выходцев из партийного аппарата, углубляет итак острый кризис политического представительства. Аппаратные политики, выдвинутые руководством в качестве кандидатов на выборах, часто не укоренены в той местности, где избираются, не знают проблем территорий и своих избирателей. *По сути, они им безразличны.* За счет этого проблема политического представительства еще больше обостряется. Молодые люди, имеющие диплом Парижского института политических наук, хорошо знают современные теории развития общества, но у них отсутствуют навыки управления. *Выходцы из партийного аппарата, приходя во власть, нередко сталкиваются с серьезными проблемами, которые они неспособны решить.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На рубеже веков в составе и карьерных траекториях французских элит происходят большие изменения. Неустойчивой становится прежде стабильная карьера государственных служащих: все большее число молодых государственных чиновников переходят на работу в бизнес (*pantouflage*). Талантливые топ-менеджеры и представители французской научной интеллигенции уезжают за границу, становясь частью международной элиты. Эта тенденция, судя по всему, получит дальнейшее развитие¹. Не осталась в стороне от изменений и французская политическая элита.

1. Анализ депутатского корпуса свидетельствует о том, что за последние годы его социальный профиль существенно демократизировался: сегодня в парламенте заседают не высокопоставленные государственные служащие, но лица, представляющие верхние страты среднего класса, часто дети преподавателей высшей школы и учителей. Демократизация социального происхождения депутатов компенсировалась высоким «индексом социальных ресурсов», обладание которыми является отличительной чертой политической элиты.

---

¹ Исследование, проведенное Институтом Монтеня осенью 2013 г., свидетельствовало: 79 % выпускников «больших школ» хотели бы уехать за границу, из них 32 % — в США, 23 % — в Великобританию, 12 % — в Германию. См.: Journal de 20 heures, TV France-2. 10.10.2013.

2. Состав политической элиты в значительной степени меняется под воздействием институциональных факторов. В 1999 г. в Конституцию Франции были внесены поправки о «равном доступе женщин и мужчин к выборным постам и государственным должностям». В 2000 и 2007 гг. были внесены изменения в избирательный закон. Закон 2000 г. устанавливал, что в партийных списках от партий на выборах, проводящихся на основе пропорционального голосования (муниципальные и европейские), должно быть равное количество лиц мужского и женского пола. Партийные списки, в которых принцип равенства не соблюдался, не регистрировались. Закон 2007 г. устанавливал равенство между мужчинами и женщинами в исполнительных органах власти коммун (с числом жителей свыше 3500 человек), регионов и департаментов. На парламентских выборах партиям было рекомендовано в список кандидатов вносить 50 % женщин. Против партий, не соблюдающих это правило, вводились финансовые санкции.

Политика, направленная на выравнивание шансов мужчин и женщин отчасти увенчалась успехом. Доля женщин в Сенате в 2008 г. возросла до 21,8 %; в Национальном собрании женщины составляли 26 % депутатов в 2012 г. по сравнению с 17,6 % в 2007 г. и 11,4 % в 1997 г.¹ В наибольшей степени феминизация затронула уровень местной и региональной элиты. В настоящее время в региональных и муниципальных собраниях доля женщин составляет, соответственно, 47,6 % и 35 % (2008)². Эта тенденция, учитывая новые законодательные нормы, получит дальнейшее развитие. Состав политической элиты также существенно обновится в результате принятия закона, вводящего запрет на совмещение выборных должностей. По прогнозу ряда участников исследования, многие мэры крупных и средних городов покинут верхнюю и нижнюю палаты парламента, предпочитая сохранить пост мэра.

3. Меняются карьерные траектории политических элит. Основную массу депутатов парламента, как и прежде, составляют политики, начинавшие карьеру на местах и со временем перешедшие на национальный уровень. На этом фоне динамично растет сегмент политиче-

---

¹ *Rouban L. Sociologie politique des députés de la V-e République, 1958–2007. P. 31.*

² *En politique, les femmes ont encore mauvais genre. <<http://www.inegalites.fr/spip.php?article953>> (18.07.2012).*

ской элиты, представленный политиками-аппаратчиками. Это молодые «львы» и «лисы» французской политики. Новое поколение прагматично, а главным для его представителей является перспектива преуспеть в жизни: *В институте их основная задача — с успехом выдержать экзамены, а получив диплом, они стремятся сделать карьеру любой ценой.*

Было бы неверно считать, что политики-аппаратчики — это новое явление. Это своего рода ново-старая элита. Новая, поскольку аппаратно-партийные карьеры сегодня характерны для всех политических партий. Старая, поскольку ее представители обучаются в «больших школах», чаще всего в Парижском институте политических исследований. *Они обучались в одних учебных заведениях, сформатированы на один манер, можно сказать, отлиты из одной формы. Они не мыслят самостоятельно, видят окружающий мир в черно-белых тонах, а политическая корректность стала их новой религией.* «Единомыслие» — это слово не раз звучало в интервью, особенно когда речь заходила о молодом поколении политиков, многие из которых имеют диплом престижного Парижского института политических наук, в стенах которого принципы новой политической культуры получили широкое распространение¹.

4. Традиционно французская элита формировалась государством. Сегодня в процессе формирования элит все большую роль играют политические партии. Победившая на всеобщих выборах партия не только формирует правительство. Одновременно обновляется высший слой государственных чиновников, на должности в административном аппарате приходят люди, близкие к победившей партии, ее руководству. Таким образом, не только изменяются отношения между административной и политической элитами, меняет политически нейтральный характер основной опоры государства — государственной службы. *Никогда прежде государственные служащие не позволяли себе выступать с политическими заявлениями, но с молодыми сотрудниками это случается довольно часто,* — замечает высокопоставленный государственный служащий, которого новая тенденция явно шокирует.

---

¹ См. подробнее: Les étudiants de Sciences Politiques: Leurs idées, leurs valeurs, leurs cultures politiques / Sous la dir. de A. Muxel. P.: Presses des Sciences Po, 2004.

По многим характеристикам французская политическая элита похожа на элиту в целом. Ее представители часто знакомы с ранней юности, обучались в одних учебных заведениях, вращаются в одном кругу, в свободное время встречаются в одних местах. До недавних пор существовало мнение, что принадлежность к элите во Франции важнее политической принадлежности¹. Различные политические симпатии не мешали людям тесно общаться и дружить, становиться членами одних общественных организаций. *Это было возможно, —* отмечает политик со стажем, *— потому что у людей было общее прошлое, они уважали друг друга, независимо от политических симпатий и антипатий.* Говоря об общем прошлом, респондент имеет в виду участие в Сопротивлении, борьбу за освобождение Франции. Однако поколение, помнящее войну, неизбежно уходит из жизни.

Ситуация меняется по мере того, как обостряется борьба за власть. В условиях размывания идеологий партии более не ставят перед собой задач общенационального уровня. Политические оппоненты не ведут конструктивных дискуссий, не выдвигают альтернативных проектов обновления общества. Политические дебаты приобретают враждебный тон по отношению к политическим противникам, и в этом смысле напоминают новую серию боевика.

Опрошеные политики серьезно озабочены ситуацией, которая складывается в их партиях. В интервью они много говорили о необходимости усиления присутствия партий на местах, о поиске новых методов работы с избирателями и особенно с молодежью. В последнее время неоголлистская партия «Союз за народное движение» заимствовала старый коммунистический метод работы: на местах депутаты ведут пропаганду «от двери к двери», стараются встречаться, беседовать с людьми, разъясняют свою позицию.

Политики едины, говоря о том, что партии должны обновиться и вести *напряженную интеллектуальную деятельность, а в центре их внимания должны быть убеждения.* Это требует от руководства новых идей, а от активистов готовность эти идеи воспринимать. Выработать новую идеологию способна сильная, внутренне сплоченная партия. Однако сегодня в партиях как левого, так и правого спектра царит разобщенность, беспрецедентной стала внутренняя борьба за руководящие

---

¹ Bauer M., Bertin-Mouroit B. Une classe dirigeante fermée // Le Monde. 8 mars 1994.

посты. Особенно фронда ощутима внутри правящей ФСП, где видные партийные руководители уже начали открытую борьбу за кресло президента в преддверие выборов, которые состоятся в 2017 г. На фоне падения рейтинга президента республики Ф. Олланда внутрипартийная борьба представляет угрозу для всей партии.

Французский политолог П. Бирнбаум писал, что III Республика была «республикой учителей и адвокатов», IV Республика — «республикой депутатов», V Республика в первые два десятилетия своего существования — «республикой высших государственных служащих»¹. В последние полтора десятилетия Франция превращается в «республику партийных функционеров», в рамках которой главными политическими акторами становятся политические партии. *Наша республика больна, но она жива*, — говорит политик. «Выздоровление» республики будет зависеть от того, насколько политическим партиям удастся преодолеть внутренний кризис.

---

¹ *Birnbaum P.* Les sommets de l'Etat. Essai sur l'élite du pouvoir en France.

А.А. Зоткин

ИНСТИТУТЫ ВЛАСТИ И ЭЛИТНЫЕ ГРУППЫ УКРАИНЫ В УСЛОВИЯХ ГРАЖДАНСКОГО КОНФЛИКТА (2013–2014 гг.)

В статье анализируются изменения политической системы Украины в условиях гражданского конфликта (2013–2014). Зафиксированы тенденции изменений социального порядка и политических институтов. Главной системной причиной кризисов в Украине является цивилизационный раскол украинского общества. Осложнение отношений с Россией и военные действия на Донбассе стимулируют трансформацию политической системы на Украине. Для Украины повышаются риски стать полем конфликта между Россией и странами Запада на долгий период времени. Демонтаж старой политической системы и установление новой осуществляется в ограниченном политическом и дискурсивном пространстве. Украина стремится интегрироваться в Европейский Союз, но сохраняет «фасадный», имитационный характер демократии.

Ключевые слова: *политическая система, властвующая элита, гражданский конфликт.*

Анализируя изменения в украинской политической системе, справедливо будет обозначить, что для Украины завершился первый постсоветский этап ее истории (1991–2014 гг.). Двадцатитрехлетний период трансформации социальной структуры украинского общества, ценностей и социально-психологических установок граждан, моделей взаимоотношений между государством и обществом завершился острым гражданским конфликтом. Вместе с тем Украина вошла и в фазу общесистемно-институциональной деструкции, реформатирования норм и правил социального взаимодействия. Имеют ли эти изменения характер революции, как принято сейчас маркировать события 2013–2014 гг.? С нашей точки зрения, их оценка сейчас была бы преждевременной и носила бы эмоционально окрашенный характер. Сейчас мы можем только констатировать факт, что прежний социальный порядок сменяется хаосом. Это состояние должно завершиться каким-то вариантом: а) установлением нового порядка; б) возвращением к прежним устоям; в) общим регрессом социальной системы, ее переходом к архаичным и более простым формам социального взаимодействия; в) фрагментарным син-

тезом условно традиций и инноваций, старого и нового порядков. Находясь в потоке быстро сменяемых событий, невозможно предугадать, когда хаос достигнет максимума, а затем начнет упорядочиваться, перерастая в новый социальный порядок, и тем более какую конфигурацию он будет иметь. (Полагаем, что в разных сферах социальной жизни и в разных сегментах социальной структуры эта конфигурация будет иметь свою специфику и свое соотношение условно старых и новых форм.) Сейчас мы можем только фиксировать текущие изменения и очерчивать контуры возможных вариантов дальнейшей трансформации украинского общества и государства.

Социальные институты как «фабрики воспроизводства социальных отношений» (по Э. Дюркгейму) обладают свойством ригидности и инерционности. Поэтому при всем динамизме событий в социально-политическом пространстве Украина сейчас пребывает в состоянии инерционного движения. Социальные институты ослабевают, но, обладая высоким уровнем сопротивляемости внешним факторам, продолжают сохранять управляемость большинством общества привычными механизмами. При этом наиболее активные социальные группы (в первую очередь политические элиты) пытаются взять на себя часть нормообразующих функций институтов и переформатировать их «под себя», что стимулирует хаотизацию нормативно-правового поля. В таких условиях социальная структура становится менее жесткой, а социальные барьеры более преодолеваемыми, возникает эффект «сломанного социального лифта». Одни социальные группы сходят с социальной арены (или переходят в состояние выживания), другие быстро адаптируются к новым условиям, третьи повышают уровень своих притязаний к порядку распределения социальных благ, четвертые оказывают сопротивление (активное или пассивное, открытое или латентное) изменениям социальной системы. При всем многообразии отношений к изменению опривыченных социальных порядков и продуцируемых ими поведенческих моделей важно принимать во внимание в первую очередь векторы борьбы между условными «новым» и «старым» порядками (хотя границы между ними очень размыты). Все эти динамичные и противоречивые процессы, которые сложно уложить в единую схему, мы можем наблюдать сейчас на Украине. Отметим лишь некоторые тенденции в сфере социально-политических отношений.

Самым главным фактором, который предопределил возможность гражданского конфликта на Украине, является культурно-цивилизаци-

онный раскол украинского общества. Так как эта тема была подробно изложена, основываясь на теоретической концепции С. Хантингтона¹ и результатах эмпирических исследований, в одной из наших предыдущих работ², детально останавливаться на ней мы не будем. Отметим лишь, что именно эта системная характеристика украинского общества как цивилизационно расколотого дает объяснение его амбивалентному состоянию, которое сохранялось на протяжении всего постсоветского периода. Социологический мониторинг «Украинское общество», который проводится Институтом социологии НАН Украины, позволял констатировать, что на протяжении двух десятилетий в сознании граждан Украины одновременно уживались векторы евроинтеграции и вступления в союзные отношения с Россией и Беларусью. Что, в свою очередь, стало основой для формирования государства-«кентавра» (термин предложен Е. Головахой и Н. Паниной³), ориентированного одновременно на противоположные векторы как во внешней, так и во внутренней политике. Эта амбивалентность в установках граждан, в моделях политического поведения элит и порожденная ими разновекторность во внешней политике государства (в отдельные периоды Украина декларировала стратегическое партнерство с 40 государствами) позволили использовать Украину как поле борьбы между разными геополитическими игроками (Россия, Евросоюз, США). Каждый из них преследовал свои интересы. Украинским политическим элитам, страдающим комплексом *меншовартості* (заниженной самооценки) и неспособным к актуализации и защите интересов своего государства, оставалось только выбирать, с кем и против кого дружить.

Результатом деятельности украинских политических элит на протяжении 23-летнего периода стало низведение Украины до состояния зависимого государства. Эта зависимость сохраняется и поддерживает-

---

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: Изд-во АСТ, 2003. С. 255.

² Зоткин А. Украина как политический проект // Политическое проектирование в пространстве социальных коммуникаций. Материалы X Междунар. науч. конф.: В 2 ч. М.: ЛЕНАНД, 2013. Ч. 2. С. 343–351.

³ Головаха Е., Панина Н. Основные этапы и тенденции трансформации украинского общества: от перестройки до «оранжевой революции» // Панина Н.В. Избранные труды по социологии: В 3 т. Киев: Факт, 2008. Т. 1. Вопросы теории, методологии, технологии социологического исследования и профессиональной этики / Сост., ред., вступ. ст. Е.И. Головахи. С. 139.

ся в устойчивом воспроизводстве таких стандартов мышления и моделей политического поведения украинских элит, которые закрепляют комплекс «провинциализма», имеющий выражение в признании своей несамодостаточности, неспособности к самостоятельному решению проблем государства и общества. Однако если ранее украинские правящие группы имели какое-то пространство для маневра между позициями геополитических игроков, то сейчас де-факто утратили свой суверенитет. После вооруженного свержения президента В. Януковича и обострения отношений с Россией (которое усугубил факт вхождения Крыма в состав РФ по результатам референдума 16 марта 2014 г.) политические элиты стимулировали экспресс-переход Украины в сферу влияния США и Евросоюза. На данный момент это является одним из важнейших факторов, который будет оказывать заметное влияние на конфигурацию социально-политических отношений на Украине. Важно подчеркнуть, что ускоренная политическая евроинтеграция Украины совершенно не подразумевает такого же быстрого перехода украинского государства на стандарты западных демократий. Ригидность социальных институтов будет снова и снова возвращать и элиты, и само общество к привычным нормам и моделям взаимодействия. Поэтому на данном этапе все евроинтеграционные устремления украинских политических элит можно рассматривать как, с одной стороны, элемент «фасадной» демократии с ее системой мифотворчества, а с другой — как проявление своего рода внешнеполитического патернализма, когда Украине пытаются найти нового «старшего брата».

К группе внешнеполитических факторов, влияющих на модели поведения элит в Украине и конфигурацию политических отношений, относится позиция политического руководства России к формированию новых моделей взаимоотношений как с украинскими элитами, так и с разными группами украинского общества. (Об этом написано много как российскими, так и зарубежными аналитиками, поэтому детально останавливаться на этом комплексе вопросов мы не будем.) Геополитическое поражение России в борьбе за влияние на Украину было предопределено рядом причин. Главными из них были следующие: 1) отсутствие опыта эффективного продвижения своего информационного влияния и фактическая бездеятельность в украинском культурном и информационном пространстве; 2) работа по укреплению российского влияния в Украине велась преимущественно путем экономического проникновения и межэлитных договоренностей, работа с широкими

слоями украинского общества была пущена на самотек. Поэтому дистанцирование Украины от России шло еще с 1990-х годов. «Крымская весна» стала лишь катализатором перехода межгосударственных отношений в острую фазу. Перерастание гражданского конфликта в военные действия на Донбассе (с поддержкой Россией ДНР и ЛНР) завершил этот процесс. Украина стала недружественным по отношению России государством, элита которой будет генерировать и поддерживать в обществе чувства реваншизма за уход Крыма и свои поражения на Донбассе. Другой стороной медали является факт, что в сложившейся ситуации Украина будет иметь юридический статус нейтрального, внеблокового государства, поскольку, имея территориальные проблемы, Украина не может вступить ни в один блок или альянс государств. Для преодоления этой преграды политическому руководству Украины понадобится де-юре признать статус этих территорий, что приравнивается к политическому самоубийству для любых партий и их лидеров. Такая конфигурация может оставить Украину в зоне геополитической неопределенности на долгий период времени.

Переходя к описанию внутренних факторов, влияющих на конфигурацию социально-политических отношений на Украине, нужно отметить два момента. Во-первых, необходимо понимать специфику политико-географического структурирования Украины и прямую связь внутривнутриполитической ситуации с внешними факторами воздействия. Гражданский конфликт на Украине имел длительный инкубационный период. Украинская политическая система долгий период времени благодаря своему политико-географическому ландшафту существовала как полицентричное образование, где не мог доминировать ни один центр. Сохранялся баланс между регионами (в первую очередь между пророссийским Юго-Востоком и ориентированным на Европу Западом Украины) и их элитными группами, которые попеременно занимали высшие позиции в центральной государственной власти. В Украине сформировалась динамичная и вместе с тем устойчивая политическая система, основанная на плюрализме и конкуренции. Она, конечно же, не была лишена недостатков, характерных для государств постсоветского пространства, но тем не менее имела перспективы политического эволюционирования. Заметный дисбаланс политическая система Украины испытала в период правления В. Януковича, когда произошло перераспределение бизнес-активов и политико-административных позиций в пользу одной региональной элитной группы. В 2013 г. произо-

шел всплеск протестных настроений в украинском обществе, которым воспользовались внешние игроки и украинские элитные группы, оппозиционные В. Януковичу. (К этому тезису уместно и справедливо добавить, что украинское общество само оказалось настолько незащищенным от внешних влияний, а украинские политические элиты настолько готовыми к торговле национальными интересами своей страны, что ведущим державам только оставалось воспользоваться этим¹.)

В нынешних условиях мы можем констатировать демонтаж прежней полицентричной политической системы на Украине. Эмоционально перегретое (со времен Майдана) состояние украинского общества используется элитами для «зачистки» политического поля, превращение его в более или менее однородное пространство. Конкуренция и свобода слова позволены только в рамках дискурса, определенного прозападными элитными группами. Региональные сообщества Юго-Востока страны подавлены, запуганы и дезориентированы. Партийный плюрализм допускается только среди политических движений и организаций, декларирующих достаточный уровень патриотизма, готовность к евроинтеграции и антироссийские настроения. Так, результаты выборов в Верховную Раду Украины сформировали противовесы власти президента П. Порошенко в лице премьер-министра А. Яценюка, экс-спикера парламента А. Турчинова («Народный фронт»), а также объединения «Самопомощь» под руководством мэра Львова А. Садового. Парламентские миноритарии («Радикальная партия» Ляшко, Блок Тимошенко) и националистические партии, которые не прошли в парламент («Свобода», Правый сектор), будут исполнять роль главных

---

¹ Характеристики политической системы и политических элит Украины детально проанализированы нами в отдельной работе. См.: *Зоткин А.* «Львы» и «лисы» украинской политики (о властвующих элитах). Киев: Наукова думка, 2010. Эта тема также освещалась нами на десятом и двенадцатом Всероссийских научных семинарах «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации», организованных Социологическим институтом РАН совместно с Российской ассоциацией политической науки и Фондом имени Ф. Эберта в 2011 и 2013 гг. См.: *Зоткин А.* Государственная власть и политические элиты Украины в контексте отношений между центром и регионами // Властные структуры и группы доминирования: Материалы десятого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / Под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 286–306.

контролеров действующей власти. А если потребуется, то и новых претендентов на власть. При этом юго-восточные регионы политически обезглавлены, «восточные» партии и их лидеры или выдвинуты с политического поля (Компартия), или сведены до маргинального состояния (олигархические группы в «Оппозиционном блоке», оппозиционность которых будет иметь фиктивный характер). Созданы условия, когда ни одна политическая сила и центр власти не может усилиться до состояния владельца «контрольного пакета акций 50 % + 1 голос». Спектр фракций подразумевает возможности самых разнообразных комбинаций парламентского большинства и поддержания функционирования «системы сдерживания и противовесов». Все это позволяет характеризовать ныне действующую политическую систему на Украине как *конкурентный полицентризм в ограниченном политическом и дискурсивном пространстве*. Эта динамичная структура, несмотря на ее кажущийся извне нестабильный и конфликтный характер, предназначена для выполнения конкретных стратегических задач.

Вторым важным фактором является война (которую официальная доктрина цинично прикрывает формулировкой «антитеррористическая операция»), существующая для большинства украинского общества лишь в их представлениях, в то время как для всех жителей Донецкой и Луганской областей она стала жестокой и трагичной реальностью. Так, по результатам мониторингового исследования «Украинское общество», который проводит Институт социологии НАН Украины¹, в 2014 г. представления о социальных страхах в украинском обществе продемонстрировали заметные изменения. На протяжении двух десятилетий (вплоть до 2013 г.) граждане Украины опасались прежде всего безработицы, невыплат зарплат и пенсий, роста цен. В 2014 г. заметно возросли показатели страхов распада Украины как государства (14,5 % — в 2013 г., 46,0 % — в 2014 г.), межнациональных конфликтов (14,3 % и 35,1 % соответственно), нападения внешнего врага на Украину (9,5 %

---

¹ Здесь и далее приводятся результаты опросов из социологического мониторинга «Украинское общество», который проводится Институтом социологии НАН Украины с 1992 г. Стандартная выборка составляет 1800 респондентов и репрезентирует все взрослое население Украины (старше 18 лет) по основным социально-демографическим показателям. Статистическая ошибка выборки не превышает 2,3 %. В выборку исследования 2014 г. не были включены респонденты, проживающие в Крыму, а также на территориях восточных регионов, где проходили военные действия.

и 59,7 % соответственно). Вооруженное противостояние на востоке Украины 47,2 % опрошенных оценили как скрытую агрессию России, 21,9 % — как террористическую деятельность отдельных группировок, 14,3 % — как народное восстание против новой власти. Следует отметить, что оценки событий Майдана, ухода Крыма, вооруженного противостояния на востоке Украины, высказанные большинством украинского общества, кардинально отличаются от конфигурации оценок этих фактов жителями Донбасса. Не имея возможности углубиться в данную проблематику, приведем лишь краткий фрагмент из мониторингового исследования «Украинское общество». В ответах на вопрос «В каких из приведенных ниже ситуациях Вам пришлось хотя бы раз побывать на протяжении последних 12 месяцев?» в графе «другое» жители Донецкой и Луганской областей вписали «война», «ночные бомбежки», «обстрелы», «боевые действия», «гибель людей», «страх за семью во время бомбежек», «как спастись?», «нас каждый день убивает армия Киевской хунты». (Вряд ли здесь будут уместны комментарии.)

Если главными «заказчиками» войны на Украине являются внешние силы и украинские олигархические группы, то главные генераторы военной истерии в украинском обществе — политики. Правящие группировки, апеллируя к сложностям военного времени, получают эффективные механизмы упрочения своей власти через продуцирование страхов, социальных мифов и консолидацию большинства общества вокруг них. Пользуясь этим, элиты могут не только открыто пренебрегать действующими законами, списывая все на войну, но и улучшать показатели своего капитала¹.

На волне обострения отношений с Россией и военных действий на Донбассе украинское государство стало более милитаристским. В нем заметную роль начали играть силовики, лидеры военизированных праворадикальных группировок (последователи Организации украинских националистов, Правый сектор и др.), олигархи, содержащие и использующие частные военные компании (ЧВК), комбатанты (сотники Майдана, командиры т.н. добровольческих батальонов, принимавшие участие в военных действиях на Донбассе). Осуществляется героизация силовиков и комбатантов как защитников Украины от агрессии России.

---

¹ Головатюк Е. Война и бизнес: кто заправляет украинскую армию // Ліга-БізнесІнформ. 20.05.2014. <<http://biz.liga.net/all/tek/stati/2751435-voyna-i-biznes-kto-zpravlyaet-ukrainskuyu-armiyu.htm>>.

Первым номером в избирательном списке Блока Ю. Тимошенко заявлена старший лейтенант Н. Савченко, которая обвиняется в причастности к убийству российских журналистов. В избирательных списках многих партий также фигурируют командиры добровольческих батальонов, по-разному «прославившихся» на Донбассе.

Силловые методы решения любых противоречий стали привычной нормой в нынешних украинских реалиях, где защита закона распространяется по факту не на всех. Рядовые, низшие и средние чины правоохранительных органов настолько деморализованы, что зачастую пассивно не препятствуют противоправным действиям. После захватов силовых учреждений, волна которых прошла по стране в 2014 г., в незаконном обороте находится большое количество стрелкового оружия. Уровень безопасности в повседневности украинского обывателя заметно снизился¹. Что касается политической, общественной, информационной деятельности, то индивид или группа, чья позиция может противоречить общераспространенной доктрине, находятся в зоне повышенного риска. В отдельных группах украинского общества аккумулярован высокий потенциал нетерпимости и агрессии, который требует своего выхода. Так как он не может быть направлен на внешние цели, то ему остается только путь внутриукраинского «заземления». Украинский социолог Н. Шульга точно обозначил социально-психологическое и моральное состояние украинского общества: «В общественном сознании утверждается культ силы, порождающий морально-психологическую атмосферу насилия и подчинения... целенаправленно вбрасываются темы о предателях, в ней формируется галерея портретов врага. Богатое оттенками общественное сознание, многообразие взглядов на мир и общество упрощается, сводится к черно-белой гамме»².

Описанные выше тенденции позволяют нам сделать следующие выводы (которые в нынешних условиях оценки ситуации в Украине имеют скорее характер гипотез).

---

¹ В Киеве на Подоле избили преподавателя Могилянки // Сегодня. 24.09.2014. <<http://kiev.segodnya.ua/kaccidents/v-kieve-na-podole-izbili-prepodavatelya-mogilyanki-554891.html>>.

² Шульга М. Аберрантний стан суспільної свідомості українського соціуму // Українське суспільство 1992–2014. Стан та динаміка змін. Соціологічний моніторинг / За ред. д.ек.н. В. Ворони, д.соц.н. М. Шульги. К.: Інститут соціології НАН України, 2014. (в печати)

Во-первых, для Украины повышаются риски перехода в состояние геополитически неопределенной «серой зоны», территории локального конфликта между Россией и Западом (в первую очередь США). Так как ни одной стороне не удастся вовлечь всю Украину в сферу своего контроля и влияния, она может надолго стать полем теневой и «пульсирующей» борьбы, внешне имеющей формы внутриукраинского гражданского конфликта, стороны которого поддерживаются внешними игроками.

Во-вторых, на волне гражданского конфликта и вовлечения Украины в противостояние указанных выше геополитических игроков повышается вероятность перехода украинского государства и общества к мобилизационному типу развития (согласно терминологии О. Гаман-Голутвиной¹). Остается неясным, насколько хватит ресурсов власти и социально-психологического «накала» масс для поддержания (и, возможно, опривычивания) мобилизованного состояния украинского общества.

В-третьих, действующая политическая система в Украине имеет характер *конкурентного полицентризма в ограниченном политическом и дискурсивном пространстве*, и представляется весьма динамичной и действенной. Тем не менее общая ее диспропорциональность, нарушение баланса участия региональных элитных групп, представляющих разные региональные сообщества, ограничивает и ее эффективность.

В-четвертых, очевидно, что в нынешней ситуации государство утратило монополию на использование насилия. Появились альтернативные центры власти, обосновывающие свое право на использование насилия условиями военного времени. Принимая во внимание, что Украина уже вошла в состояние глубокого экономического кризиса, необходимо осознавать, что его реалии в сочетании с распространенным правовым нигилизмом и высоким уровнем агрессии в социально-психологических установках населения могут свести управляемость украинским обществом к нулю.

---

¹ Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006. С. 33–36.

РОССИЙСКИЕ ЭЛИТЫ: ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

А.К. Магомедов

РЕСУРСНАЯ БАЗА ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ СЫРЬЕВОЙ ПАРАДИГМЫ

В статье исследуется феномен ренто-ориентированного поведения пост-советской российской власти. Исследована преемственность ренто-ориентированного поведения на различных этапах пост-коммунизма в отношении самого важного отечественного ресурса — нефти. Доказано, что контроль над существующими ресурсами стал для различных правящих групп России большим благом, чем иные доступные альтернативы. Отмечено, что система извлечения ренты представляет собой непродуктивную форму социальной стабилизации в переходном обществе.

Ключевые слова: *Пост-советский переходный период, Ренто-ориентированное поведение, Нефть, Центр-периферия, «Кремленизация» ресурсного контроля.*

ПРЕАМБУЛА: НЕФТЬ И РОССИЯ

За последние 15 лет нефтегазовый фактор обусловил впечатляющие изменения в характере отечественной экономики и политики. Вкратце их можно свести к следующим тенденциям:

Первая. В экономике России закрепились устойчивая сырьевая ориентация с упором на нефть и газ. Нефтегазовая отрасль стала наиболее успешным сектором отечественной экономики в постсоветский период. Если в 2000 г. доля нефтегазового сырья в российском экспорте

составляла 30 %, то в 2008 г. — 54 %¹. В последние годы, как отметил известный экономист Сергей Глазьев, наблюдается немислимый для развитой страны «сырьевой перекося» российской экономики: больше 3/4 госбюджета формируется за счет продажи минеральных ресурсов². Поскольку нефть является природным ресурсом, позволяющим получать значительные доходы, контроль над российской нефтью стал методом жесткой конкуренции в постсоветский период.

Вторая. В результате неуправляемой децентрализации общества в 1990-е годы российские регионы получили значительный контроль над природными богатствами в своей географической юрисдикции. Дальнейшая регионализация государства и локализация власти стимулировали конкуренцию различных местных политических сил за контроль над экономикой и ресурсами.

С началом путинской централизации власти и подавления локальных эгоизмов борьба за контроль над ресурсами переместилась с регионального на национальный уровень.

Третья тенденция, тесно связанная с двумя первыми, заключается в том, что за годы рыночных реформ в России утвердилась колоссальная поляризация объема доходов между регионами, невиданная доселе территориальная перетасовка национального фонда зарплаты³.

Четвёртая. Банковская элита, которая в первой половине 1990-х годов олицетворяла мощь и блеск отечественной бизнес-элиты, сумела сохранить свое влияние, перейдя в разряд нефтьмагнатов как реальной элиты богатства в новых условиях⁴.

---

¹ Россия в цифрах. М.: Госкомстат России, 2000. С. 356, 368–369; *Иноземцев В.* Порвать с традицией // ЭкстраТекст. 2009. Вып. 2. Ч. 9. <<http://www.politstudies.ru/extratext/lm/flm009.htm>>.

² *Глазьев С.* Дискуссия «Между выборами». Экспертный опрос газеты «Завтра» // Завтра. 2008. № 5 (741), 30 января. С. 1. Эти пропорции сохранены и сегодня.

³ *Иванов К.* Пропась между регионами — угроза целостности России // Экономика и жизнь. 1997. № 8. февраль. С. 1. Подобная тенденция сохранилась и в 2000-е годы. За последние десять лет российская экономика испытала четко выраженное неравенство доходов как между регионами, так между городскими и сельскими сообществами внутри регионов. Ошеломляющий рост нефтедоходов в 2000–2013 гг. лишь усилил такое развитие.

⁴ Эту тенденцию одним из первых исследовал Евгений Хартуков: *Khartukov E.* Bankers becoming new masters of oil companies // Petroleum Economist. 1997. Vol. 64. No. 2. P. 6–8.

Сегодня очевидно, что все уровни российской экономики оказались в неумолимой сырьевой зависимости, заставляя многих отечественных аналитиков строить тревожные прогнозы по поводу перспектив российской модернизации¹.

ФЕНОМЕН RENT-SEEKING: АВТОРСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ АНАЛИЗА

Здесь необходимо дать дополнительное уточнение понятия «рентоориентированного поведения» (*rent-seeking*), поскольку данный термин интерпретируется и понимается по-разному. Для объяснения политических интересов в переходном обществе, каким является Россия, я обратился к концепту *рентоориентированное поведение (rent-seeking)*, описанном Андерсом Аслундом².

Я не рассматриваю экономическое измерение рентоищущего поведения. Я также не пытаюсь объяснить процесс извлечения экономической ренты.

В самом общем виде принято различать экономические (прибылеориентированные) и политические (рентоориентированные) инвестиции. Я подчеркиваю политический аспект феномена *rent-seeking*. Политическое содержание феномена выражается в том, что он развивается в контексте неустойчивой стабилизации России как переходного общества на пути к рыночной экономике. Рентоориентированное поведение реализуется в виде стремления к узурпации прав на распределение и перераспределение ресурсов. В условиях сложной переходной российской ситуации, как будет показано, система извлечения ренты представляет собой непродуктивную форму социальной стабилизации. Благодаря ей определенные группы, блокируя рыночную конкуренцию, добиваются осуществления своих интересов.

Нужно выделить два этапа, в которых рентоориентированное поведение имело разные формы и масштабы проявления. **Первый этап:**

---

¹ Такая тревога ощущалась еще до начала «нефтяной эры», которую сегодня повсеместно связывают с именем В. Путина. См., например: *Квитко Е.* Нефть вместо реформ. Интервью с исполнительным директором Экспертного института А. Нещадиным // Московские новости. 2000. № 13, 4–10 апреля, С. 10.

² *Aslund A.* Reform versus “Rent-Seeking” in Russia’s Economic Transformation // *Transistion*. 1996. Vol. 2. No. 2. P. 12–16.

1990-е годы. Бурная фрагментация российской политики в тот период привела к децентрализации рентоориентированного поведения. На региональном уровне шел активный процесс группообразования и складывания специфических интересов, в том числе рентоориентированных практик. **Второй этап:** 2000-е годы. На этом этапе принцип «рентоориентированного поведения» не изменился. Изменился вектор его действия — произошла централизация и «кремленизация» рентных практик и создание «государства-рантье».

В обоих случаях система ренты — результат сложных комбинаций, в которые вовлечены как бизнес, так и государство на разных уровнях и в разных сочетаниях. В обоих случаях политизация нефтяного бизнеса свидетельствует о том, что нефть стала для властей большим благом, чем иные доступные альтернативы, в том числе для решения социальных проблем.

ЭПОХА ЕЛЬЦИНА: ФРАГМЕНТАЦИЯ ОБЩЕСТВА И РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ РЕНТНЫХ ПРАКТИК (КАСПИЙСКАЯ НЕФТЬ И РОССИЙСКИЕ РЕГИОНЫ: ХАРАКТЕР И НАПРАВЛЕНИЯ ЛОКАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СТИМУЛОВ)

Рассмотрим процесс вовлечения региональных политических элит в транспортировку каспийской нефти. Это было связано с тем, что во второй половине 1990-х годов началась реализация грандиозного нефтяного проекта на юге России — строительство экспортного нефтепровода Каспийский трубопроводный консорциум (КТК). Проект обеспечил транспортировку казахстанской нефти с северо-каспийского месторождения Тенгиз к российскому порту Новороссийск на Черном море.

Коротко обрисую контекст вовлечения региональных правящих групп в ресурсно-распределительный процесс. Политическая децентрализация 1990-х годов открыла конкуренцию за контроль над экономическим имуществом и ресурсами. На местах региональные лидеры создавали систему «административного рэкета» и так называемой «губернаторской экономики». Это помогало им консолидировать свою политическую базу, поскольку население обращало свои ожидания к региональным властям.

Региональные политические элиты не были связаны друг с другом координирующими ограничениями. Данное обстоятельство позволяло им сохранять свободу действий, проистекавшую исключительно из со-

ображений индивидуальной политической выгоды. Напряжение, создаваемое межрегиональным неравенством, нередко разряжалось путем политического конфликта. Неравенство стало политической проблемой, поскольку в отсутствии инвестиций и рынка труда в регионах были затруднены экономическая адаптация и реакция на рыночные сигналы. В таких условиях естественные географические условия — доступ к природным ресурсам и коммуникациям, ведущим во внешний мир, — стали важными источниками сравнительных преимуществ российских регионов.

Хронический бюджетный кризис, завершившийся дефолтом 1998 г., привел к тому, что региональные лидеры перестали рассчитывать на субсидии федерального центра. Борьба за ренту стала одним из основных стимулов ведения регионального хозяйства.

Это особенно ярко проявилось на примере трех аграрных регионов с уникальной специализацией: Астраханской области (рыбная отрасль и промысловое стадо осетровых), Калмыкии (овцеводство), Краснодарского края (развитое сельское хозяйство и курортно-рекреационный комплекс). После того как в конце 1990-х годов по этим территориям начали прокладывать нефтепровод КТК, их лидеры заявили о своих нефтегазовых приоритетах. Региональные правящие группы, городские власти и общественность оказались втянуты в публичную политическую борьбу и торг с трубопроводным консорциумом¹. Предмет борьбы и торга — объемы денежных отчислений от консорциума в региональные и местные бюджеты.

Здесь можно дать обобщенный ответ на вопрос, что пытались сделать региональные элиты перед лицом ожидаемого нефтяного бума. Существовал общий мотив для локальных элит во всех трех рассматриваемых провинциях: местные элиты пытались держать контроль над транзитными и сырьевыми ресурсами для собственной политической выгоды. Оказавшись совершенно неожиданно на пути следования «большой каспийской нефти», региональные власти демонстрировали рентоищущее (*rent-seeking*) поведение.

Нефтяной и транспортный факторы критически изменили стимулы и поведение ведущих экономических и политических игроков на дан-

---

¹ Данные процессы в подробностях описаны в: Магомедов А., Никеров Р. Большой Каспий. Энергетическая геополитика и транзитные войны на этапах посткоммунизма. Ульяновск: УлГУ, 2010. С. 36–94.

ных территориях. Региональные лидеры цеплялись за убеждение, что приток денег от транспортировки нефти может стать средством решения проблем, с которыми столкнулись их регионы. Это создавало почву для политических битв среди региональных элит за контроль над сырьевыми богатствами и транспортными потоками на фоне деградации национальной и региональной экономик.

Тогдашние политические лидеры Астраханской области, Краснодарского края, а в еще большей степени Калмыкии публично демонстрировали поведение рантье-элиты, выказывая энтузиазм возможностью «снимать пенки» от экспорта нефти. Ожидание «большой нефти» и связанная с ним эйфория спровоцировали жесткую политическую конкуренцию между соперничающими региональными элитами, которые начали бороться за контроль над этим новым ресурсом.

Данная мотивация, в частности, привела к острому территориальному конфликту между Астраханской областью и Калмыкией, в основе которого лежало стремление получать большую долю отчислений за перевалку нефти по спорным землям. Политические элиты обоих регионов рисовали перед своим населением красочные картины и диаграммы будущего обогащения. Так, в одном из своих интервью бывший президент Калмыкии К. Илюмжинов заявил, что Калмыкия должна стать нефтяной республикой, а «когда мы доведем нефтедобычу до 3 млн. т, то жители Калмыкии могут уже не работать». Аналогичные заявления делал обычно сдержанный в таких случаях бывший губернатор Астраханской области Анатолий Гужвин¹.

Уход Бориса Ельцина с поста Президента РФ и появление Владимира Путина как общенационального лидера тут же вызвали к жизни множество вопросов: что принесет региональным властям окончание эпохи Ельцина? Будут ли региональные власти лишены возможности получать ренту от «трубы» в виде отчислений от КТК и тем самым политизировать нефтедобычу и транзит нефти?

В первые месяцы путинского президентства в 2000 г. эти процессы не получили своего разрешения, и многие наблюдатели осторожно высказывались о том, что давление федерального центра на региональное руководство может иметь свои пределы. Однако наиболее проницатель-

---

¹ *Серенко А.* Кирсан Илюмжинов: «Власть будет еще жестче» // НГ-Регионы. 1998. № 15. С. 4; *Серенко А.* Война улусов // НГ-Регионы. 1999. № 2. С. 9.

ные аналитики предчувствовали впечатляющие изменения в российской политике.

Точнее всех развитие российского нефтегазового сектора предвидел британский ученый Дэвид Лэйн в книге «Политическая экономика российской нефти»¹, которая вышла под его редакцией в 1999 г., когда в России еще царила ельцинская политика. Британский специалист в общих чертах предсказал возможность движения Кремля в сторону создания, как он выразился, «самодвижущейся» формы капитализма с энергетической индустрией во главе. Но поскольку такой сценарий не соответствовал интересам доминирующих на тот момент экспортно-ориентированных частных нефтяных корпораций, ключевым фактором и ведущей силой такого развития мог стать только институт президентства. «Более государственно и националистически ориентированный президент мог бы повернуть страну в направлении более корпоративного госкапитализма», - размышлял Д. Лэйн в предисловии к своей книге. Вряд ли он мог предположить, насколько точным окажется его прогноз. Однако всё случилось именно так.

ОТ ЕЛЬЦИНА К ПУТИНУ: «КРЕМЛЕНИЗАЦИЯ» РЕНТОИЩУЩЕЙ ПАРАДИГМЫ И СОЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВА-РАНТЬЕ

Начало XXI столетия ознаменовалось для России появлением Владимира Путина как убедительной национальной силы. Подъем национального государства во главе с новым президентом оказался самой актуальной политической эмоцией в России в начале XXI в. Восстановление государства стало более сильным и исторически важным для России, чем глобализация и демократия, которые, как казалось, были на подъеме в 1990-е годы. Силы глобализма и локализма, которые маршировали по планете и по России, с началом нового столетия ушли в глухую оборону. Напротив, национальные интересы и эгоизмы наряду с силовым фактором стали превалировать над надеждами и иллюзиями «демократического транзита».

В этом разделе будет исследовано влияние нефти и ресурсного фактора в целом на способ внутреннего устройства российской политики 2000-х годов.

---

¹ Lane D. Introduction: The Political Economy of Russian Oil / Ed. by D. Lane. Lanham; Boulder; N.Y.; Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 1999. P. 10.

Ельцинский режим выживал за счет децентрализации власти. Эпоха Б. Ельцина (1990-е годы) связана с децентрализацией и персонализацией политического и экономического влияния региональных лидеров. В атмосфере политической неопределенности и сиюминутного целеполагания местные лидеры, как было показано, руководствовались «рентоищущим» поведением для расстановки локальных приоритетов.

Напротив, путинский курс был направлен на централизацию политической власти в стране и деперсонализацию политического процесса на местах. Это потребовало подавления локальных политических эгоизмов. Одним из инструментов такой политики стала финансовая централизация. Одновременно началась централизация сырьевых ресурсов в стране, которая усиливалась по мере нарастания идущего параллельно «ресурсного накопления» в мире.

Поскольку данный фактор важен для последующего анализа, коротко напомним суть глобального феномена «ресурсного накопления». После 11 сентября 2001 г. мир вступил в полосу геополитического наращивания территорий (в смысле сырьевых месторождений, морских проливов, транспортных коридоров, маршрутов нефте- и газопроводов), сырья и ресурсов посредством войн. Приобретение углеводородного месторождения или маршрута нефте- и газопровода напрямую начало переводиться в геополитический рост государства. «Ресурсный эгоизм», став новым фактором мировой политики, серьезно повлиял и на характер политического поведения ключевых российских субъектов. Зафиксировав это, я вернусь к политике путинской финансовой централизации.

Самым важным фактом стало то, что по новому налоговому законодательству 100 % налога на добычу природных ресурсов начали поступать в федеральную казну. Регионы отреагировали на это с нескрываемым недовольством. Новая бюджетная политика федерального центра была охарактеризована депутатами, например Астраханской областной думы, как «уничтожающая территории». Ряд местных депутатов даже выступил с предложением объявить бойкот выборам в Госдуму в декабре 2003 г. с целью обратить внимание федерального центра на нужды региона. Не менее резкая реакция последовала из Элисты. Так, решение российского правительства о 100%-ном перечислении в федеральный бюджет денег на прокачку нефти и арендной платы за использование территории Калмыкии нефтепроводом «Тенгиз — Новороссийск»,

было названо «грубейшим нарушением принципов федерализма и элементарной справедливости»¹.

Однако такой поворот полностью соответствовал путинскому курсу на централизацию государства и подавление дополнительных центров политического влияния, в данном случае региональных. Как результат, региональные власти оказались лишены возможности получать ренту от «трубы» в виде отчислений от КТК и тем самым политизировать нефтедобычу и транзит нефти.

«ФАКТОР ПУТИНА» В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

В начале XXI столетия в России стартовало десятилетие «нефтяного бума», связанного с тем, что с 2002 г. мировые цены на нефть начали свое триумфальное шествие по планете. Если сравнить цены барреля нефти в 1996 г. и десять лет спустя, разница окажется почти десятикратной.

Понять развитие российской нефтегазовой политики невозможно без учета того факта, что ее развитие определяет лично В. Путин. Энергетическая политика России в значительной степени личный проект Путина, — не без оснований считают многие аналитики и топ-менеджеры нефтяного бизнеса. «Путин — лидер, который не раз продемонстрировал недюжинное знание экономической и политической стороны и даже технических деталей энергетического бизнеса. Тем самым доказывая, что он политик, питающий глубокий интерес к важной отрасли экономики страны», — пишет американский обозреватель Эндрю Крамер². Бывший президент ВР лорд Джон Браун выразился не менее лестно: «Путин был хорошо информирован, он многое знал и о ВР, и обо мне. Я помню, как подумал про себя: независимо от того, за что выступает Путин, это исключительно компетентный человек»³.

---

¹ См.: Магомедов А., Никеров Р. От Большого Каспия до Сахалина. Характер и рубежи борьбы за энергоресурсы Северной Евразии на этапах посткоммунизма. Ульяновск: УлГУ, 2011. С. 97–98.

² Kramer A. Moscow Boost Ties on Energy // The International Herald Tribune. 2009. 30 January. P. 3.

³ Brown J. Regardless of what Putin stands for, he is exceedingly competent // The Times. 2010. 5 February.

Как бы то ни было, очевидным является понимание Путиным роли энергетических ресурсов России как ключевого фактора продвижения ее национальных интересов. С момента своего прихода к власти в 2000 г. Путин считал, что экспорт природных ресурсов и, в частности, энергоносителей финансово обеспечит экономическое возрождение государства. Именно это дало основание американскому ученому, известному исследователю России Маршаллу Голдману сказать, что «Россия восстала из пепла в качестве нового вида сверхдержавы — той, чья мощь опирается на экономику и энергетику»¹.

В течение восьми лет Путин в экономической политике осуществил задачу создания системы, способной пользоваться преимуществами рыночной экономики и одновременно гарантирующей подчиненность интересов частного бизнеса стратегическим интересам государства.

В рамках этой политики государство усмирило известного нефтемagnата Михаила Ходорковского. Другим важным шагом было изменение в пользу России соглашения о разделе продукции (СРП) на Сахалине, которое Путин назвал «колониальным». В отличие от публикаций недовольной западной прессы об экономической стратегии Путина, суть которой поверхностно и вульгарно представлялась как «национализация», Маршалл Голдман оценил данный курс в контексте стремительно растущей тенденции «ресурсного накопления» во всем мире. «Говоря по совести — писал он в книге «Нефтегосударство», — то, как российское государство реагирует на попытки иностранных инвесторов выкупить его энергетические ресурсы, очень похоже на реакцию и поведение других стран в схожей ситуации»².

Принято считать, что после федеративной реформы и «равноудаления» олигархов, венцом которого явилось «дело ЮКОСа», государство стало в значительной степени автономным от внешних групп влияния. Тезис весьма спорный. При этом несомненным является то, что правящая элита, как будет показано, сама стала распадаться на несколько группировок. Коммерческое использование этими соперничающими кланами государственных ресурсов говорит о том, что высший государственный аппарат не стал свободным от различных групп интересов. Ярким примером подобного развития событий стали планы, а затем

---

¹ *Marshall G.I. Petrostate: Putin, Power, and the New Russia. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 16.*

² *Ibid. P. 87.*

и попытки «Газпрома» присоединить «Роснефть» и сформировать единый гигантский энергетический конгломерат «Госнефть». Однако этот план был блокирован после нескольких месяцев закулисной борьбы¹. Но «Газпрому» позволили купить компанию «Сибнефть», принадлежавшую олигарху Р. Абрамовичу, за 13,1 млрд дол. в ноябре 2005 г. В конечном счете, «Газпром» и «Роснефть» стали ключевыми игроками российской нефтегазовой политики. Именно деятельность этих двух компаний дала основания экспертам и критикам путинской власти говорить о «национализации» российской нефтяной промышленности.

Для оценки сложившейся при Путине властно-собственнической и политической системы в экспертном сообществе появились самые разные, порой прямо противоположные характеристики. Одни отождествляют данную систему с авторитаризмом, другие — с «суверенной» демократией. В отношении путинской системы государственного и политического управления преобладали такие оценки, как «националистический авторитаризм», централизованный корпоративный этатизм, «ситуативная бюрократически-авторитарная государственность» и т.д. Более существенной надо признать довольно распространенную точку зрения, в соответствии с которой российская политическая система оценивается как корпоративная, а сама Россия — как государство, управляемое как большая корпорация, с опорой на корпоративно-клановые структуры. Наиболее яростно и красочно аргументы в пользу вывода о превращении путинской России в «корпоративное» «полицейское» государство излагал бывший экономический советник В. Путина, а ныне один из его беспощадных критиков Андрей Илларионов. 28 ноября 2005 г. в Российском государственном гуманитарном университете (РГУ) была организована его открытая лекция на тему «Венесуэлизация России». То, что обычно

---

¹ О нешуточном характере конфликта во властных верхах вокруг слияния двух госкомпаний (по сути дела, вокруг контроля над нефтяной отраслью России), который длился с декабря 2004 г. по февраль 2005 г., свидетельствовало то, что в нем участвовали наиболее влиятельные лица из Кремля и правительства: А. Кудрин, Д. Медведев, А. Миллер, В. Христенко на стороне «Газпрома»; С. Оганесян (глава федерального агентства по энергетике — ФАЭ), С. Богданчиков, И. Сечин на стороне «Роснефти». Процесс сопровождался многочисленными публичными комментариями обеих сторон (*Скоробогатько Д., Бутрин Д., Рыбальченко И., Киселёва Е.* Государство раскололось на нефть и газ. Борьба за контроль над «Роснефтью» перешла в открытую фазу // *Коммерсантъ*. 2005. 2 февраля. С. 1, 13).

считается признаками так называемой «голландской болезни» (приток в страну иностранной валюты, высокий прирост денежной массы, рост импорта и упадок национальной промышленности наряду с резкими темпами инфляции) А. Илларионов, вероятно, для пущей красочности назвал «венесуэльской болезнью». Позже он даже сравнил российский госкорпоративизм по-путински с моделью корпоративистского государства а-ля Муссолини с его цветистым стилем, но скудным содержанием. Такие характеристики, наделенные всеми чертами риторической напыщенности, были подхвачены другими критиками Владимира Путина, от Г. Каспарова до З. Бжезинского¹.

Данные эпизоды представляют собой наиболее исступленные проявления критики путинской России. Думается, что подобный дискурс по поводу России чаще всего является результатом либо идеологизированного рассмотрения проблемы, либо разжигания собственных эмоций, нежели бесстрастного анализа. Минусы и ограничения данных позиций отметил профессор С. Перегудов, который сделал вывод о том, что концепция корпоративного государства упрощает, «спрямляет» существующую в стране систему политических отношений².

Если оставить в стороне эмоционально-оценочные критерии и обратиться к фактам, то картина увеличения доли госкомпаний в общероссийской добыче нефти в эпоху «раннего» Путина — с 2000 по 2005 г. — окажется достаточно скромной: 26 %³. Так, если в 2003 г. их доля составляла около 24 %, а в 2007 г. увеличилась до 37,3 % (табл.), то к середине 2008 г. возросла до 43 %⁴. Таким образом, российское госу-

---

¹ Илларионов А. Другая страна // Коммерсант. 2006. 23 января. № 10/П (3341); Каспаров Г.: «Выхода нет. Какой строй сегодня в России?» Интервью на радио «Эхо Москвы». 2008. 2 мая; Brzezinski Z. Putin's Choice // The Washington Quarterly. 2008. Vol. 31. No. 2. P. 95–116.

² Перегудов С. Бизнес и бюрократия: особенности симбиоза. Можно ли считать Россию корпоративным государством? // Независимая газета. 2006. 11 марта; Перегудов С. П. Политическая система России после выборов 2007–2008 гг.: факторы стабилизации и дестабилизации. Ч. 2. // Полис. 2009. № 3. С. 158–159.

³ Орехин П., Самедова Е. Корпорация «Кремль» успешно поработала // Независимая газета. 2005. 26 июля. С. 1, 3; Виноградова О. «Путинг» в действии // Нефтегазовая вертикаль. 2007. № 15.

⁴ Перегудов С. П. Политическая система России после выборов 2007–2008 гг.: факторы стабилизации и дестабилизации. Ч. 2. С. 150.

дарство лишь увеличило прямой контроль над нефтегазовой индустрией после 2003 г. без всякой «национализации». Компании, контролируемые частными интересами, обеспечивают больше половины производства сырой нефти.

Таблица

Объемы производства нефти и газового конденсата российскими компаниями к концу второго срока президентства В. Путина в 2007 г.

Компании	Объемы производства (млн т)
I. Компании, контролируемые государством (федеральные и субнациональные)	
1) Роснефть	101,2
2) Газпромнефть	45,3
3) Татнефть	25,7
4) Башнефть	10,7
II. Частные компании	
1) Лукойл	91,1
2) ТНК-ВР	89,6
3) Сургутнефтегаз	63,8
4) Руснефть	14,2
III. Остальные	50,0
Всего	491,0
Доля компаний, контролируемых государством	37,3 %

Таблица составлена известным английским специалистом по России Филлипом Хансоном на основе подсчетов статистических данных, взятых с официальных сайтов указанных нефтегазовых компаний: *Hanson Ph. The Resistible Rise of State Control in the Russian Oil Industry // Eurasian Geography and Economics. 2009. No. 1. P. 15.*

Так что широко распространенное мнение о полной или преобладающей национализации нефтяной индустрии в путинской России и о том, что «Путин благополучно обратил приватизацию вспять» вплоть до «полного государственного реванша» в отрасли, является неверным. Вот как данное мнение было прокомментировано сотрудником французского Института международных отношений (IFRI) Тома Гомаром: «Важнейшим фактором демонстрации российской мощи при В. Путине стала энергетическая политика, основанная на ренационализации активов. Именно этот фактор подпитывал погоню России за пре-

стижем, что вылилось в подлинную внутреннюю и внешнюю одержимость Кремля»¹.

В своей совокупности государственные компании и компании с преобладающим участием государства составляли до финансового кризиса 2008 г. около половины акционерного капитала в России. В этом отношении показателен пример Газпрома, который также существует в виде гибрида — государственно-частной корпорации. Согласно информации газеты «Коммерсантъ», в целом реальная доля государства в «Газпроме» по состоянию на октябрь 2009 г. составляла 49,773 %².

После продажи «Юкоса» Роснефти, а «Сибнефти» Газпрому передел собственности в нефтегазовом секторе России вступил в новую фазу. Его жертвами стали крупные проекты с высокой долей иностранного участия: «Сахалин-1», «Сахалин-2», «Сахалин-3», «Сахалин-5». В итоге Газпром получил контрольный пакет в «Sakhalin Energy» с помощью административного давления на возглавляемый со стороны «Shell» консорциум, главным образом в виде наказания за нарушение экологических норм и несоблюдение графика строительства объектов.

Как видно, административное давление государства не было повсеместным и неразборчивым. Оно использовалось избирательно, тогда, когда это было необходимо. Все поняли: правила игры изменились.

Но каким стал характер новых правил? Был ли это простым отходом от старых правил 1990-х годов (когда государство было захвачено бизнес-интересами) к новым правилам (когда государство захватило бизнес)? Или же государство просто давало понять, что оно может отнять имущество у любого владельца бизнеса, если владелец вступит в конфликт с властями?

Невозможно точно измерить характер и баланс стимулов в недавнем увеличении государственного контроля над отраслью в рамках

---

¹ *Гомар Т.* Великое стратегическое одиночество // Независимая газета. 2009. 11 февраля. Не менее эффектно, хотя столь же недостоверно в свете сказанного звучит вывод другого западного эксперта Джошуа Курланчика: «В России Владимир Путин по сути дела закрыл большинство частных компаний по добыче природных ресурсов, чтобы за их счет укрепить отечественную компанию “«Газпром”» и прочие государственные корпорации» (*Kurlantzick J.* State Inc. // *The Boston Globe*. 2008. 17 March).

² *Мордюшенко О., Ребров Д.* «Газпрому» предлагают сдать акции. Чтобы восстановить контроль государства над монополией // *Коммерсантъ*. 2009. 22 октября. № 197 (4252).

стратегии внутрироссийского «ресурсного накопления». Дело не в форме собственности, а в системе политических стимулов, заложенных во внутренней организации политического устройства. В этом плане мы видим знакомое рентоориентированное поведение 1990-х годов, обнаруженное мною на региональном уровне. Гарантированный политический контроль над экономикой со стороны нынешней правящей группы и рентоориентированное поведение ее представителей, думается, играют ключевую роль в описываемых процессах. В нынешних российских условиях в качестве каналов для анонимного «высасывания» ренты не существует особой разницы между частно- или государственно контролируемыми компаниями. Нет смысла гадать о том, каково соотношение частных и государственных интересов в данном процессе. В коррумпированной политике различие между государственной и частной собственностью может быть менее значимо, чем это обычно принято считать. Как блестяще доказал английский ученый Филипп Хансон, стремление к политическому контролю и получению натуральной ресурсной ренты в современных российских условиях может осуществляться как частными нефтяными компаниями, поддерживаемыми надежными союзниками в лице представителей политической власти, так и контролируемыми государством компаниями¹.

Непрозрачность собственности многих российских компаний также помогает затемнять разделение между бизнесом и политикой. Речь идет о компаниях, контролируемых Россией, но зарегистрированных оффшорно. Обычно собственность, приносящая выгоду, может быть спрятана многими способами под разной юрисдикцией. Но российская собственность такого рода особенно запутана. Наиболее ярким примером подобной практики является «Gunvor» — крупнейший российский нефтетрейдер и третий по величине нефтетрейдер в мире, основанный в 1997 г. Владельцем компании является Геннадий Тимченко, товарищ и бизнес-партнер Владимира Путина. Еще один совладелец группы — швед Торбьерн Торнквист. Имя третьего владельца не раскрывается². Головная структура «Гунвора» (Gunvor International BV) зарегистрирована в Амстердаме, ее учредила кипрская фирма «Gunvor Cyprus

---

¹ *Hanson Ph. The Resistible Rise of State Control in the Russian Oil Industry // Eurasian Geography and Economics. 2009. No. 1. P. 14–27.*

² *Шлейнов Р. Кто третий владелец «Гунвора»? // Новая газета. 2009. № 113 (1527). 12 октября. С. 2–3.*

Holding Limited». Несколько фирм «Гунвора» Тимченко сосредоточены на Британских Виргинских островах. Амстердамский «Гунвор» и «Гунвор» с Виргинских островов имеют представительства в Женеве¹.

Моя цель не рассказ об оффшорных связях группы. Я говорю о том, насколько нынешняя российская власть одержима бизнес-интересами и стремлением запутать каналы их реализации. Например, очень сложно получить объяснение, почему в России крупные, в том числе подконтрольные государству, компании продают значительные объемы нефти структуре Тимченко (например, на долю трейдера приходится 60 % экспорта «Роснефти»). Другой пример. Российская компания «Сургутнефтегаз» отказалась предоставлять свои результаты GAAP (Generally Accepted Accounting Principles — Международные стандарты финансовой отчетности) в 2003 г. в целях сокрытия информации о собственности². Восьмая по объемам добычи нефтяная компания России «Руснефть» также не публиковала отчетности по международным стандартам. Вышеописанный нефтетрейдер «Гунвор» публично раскрыл свои обороты только в 2007 г. Наконец, для завершения картины отмечу, что долгое время не было подробной информации о структуре акционеров второй по величине (после Газпрома) газовой компании «НОВА-ТЭК».

Здесь необходимо признать преемственность поведенческой матрицы правящего класса путинской эпохи по большинству признаков ельцинской. Известный исследователь отечественной политической элиты

---

¹ Шлейнов Р. Нефтетрейдер «прозрачной воды» // Новая газета. 2009. № 92 (1506). 24 августа. С. 2–3.

² Belton C.; Buckley N. On the Offensive: How Gunvor Rose to the Top of Russian Oil Trading // Financial Times. 2008. 14 May; Hanson Ph. The Resistible Rise of State Control in the Russian Oil Industry // Eurasian Geography and Economics. 2009. No. 1. P. 25. Аналогичная ситуация наблюдается и в других отраслях. Так, арбитражный суд в швейцарском Цюрихе признал одного из бывших российских министров информационных технологий и связи Леонида Реймана, близкого друга Путина со времен службы во внешней разведке, единственным выгодополучающим владельцем бермудского фонда IPOC и конечным собственником ряда оффшоров, зарегистрированных в разных юрисдикциях и связанных с бизнесом IPOC. Единственная реакция российских властей заключалась в том, что они заблокировали распространение данной информации российскими СМИ (Цуканов И., Дорохов Р. Свидетель № 7. Арбитраж Цюриха признал его бенефициаром IPOC // Ведомости. 2006. 23 мая).

О. Гаман-Голутвина признает, что «90-е годы XX века впервые в российской истории стали периодом почти симбиотического слияния власти и бизнеса. И сегодня довольно трудно провести демаркационную линию между властью и бизнесом»¹. Понятно, что в таких условиях усиление государства есть не что иное, как усиление предпринимательских возможностей отдельных групп госслужащих.

Несмотря на то что в первые два года правления В. Путина в стране произошло значительное обновление высшего эшелона власти, новый лидер сохранил олигархическую модель собственности и власти, которая сложилась в 1990-е годы. Я говорю в данном случае о системе власти, воспроизводящей олигархическо-паразитическое поведение. Путинское окружение под разговоры о «сильном государстве» адаптировало эту модель к новым реалиям. Возникшие при Путине новые группы интересов были встроены в олигархические и перераспределительные механизмы 1990-х годов. Паразитическое и рентоориентированное поведение, как и прежде, осталось способом их существования и менеджмента.

Спору нет, путинские силовики определяют политическое развитие России. Они видоизменили существующий политический режим, но в рамках прежних стимулов, заложенных в 1990-е годы. Они превратили ельцинское анархо-автократическое правление с элементами карнавала в иерархическое и патерналистское государство. Но данная эволюция произошла в рамках ельцинской матрицы, в которой были заложены рентоориентированные и олигархические стимулы, а также краткосрочные интересы.

Даже внутренний раскол путинской элиты в рамках ельцинской матрицы является всего лишь формой перераспределения власти и собственности между ячейками системы. Об этом свидетельствуют «чечкестские войны», шокирующий подтекст и скандальное содержание которых раскрыл один из соратников Путина, бывший глава госнаркоконтроля (ФСКН) Виктор Черкесов в статье «Нельзя допустить, чтобы воины превратились в торговцев». Об этом же на весь мир поведал и совладелец промышленно-финансовой компании «Финансгрупп» Олег

---

¹ Гаман-Голутвина О. Содоклад к докладу Ахмета Эвина «Дилемма европеизации в свете соперничества внутри элит. На сравнительном опыте Турции и России» // Русские чтения. 2005. Вып. 1. Декабрь 2004 — июнь 2005. М.: «Группа эксперт», 2006. С. 83.

Шварцман в интервью «Партию для нас олицетворяет силовой блок, который возглавляет Игорь Иванович Сечин». В обоих материалах, опубликованных в «Коммерсанте»¹, рассказывается о тесном переплетении политических и бизнес-интересов на уровне руководства администрации президента и спецслужб.

Как отмечали известные российские эксперты Н. Кричевский и В. Иноземцев, главное отличие современной российской олигархии от образца 1990-х годов заключается в том, что «сейчас она не столько диктует государству свою волю, сколько выступает от его имени»². Аналогичным образом вряд ли можно считать сегодняшнюю коррупцию порождением одного лишь путинского госкапитализма. Все дело в том, что госкапитализм был возведен на либерально-монетаристском фундаменте, унаследованном из 1990-х годов

В частности, отношения «Путин — Ходорковский» и «Кремль — Юкос» доказывают, что природа политических стимулов и реакций нынешней российской элиты содержит в себе больше черт преемственности, чем изменений.

Если сравнить бизнес-тактику Ходорковского и бизнес-тактику нынешних кремлевских олигархов, то выясняется, что слишком большой разницы между ними нет. Кремль в своей политике в отношении ЮКОСа» использовал те же методы, что и Михаил Ходорковский в отношении своих партнеров и конкурентов. Известный аналитик Уильям Энгдаль писал по этому поводу: «Когда западные СМИ и официальные лица обвиняют путинскую Россию в возвращении к методам коммунистов и к политике грубой силы, то они в упор не замечают тот факт, что Ходорковский вряд ли сам был белым и пушистым. В свое время Ходорковский в одностороннем порядке разорвал контракт с British Petroleum, в результате чего значительные инвестиции BP в России пошли прахом. BP был партнером ЮКОСа и успел вложить 300 млн долларов в бурение перспективного Приобского нефтяного месторождения в Сибири. Как только BP завершил бурение, Ходорковский

---

¹ Черкесов В. Нельзя допустить, чтобы воины превратились в торговцев // Коммерсантъ. 2007. № 184 (3760) от 9 октября; Шварцман О. Партию для нас олицетворяет силовой блок, который возглавляет Игорь Иванович Сечин // Коммерсантъ. 2007. 30 ноября.

² Кричевский Н., Иноземцев В. Постпикалевская Россия: идеология временщиков // <www.krichevsky.ru; www.inozemtsev.net>.

выдворил британскую компанию, используя бандитские методы, которые были бы незаконны в большинстве стран развитого мира»¹.

Другой известный специалист по России, профессор Стэнфорда и бывший посол США в России Майкл Макфол отметил определенную иронию ситуации в истории с покупкой Роснефтью основных производств Юкоса (через подставную фирму) с последующим публичным размещением акций (IPOs) на лондонской фондовой бирже. Он отметил, что Игорь Сечин и другие руководители Роснефти используют ту же тактику, что и Михаил Ходорковский. Подробности Макфол описал следующим образом: «Парни из Кремля пользуются его стратегией, включая привлечение к работе консультантов по организации общественного мнения из Вашингтона, которые пудрят мозги таким людям, как я, и говорят, что предложение акций не такая уж и плохая вещь. Похоже, что все они движутся по одной и той же траектории. Они использовали политическую власть для кражи собственности, а сейчас пытаются легализовать ее на Западе. Именно так пытался действовать и Ходорковский»².

Как видим, инстинкты и методы обеих сторон — Ходорковского в 1990-е годы и Кремля в 2000-е — почти идентичны. С 2006 г. роли поменялись: в новой ситуации уже российское руководство обратило свои взоры на Запад, пытаясь превратить российские компании в крупных международных игроков. Тем самым оно стремилось конвертировать изъятую у олигархов собственность в денежные средства, а также пригласить крупные западные финансовые институты для участия в инвестировании российской нефтяной промышленности.

Несмотря на довольно значительное видоизменение существующего политического режима при Владимире Путине, поиск ренты и перераспределительные стимулы политической элиты получили свое раз-

---

¹ Эту оценку подтвердил бывший руководитель ВР, который так описал свою встречу с Михаилом Ходорковским: «Тихий, носящий очки “умника” Ходорковский на первый взгляд производил обманчивое впечатление. Он говорил о том, как избирать людей в Думу, как он может сделать так, чтобы нефтяные компании не платили большие налоги, и что у него под контролем находится большое количество влиятельных людей <...> В его манерах было что-то неприятное» (*Brown J. Regardless of what Putin stands for, he is exceedingly competent // The Times. 2010. 5 February.*)

² *McFaul M. After the Fall // The Washington Post. 2006. 24 December.*

витие в 2000-е годы. В данном контексте государство рассматривается не как средство, с помощью которого «народ длит и развивает свое историческое предназначение» (С. Кургинян), а как инструмент раздела и передела собственности с последующей легализацией их результатов. По сути дела, путинский Кремль сохранил постсоветскую модель, содержанием которой является спекулятивное затягивание переходного периода. Поэтому путинское государство, выросшее из ельцинской системы, оказалось неэффективным и олигархичным.

Я здесь говорю не о том или ином увеличении экономического и политического веса бизнеса в государстве¹ и характере отношений корпоративного бизнеса и политики, а о системе стимулов, формирующих рентоориентированную модель российской экономики и политики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, концепция рентоориентированного поведения позволяет приблизиться к лучшему пониманию текущих политических стимулов российской власти всех уровней. Еще раз подчеркну суть такого поведения. Она заключается в том, что политические и экономические субъекты тратят избыточные усилия на раздел существующего ресурсного пирога и снижают уровень производственных усилий по созданию добавленной стоимости и новых знаний. Как уже было отмечено в начале работы, вопрос рентоориентированного поведения нельзя рассматривать как чисто экономический. В подобной ситуации ключевой проблемой становится качество политической системы и государственных институтов, позволяющих ограничить или, наоборот, стимулировать рентоориентированные практики.

Как я показал на региональном примере, в 1990-е годы многие местные и региональные администрации установили у себя то, что называ-

---

¹ О существенном повышении роли бизнес-элиты в государственном управлении, опираясь на данные «элитологов», писал и С.П. Перегудов. Так, если доля госслужащих, имеющих опыт работы в бизнесе, составлял в 1993 г. всего 1,6 %, а в 2002 г. — 11,3 %, то в 2008 г. она достигла 39,8 %. Фактом является дальнейшее переплетение экономических и политических элит (в том числе через включение влиятельных представителей большого бизнеса в разработку «партийной линии» «Единой России»), в результате чего происходит инкорпорация большого бизнеса в систему власти (*Перегудов С.П.* Политическая система России после выборов 2007–2008 гг.: факторы стабилизации и дестабилизации. Ч. 2. С. 146).

ется протекционистским рэкетом. Однако в постельцинской России Владимир Путин просто централизовал, или «кремленизировал», эту практику. Новые кремлевские лидеры остановили свой выбор на централизованном протекционистском контроле. В 2000-е годы произошла монополизация рентоориентированной модели федеральным центром. В этом также заключается преимущество политики Путина практики ельцинской эпохи.

В 2000-е годы Путину и Медведеву приходилось корректировать стратегическую олигархическую линию поведения, взятую Россией в 1990-е годы. В первую очередь за счет притока нефтедолларов. Повышение мировых цен на нефть с 10 дол. за баррель в 1998 г. до 147,27 долларов дол. в июле 2008 г. и последующий уровень цен в пределах 100–110 дол. за баррель вплоть до 2014 г. принесло России огромные дополнительные доходы. С 2000 по 2008 г. ВВП был более чем удвоен, золотовалютные запасы выросли в 60 раз (до начала мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. они составляли 600 млрд дол.). Ещё одним впечатляющим фактом стало то, что во втором квартале 2009 г. по объемам поставок сырой нефти и нефтепродуктов Россия впервые обогнала признанного лидера мировой нефтяной отрасли Саудовскую Аравию: 7,4 млн баррелей в день против 7 млн.

Здесь я могу подтвердить тезис о рентоориентированном поведении как непродуктивной модели социальной стабилизации в переходном обществе, каким является Россия. Путинская эра, несмотря на все издержки коррумпированного и нестабильного государства, принесла удвоение реальных доходов, 50%-ное снижение уровня бедности, 70%-ный рост ВВП и накопление 157 млрд дол. в Стабилизационном фонде. О масштабах притока в страну нефтедолларов свидетельствует тот факт, что в предкризисном 2007 г. они составили 1 млрд дол. в неделю¹. Развитие энергетического сектора стало главным двигателем российского экономического выздоровления в начале XXI столетия после августовского кризиса 1998 г. Сказался указанный рост и на уровне жизни российских граждан. Доля людей, живущих в бедности, сократилась наполовину (с 30 % населения до 14 %) в течение периода, когда доходы государства удвоились благодаря более эффективному налогообложению взлетевших рентных доходов от нефти и газа. По подсчетам

---

¹ Волков В. Лекция: Трансформация российского государства после 2000 года // Полит. Ру. <www.polit.ru/article/2009/04/02/estado/>.

австралийского специалиста Росса Кэмерона, реальные зарплаты росли со скоростью примерно 12 % в год. При Путине произошел резкий рост численности среднего класса — с 8 миллионов до 55 миллионов человек¹.

Настоящая проблема, однако, состоит в том, что центральным элементом политического процесса в России сегодня остается распределение и перераспределение ренты. Это поведение наиболее привлекательно для современной политической элиты. Экономический рост путинской эпохи эксплуатировал прежние ресурсы и инфраструктуру. В свою очередь, рядовые россияне, пережившие в 1990-е годы тяжесть борьбы за выживание, в последние благополучные десятилетия тоже получили свою выгоду в рамках рентнораспределительной системы.

Таким образом, стратегия «рантье» при Путине, суть которой — централизация и перераспределение ренты от природных ресурсов через госбюджет, позволила поднять материальный уровень жизни граждан. Власти, которые чувствовали себя с каждым годом все увереннее, поощряли текущее потребление, отдав тем самым предпочтение стабильности (в лице набирающей силу новой кремлевской идеологии «консерватизма») перед динамизмом и модернизацией.

---

¹ *Cameron R. Putin marks 10 years of extraordinary achievement // The Sydney Morning Herald. January 11, 2010.*

В.А. Ачкасов

ДИЛЕММЫ ИММИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

В статье констатируется, что миграционная политика России призвана, решить целый ряд сложных задач. Однако в решении этих задач российская власть сталкивается, по крайней мере, с двумя дилеммами:

С одной стороны, российские власти вынуждены привлекать из-за рубежа необходимую рабочую силу, с другой — как-то реагировать на рост анти-иммигрантских настроений в обществе.

С одной стороны, российские власти оставляют открытыми границы со многими странами СНГ, стимулируя тем самым трудовую иммиграцию, с другой, — ограничивают возможности легального проживания, трудоустройства и интеграции в российское общество иммигрантов, пытаясь тем самым компенсировать издержки их свободного перемещения через границы РФ.

Ключевые слова: *миграционная политика, ксенофобия, этнические сети, трудовые мигранты, нелегальная иммиграция, интолерантность.*

«К числу самых заметных и в конечном счете политических проблем Европы последних двух десятилетий принадлежат вопросы этничности, миграции и государственности. Эти тесно взаимосвязанные проблемы находятся в центре политических, культурных и социальных преобразований повсюду на континенте. В Восточной Европе их нередко понимают как взаимосвязанные звенья некоего порочного круга», — справедливо отмечает Р. Брубейкер¹. При этом сегодня уже очевидно, что миграционная политика России в рамках этого «порочного круга» призвана прежде всего решить три сложные задачи — экономическую, демографическую и социокультурную.

Во-первых, необходимо постоянно преодолевать дефицит рабочей силы, особенно квалифицированной, предприняв действенные меры по предотвращению «утечки мозгов» и осуществив переход от неуправляемой иммиграции к «замещающей».

---

¹ Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 266.

Во-вторых, нужно остановить процесс депопуляции в ряде регионов страны и в РФ в целом, поскольку по прогнозам к 2025 г. население страны сократится на 10 млн.

В-третьих, максимально облегчить интеграцию трудовых иммигрантов в новую для них институциональную экономическую и социокультурную среду.

Однако в решении этих задач российская власть сталкивается по крайней мере с двумя дилеммами.

С одной стороны, российские власти вынуждены привлекать из-за рубежа необходимую рабочую силу, с другой — как-то реагировать на рост антииммигрантских настроений в обществе.

С одной стороны, российские власти оставляют открытыми границы со многими странами СНГ, стимулируя тем самым трудовую иммиграцию, с другой, — ограничивают возможности легального проживания, трудоустройства и интеграции в российское общество иммигрантов, пытаясь тем самым компенсировать издержки их свободного перемещения через границы РФ.

В результате в России идет процесс этнизации и расиализации все более широких сфер социального пространства и вытеснения гражданских идеалов солидарности. «В последние двадцать лет <...> этничность превратилась в эффективный политический инструмент и важный социальный маркер. Не случайно не только происходит ослабление гражданской солидарности, но прослеживается очевидный рост ксенофобских настроений...»¹. По данным цитируемых В. Шнирельманом опросов общественного мнения, в 1995 г. около половины респондентов в России верили, что «национальность дана человеку от природы или Бога». Примерно те же результаты дали опросы 1998 г. В 2000-х годах, однако, доля сторонников биологического понимания этнической идентичности заметно выросла: в 2008 г. уже каждые двое из трех респондентов определяли русскость «по крови»². Таким образом, можно говорить о возрождении в России традиционного биологического расизма с его лозунгом «превосходства белой расы» и разнообразными

---

¹ *Шаббаев Ю., Садохин А.* Программа гражданской интеграции: формирование гражданского общества в полиэтничной России // Вестник российской нации. 2011. № 3. С. 20.

² *Шнирельман В.* «Порог толерантности»: идеология и практика нового расизма. В 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2011. Т. 1. С. 369.

фобиями («спасение белой расы», «геноцид русского народа», «замещение белого населения цветным» и т.д.).

Нельзя сказать, что проблема ксенофобии и роста насилия на этнической и расовой почве в отношении «видимых» мигрантов остается вне поля зрения государства. О том, что это не так, свидетельствует, скажем, рост числа осужденных за преступления подобного рода. Однако только репрессивные меры имеют малую эффективность, особенно в обществе, которое сочувствует этническому национализму. Обращает на себя внимание и тот факт, что иной раз ультра националисты получают моральную и иную поддержку и со стороны стражей порядка.

Поэтому в России в еще больших масштабах, чем на Западе, мигранты подвергаются дискриминации и занимают нижние ступени в социальной иерархии, тем самым постепенно превращая российское общество в общество, в котором социальные низы образуют изолированные этнические меньшинства. Уже сегодня формирование «параллельных обществ» — реальная опасность не только для западноевропейских демократий. Поэтому если российское государство действительно стремится к интеграции мигрантов и не собирается мириться с их геттозацией, то оно должно обеспечить реальное, а не только формальное равенство возможностей. Действия же по обеспечению такого рода равенства должны обеспечить защиту и социальных, и культурных прав мигрантов.

Пока же правовые акты, определяющие статус мигранта (закон о гражданстве Российской Федерации, закон о правовом положении иностранных граждан, институт регистрации (прописки) и др.), не способствуют, а скорее препятствуют решению этой проблемы. Так, по мнению большинства экспертов и правозащитников, новые редакции закона о гражданстве Российской Федерации (2003 г.) и закона о правовом положении иностранных граждан (2006 г.) закрывают и без того минимальные возможности интеграции в российское общество иммигрантов. Таким образом, мероприятия, осуществляемые российскими властями по отношению к мигрантам, ограничивая возможности их мобильности и сужая вероятность их социализации, не способствуют, а препятствуют их интеграции в принимающее общество, что приводит к их самоизоляции, а значит, и консолидации по признаку общности происхождения, религии путем создания неформальных «этнических сетей». Тем не менее в предвыборной статье В. Путина «Россия: национальный вопрос» было заявлено, что повышение качества иммиграционной политики будет осуществляться путем очередного ужесточения правил регистрации

и ответственности за нарушение миграционных правил, при этом границы с государствами СНГ по-прежнему остаются открытыми¹. То же повторено и в новой «Стратегии национальной политики России до 2025 года».

Двусмысленность государственной позиции в отношении проблем миграции проявляется и в том, что российское правительство так и не достигло давно заявленной цели — заключения реально действующих взаимных договоренностей в сфере миграции со странами СНГ. Главный региональный документ «Соглашение о кооперации в области миграции и социальной защиты работников-мигрантов», подписанный еще в 1994 г. всеми странами СНГ, так и не вступил в силу, поскольку не был дополнен серией межгосударственных соглашений. Большинство документов, прежде всего двухсторонних, которые были все-таки приняты (к настоящему времени Россия имеет отдельные двухсторонние договоры с девятью странами СНГ и двумя странами Балтии — Латвией и Литвой), фактически осталось на бумаге. Поэтому правовая база легальной трудовой иммиграции между странами СНГ не получила сколько-нибудь заметного развития.

Что касается незаконной миграции, то здесь основным документом является «Соглашение о кооперации по борьбе с нелегальной иммиграцией», подписанное в марте 1998 г. Азербайджаном, Арменией, Беларусью, Казахстаном, Киргизстаном, Молдовой, Россией, Таджикистаном и Украиной и предусматривающее осуществление взаимодействия в борьбе с незаконной миграцией по целому ряду направлений. Однако в этом соглашении оказался непрописанным механизм его реализации, в частности не определено, за счет каких финансовых средств будет осуществляться депортация незаконно въехавших и проживающих на территории стран-участниц соглашения мигрантов... «Хотя цель межгосударственных соглашений между Россией и странами СНГ состояла прежде всего в том, чтобы перенаправить миграционные потоки в официальное русло, на практике эффективность этих соглашений оказалась очень невысокой», — констатирует социолог Н.Т. Вишневская².

Еще в 1993 г. девятью странами СНГ принято и подписано «Соглашение о помощи беженцам и вынужденным переселенцам». Этим

---

¹ Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 янв.

² Вишневская Н.Т. Миграция в постсоветской России // Наследие империй и будущее России / Под ред. А.И. Миллера. М.: Фонд «Либеральная миссия»; Новое литературное обозрение, 2008. С. 360–361.

соглашением были определены понятия «беженец» и «вынужденный мигрант», порядок компенсации потерь и обустройства в местах вселения. В соответствии с этим соглашением 10 февраля 1995 г. шесть государств: Армения, Беларусь, Казахстан, Россия и Таджикистан — подписали решение о создании «Межгосударственного фонда помощи беженцам и вынужденным переселенцам». Однако принятые международные акты не работают. За первые пять лет в Межгосударственный фонд помощи не поступило от стран-участниц ни копейки. Все попытки сдвинуть вопрос с мертвой точки не увенчались успехом.

В результате, «государства-члены СНГ... не имеют сколько-нибудь согласованной политики в области регулирования миграционных процессов. Проводимая государствами миграционная политика не обеспечивает свободного перемещения рабочей силы в рамках экономического союза. Сложившиеся направления и характер миграции не способствуют улучшению занятости, более полному использованию трудового потенциала стран СНГ, приводят к огромным потерям для общества и мигрантов. Не решается проблема беженцев и вынужденных переселенцев. Нелегальную миграцию сопровождают нередко такие негативные явления, как торговля оружием и наркотиками. Отсутствие согласованной политики в сфере миграции и социальной защиты мигрантов становится тормозом в создании общего рынка труда и, в конечном счете, в развитии интеграционных процессов стран СНГ»¹. Особенно острыми стали эти проблемы в условиях нынешнего глобального экономического кризиса, серьезно затронувшего все страны СНГ.

«Современное государство является важным “идентификатором” <...>, у него имеются материальные и символические ресурсы, чтобы навязывать категории, классификационные схемы и способы социологического учета» — отмечают Р. Брубейкер и Ф. Купер². Так, нынешний российский институт регистрации — это не более чем эвфемизм знаменитой «советской прописки», поскольку также носит не уведомительный, а разрешительный характер. Именно поэтому данная практи-

---

¹ *Тотилин А.* Есть ли согласованная миграционная политика в странах СНГ? // Миграция и урбанизация в СНГ и Балтии в 90-е годы / Под ред. Ж.А. Зайончковской. М.: Центр изучения проблем вынужд. миграции в СНГ, 1999. С. 56–57.

² *Брубейкер Р., Купер Ф.* За пределами идентичности // *Ab Imperio*. Казань, 2002. № 3. С. 86.

ка открывает простор чиновничьему произволу и выступает мощным источником коррупции, пронизывающей российские государственные структуры снизу доверху — от рядового полицейского до чиновников, выдающих свидетельства о регистрации и перерегистрации. В результате полицейские и чиновники ФМС выступают не стражами закона, а гарантами «невидимости» иммигрантов для закона, получая с нелегалов «стабильный доход».

Важной составляющей такого рода произвола и источником коррупции «...является практика, называемая в международной литературе “этническим профилированием” (ethnic profiling). Речь идет об отсутствующих *de jure*, но активно применяемых *de facto* этнических критериях при решении вопросов о разрешении на пребывание в том или ином месте. Первоочередными жертвами такой практики становятся сезонные рабочие и переселенцы из Средней Азии, Закавказья, Молдавии и Украины, а также российские граждане из республик Северного Кавказа.

Этническое профилирование отчетливо просматривается в том, как власти относятся к мигрантам их южных областей России, ищущим счастья в больших городах Центрального и Северо-Западного регионов. Согласно федеральному законодательству гражданам Российской Федерации гарантируются свобода передвижения и свобода места жительства, но фактически эти свободы не распространяются на российских граждан «неславянской» наружности. Для милиционеров, работников паспортных столов и работодателей они такие же «черные», как и граждане государств Таджикистана или Азербайджана (по данным правозащитника, председателя комитета «За гражданские права» А. Бабушкина, в среднем в год сотрудники правоохранительных органов проверяют 22,5 млн паспортов, за отсутствие регистрации грозит штраф — от 1,5 до 2,5 тыс. руб. — нетрудно подсчитать тот скромный «доход», который получают от этой деятельности российские милиционеры, ныне полицейские). «...Действие института регистрации/прописки загоняет мигрантов в неразмыкаемый круг: для того чтобы получить легальный статус (регистрацию), необходимо наличие места жительства (например, официально снимаемой квартиры), но, для того чтобы получить место жительства, необходимо наличие легального статуса (регистрации)».¹ Бытовой национализм русских — жителей

---

¹ Малахов В. Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 114–116.

больших городов, неприязненное отношение к мигрантам с Юга, система незаконных поборов и вымогательства, сложившаяся в органах государственной власти, призванных регулировать и оптимизировать миграционные потоки вызывают ответное недовольство в среде этнодисперсных групп и иммигрантов, повышая опасность возникновения межэтнических конфликтов.

В целом в России сегодня действует более 230 нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы миграции, в том числе 57 федеральных законов, регулярно принимаются и пересматриваются федеральные миграционные программы с комплексом мер по упорядочению всех форм миграции с учетом интересов экономического развития страны. Однако единая, четкая и непротиворечивая система воздействия на миграционные процессы пока не сформирована. Программы во многом декларативны, выполняются плохо, права трудовых мигрантов постоянно нарушаются, программы недостаточно финансируются.

Кроме того, миграционная политика РФ не имеет четких концептуальных оснований и достоверной фактологической и статистической базы. Так, в настоящее время в России действует девять систем сбора статистических данных о миграции. Причем доступные данные отличаются невысоким качеством, а большая часть информации по-прежнему остается закрытой¹. В результате эта политика весьма эклектична, сочетая зачастую различные, иногда противоположные подходы к решению целого ряда серьезных проблем.

Так, в октябре 2007 г. была утверждена «Концепция демографического развития РФ до 2025 года», в которой содержатся цели, задачи и ориентиры государственной миграционной политики и много говорится о значении иммиграции для улучшения демографической и социально-экономической ситуации в стране. Но при этом в ней отсутствуют точные сведения по поводу того, какое количество иммигрантов требуется для экономики России и восполнения убыли населения страны, каков должен быть их профессиональный и демографический статус и т.д. Так, в «Концепции» на первом этапе ее реализации (2007–2010 гг.) цифровые ориентиры вообще отсутствуют. В то же время

---

¹ Чудиновских О.С., Донец Е.В. Современные источники статистических данных о мигрантах // Демографические исследования: теоретические и прикладные аспекты. Материалы научной конференции «Ломоносовские чтения 2004–2004 гг.». М.: Изд-во Московского университета, 2006. С. 116.

ставится задача создания условий, позволяющих уменьшить остроту демографического кризиса. В результате реализации мероприятий первого этапа предполагается снизить темпы естественной убыли населения и обеспечить миграционный прирост.

Первые цифровые показатели по миграции появляются в тексте «Концепции демографического развития РФ» при оценке реализации второго этапа (2011–2015 гг.), когда предполагается уменьшить отток квалифицированных специалистов, увеличить объемы привлечения на постоянное место жительства в Россию соотечественников, проживающих за рубежом, квалифицированных иностранных специалистов и молодежи (не очень понятно, почему эти задачи будут решаться только в будущем, несмотря на их актуальность «еще вчера», напомним, что государственная программа привлечения соотечественников появилась по инициативе Президента РФ уже в 2006 г.). В этой связи ставится задача обеспечить на этой основе миграционный прирост на уровне 200 тысяч человек ежегодно¹. Для сравнения: миграционная квота, утвержденная для Санкт-Петербурга на 2010 г., — 210 тыс. человек.

В результате реализации мероприятий «Концепции РФ» по упреждающему реагированию на возможное ухудшение демографической ситуации в стране на третьем этапе (2016–2025 гг.) предполагается обеспечить миграционный прирост на уровне 300 тысяч человек, и эта цифра никак не обоснована². Реально речь должна, видимо, идти о гораздо больших цифрах (примерно 0,5–1 млн человек в год), поскольку объемы иммиграции, компенсирующей естественную убыль населения, задаются размерами этой убыли, а она, по реальным прогнозам, не сможет покрываться приростом в 200 или 300 тыс. человек в год. Кроме того, миграционный прирост должен компенсировать и эмиграцию, которую также нельзя совсем сбрасывать со счетов», — отмечает известный социолог и демограф А.Г. Вишневский³.

Не лучше ситуация с перспективным планированием миграционных потоков и на региональном уровне.

---

¹ Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. М., 2007. С. 7.

² Там же. С. 8.

³ Вишневский А.Г. Миграционная стратегия России и политика толерантности // Национальный психологический журнал. 2011. № 2 (6). С. 91.

Снижает эффективность российской миграционной политики не только непрофессионализм и декларативность государственных программ, высокая коррумпированность чиновников и правоохранительных органов, недостатки правовой базы, ее регламентирующей, и невысокая степень законопослушания граждан на всех уровнях, но и то, что к миграционным проблемам имеет отношение и «работает с мигрантами» сразу несколько государственных ведомств — это помимо Федеральной миграционной службы (ФМС РФ) еще и МВД, ФСБ, МИД, Минздравсоцразвитие, Минэкономразвития, Минрегион и др. В то же время каждое ведомство по своему «видит» цели и способы реализации миграционной политики страны:

— еще недавно в ФМС считали, что необходимо квотировать миграционный поток, причем по гражданству, и ссылаются на опыт США. По словам заместителя директора ФМС В. Поставнина, «то, что никак не квотируется ближе зарубежье, за исключением Туркмении и Грузии, с которыми у нас действует визовый режим, является одним из несовершенств этого закона» (речь идет о законе РФ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства» 2006 г. — В.А.);

— Минздравсоцразвитие предлагает вводить квоты на иностранных рабочих по отраслям, уровню квалификации и состоянию здоровья и ссылается на позитивный (с точки зрения руководителей министерства) советский опыт лимитирования, существовавший в крупных городах СССР;

— более продвинутую балльную систему привлечения трудовых иммигрантов, применяемую на практике в Канаде, предлагает ввести Минэкономразвития. Такая система должна учитывать возраст (не старше 50 лет), уровень профессионализма, а также способность адаптироваться к условиям страны и знание русского языка. По словам заместителя министра А. Шаронова, в такую систему отбора «может быть встроен перечень профессий», наиболее востребованных в России. При этом квотирование должно распространяться только на неквалифицированных и малоквалифицированных мигрантов, а высококвалифицированные работники должны привлекаться на постоянной основе, без дополнительных ограничений и т.д.¹;

---

¹ См.: *Волосенкова Е.В.* Миграционная политика в современной России: вызовы и ответы XXI в. // Регионалистика и этнополитология / Редкол.: Р.Ф. Туровский (отв. ред.) и др. М.: Российская ассоциация политической

— осенью 2011 г. ФМС уже предлагает отменить квоты на иммиграцию и ввести балльную систему. Определенное число баллов будет начисляться иммигрантам: в зависимости от возраста, уровня образования, наличия специальности и опыта работы, знания русского языка, наличия родственников и жилья в России и т.д. Иммигрантам, набравшим 75 баллов, будет сразу предоставляться вид на жительство, которого сегодня они вынуждены добиваться в течение нескольких лет. Однако возникает резонный и простой вопрос: где взять иммигрантов, соответствующих вышеуказанным параметрам. Поскольку для таких трудовых мигрантов есть страны более привлекательные, чем Россия.

В целом же руководитель ФМС К. Ромодановский вынужден признать, что «координации в реализации единой политики в этом направлении не существовало»¹.

Поэтому, для того чтобы преодолеть бюрократические барьеры, мигрантам приходится проявлять чудеса изворотливости и вступать в неправовые отношения с множеством посредников. По некоторым данным, сегодня в России на каждого легального мигранта приходится четыре нелегальных, а за их спиной еще целая цепочка «посредников», которые делают на них свой немалый бизнес.

Как показывает опыт, разного рода запретительные меры не только не решают проблем, ради которых они осуществляются, но и порождают новые: во-первых, «посредники» и члены этнических криминальных группировок легко обходят препятствия, воздвигаемые системой квотирования иммиграции и разрешительной регистрации, подкупая должностных лиц, тем самым поощряя коррупцию и «привязывая» новых мигрантов к «этническим сетям» криминального и полукриминального характера; во-вторых, в результате в крупных городах России проживает «вне закона» значительная масса населения, что уже сказывается на санитарно-эпидемиологической, криминогенной и психологической обстановке и ведет к еще большему отчуждению принимающего общества и мигрантов.

науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 286–288.

¹ См.: Не рабская сила. Интервью руководителя миграционного ведомства К. Ромодановского // Российская газета. 2009. 16 июля.

Казалось бы, в новой «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», утвержденной указом Президента РФ 12 мая 2009 г. (№ 537) наконец зафиксирована важность решения проблемы трудовой миграции, поскольку она соотнесена с проблемой обеспечения экономической безопасности России: «Для противодействия угрозам экономической безопасности силы обеспечения национальной безопасности во взаимодействии с институтами гражданского общества нацелены на поддержку социально-экономической политики, направленной <...> на обеспечение баланса интересов коренного населения и трудовых мигрантов с учетом их этнических, языковых, культурных и конфессиональных различий, включая совершенствование миграционного учета, а также обоснованное территориальное распределение трудовых мигрантов, исходя из потребностей регионов в трудовых ресурсах»¹. Для этого необходима серьезная трансформация институциональной, правовой, политической среды российского общества.

Однако, как справедливо замечают О.А. Сагайдачная и М.В. Дуцкий, в России «до сих пор нет стратегии видения миграции как положительного явления. Непонимание этой истины приводит к тому, что <...> миграция (как легальная, так и нелегальная) рассматриваются прежде всего как угроза национальной безопасности»². Поэтому происходят регулярные пересмотры курса миграционной политики и отсутствует отчетливая и непротиворечивая государственная стратегия в этой сфере. В этом смысле очень характерна судьба проекта новой «Концепции миграционной политики 2012–2025 гг.». Весной 2011 г. усилиями Федеральной миграционной службы и Высшей школы экономики была подготовлена «Новая концепция миграционной политики РФ на 2012–2025 гг.», которая предлагает «расширить возможности (иммигрантов) для переселения в Россию на постоянное жительство». Согласно про-

---

¹ «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», утверждена Указом Президента РФ 12 мая 2009 г. (№ 537) // Вестник Российской нации. 2009. № 3 (5). С. 240.

² Сагайдачная О.А., Дуцкий М.В. Иммиграционная политика России: социально-экономические и правовые аспекты // Иммигранты и этнические диаспоры в региональных политических процессах в Российской Федерации и в зарубежных странах: Сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2007. С. 155.

екту, Россия кардинально меняет отношение к мигрантам: квотирование отменяется, трудоустройство упрощается. «Сейчас квоты являются инструментом псевдорегулирования и все равно толком не действуют», — считает один из авторов новой концепции социолог Владимир Мукомель. Отмена этого крайне неэффективного механизма позволит иностранцу легко входить на российский рынок труда. Есть ли квоты, нет ли — они все равно работают, но при квотах быстрее превращаются в нелегала со всеми вытекающими последствиями¹. В то же время авторы концепции говорят о необходимости «качественного отбора приезжих», учитывая то обстоятельство, что сегодня в Россию все больше приезжает людей без образования, без профессии и все чаще без языка.

Однако когда приверженцы протекционистского подхода в правительстве стали противодействовать этим инициативам (так, представитель Минздравсоцразвития заявил, что квоты — это необходимый инструмент защиты национального рынка труда²), руководство страны не предприняло никаких действий, чтобы отстоять свою линию. Начавшаяся подготовка к парламентским и президентским выборам 2011–2012 гг. окончательно сняла с повестки дня вопрос о либеральной реформе.

Итак, осуществляемая правящей элитой иммиграционная политика не способна ни сдерживать иммиграцию, ни эффективно удовлетворять спрос на рабочую силу, ни способствовать интеграции мигрантов в принимающее общество. Более того, «создавая иллюзию контроля, правительство тем самым вытесняет значительную часть иммигрантов в неформальный сектор. В результате образуется многомиллионный “подкласс” населения, который существует в рамках иного общественного и политического пространства: на него не распространяются элементарные правовые гарантии, но и он, в свою очередь, не несет никаких обязательств перед принимающим обществом»³.

Поэтому если прежняя «миграционная политика» интеграции будет продолжена, то несложно предсказать, что сотни тысяч детей «гастар-

---

¹ Путин предложил повысить демографию за счет мигрантов // Сайт «News2». 31.03.2011. <<http://www.news2.ru/story/302178/>> (31.03.2011).

² См.: Минздравсоцразвития возражает против отмены квот на иностранную рабочую силу // Российская газета. 2011. 12 мая.

³ *Троицкая О.* Миграционная дилемма России // Pro et Contra. 2012. № 3 (55). Май-июнь. С. 51.

байтеров», родившихся или прошедших социализацию в «негостеприимной» России, не будут мириться с унижением и дискриминацией, которым подвергались и подвергаются их отцы, соглашавшиеся на любые условия труда и жизни. Второе поколение иммигрантов будет отвергать дискриминацию по этническим и расовым основаниям, этнофобии и ксенофобии «коренного» населения и будет активно протестовать против собственного низкого социального статуса. Как показывают социологические исследования, «чем выше уровень воспринимаемой дискриминации, тем выраженнее этническая интолерантность»¹. Тем более что всегда найдутся политические лидеры, готовые сделать защиту этничности своей профессией. По резонному замечанию А. Малашенко, «ксенофобия одних по отношению к другим встречает ответную, зачастую более жесткую реакцию. Таким образом, ее рост приобретает черты геометрической прогрессии, что особенно заметно в условиях кризиса»². Опасны и чувства нетерпимости к русским, с которыми часть иммигрантов возвращается на свою родину, поскольку это может отозваться на положении в странах СНГ наших соотечественников. Поэтому если учитывать ту культурную дистанцию, которая объективно существует между русскими и иммигрантами из мусульманских регионов и стран, то обращение части из них к своим этническим истокам и конфессиональному фундаментализму практически неизбежно (особенно при условии, что российское государство не предпримет действенных мер по управлению миграциями и защите прав новых этнических меньшинств). Об этом, в частности, свидетельствуют события в пригородах французских городов осенью 2005 г. и крупных городах Великобритании летом 2012 г. Дистанция же от этнического и религиозного фундаментализма до политического экстре-

---

¹ См.: *Лебедева Н.М.* Этническая толерантность в регионах России: теория и практика // *Этнопанорама*. 2005, № 12; Согласно данным, приводимым С.К. Лутовой, в петербургских школах уже в настоящее время в младших классах дети мигрантов составляют 50 % учащихся (*Лутова С.К.* Национальная политика в современном Санкт-Петербурге: приоритеты и проблемы. СПб.: Арт-Студия Концерт, 2006. С. 135). В целом же, по оценкам на конец 2010 г., 18 % учащихся в образовательных учреждениях Петербурга — это дети мигрантов (*Метро* 15 ноября 2010. С. 22).

² *Малашенко А.* Ксенофобии в постсоветском обществе. (Вместо введения) // *Нетерпимость в России: старые и новые фобии* / Под ред. Г. Витковской и А. Малашенко. М., 1999. С. 18.

мизма и терроризма очень коротка. Таким образом, речь идет о реальной и близкой опасности.

Нужно понимать, что в межэтнических конфликтах не будет победителей. Проигравшими же будут все. Поэтому сегодня одинаково опасны как попытки разрешения межэтнических конфликтов силовыми методами, так и отрицание наличия этих проблем.

В.А. Гуроров

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Непосредственной целью статьи является подведение некоторых итогов дискуссии, посвященной проблеме взаимодействия процесса формирования политических элит, новой политической культуры и развития структур политического образования в современной России. В цивилизованном обществе политическая культура и образование не только неотделимы друг от друга, но в известном смысле являются эквивалентами. Если принять за основу определение политической культуры как «структуры индивидуальных позиций и ориентаций в отношении политики среди членов политической системы», можно рассматривать политическое образование как сложную систему, интегрирующую в результате целенаправленной деятельности те элементы культуры, которые определяют характер и формы политической социализации в процессе формирования определенного типа политического поведения и сознания, свойственных данному типу общества и государственному устройству. Любое государство стремится контролировать политические процессы посредством принятия централизованных решений, т.е. проводить явную и неявную (неформальную) образовательную политику. В демократическом обществе с развитым гражданским сознанием существование независимого общественного мнения является достаточной гарантией для ориентации государства на такую модель политического образования, в рамках которой будет поддерживаться и усиливаться механизм контроля над государством со стороны гражданского общества. Все ведущие промышленно развитые нации имеют как специфические системы «элитного образования», так и элитные образовательные институциональные структуры, внутри которых ключевые социальные игроки проводят годы, играющие решающую роль в формировании их политического сознания на школьном и/или/ университетском уровне. Если российские посткоммунистические элиты могут рассматриваться в качестве решающих акторов в политическом и экономическом развитии, весьма существенным является выяснение их основных характеристик и аргументов, обосновывающих их значение.

Ключевые слова: политические элиты, политическая культура, политическое образование, элитарное образование, либеральное образование, либеральная традиция, посткоммунизм, посткоммунистические элиты, эгалитаризм, иерархия.

Прежде чем обратиться к конкретным вопросам, характеризующим взаимосвязь функционирования элитарной бюрократической модели управления с уровнем развития политического образования в посткоммунистической России, необходимо сформулировать некоторые исходные понятия и принципы анализа. Во многом эта задача облегчена тем, что в методологическом плане аналогичные вопросы постоянно возникают и так или иначе решаются учеными, специализирующимися в области дисциплины, называемой «элитология образования». Элитное образование (в противоположность элитарному) трактуется ими как структурно сложное явление. Представляется, однако, что в настоящее время противопоставление представителями этого междисциплинарного направления структурно-функционального и ценностного подхода далеко не всегда правомерно.

Согласно первому подходу, к элите принадлежат все те, кто управляет обществом, независимо от того, как именно и какими путями представители элитарного слоя добились своего положения. Не следует считать, что единственным примером, подтверждающим правильность данного положения, является поколение сталинской номенклатуры, оказавшееся у рычагов управления после генеральной чистки 1930-х годов. Малограмотность таких людей, например, Хрущева, еще мало что говорит о специфике политического и экономического управления и планирования в таком гигантском и сложном механизме, который представлял собой Советский Союз. В средневековой Западной Европе на протяжении столетий аристократия и рыцарство также не отличались грамотностью и большинство их представителей часто вообще не умело читать и писать. Тем не менее именно в эпоху кризиса абсолютистских монархий, в распоряжении которых находился сложный и разветвленный бюрократический аппарат, Талейран мог язвительно заметить, что «народы Европы ужаснулись бы, если бы узнали, какие ничтожные людишки ими управляют». Очевидно, качество управления определяется не столько степенью образованности правителей высшего ранга, сколько структурными характеристиками элитарного и бюрократического менталитета.

В этом плане ценностный подход, согласно которому критерием принадлежности индивида к элите являются его индивидуальные и моральные качества, до известной степени одновременно фиксирует и функциональную роль образования и воспитания в социально-политической системе. Например, понимание элиты у В. Парето как людей,

имеющих наивысший индекс в определенной области человеческой деятельности, характеристики элиты Г. Моска как людей наиболее активных в политическом отношении или Х. Ортеги-и-Гассета как людей, пользующихся в обществе престижем, статусом и богатством, но располагающих моральным и интеллектуальным превосходством над массой и наивысшим чувством ответственности, включают в себя как ценностные, так и функциональные компоненты.

В западной гуманитарной традиции категория «политическое образование», как правило, рассматривается как производная от понятия «политическая культура». Считается, что в цивилизованном обществе политическая культура и образование не только неотделимы друг от друга, но в известном смысле являются эквивалентами. Разумеется, имеется немало ученых, довольно скептически воспринимающих саму концепцию политической культуры. «Концепция культуры, — отмечает С. Хантингтон, — является ненадежной в общественной науке, потому что она одновременно и чересчур податлива, и неудобна в употреблении. Она легковесна (и поэтому опасна), поскольку в определенном смысле она является остаточной категорией. Если существенные различия между обществами не могут быть правдоподобно обоснованы другими причинами, становится заманчивым приписать их культуре. Только такие попытки объяснить, что культура является ответственной за политические и экономические различия, часто остаются чрезвычайно смутными. Культурные объяснения, таким образом, зачастую неточны или тавтологичны, или же одновременно выступают в данном качестве, так как в крайнем случае они сводятся к более или менее обманчивому толкованию типа “французы всегда таковы!” С другой стороны, культурные объяснения являются также неудовлетворительными для обществоведа, поскольку они противостоят склонности последнего к обобщениям. Они не объясняют последствий в понятиях взаимодействия между такими всеобщими переменными, как уровни экономического роста, социальная мобилизация, политическое участие и насилие в обществе. Вместо этого они стремятся говорить о специфических частностях, свойственных особенным культурным образованиям»¹.

Вместе с тем методологически не существует препятствий для того, чтобы рассматривать *политическое образование как сложную систему*,

---

¹ Understanding Political Development / Ed. by Myron Weiner and Samuel P. Huntington. Boston; Toronto: Little Brown, 1987. P. 22–23.

интегрирующую в результате целенаправленной деятельности те элементы культуры, которые определяют характер и формы политической социализации в процессе формирования определенного типа политического поведения и сознания, свойственных данному типу общества и государственному устройству.

Независимо от особенностей и общепринятого понимания политики, любое государство стремится контролировать этот процесс посредством принятия централизованных решений, т.е. проводить явную и неявную (информальную) образовательную политику. «Когда тоталитарное государство пересматривает изложение истории в школьных учебниках или когда молодая нация развертывает школьную систему, то это означает, что политические элиты стремятся формировать и контролировать этот процесс создания политических ориентаций»¹.

В демократическом обществе с развитым гражданским сознанием существование независимого общественного мнения — достаточная гарантия для ориентации государства на такую модель политического образования, в рамках которой будет поддерживаться и усиливаться механизм контроля над государством со стороны гражданского общества. Такую систему, основанную на плюрализме интересов, с такими ее атрибутами, как автономия, самодостаточность, свобода Дж. Сартори, собственно, и называет «образованием», противопоставляя ее «индоктринации», т.е. внедрению одной единственной модели политического поведения². Производным от данного базового различия можно считать разделение М. Оукшоттом политического образования на профессиональное и универсальное, которые противопоставляются, в свою очередь, «идеологическому образованию», основанному на заучивании строго определенного набора «идеологических текстов»³.

В современном мире широко представлены все названные выше модели политического образования. Специфически западной обычно называют только плюралистическую, свободную (конечно, относительно) от государственного контроля модель. Она возникла в результате дли-

---

¹ *Almond G.A., Powell G.B. Comparative Politics. A Developmental Approach. Boston: Little Brown, 1966. P. 64–65.*

² *Sartori G. The Theory of Democracy Revisited. Chatham; New Jersey: Chatham House, 1987. P. 126, Note 36.*

³ *Oakshott M. Rationalism in Politics. L.: Methuen, 1962. P. 116 sqq.*

тельной эволюции как самих государственных институтов, так и различных систем политической философии.

Важнейшими институтами, в которых кристаллизуются образовательные процессы данного типа, являются, во-первых, система универсального (свободного) образования в государственных и частных школах, во-вторых, современная система университетского образования. В обеих системах на разных уровнях реализуются три основных аспекта политического образования: формулирование, закрепление и передача общих основ политического мировоззрения (возникших под большим влиянием традиции европейской практической философии, связанной с именами Аристотеля и Канта¹), освоение всей совокупности политических дисциплин (уровень научного осмысления политики и самого феномена политического) и, наконец, подготовка как к участию в выборах, так и к профессиональной политической деятельности.

Осуществляя контроль над этими институтами, политическая элита способна практически влиять на характер политической социализации и, следовательно, на другие сферы общественной жизнедеятельности². Степень такого контроля определяется соотношением образования и индоктринации³ в программах обучения, т.е. прямо зависит от уровня

---

¹ См.: *Aristot.* E.N. I, 1094 a1 — 1095 a12; *Кант И.* Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994. С. 41–44; см. также: *Arendt H.* The Human Condition. Chicago: University of Chicago Press, 1974. P. 229; *Mc Cartney G.* Marx and the Ancients. Classical Ethics, Social Justice, and Nineteenth-Century Political Economy. Savage, Md.: Rowman and Littlefield, Inc., 1990. P. 57 sqq.

² См. подробнее: *Almond G.A., Powell G.B.* Comparative Politics. P. 65–68.

³ Конечно, нельзя рассматривать в качестве «индоктринальных» те исходные авторитарные элементы, которые лежат в основе образовательной программы любого цивилизованного общества. В отличие от различных корпораций, деятельность которых может создавать такую угрозу (религиозные секты, радикальные партии и группы и т.д.), государственная политика, например в вопросе о начальном образовании, естественно, не определяется критерием автономного выбора. Это признают почти все без исключения теоретики либерализма. «Мы, — отмечает Р. Даль, — не предоставляем детям право решать, должны они посещать школу или нет» (*Dahl R.A.* After the Revolution? Authority in a Good Society. Revised edition. New Haven and London: Yale University Press, 1990. P. 16). Не менее категорично выражается и И. Берлин: «Мы принуждаем детей быть образованными» (*Berlin I.* Two Concepts of Liberty // Liberalism and Its Critics / Ed. by Michael Sandel. N.Y.: New York University Press, 1984. P. 31).

развития политической свободы. Отдельные элементы политического образования могут быть созданы и в рамках авторитарных режимов, но они немедленно исчезают, как только авторитаризм доводится до крайнего предела, превращаясь в ту или иную разновидность тоталитарного государства.

Утвердившаяся в XX в. в западной культуре либеральная парадигма не совсем совпадает с принципами, разработанными Б. Констаном или Дж. Ст. Миллем в эпоху, когда идея верховенства гражданского общества над государством могла вполне укладываться в идеологию фритредерства и близких к ней доктрин. Отзвуки этой традиции сохраняются в либеральной концепции «минимального государства», ограничиваемого «узкими функциями защиты от насилия, воровства, мошенничества, нарушения контрактов и т.д.»¹. Но в целом либеральная философия до известной степени опосредована вполне прагматическим компромиссом между истеблишментом и политикой европейской социал-демократии.

На почве этого компромисса возникла концепция социального либерализма, сторонники которой, стремясь избежать конфликта между свободой и равенством, оказывают большее предпочтение именно равенству². Государство рассматривается ими в качестве основного инструмента, создающего исходные предпосылки для того, чтобы «одаренные природой (кем бы они ни были) могли извлекать выгоду из своего благосостояния только при наличии условий, которые улучшают положение тех, кто проиграл <...> Никто не заслуживает того, чтобы его большие природные способности или достоинства создавали бы для него более благоприятные стартовые позиции в обществе. Но из этого не следует, что необходимо устранять эти различия. Основная структура должна быть устроена таким образом, чтобы эти случайности работали бы на благо наименее удачливого»³.

Такое имеющее эгалитарную направленность перераспределение благ не может затрагивать основу рыночной экономики, поскольку,

---

¹ *Nozick R. Anarchy, State, and Utopia. New York: Basic Books, 1974. P. IX; ср.: Шануро И. Введение в типологию либерализма // Политические исследования. 1994. № 3. С. 9.*

² См., например: *Dworkin R. Liberalism // Liberalism and Its Critics. P. 60–63.*

³ *Rawls J. A Theory of Justice. Cambridge, Mass.: The Belknap Press of Harvard University Press, 1971. P. 102.*

например, с точки зрения Р. Дворкина, последняя в наибольшей степени отвечает принципу эффективности и служит тем самым идеалу равенства. Идеи рационального политического выбора и индивидуальной свободы поэтому полностью сохраняют силу¹.

Иную традицию политического дискурса, сложившуюся в странах Центральной и Восточной Европы, аналитики обычно связывают со спецификой формирования отношений между государством и возникающим гражданским обществом. Как отмечает А. Селигман, «на Востоке (Европы — В.Г.) гражданскому обществу до такой степени присущи общинные свойства, что, будучи дистанцированным от государства, оно в равной степени далеко отстоит от идеи автономного и активного индивида, на котором основана идея западного гражданского общества»².

Именно эти «общинные свойства», усиленные в социалистический период, и предопределили, по мнению некоторых специалистов, возникновение своеобразного феномена «антиполитики», оказывающего в этом регионе решающее воздействие на характер проведения реформ³.

Понятие «антиполитика» стало использоваться с целью более четкого понимания способов легитимации новых политических структур в восточноевропейских (включая Россию) странах. В то время как усиление государственного вмешательства в странах классического капитализма было вызвано возрастающей сложностью экономических механизмов и социальных институтов, уже не «выдерживающих» традиционных способов саморегулирования, на востоке Европы по-прежнему государство выступает в качестве решающего фактора, компенсирующего отсутствие соответствующих предпосылок как для возникновения рыночного хозяйства, так и для успешного осуществления политической модернизации.

---

¹ *Dworkin R. Liberalism. P. 67.*

² *Seligman A.B. The Idea of Civil Society. N.Y.; Toronto: The Free Press, 1992. P. 202.*

³ См.: *Mänicke-Gyöngyösi K. Konstituierung des Politischen als Einlösung der "Zivilgesellschaft" in Osteuropa? // Der Umbruch in Osteuropa als Herausforderung für die Philosophie. Dem Gedenken an René Ahlberg gewidmet / B. Heuer (Hrsg.) Frankfurt am Mein: Peter Lang, 1995. S. 225 sqq.*

Как показала практика, решение новых сложных хозяйственных и социальных проблем с самого начала осуществлялось в русле специфической бюрократической политики¹.

«Антиполитика» является, следовательно, основным способом обеспечения свободы действий для новой бюрократии, оказавшейся вполне способной воспользоваться советом, который В. Парето давал всем правителям, — трансформировать радикальные (в данном случае — антикоммунистические) настроения и энергию в такой тип руководства, когда институционализация рынка и демократии становится всецело опосредованной тенденцией к всеобщей государственной опеке².

В этих переходных условиях единство власти и основной массы населения достигается не реальными результатами демократизации общества, но обеспечивается правительством при помощи «символической интеграции», долженствующей «поддерживать совместную реализацию демократического участия»³ и способствовать преодолению противоречий, усиливая механизм снятия конфликтов «в процессе символической идентификации граждан с демократическим базовым консенсусом»⁴.

В настоящее время процесс формирования новой политической элиты в посткоммунистической России является достаточно долговременным для того, чтобы не только выявить его некоторые устойчивые тенденции, но и проводить вполне достоверные исторические параллели. Уже давно принято считать трюизмом всем известную констатацию, что качество элиты определяется как ее собственным культурным уровнем, так и моделью политического (гражданского) образования, определяющей масштаб вовлечения основной массы населения в его структуры. Разумеется, огромную роль играет установленная форма правления, политический режим, детерминирующий характер рекрути-

---

¹ Ibid. S. 224–225.

² Ibid. S. 225, 229.

³ *Mänicke-Gyöngyösi K.* Zum Stellenwert symbolischer Politik in den Institutionalisierungsprozessen postsozialistischer Gesellschaften // Öffentliche Konfliktdiskurse um Restitution von Gerechtigkeit, politische Verantwortung und nationale Identität. Institutionenbildung und symbolische Politik in Ostmitteleuropa. In memoriam Gábor Kiss. Kristina Mänicke-Gyöngyösi (Hrsg). Berliner Schriften zur Politik und Gesellschaft im Sozialismus und Kommunismus. 1996, Bd. 9. S. 13.

⁴ Ibid. S. 13–14.

рования и ротации элит и другие факторы. Но в конечном итоге взаимоотношения правящих слоев общества и тех, кем они управляют, во многом являются производными от господствующего типа политической культуры.

«При создании правления, в котором люди будут ведать людьми, — предупреждал Дж. Мэдисон, — главная трудность состоит в том, что в первую очередь надо обеспечить правящим возможность надзирать над управляемыми; а вот вслед за этим необходимо обязать правящих надзирать за самими собой. Зависимость от народа, безусловно, прежде всего обеспечивает надзор над правительством, но опыт учит человечество: предосторожности тут отнюдь не лишни»¹. Но даже если допустить, что возможности гарантировать «самоконтроль» внутри элитарного строя в большей степени обеспечиваются преимуществами демократического государства, проблема ответственности элиты перед обществом выходит далеко за рамки чисто технических проблем политического управления.

В этом плане сложившаяся в современной России государственная модель управления довольно резко отличается от большинства стран Центральной и Восточной Европы. Весь опыт посткоммунистических конституционных экспериментов в России, основанных сначала на попытках соединения государственной модели США с советской властью, а в дальнейшем — на заимствовании основных элементов конституционной практики, свойственной американским и европейским президентским режимам, свидетельствует об их квазидемократическом характере, вполне совместимом со сложившимися в новейший период традициями отечественной политической культуры и политического образования.

Современная действительность не предоставляет никаких свидетельств в пользу того, что российский народ и тем более его элита преодолели многочисленные психологические комплексы, возникшие за столетия «взрывного», нередко катастрофического исторического развития. Об этом свидетельствует и современное политическое поведение отечественной интеллигенции. С того периода, как М. Горбачев «открыл шлюзы» и решил при помощи «гласности» преодолеть сопротивление собственного аппарата и инертность массового сознания, политизация культуры стала приобретать гипертрофированный харак-

---

¹ Федералист: Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. М.: Прогресс, 1993. С. 347.

тер, естественно, за счет всех остальных ее сфер. Поприще политики сразу стало казаться исключительно привлекательным и действительно открывало немалые возможности. Однако сразу после того, как на повестку дня встали задачи практической реализации концепции демократических реформ и строительства либерального общества, политическая роль интеллигенции стала резко уменьшаться. Случилось то, что уже неоднократно наблюдалось в странах «третьего мира» в 1960–1970-е годы, а в дальнейшем в Центральной и Восточной Европе: чем сильнее была «негативная политизация» сознания в период борьбы за демонтаж старой системы, тем ограниченнее оказались возможности интеллигенции стать позитивным фактором воплощения в жизнь выдвинутой ею идеологической программы. Отсутствие развитых структур гражданского общества и быстрое формирование авторитарного, полукриминального бюрократического комплекса власти поставили доморощенных либералов перед нелегким для них выбором: вновь уйти в оппозицию к своим бывшим соратникам или окончательно связать судьбу с новыми «хозяевами жизни», обретая таким образом новую «референтную группу», но и разделяя ответственность за все их последующие деяния. Лавинообразный рост чиновничества в современной России, быстро освоившего традиции советской номенклатуры, весьма наглядно свидетельствует о характере сделанного многими выбора.

Бюрократический социализм советского типа органически не признавал и был несовместим с существованием легитимных и идеологически признанных форм автономных организаций, представлявших экономические, социальные и культурные интересы. «Организованная безответственность» плановой социалистической экономики, старые партии и массовые организации не были носителями такого типа политического образования, который способствует выявлению, артикуляции и организации индивидуальных и групповых интересов, независимых от государства. Последующие после краха СССР события не только выявили их типологическое сходство с тем, что происходило в странах Центральной и Восточной Европы в период «бархатных революций», но и подтвердили, что история всех без исключения революционных периодов трансформаций экономических и социально-политических систем свидетельствует о резком возрастании авторитарных начал в политической жизни, когда сосредоточение власти и контроля в руках небольших группировок амбициозных политиков, стремящихся укрепить свое достаточно шаткое положение «жесткими мерами» и без-

удержной пропагандой популистского толка, является именно нормой, а не исключением.

В проведенном в 1993 г. венгерским политологом М. Бихари исследовании политической культуры и стиля поведения новых политических партий, особенно входивших в правящую коалицию, перечисляются следующие их особенности: склонность к болезненной и ультимативной политизации, пренебрежение по отношению к оппонентам, вера в незаменимость, безудержное недоверие, разрыв с обществом и стремление его поучать, узкогрупповой подход к политике (*Kamarilla-Politik*), сознание избранничества, ставка на тип «солдата партии», героизация политики и стиль политического поведения, диктуемый подозрительностью и страхом¹. Естественно, что все эти черты поведения и руководства представляют собой элементарное воспроизведение традиционного, сформировавшегося еще в прошедшие десятилетия «партийного архетипа».

С исторической и социологической точек зрения сам по себе тезис, согласно которому революционные группы, пытающиеся создать новые политические институты и методы управления, зачастую просто воспроизводят в видоизмененных формах традиционные авторитарные стереотипы, тривиален², если он не опирается на конкретный детальный анализ как особенностей поведения современных посткоммунистических элит, так и специфики политического дискурса, в рамках которого, собственно, и разворачивается политический процесс в этом регионе. Тот факт, что антикоммунистическое движение первоначально вдохновлялось традиционным набором утопических ценностей, в центре которых находились окрашенные исторической апокалиптикой категории добра и зла, не отменяет необходимости указанного выше анализа. По справедливому замечанию Г. Шёпфлина, «эта антикоммунистическая ценностная система состояла из спасительных идеализированных элементов докоммунистического прошлого, особенно национализма, который возбуждал ту иллюзию, что национальная свобода неизбежно приведет к индивидуальной свободе и экономическому бла-

---

¹ См.: Szabo M. Die Semantik des Systemwechsels // Oeffentliche Konfliktdiskurse um Restitution von Gerechtigkeit, politische Verantwortung und nationale Identität. S. 62.

² См.: Korosenyi A. Revival of the Past or a New Beginning? The nature of Post Communist Politics // Political Quarterly. 1991. No. 1. P. 1–23.

госостоянию, причем и то и другое воспринималось в мистифицированной западной версии»¹.

Вместе с тем конкретные факты, характеризующие деятельность элит как в самой России, так и в ряде постсоветских государств, нередко выходят за рамки обозначенных выше теоретических формул. Об этом свидетельствуют и результаты дискуссий, в которых помимо политологов принимают участие журналисты и специалисты в области естественных наук. Владимир Коробов, директор Центра исследований южно-украинского пограничья (Херсон) отмечает: «Самое главное: элита Украины не отражает интересов и структуры всего общества. У меня складывается впечатление, что условием попадания в украинскую элиту является происхождение и идеологическая приверженность. Чтобы попасть в элиту нужно, чтобы твоя фамилия заканчивалась на “чук” или “ко”. Нужно, чтобы ты был приверженцем так называемой “украинской национальной идеи”. Русских и русскоязычных в элите все меньше, а выходцев из Западной Украины и этнических украинцев — все больше. Учитывая социально-демографическую структуру общества можно сказать, что элита Украины рекрутируется не из всего общества, а из отдельных регионов и сторонников определенной националистической идеологии. Сторонников воссоединения с Россией и русскоязычных, отстаивающих права русских и русскоязычных, в украинской элите практически нет. Даже те, которые считались таковыми, подчиняются партийной дисциплине “Партии регионов” и приспособляются к новой украинской идеологии (Колесниченко и т.п.). В стране, где половина населения — русскоязычные, это похоже на какую-то оккупацию. Я задаю себе вопрос: кто из украинской элиты отражает мои интересы и интересы моей семьи? Никто. Я спрашиваю об этом своих друзей — никто. Мы не имеем своих представителей в составе украинской элиты. У нас нет наших министров, нет наших депутатов, у нас нет своей партии, нет своих спикеров на телевидении. Иногда нам показывают гостей из России, как бы подчеркивая: такие взгляды — это удел иностранцев, а не украинцев. Но ведь это — ложь и подтасовка! Как же мы можем относиться к этой стране и к этой элите? Украинская элита — элита всего лишь небольшой части страны и общества, она по своему составу не отражает всего разнообразия

---

¹ *Schoepflin G. Culture and Identity in Postcommunist Europe // Developments in East European Politics. Duke University Press, 1993. P. 23.*

нашего общества. Ее искусственно рекрутировали из ограниченных маргинальных слоев. В этом слабость Украины как государства и ущербность украинского общества. Оно не сможет в таком состоянии достичь никаких успехов. Половина страны не имеет своей элиты и вынуждена с надеждой смотреть на Путина и элиту соседней страны. Националисты испытывают кадровый голод и вынуждены рекрутировать даже на большие должности всяких ничтожеств. Один за другим проходят скандалы вокруг высокопоставленных деятелей, которые представили липовые дипломы о высшем образовании. Для украинской “элиты” характерны моральное разложение, наркомания, разврат, хулиганство, коррупция, различные формы девиантного поведения. Особенно вызывающе ведут себя дети высокопоставленных украинских чиновников, вокруг которых постоянно возникают скандалы. Украинская “элита” и в стране, и за рубежом стала притчей во языцех, образцом загнивания и морального падения. Разложение украинской элиты, ее безнаказанность отражают печальные перспективы всего украинского общества, стоящего на краю пропасти и на грани уничтожения»¹.

Не лучшей в глазах аналитиков выглядит и современная российская элита. «Современная российская элита, — подчеркивает Павел Крупкин, научный руководитель Центра изучения современности, кандидат физико-математических наук (Париж, Франция), — в массе своей поражена определенной “этической болезнью”. Эта система личностных установок является доминирующим этосом российских элитных слоев и характеризуется (а) принятием культа денег в очень интересной форме — в форме поклонения некоей магической субстанции — “баблу”; (б) иррационализацией и биологизацией мировоззрения, “заколдовыванием” мира; (г) предельным элитизмом вплоть до расизма в части социального видения. “Бегство от рациональности” российской элиты — результат отсутствием у нее стратегического понимания, неприятием ею даже идеи о возможности некоего “общего блага”, зашкаливающим эгоизмом, в том числе экономическим. На все это накладывается отсутствие уверенности в легитимности своего правления и связанного с ним социального порядка, отсутствие видения своего будущего в “этой стране”. Как результат, ярлык “временщики-компрадоры” оказывается адекватным для доминирующего аспекта идентичности российской

---

¹ Современные политические элиты: мнения экспертов <[http:// www.iarex.ru/articles/10582](http://www.iarex.ru/articles/10582)>.

элиты, как политической, так и хозяйственной. В чуть другом аспекте данный этос близок к этосу средневековой знати, что обуславливает и “извлечение ренты из своего социального положения” в качестве доминирующего экономического и властного мотива, и текущую архаизацию общественного сознания России. Наряду с доминирующим этосом неофеода-временщика в самом топе элиты прощупывается группа, которой хотелось бы вернуть страну в Современность/Модерн (откуда и идет термин «модернизация»). Данная группа ввиду своей политической влиятельности “наводит” на элитные слои этос модернизации — ведь ни один компрадор-архаизатор не хочет считаться таковым публично. И взаимодействие множества вариантов указанных этосов в элитных слоях и обеспечивает все богатство российской политики <...> Вследствие сказанного ранее Россия оказывается похожей на корабль в бурном море, управляемым пьяной (но довольно добродушной) шимпанзе с ограниченным каналом восприятия. Соответственно, принимаемые государственные решения очень ситуативные, и именно сложившаяся общественная обстановка фильтрует то, что может поучаствовать в жребии быть отобранным для принятия во внимание при выработке решения верхним уровнем российской власти. Так и получается, что и интересы людей, и интересы бизнеса, и интересы чиновничества “сверкают” в этом “казино” в качестве “влиятельных” на итог, при наличии некоего преобладания интересов правящего класса, естественно»¹.

Одной из причин возникновения столь близкой к катастрофичной картины можно назвать и весьма специфическую образовательную ориентацию и предпочтения высших слоев российских нуворишей и бюрократии. «Наверное, — отмечает журналист Вадим Булатов (Нижний Тагил), — есть какие-то специальные социологические термины, описывающие тип российской элиты: компрадорская, клановая, закрытая, бюрократическая, разъединенная. Но мне кажется, что ключевым здесь будет термин, описывающий внутреннее самосознание российской элиты, — “элита под подозрением”. Наша элита постоянно ощущает недостаток своей легитимности. Это ощущение порождает мощное неосознанное стремление унижить, втоптать в грязь неэлиту, народ. И уже потом на фоне забитого опущенного и неграмотного предстать светлыми князьями. Эта подозрительность распространяется и на

---

¹ Там же.

отношения внутри элиты, что и порождает ее разобщенность. Представители элиты вынуждены постоянно доказывать друг другу, что они элита. Обычно для этого используются разнообразные формы унижения народа. Точно знаю, что высшим пилотажем среди элиты считается отмазывание родственников от уголовного наказания. Если, например, сын элитария кого-то задавил и не понес наказание —, то это, по сути, является золотой карточкой в клубе элиты. Естественно, неуверенность в себе порождает у российской элиты первоочередное стремление создать запасной аэродром вне России. Дети отправляются на учебу за рубеж, для обзаведения связями. Чтобы они стали на западе своими. Если ребенок элитария учится в России, то это ставит под сомнение его статус в глазах других элитариев. В среде российской элиты господствуют мировоззрения, в той или иной степени оправдывающие социал-дарвинизм и восходящие прямо к субкультуре воров в законе. Принимается все, что свидетельствует о том, что народ — лох и терпила. Отвергается все, что свидетельствует об обратном. Либеральная идеология говорит о русских как о вечно отсталом народе, подлежащем уничтожению¹.

Именно такого рода «идеологические» ориентации постсоветских политических элит перманентно порождают кризисы системы школьного и университетского образования, стимулируя процесс ее деградации с перспективой окончательной «африканизации». Определенным симптомом в этом направлении являются, на наш взгляд, «диссертационные скандалы», разразившиеся в России зимой-весной 2013 г. Эти скандалы вследствие своей коррупционной составляющей не только поставили под вопрос легитимность российской системы поствузовской подготовки кадров высшей квалификации, но и обнажили механизм, с помощью которого коррумпированные чиновники и продажные политики стремились легитимизировать свое положение, превратившись в добропорядочных «мужей науки». Вот как комментировало эти события одно из популярных московских изданий: «Когда-то, еще совсем недавно, Россия считалась самой образованной страной мира: и образование у нас было на зависть “доброжелателям”, и молодых специалистов готовили на совесть, и ученых наших “отрывали с руками и ногами” все мировые научные центры, и отечественные университеты считались престижными чуть ли не во вселенском масштабе <...> А сейчас — все вроде бы и так, но совсем не так <...> Последнее время

---

¹ Там же.

не проходит и недели, чтобы не разразился очередной “диссертационный” скандал. Жутко пытливые умы, бороздящие просторы интернета, нет-нет, да и наткнутся на откровенный плагиат то в кандидатских, то в докторских диссертациях. Но уж очень хочется, чтобы на “интеллектуальное воровство” (каковым и является плагиат) обратили по-настоящему пристальное внимание. Ведь занимаются подобным творчеством не простые смертные, а люди статусные, занимающие высокое социальное положение, стоящие у власти, так сказать, “наше все”, руководящее и направляющее. Солидные люди, а ничем не брезгают, “надувают щёки” — лишь бы выглядеть авторитетнее. И гремят в интернете скандалы, разрываются, как снаряды, разоблачительные статьи о псевдонаучных диссертациях, “дутых” кандидатах и докторах каких-то там наук. А чем дальше, тем больше...»¹.

Такого рода тенденции лишь отражение системного кризиса власти и всего российского социума. Одна из его причин кроется в неразвитости структур гражданского общества. Разработка новых конституционных проектов в России, как и в большинстве стран Центральной и Восточной Европы, наряду с перспективой создания демократической политической системы и свободной рыночной экономики была ориентирована на формирование основных предпосылок гражданского общества западного типа. В этом смысле речь идет о новом социальном эксперименте, когда фундаментальные идеи, характеризующие западную систему ценностей, проходят как бы «вторичную проверку». Тем не менее сегодня результаты этого эксперимента в России видятся достаточно противоречивыми, а перспективы остаются крайне неопределенными. В большинстве посткоммунистических стран идеал гражданской свободы оказался первоначально реализованным в новом государственном аппарате и новой бюрократии. В России с ее традициями патриархальной монархической и тоталитарной коммунистической политической культуры концепция гражданского общества, будучи встроенной в догматический псевдолиберальный проект, оказалась еще более идеологизированной и далекой от реальности. Антитоталитарная направленность этой концепции с примесью традиционной антикоммунистической риторики приводила, как правило, к искажению и камуфляжу реального процесса разложения советского общества в направ-

---

¹ Власов С. Петр Бирюков: от уголовных статей к научным // The Moscow Post. 21.03.2013.

лении формирования неономенклатурного государства, нуждавшегося именно в идеологических мутантах гражданского общества, а не в его действительном существовании в качестве противовеса государству. Можно даже прийти к определенному выводу о том, что в России возникло своеобразное гражданское общество со знаком минус, представляющее собой историческую аномалию. Причина возникновения такой аномалии та же, что привела к возникновению коммунистического тоталитарного строя, — попытка резкого разрыва с прежней традицией путем бездумного и преступного внедрения в общественную ткань умозрительного социального проекта. Неизбежная реакция отторжения возвращает общество в результате целого ряда социальных метаморфоз в более архаизированное состояние как по отношению к собственному историческому прошлому, так и по отношению к нормам и социальной практике, сложившимся в либеральных обществах. Стагнация бюрократической несоветской модели управления и кризис системы образования — весьма существенные проявления этой исторически закономерной тенденции.

О.Ю. Малинова

**ОФИЦИАЛЬНАЯ РИТОРИКА
И КОНСТРУИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО
ПРОШЛОГО: АНАЛИЗ ТЕМАТИЧЕСКОГО
РЕПЕРТУАРА ПАМЯТНЫХ РЕЧЕЙ
ПРЕЗИДЕНТОВ РФ (2000–2013 гг.)¹**

Статья является частью исследовательского проекта, посвященного изучению практики использования прошлого российской властвующей элитой. На материале памятных речей президентов Российской Федерации анализируется репертуар исторических событий, процессов и фигур, которые служили поводами для выступлений В.В. Путина и Д.А. Медведева в 2000–2013 гг. Выявлено, что наиболее часто «используемым» является советский период отечественной истории, и прежде всего — Великая Отечественная война. Событиям советского прошлого посвящено более половины памятных речей. Этот символический ресурс использовался весьма избирательно: история СССР оказалась «политически пригодной» прежде всего как история великой державы, которая несмотря на все трудности смогла превратиться в ведущего актора мировой политики. В статье утверждается, что активное использование советского прошлого было связано не столько с идеологическими симпатиями властвующей элиты, сколько с тем, что именно оно, будучи основательно закреплено с сложившихся практиках коммеморации, выступало в качестве наиболее очевидного символического ресурса. Значительное внимание уделялось также демонстрации преемственности государственных (и прежде всего — силовых) институтов. Начиная с 2004 г. имело место последовательное сокращение доли постсоветского прошлого в символическом репертуаре главы государства, сопровождавшееся частичным отказом от введенных ранее практик коммеморации событий, связанных с историей новой России — с 31 % в 2000–2004 гг. до 12 % в 2004–2007 гг. и 16 % в 2007–2011 гг. В то же время стали предприниматься шаги, направленные на институционализацию памяти более далекого прошлого, ассоциируемого с идеей «тысячелетнего государства» (например, введение Дня народного единства, связанного с коммеморацией событий XVII века). Однако эти шаги

---

¹ Исследование проводится при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 11-03-00202 а.

не могут принести быстрых результатов; кроме того, они не отличаются системностью.

Ключевые слова: *символическая политика, политика памяти, властвующая элита, памятные (коммеморативные) речи, политическая риторика, В.Путин, Д.Медведев.*

Современные макрополитические сообщества мыслятся по модели нации, которая предполагает многовековую преемственность поколений. Отчасти в силу этого, а отчасти по причине того, что в эпоху модерна идея истории вообще выступает в качестве фундаментального принципа воображения социального порядка, апелляция к прошлому является неотъемлемым атрибутом политической риторики. Когда речь идет о легитимации и делегитимации существующего режима, политическом целеполагании, мобилизации поддержки, критике оппонентов и прочем, отсылки к «коллективной памяти» оказываются весомыми аргументами. Предполагается, что они подкрепляют нормативные и причинные утверждения «эмпирическим» опытом предков.

Используя этот ресурс, публичные политики участвуют в дискурсивном конструировании «памяти» о национальном прошлом. При этом они оперируют наличным репертуаром исторических событий и фигур, которые известны широкой аудитории и способны вызывать ожидаемую реакцию. Чтобы быть политически пригодными, символы прошлого должны быть закреплены не только в параграфах школьных учебников, но и в художественной литературе, кинематографе, документальных фильмах, музеях, памятниках, топографии публичного пространства, национальных праздниках и ритуалах, личном опыте индивидов, передаваемом через живое общение и др. Имеет значение и то, в какой мере доминирующие интерпретации исторических событий подвергаются оспариванию и, в частности, как они используются оппонентами.

Будучи ограничены репертуаром «актуализированного» прошлого, политики в то же время располагают существенными ресурсами для его трансформации, причем не только за счет риторической реинтерпретации. Те из них, кто участвует в принятии соответствующих властных решений, имеют эксклюзивные возможности как для номинации событий прошлого для политического использования (в форме установления национальных праздников и практик официальной коммеморации, государственных наград, символической реорганизации пространства и пр.), так и для трансляции определенных версий коллективной памяти (путем

регулирования школьных программ, государственных инвестиций в культуру и др.). Вместе с тем символические действия власти — легкая мишень для критики оппонентов: опыт многих стран свидетельствует, что они часто становятся предметом публичных дебатов (в том числе и потому, что, по определению Д. Арта, «не требуется особой подготовки, чтобы сформировать собственное мнение по этим проблемам»¹). Другими словами, для властвующей элиты «актуализированное» прошлое выступает и как ресурс, применение которого сопряжено с определенными выгодами и рисками, и как объект символических инвестиций.

Второй аспект представляется особенно важным, когда в повестке дня стоит конструирование новой макрополитической идентичности, как это имеет место в случае современной России. Очевидно, что ее «тысячелетняя история»² представляет собой хотя и богатый, но трудный ресурс. События, память о которых настойчиво культивировалась в советский период, впоследствии подверглись переоценке. В то же время многое из того, что служило опорой идентичности до революции, в СССР оказалось «репрессировано» и предано забвению. Что не менее существенно, к концу XX в. утратил былую несомненность метанарратив прогресса, обеспечивавший смысловую рамку для интерпретации событий новой и новейшей истории. Все это, с одной стороны, осложняет задачи публичных политиков, которые не могут не апеллировать к отечественной истории, а с другой стороны возлагает на них особую ответственность за развитие арсенала символов, пригодных для политического использования.

Анализ репертуара событий национального прошлого, «задействованных» в официальной риторике, позволяет выявить особенности подходов властвующей элиты³ к трансформации и использованию этого

---

¹ *Art D. The Politics of the Nazi Past in Germany and Austria.* Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 3.

² Именно так наследие коллективного прошлого позиционируется в современном политическом дискурсе. Вместе с тем очевидно, что это условная конструкция: историописание событий, имевших место на современной территории России, существует и для более отдаленных периодов, а выбор «точки отсчета» для генеалогии современного государства — это политическое решение, всегда уязвимое для критики.

³ Хотя официальные речи произносятся высшими должностными лицами государства, их подготовка — это коллективный процесс, детали которого

ресурса. Наше исследование практики обращения к российской истории в контексте легитимации текущего политического курса¹ показало, что актуальный репертуар символов прошлого, «вспоминаемых» в данном контексте, во-первых, слабо конкретизирован, во-вторых, включает преимущественно события советского и постсоветского периода. В общей массе упоминаний о прошлом, которые удалось обнаружить в восемнадцати посланиях президентов РФ Федеральному собранию РФ (1994–2011 гг.), лишь 4 % приходится на долю событий дореволюционной истории, 17 % — ссылки на имена деятелей отечественной культуры, 23 % — оценки постсоветского периода, 26 % — воспоминания о советской эпохе и 30 % — рассуждения общего характера.

С одной стороны, такая структура «актуального» прошлого вполне объяснима: в силу особенностей советской исторической политики память о событиях XX в. была наиболее основательно институционализована. Кроме того, при старом режиме она была наиболее очевидным объектом идеологического манипулирования. Поэтому конструирование новой идентичности не могло обойтись без переоценки недавнего прошлого. С другой стороны, вместе с прежними схемами репрезентации прошлого, отвергнутыми в результате краха советского проекта, оказались поставлены под сомнение связанные с ними позитивные аспекты коллективной идентичности. Без компенсации этой потери трудно рассчитывать на формирование прочных уз солидарности внутри нового макрополитического сообщества. Казалось бы, в той мере, в какой решение этой задачи было связано с выстраиванием проекции от прошлого к настоящему², наиболее очевидным ресурсом символической политики должна была стать вся «тысячелетняя история» России,

---

скрыты от публики. На наш взгляд, участников этого процесса можно рассматривать как членов властвующей элиты в той мере, в какой они имеют возможность определять *принципиальное* содержание текстов, озвучиваемых «от имени государства» и тем самым формируют государственную символическую политику.

¹ См.: Малинова О.Ю. Тема прошлого в риторике президентов России // Pro et contra. 2011. № 3–4. С. 106–122; Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: исследование символической политики в современной России. М.: ИНИОН РАН, 2013.

² Формирование позитивного образа Нас возможно не только за счет апелляции к «славному прошлому», но путем демонстрации достижений настоящего или проектирования будущих перспектив.

в которой и требовалось отыскать ценностные опоры для переосмысления «проблематичного» XX в. Однако до недавнего времени¹ при подготовке президентских посланий задача расширения репертуара политически пригодного прошлого, по-видимому, не ставилась. Очевидно, что разработчики текстов посланий сознавали важность этого символического ресурса — можно проследить, как год за годом оттачивались приемы его риторического использования. Но столь же очевидно их стремление ограничиться теми событиями и явлениями отечественной истории, оценка которых не вызывает разногласий — а таких в стране «с непредсказуемым прошлым», переживающей масштабную социальную трансформацию, оказалось немного. Результатом такого подхода — скорее всего, непреднамеренным — стало то, что «проблемные» страницы отечественной истории (преимущественно недавней) представлены в президентских посланиях гораздо более ярко и конкретно, нежели образ «нашего славного прошлого», который должен служить источником оптимизма и опорой для решения текущих задач. Единственный систематически используемый позитивный символ — это Великая Отечественная война.

Впрочем, составителям президентских посланий нельзя отказать в рациональности: ведь обращение к истории лишь один из возможных способов легитимации политического курса, и для решения краткосрочных задач, связанных с оправданием действий власти, необязательно углубляться в проблемы национальной истории. Правда, без этого не обойтись, если иметь в виду долгосрочные цели — формирование национальной идентичности, укрепление гражданской солидарности, повышение коллективной самооценки и т.п. Логично предположить, что эти цели в большей мере учитываются при подготовке других выступлений главы государства, например речей по случаям государственных праздников, юбилеев и памятных дат.

---

¹ Как будет показано ниже, некоторые изменения в подходе к работе с репертуаром национального прошлого наметились в 2011 г. Включение предложения поставить общенациональный памятник героям Первой мировой войны в первое послание нового президентского срока В.В. Путина можно рассматривать как проявление новой тенденции (*Путин В.В.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 12 декабря 2012 г. <<http://www.kremlin.ru/news/17118>>). Вскоре в результате внесения поправок в Федеральный закон «О днях воинской славы и памятных датах России» 1 августа было объявлено Днем памяти российских воинов, погибших в Первой мировой войне.

Выступления такого рода принадлежат к особому жанру, который предполагает использование определенных риторических приемов и дискурсивных стратегий. Памятные (commemorative) речи обычно произносятся в дни официальных праздников, а также годовщин и юбилеев важных общественных событий. По определению лидеров школы критического дискурс-анализа Р. Водак и Р. Де Чиллиа, они призваны «вернуть прошлое в настоящее»¹. Разумеется, эта процедура имеет избирательный характер: прошлое «возвращается», чтобы послужить современным политическим целям — конструированию идентичности, определению границ между Нами и Другими, укреплению групповой солидарности и т.п. Памятные речи относятся к классу эпидейктической риторики, основной функцией которой является восхваление или порицание (в данном случае — деяний прошлых поколений). Считается, что эпидейктическая риторика служит средством самопрезентации спикеров: она демонстрирует их ораторские таланты и способность эмоционально воздействовать на слушателей. По мнению Водак и Де Чиллиа, она «также имеет “воспитывающую” функцию, т.е. стремится передать определенные политические ценности и убеждения, дабы создать общие характеристики и идентичности, сформировать консенсус и дух сообщества, который, в свою очередь, должен служить моделью для будущих политических действий адресатов»². В отличие от программных выступлений, которые были предметом нашего внимания на предыдущем этапе исследования, памятные речи не ставят непосредственной целью легитимацию действий власти, их функции скорее представительские: официальное лицо от имени государства воздает хвалу (или порицание) группе/сообществу, соответствующим образом оценивая ее деяния и качества. Это дает более широкие возможности для актуализации прошлого, «полезного» не только с точки зрения текущих задач (памятные речи связаны с графиком встреч и поездок главы государства, они нередко преследуют дипломатические цели), но и для выстраивания долгосрочной «политики идентичности».

---

¹ *Wodak R., De Cillia R. Commemorating the past: the discursive construction of official narratives about ‘Rebirth of Second Austrian Republic’ // Discourse & Communication. 2007. Vol. 1. No. 3. P. 346.*

² *Ibid. P. 346–347.*

Памятные речи можно исследовать под разными углами зрения¹, в частности, они дают много информации о формировании коллективной идентичности, включении или невключении в категорию Нас отдельных групп, конструировании смысловых схем важных исторических событий, а также об особенностях официального нарратива коллективного прошлого. В данном случае нас интересует эволюция их тематического репертуара, отражающая изменение представлений властвующей элиты о том, какие эпизоды отечественной истории следует «актуализировать» для политического использования. Памятные речи произносятся по определенным поводам. Как правило, это повторяющиеся из года в год государственные праздники, посвященные конкретным историческим событиям, и официальные памятные дни, а также юбилейные даты. Выступление первого лица государства придает событию особый статус. Вместе с тем очевидно, что не все потенциальные поводы могут быть использованы: чтобы оценить диапазон возможностей, достаточно заглянуть в официальный список дней воинской славы и памятных дат России (не говоря уже о неофициальных календарях юбилейных и памятных дат). Включение памятных речей в рабочий график президента — это результат выбора, который определяется не только представлениями о важности события или его «полезности» в качестве повода для артикуляции определенных идей, но и соображениями политической целесообразности, а также пространственно-временными возможностями. Тем не менее в рамках более или менее длительных периодов тематику памятных выступлений можно рассматривать как отражение стратегического подхода властвующей элиты к работе с символическим ресурсом национального прошлого.

Объектами нашего анализа стали выступления президентов В.В. Путина и Д.А. Медведева, в полном объеме доступные на портале «Президент России»². К сожалению, для изучения выступлений Б.Н. Ельцина сложно применить аналогичную методику: по контрасту с советской практикой они освещались в (печатных) СМИ достаточно скупо и фрагментарно. Таким образом, мы имеем возможность проследить эволю-

---

¹ См.: Ibid.; *Joensuu K.* The Role of the Soviet past in post-Soviet memory politics through examples of speeches from Estonian presidents // *Europe-Asia Studies*. 2012. Vol. 64. No. 6. P. 1007–1032.

² <<http://www.kremlin.ru>>; с 31 декабря 1999 г. по 7 мая 2008 г. — <<http://archive.kremlin.ru>>.

цию тематического репертуара памятных речей президентов на протяжении трех четырехлетних сроков, а также сделать некоторые предварительные наблюдения применительно к первому году работы Путина в качестве вновь избранного главы государства. Материалом для нашего анализа послужили 1) выступления по случаям официально установленных праздничных нерабочих дней, связанных с историческими событиями — Дня защитника Отечества, Дня Победы, Дня России, Дня народного единства, Дня Конституции¹, 2) выступления по случаям памятных дней, памятных дат и дней воинской славы (победных дней) России², 3) выступления по случаям юбилеев исторических событий, 4) выступления на церемониях открытия памятников, музеев, мемориальных досок и т.п. Иные мероприятия, на которых обсуждались вопросы, имеющие отношение к национальному прошлому (различные встречи, выступления в рамках церемоний награждения, по случаям профессиональных праздников, беседы при посещении музеев и выставок, интервью, статьи и др.), в данном контексте не рассматривались, поскольку они не соответствуют жанру памятной речи.

Как и предполагалась, тематический репертуар выступлений такого рода отличается от набора символов прошлого, «задействованного» в президентских посланиях (см. рис. 1): он существенно шире, и события дореволюционной истории занимают в нем более заметное место. Тем не менее наиболее частым поводом для мемориальных обращений главы государства служат события советского периода, более того, на протяжении рассмотренных четырнадцати лет доля данной тематической категории устойчиво возрастала: к ней можно отнести 53 % памятных речей Путина в период его первого срока, 58 % — в период второго, 69 % — в течение первого года третьего срока, а также 55 % аналогичных выступлений Медведева. Третий рассмотренного массива

---

¹ На протяжении рассматриваемого периода статус этих общественных событий менялся. В частности, День защитника Отечества стал нерабочим с 2002 г. (соответствующая поправка в Трудовой кодексе РФ была внесена в декабре 2001 г.). 24 декабря 2004 г. была принята новая редакция статьи о нерабочих праздничных днях, на основании которой с 2005 г. стал отмечаться День народного единства. Тогда же День Конституции перестал быть «нерабочим и праздничным» и приобрел статус памятного дня.

² Определены Федеральным законом «О днях воинской славы и памятных датах России» от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ, в который многократно вносились поправки.

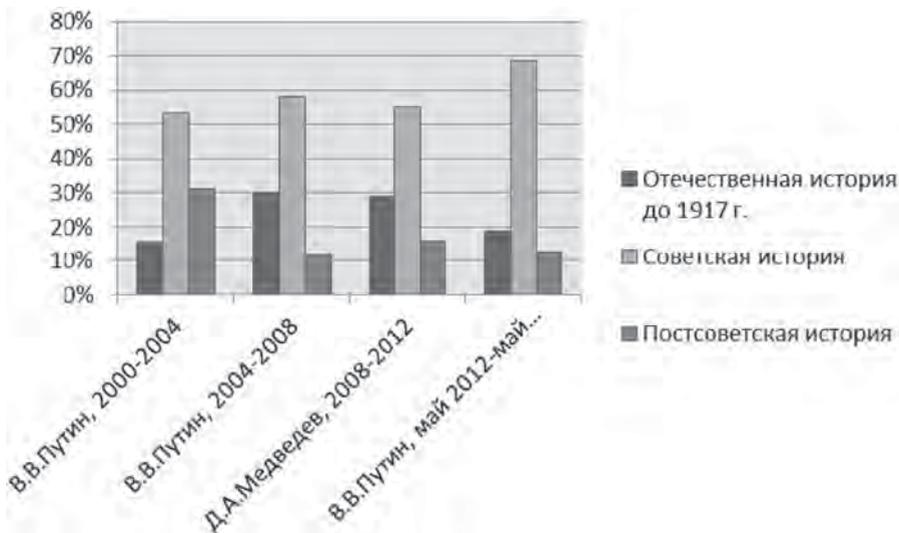

Рис. 1. События дореволюционной, советской и постсоветской истории в памятных речах президентов РФ, 2000–2013 гг.

текстов посвящены Великой Отечественной войне, причем этот показатель остается практически неизменным применительно ко всем рассмотренным периодам¹. Таким образом, *советское прошлое остается наиболее востребованным символическим ресурсом, а Великая Отечественная война — наиболее «используемым» событием*. По-видимому, это отчасти определяется тем, что с советским периодом связан жизненный опыт значительной части граждан, отчасти же объясняется наследием прежней символической политики, надежно закрепившей память о политически актуальном прошлом в институционализованных практиках². Впрочем, «реабилитация» советского прошлого в офици-

¹ В течение первого года третьего президентского срока он возрос до 44 %. Таким образом, в последних выступлениях Путина сдвиг в сторону советского наследия еще более выражен. Однако на основании одного года рано говорить об устойчивой тенденции.

² Примером тому может служить не только институционализация памяти о Великой Отечественной войне (динамика этого процесса хорошо описана в книге: *Копосов Н.Е.* Память строгого режима. История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 91–104), но и День Советской армии и Военно-морского флота, трансформированный в День защитника Отечества. Этот праздник ежегодно служит поводом для выступления главы государ-

альной символической политике 2000-х годов происходила избирательно: как мы покажем ниже, история СССР оказалась «политически пригодной» прежде всего как история великой державы, которая, несмотря на все трудности, смогла превратиться в ведущего актора мировой политики¹.

Вторая тенденция, особенно очевидная при сравнении выступлений первых двух президентских сроков В.В. Путина — это *последовательное сокращение доли постсоветского прошлого в символическом репертуаре главы государства*, сопровождавшееся частичным отказом от введенных ранее практик коммеморации событий, связанных с историей новой России. В результате реформы праздничного календаря, проведенной в декабре 2004 г., День Конституции утратил статус государственного праздника и стал памятной датой². С этого времени он перестал служить поводом для обращений главы государства (лишь в юбилейном 2008 г. Медведев выступил на научно-практической конференции в честь 15-летия принятия Конституции). Кроме того, в 2006–2008 гг. Путин не произносил речей и по случаю Дня России (эта традиция была восстановлена Медведевым). Доля поводов для памятных речей, связанных с событиями постсоветского периода, сократилась с 31 % от общего числа таких выступлений в течение первого срока Путина до 11 % в течение второго и 13 % — на первом году третьего срока; у Медведева она составила 16 %.

ства о роли армии в жизни Российского государства в прошлом и настоящем. Центральной темой таких выступлений является Великая Отечественная война.

¹ Примечательно, что сходная редукция «актуальной» памяти имела место в массовом сознании. Согласно исследованиям Левада-Центра, «символическое примирение» с советским прошлым в конце 1990-х — начале 2000-х годов сопровождалось «декоммунизацией» советских символов, которые «теперь связаны в общественном сознании не с коммунистической партией, ее руководством, тоталитарной пропагандой и т.п., а с идеализированным образом коллективного существования “всего народа”» (*Дубин Б.* Символы возврата вместо символов перемен // Pro et contra. 2011. № 5 (53). С. 18–19).

² Соответствующее изменение в ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» было сделано лишь в июле 2005 г. См.: Справка о нерабочих праздничных днях, профессиональных праздниках и памятных датах (подготовлено экспертами компании «Гарант»). <http://base.garant.ru/4029129/#block_111>.

Казалось бы, столь резкую перемену следует объяснить тем, что в результате повторного избрания, избавившись от статуса «преемника» Ельцина, Путин стал более открыто позиционировать свою политику «стабильности» по контрасту с «клихими девяностыми»¹. Однако дело не только в обязательствах по отношению к предшественнику. Путину потребовалось некоторое время, чтобы определить собственный курс символической политики. По нашей оценке, основные принципы нового подхода, согласно которому в качестве ценностного стержня, скрепляющего национальную идентичность, стало рассматриваться «тысячелетнее государство» вне зависимости от менявшихся границ и политических режимов, определились примерно в 2003–2005 гг.² Наиболее ярким проявлением этого подхода стали известные слова Путина о распаде СССР как «крупнейшей геополитической катастрофе века», произнесенные в 2005 г.³ Интерпретация распада СССР (который де-факто был актом рождения нового Российского государства) как случайной катастрофы, спровоцированной действиями злонамеренных политиков, хорошо вписывалась в концепцию «тысячелетней» великой державы. Однако она полностью противоречила прежнему официальному нарративу, который представлял крах «тоталитарного» коммунистического режима как историческую необходимость и подчеркивал принципиальную новизну выбора, сделанного в начале 1990-х годов.

На материале памятных речей отчетливо видно стремление Путина и его спичрайтеров уйти от символического противопоставления

---

¹ Аналогичную тенденцию мы зафиксировали и на примере посланий Федеральному собранию: начиная с 2005 г. критика событий 1990-х годов стала более резкой, причем фокус оценки сместился с проблем, с которыми столкнулось общество, на действия власти (см.: *Малинова О.Ю.* Тема прошлого в риторике президентов России. С. 112–113).

² Подробнее об эволюции принципов использования прошлого в символической политике государства см.: *Малинова О.Ю.* Политическое использование прошлого как инструмент символической политики: эволюция дискурса властвующей элиты в постсоветской России // Политэкс. СПб., 2012. Т. 8. № 4. С. 179–204.

³ *Путин В.В.* Послание Федеральному собранию Российской Федерации. 25 апреля 2005 г. <http://www.kremlin.ru/appears/2005/04/25/1223_type63372type63374type82634_87049.shtml>.

«новой» и «старой» России, характерного для риторики Б.Н. Ельцина¹. Это особенно заметно при сопоставлении путинских выступлений по случаям «постсоветских» праздников. Темпоральная схема первой путинской речи в День принятия Декларации о государственном суверенитете России — оценка недавнего прошлого с высоты настоящего: этот исторический акт представлялся как *событие, завершившее эпоху, изменившее природу российской государственности и российского политического строя* и определившее *новый вектор страны*. Вместе с тем с позиций сегодняшнего дня (*теперь мы знаем, как тяжело реформировать экономику, социальную сферу, создавать демократические институты*) иллюзии 1990-х оценивались как «романтичные» и «наивные». Накопленный опыт интерпретировался как залог будущих успехов (*мы вместе должны сделать Россию единой, сильной и уважаемой*)². Примерно в том же ключе были выдержаны и речи по «постсоветским» историческим поводам в последующие два года: Путин говорил о принятии документов, оформивших новую российскую государственность, — Декларации о государственном суверенитете и Конституции — как об актах, «открывших дорогу к новой стране» и подчеркивал успехи на пути «освоения основ демократии и рыночной экономики». Он признавал, что реформы *оказались очень тяжелым испытанием для большинства* и заверял, что *перемены, которые мы испытали, должны начинать давать отдачу*³. Речь по случаю Дня России в 2002 г. содержала также заявление о необходимости адекватного признания со стороны мирового сообщества: *Россия не претендует на какой-то особый путь, — утверждал Путин. — Но она претендует на то место в мире и на такое отношение к себе, которое соответствует и нашей богатой истории, и творческому потенциалу нашего*

---

¹ См.: Малинова О.Ю. Политическое использование прошлого как инструмент символической политики: эволюция дискурса властвующей элиты в постсоветской России.

² Путин В.В. Выступление на торжественном приеме по случаю Дня принятия Декларации о государственном суверенитете России. 12 июня 2000 г. <http://archive.kremlin.ru/appears/2000/06/12/0002_type122346_28767.shtml>.

³ Путин В.В. Выступление на приеме по случаю Дня России. 12 июня 2002 г. <http://archive.kremlin.ru/appears/2002/06/12/0001_type82634type122346_28953.shtml>.

народа, и огромным размерам нашей великой страны¹. Утрата новой Россией, строящей «поистине демократическое общество», прежнего международного авторитета, воспринималась как серьезная проблема.

С конца 2002 г. принцип построения путинских речей по случаям «постсоветских праздников» стал меняться. Выступая на приеме по случаю Дня Конституции, президент говорил: *Вот уже более десяти лет мы произносим ставшие привычными слова «новая Россия». Но если вдуматься, то мы так говорим о стране с тысячелетней историей, о стране, которая знала много примеров как ничем не ограниченной власти государства, так подчас и его неэффективности, слабости. Мы говорим о стране, в которой демократия и свобода личности в полном смысле выстраданы обществом*². При такой постановке вопроса, во-первых, акцентировалась идея преемственности Конституции по отношению к «тысячелетнему» прошлому (важно не то, что она «изменила природу российской государственности», а то, что она «выстрадана» предшествующими поколениями); во-вторых, событие, не вполне однозначно оцениваемое современниками, рассматривалось не с точки зрения его сегодняшней (отнюдь не очевидной) «отдачи», но по контрасту с еще более неблагоприятным прошлым. Изменение темпоральной схемы (взгляд на недавнее прошлое не с точки зрения проблем ныне живущих поколений, а «на фоне веков») открывало широкий диапазон риторических возможностей.

Новый подход был быстро взят на вооружение, и уже в следующем году, выступая на торжествах по случаю Дня России на Красной площади, Путин объяснял смысл этого праздника «из далекой перспективы»: *В этот день мы чествуем нашу Родину — страну с тысячелетней историей и уникальным наследием. Страну, соединившую на огромном пространстве множество народов, территорий, культур*³. Начиная с 2003 г. День России стал интерпретироваться не столько как напоминание о событии, послужившем прологом к рождению современного

---

¹ Там же.

² Путин В.В. Выступление на приеме по случаю Дня Конституции. 12 декабря 2002 г. <http://archive.kremlin.ru/appears/2002/12/12/1637_type63374type82634type122346_29631.shtml>.

³ Путин В.В. Выступление на торжествах по случаю Дня России. 12 июня 2003 г. <http://archive.kremlin.ru/appears/2003/06/12/1419_type82634type122346_47092.shtml>.

государства, сколько как повод заявить о преемственности «тысячелетней истории» и единстве «многонационального народа».

Однако фактура события, положенного в основу этого праздника, не вполне соответствовала такому способу его использования. Декларацию о суверенитете России можно было рассматривать как шаг на пути демократической трансформации «тоталитарного» Советского государства, распад которого был актом рождения новой России. Но коль скоро стержнем официального нарратива оказывалась не «новизна», а «преемственность», ценность Декларации становилась сомнительной. Не случайно после учреждения Дня народного единства, который изначально интерпретировался как «победа курса на укрепление государства за счет объединения, централизации и соединения сил»¹, Путин перестал выступать с речами в День России: новый праздник более точно отражал идею «тысячелетней государственности», ставшую стержнем его символической политики.

К сожалению, это была весьма абстрактная идея. С одной стороны, запас узнаваемых символов «тысячелетней истории», уже закрепленных в практиках общественной коммеморации, был невелик (советская символическая политика поддерживала память о дореволюционном прошлом весьма избирательно). Чтобы эффективно использовать этот ресурс, необходимо было целенаправленно заниматься «изобретением традиций», не рассчитывая при этом на быстрые результаты. С другой стороны, эту работу сложно проводить в отсутствие устоявшегося нарратива национального прошлого², оценка многих эпизодов которого

---

¹ Путин В.В. Выступление на торжественном приеме, посвященном Дню народного единства. 4 ноября 2005 г. <http://archive.kremlin.ru/appears/2005/11/04/1615_type82634type122346_96690.shtml>.

² *Национальный нарратив* понимается здесь как смысловая схема исторического повествования, которая описывает и «объясняет» генеалогию общества, полагаемого нацией, устанавливая связи между событиями. Такого рода схемы задают шаблоны для интерпретации конкретных эпизодов прошлого (см.: *Wertsch J.V.* Blank Spots in Collective Memory: A Case Study of Russia // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. No. 617. P. 58–71). Они являются важным механизмом социального конструирования идентичности (см.: *Somers M.R.* The narrative constitution of identity: A relational and network approach // *Theory and Society*. 1994. Vol. 23. No. 5. P. 605–649).

вызывает яростные споры. Предпочитая не вмешиваться в эту борьбу¹, властвующая элита работала с ресурсом прошлого по принципу произвольного выбора подходящих по случаю символов. Вместе с тем очевидно, что с середины 2000-х годов предпринимались определенные усилия по расширению актуального репертуара «тысячелетнего прошлого», хотя эта работа не отличалась особой системностью. Это третья тенденция, которую можно зафиксировать в результате нашего анализа. Если в течение первого срока Путина события отечественной истории до 1917 г. давали всего 16 % поводов для памятных речей, то в 2004–2008 гг. их доля возросла до 30 %; в массиве аналогичных выступлений Медведева она составляет 29 %.

Более детальный анализ тематического репертуара риторики президентов позволяет выявить характерные особенности поводов, выбранных для коммеморации «далекого» прошлого (см. табл. 1). Помимо празднуемого с 2005 г. Дня народного единства² наиболее частым основанием для обращения к событиям дореволюционной истории были юбилейные даты субъектов РФ, торжества в честь которых лоббировались региональными элитами: в 2003 г. праздновалось 300-летие Санкт-Петербурга³, в 2005 г. — 1000-летие Казани и 750-летие «города Кали-

---

¹ Инициированная недавно Путиным кампания по подготовке единой концепции школьного курса отечественной истории несомненно обусловлена потребностью в такой «общепринятой» смысловой схеме. Однако путь к ее выработке и легитимации лежит не через директивы государства, а через обстоятельные дискуссии специалистов (не только историков), широко освещаемые СМИ. И этот процесс трудно уложить в жесткие сроки (напомним, что срок соответствующего поручения правительству, данного в апреле 2013 г., — 1 декабря того же года).

² В 2005 г. Путин выступал с разъяснениями по поводу нового праздника даже дважды: вечером на торжественном приеме и днем перед учащимися московских вузов и курсантами военных училищ после возложения цветов к памятнику Минину и Пожарскому.

³ Весьма характерны рассуждения Путина относительно «пользы» данного события: «Это лишний повод вспомнить о величии нашего государства, об истоках величия России. Мы должны использовать, так же, как используют и в других странах, это событие общенационального уровня для развития и Петербурга, и всей страны...» (*Путин В.В.* Вступительное слово на заседании Государственной комиссии по подготовке к празднованию 300-летия Санкт-Петербурга. 13 января 2001 г. <http://archive.kremlin.ru/appears/2000/01/13/1334_type63378_121182.shtml>). Другие региональные юбилейные даты

Таблица 1

Тематический репертуар памятных речей президентов РФ, 2000–2013 гг.

Период, тип события	В.В. Путин, 2000–2004	В.В. Путин, 2004–2008	Д.А. Медведев, 2008–2012	В. В.Путин, 2012 — май 2013 г.	Всего выступлений
Отечественная история до 1917 г., в т.ч.	7	13	11	3	34
юбилейные даты субъектов РФ / история империи	4	4	3	1	12
история отечественной культуры	1	2	0	0	3
история государственных институтов и силовых структур	1	2	0	0	3
история военных побед	1	0	1	1	3
День народного единства	0	4	4	1	9
–иные поводы	0	1	3	0	4
Советская история, в т.ч.	24	25	21	11	81
Великая Отечественная война	14	13	13	7	47
День защитника Отечества	4	4	4	2	14
история государственных органов и силовых структур	2	1	1	2	6
история освоения космоса	0	2	1	0	3
история экономических достижений	2	0	0	0	2
история перестройки	0	0	1	0	1
День памяти воинов-интернационалистов	1	0	0	0	1
День памяти жертв политических репрессий	0	0	1	0	1
иные поводы	1	5	0	0	6
Постсоветская история, в т.ч.	14	5	6	2	27
День России	4	2	4	1	11
День Конституции	5	0	1	0	6
история государственного строительства	2	0	0	0	2
иные поводы	3	3	1	1	8
Всего выступлений	44	37	36	16	142

также «использовались» как повод «вспомнить о величии» и привлечь бюджетные средства для «развития». Существенным бонусом был и сам факт приезда главы государства в регион для участия в торжествах.

нинграда», в 2007 г. — 860 лет «со дня основания Москвы» (не вполне круглая дата) и 450-летие вхождения Башкирии в состав России, в 2009 г. — 1150-летие Великого Новгорода, в 2010 г. — 150-летие Владивостока и 1000-летие Ярославля, в 2012 г. — 1000-летие «единения мордовского народа с народами Российского государства». Как ни странно, поводы, связанные с историей отечественной культуры, государственных и военных институтов и даже военных побед, несмотря на их богатый символический потенциал, использовались лишь эпизодически, нередко в контексте зарубежных поездок¹. Вместе с тем и Путин, и Медведев с заметной регулярностью участвовали в юбилейных мероприятиях силовых структур², государственных корпораций³ и Русской православной церкви⁴. С учетом этого нетрудно предположить, что на

---

¹ Путин выступал по случаям юбилеев Большого театра и Мариинского театра, а также Московского университета. В 2006 г. он произносил речь на торжественном приеме, посвященном 100-летию российского парламентаризма. Он также выступал на юбилейных мероприятиях Конституционного (2001 г.) и Верховного суда (2003 и 2013 гг.) и на 10-летию арбитражных судов в России (2002 г.). Кроме того, в 2002 г. он участвовал в торжествах по поводу 200-летия образования в России Министерства экономики, а в 2006 г. и в 2012 г. — в празднованиях 100-летия подводного флота и Военно-воздушных сил России. 200-летие Бородинского сражения — единственное торжество по поводу победы русской армии до 1917 г., устроенное в России. Помимо него к данной категории можно отнести зарубежные выступления Путина на торжественной церемонии, посвященной 125-летию освобождения Болгарии, и Медведева на аналогичном мероприятии в честь 210-летия альпийского похода Александра Суворова.

² Официальные речи произносились также по случаям 85-летия и 90-летия Службы внешней разведки, 70-летия Воздушно-десантных войск. Кроме того, и Путин, и Медведев регулярно выступали не только в День защитников Отечества, но и в дни профессиональных праздников — Военно-морского флота, милиции / сотрудников ОВД России и работников государственной безопасности.

³ Президенты РФ регулярно принимают участие в праздновании юбилеев Газпрома. Путин выступал с речами по случаям 80-летия плана ГОЭЛРО и 70-летия ДнепроГЭС, а также на Первом железнодорожном съезде (в честь 170-летия РЖД).

⁴ Хотя собственно памятных речей, посвященных истории РПЦ, было немного (в 2007 г. Путин выступал на встрече с иерархами Русской православной церкви по случаю 90-летия восстановления патриаршества, в 2008 г. Медведев произносил речь в храме Христа Спасителя в связи с началом празднования 1020-летия крещения Руси), мероприятия, связанные с РПЦ, занимают значи-

график памятных выступлений главы государства влияют не только идеологические соображения, но и лоббистские усилия ведомств. Складывается впечатление, что значительная часть календаря юбилейных выступлений президентов, призванных «напомнить» отдаленное прошлое, формируется *ad hoc*, исключение составляет лишь День народного единства, целенаправленно учрежденный для коммеморации идеологически подходящего события «1000-летней истории».

Изменения в подходе к работе с национальным прошлым наметились в 2011 г.: в преддверии выборов члены властного «тандема» стали более активно использовать символический потенциал исторических событий, прежде обделенных их вниманием. Примером тому может служить выступление президента Д.А. Медведева по случаю 150-летия отмены крепостного права на конференции в Санкт-Петербурга, проводившее параллели между великими реформами XIX в. и современной модернизацией. В свою очередь, премьер-министр В.В. Путин накануне старта думской кампании попытался приспособить к «политическому моменту» юбилей П.А. Столыпина, выступив с предложением собрать средства на памятник этому государственному деятелю. Благодаря провозглашению 2012 г. Годом истории и подготовке юбилейных празднований 1150-летия русской государственности, 200-летия победы в Отечественной войне 1812 года и 400-летия событий Смутного времени был подготовлен целый ряд поводов для памятных речей, посвященных «тысячелетней истории». Однако, задуманные «под Медведева», они не были в полной мере реализованы Путиным. В частности, президент не участвовал в юбилейных торжествах в Великом Новгороде по случаю 1150-летия русской государственности, федеральная власть была представлена его полпредом по Северо-Западному округу.

В целом можно констатировать, что властной элите пока не удается использовать символический ресурс «тысячелетней истории» России в полной мере, что отчасти обусловлено не зависящими от нее обстоятельствами (недостаток «унаследованных» практик коммеморации событий дореволюционной истории, затянувшиеся поиски «общепринятого» нарратива национального прошлого), а отчасти определяется отсутствием систематической стратегии развития репертуара «актуаль-

---

тельное место в графике российских президентов. Они нередко имеют отношение к отечественной истории, однако их анализ — предмет самостоятельного исследования.

ного» прошлого. В общей массе памятных речей президентов за рассмотренные четырнадцать лет выступления, посвященные событиям дореволюционного периода, составляют лишь 24 %.

Таким образом, основная «нагрузка» по легитимации современной государственной политики авторитетом прошлого ложится на советское наследие. Какие его аспекты оказались наиболее востребованными в годы путинской «стабилизации» и медведевской «модернизации»? Наиболее часто используемым символом отечественного прошлого была и остается Великая Отечественная война: как отмечалось выше, на ее долю приходится 33 % памятных речей. Наше исследование выступлений по случаю Дня Победы показало, что активное использование темы Победы в 2000-х годах в политической риторике сопровождалось расширением ее символического репертуара за счет появления новых смысловых функций. Последние были связаны с артикуляцией ключевых тем «дискурса о нации» — национальной идентичности, автономии и единства, а также с возможностью репрезентировать Россию как «равную» и «подобную» «Западу»¹. Память о Великой Отечественной войне, будучи основательно институционализована в предыдущие периоды, оказалась одним из немногих моментов коллективного прошлого, безусловно «пригодных» для решения задач символической политики, поскольку ее значение не стало предметом оспаривания, во всяком случае в самой России. Не случайно Н.Е. Копосов высказал предположение, что миф о войне в постсоветской России выполняет функцию «мифа происхождения»², которую в силу резкого расхожде-

---

¹ См.: Малинова О.Ю. Политическое использование символа Великой Отечественной войны в постсоветской России: Эволюция дискурса властвующей элиты // Прошлый век. М.: ИНИОН РАН, 2013. С. 158–186.

² «Миф происхождения» (myth of origin) — это фундаментальный миф об историческом моменте, когда «нация» кристаллизовалась в своей «современной» форме (см. Schöpflin G. The Functions of Myth and a Taxonomy of Myths // Myths and Nationhood / Ed. by G. Hosking, G. Schöpflin. New York: Routledge, 1997. P. 33–34; Coakley J. Mobilizing the past: Nationalist images of history // Nationalism and Ethnic Politics. 2007. Vol. 10. № 4. P. 542–543). По мнению Копосова, миф о войне в каком-то смысле изначально имел такие функции, ибо легитимировал новые советские формы социальной организации, прошедшие «проверку» войной. В современных условиях «миф о войне в концентрированном виде выражает историческую концепцию нового режима» (Копосов Н.Е. Память строгого режима. История и политика в России. С. 163–164).

ния оценок не могут выполнять события, связанные с распадом СССР. На наш взгляд, принимая во внимание остроту конфликтов по поводу коллективного прошлого, едва ли можно говорить о «мифе происхождения» применительно к современной России, ибо функции такого мифа вытекают из коллективно разделяемого метанарратива, который определяет смысл(ы) тех или иных событий¹. Вместе с тем очевидно, что символ Великой Победы благодаря его интенсивному политическому использованию, с одной стороны, и укорененности в массовом сознании — с другой, выступает в качестве важной узловой точки современной российской идентичности.

Вторая по частоте использования в памятных речах «советская» тема — это история ныне действующих государственных органов и силовых структур (сюда же можно отнести и ежегодные речи по случаю Дня защитника Отечества). Регулярные обращения к данной теме хорошо вписываются в контекст «укрепления государства», построенного из «узлов» советской сборки. В то же время на удивление мало внимания в мемориальной риторике уделено достижениям советской науки и культуры², освоению космоса³ и истории экономических успехов, несмотря на то что эти темы могли бы оказаться близки представителям старших поколений, трудом которых они были созданы.

Памятные речи президентов РФ редко касались «трудных» страниц отечественной истории. Тем примечательнее немногие исключения из этого правила. Во-первых, к числу таковых следует отнести выступле-

---

¹ См.: *Gill G. Symbols and Legitimacy in Soviet Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011; *Gill G. Symbolism and Regime Change: Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

² К этой категории можно отнести лишь выступления Путина на встречах с творческой интеллигенцией — посвященной 100-летию со дня рождения Дмитрия Лихачева (2006 г.) и с творческим коллективом газеты «Комсомольская правда» по случаю ее 80-летия (2005 г.), а также его речь на торжественной церемонии по случаю празднования 75-летия со дня начала отечественного телевидения (2006 г.).

³ К этой теме первые лица РФ обращались на протяжении рассматриваемого периода трижды: Путин в 2005 г. выступал на торжественном собрании, посвященном 50-летию со дня основания космодрома Байконур, и в 2007 г. на торжественном вечере, посвященном 100-летию со дня рождения Сергея Павловича Королева, а Д. Медведев — в юбилейном 2012 г. произнес речь в День космонавтики.

ние Путина на собрании, посвященном Дню памяти воинов-интернационалистов (2004 г.). Президент не только использовал этот повод, чтобы косвенно осудить действия США в Ираке (*Афганская война подтвердила, что никто не имеет права вмешиваться в жизнь другой страны и что ни коммунизм, ни демократию, ни рынок нельзя насаждать силовыми решениями*), но и по-человечески отдал дань уважения тем, кто, «следуя присяге», прошел через афганскую войну, а по возвращении столкнулся «с непониманием, равнодушием, и даже осуждением»¹. Вторых, следует упомянуть выступление Медведева в видеоблоге, выложенное в 2009 г. в День памяти жертв политических репрессий, в котором президент с несколько неожиданной стороны подошел к теме фальсификации истории. Он сказал: «Мы... почему-то зачастую считаем, что речь идет только о недопустимости пересмотра результатов Великой Отечественной войны. Но не менее важно не допустить под видом восстановления исторической справедливости оправдания тех, кто уничтожал свой народ». Слова Медведева о том, что «память о национальных трагедиях так же священна, как память о победах»², а также высказанная им в 2010 г. в интервью «Известиям» «государственная оценка» фигуры Сталина³ — это редкие случаи, когда первое лицо госу-

---

¹ Путин В.В. Выступление на собрании, посвященном Дню памяти воинов-интернационалистов. 14 февраля 2004 г. <http://archive.kremlin.ru/appears/2004/02/15/1615_type63374type63376type122346_159652.shtml>.

² Медведев Д.А. Память о национальных трагедиях так же священна, как память о победах. Новая видеозапись в блоге Дмитрия Медведева в День памяти жертв политических репрессий. 30 октября 2009 г. <<http://www.kremlin.ru/transcripts/5862>>.

³ В канун празднования 65-летия Победы, отвечая на вопрос корреспондента, Медведев сформулировал «государственную оценку» фигуры Сталина следующим образом: «Сталин совершил массу преступлений против своего народа. И, несмотря на то что он много работал, несмотря на то что под его руководством страна добивалась успехов, то, что было сделано в отношении собственного народа, не может быть прощено». При этом он политкорректно подчеркнул: «Люди, которые любят Сталина или ненавидят Сталина, имеют право на свою точку зрения <...> Другой вопрос, что такого рода личные оценки не должны влиять на государственные оценки» (*Медведев Д.А.* «Нам не надо стесняться рассказывать правду о войне — ту правду, которую мы выстрадали» // *Известия*. 2010. 7 мая.<<http://www.izvestia.ru/pobeda/article3141617/>>).

дарства занимало однозначную позицию, не уходя от оценки «трудных» страниц отечественной истории. Примечательно, что в обоих случаях это было сделано не в речи перед аудиторией, а в записи, через СМИ. Напомним, что в 2007 г., когда отмечалось 70-летие начала массовых расстрелов, В. Путин также совершил символический жест в День памяти жертв политических репрессий, посетив бывший полигон НКВД в Бутово вместе с патриархом Алексием II. Однако президент не произносил по этому случаю памятных речей, он просто «почтил память святых новомучеников и всех “за веру и правду пострадавших”»¹. Это был акт соболезнования страданиям погибших, а не оценка государственной политики прошлого.

Эти немногочисленные исключения лишь подчеркивают правило: советское прошлое, составляющее основу актуального символического багажа власти в рассматриваемый период, использовалось весьма избирательно. Наиболее востребованными его элементами были Великая Отечественная война и история государственных органов и силовых структур, которые остаются частью современной государственной машины. В гораздо меньшей степени был «задействован» символический потенциал достижений советской науки и культуры, многие из которых постсоветской России не удалось удержать. Первые лица государства крайне редко говорили о наиболее трудных страницах истории XX в., вызывающих острые разногласия в обществе.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что для властвующей элиты «нулевых» годов советское прошлое представляло интерес в той мере, в какой его можно было использовать в технике коллажа для иллюстрации образа «тысячелетнего» «сильного государства», играющего роль стержня официальной версии современной российской идентичности. Преобладание этого символического ресурса в мемориальной риторике президентов, на наш взгляд, следует объяснять не «ностальгией» по СССР, а тем, что благодаря живому опыту населения и наследию уже институционализированной памяти его легко актуализировать для решения современных задач.

Очевидное стремление властвующей элиты расширить репертуар политически «пригодных» событий, иллюстрирующих «тысячелетнюю

---

¹ См.: В день памяти жертв политических репрессий Святейший патриарх Алексий и президент России посетили Бутовский полигон // Официальный сайт Московского патриархата. <<http://www.patriarchia.ru/db/text/314768.html>>

историю» России, пока не воплотилось в систематическую стратегию. Анализ поводов для «юбилейных» выступлений первых лиц заставляет предположить, что на их выбор заметное влияние оказывают соперничающие группы интересов, при этом ведомства, отвечающие за образование, науку и культуру, явно уступают по своим лоббистским возможностям силовым структурам, государственным корпорациям и отдельным регионам. Единственное «системное» символическое решение — учреждение Дня народного единства — пока не дает ожидаемого эффекта: смысл праздника остается непонятным как для обычных граждан, так и для лидеров мнений¹. Фактически на данный момент День народного единства успешно используется лишь организаторами «Русских маршей», что едва ли входило в планы его «авторов».

Вместе с тем в результате смены курса символической политики в начале 2000-х годов оказались частично демонтированы практики коммеморации событий новейшей российской истории, складывавшиеся в предыдущее десятилетие. На наш взгляд, это не слишком далеко видно с точки зрения формирования идентичности макрополитического сообщества, стоящего за современным Российским государством, которое во многих отношениях является *новым*: институционализируемая в виде праздников, традиций и ритуалов память о недавнем прошлом — это символическая инвестиция, с которой нужно продолжать работать в расчете на «отдачу» в более далекой перспективе.

Представленный выше анализ памятных речей показывает, что акторы, определяющие государственную символическую политику, не только используют имеющийся в наличии репертуар «актуализированного» прошлого (преимущественно советского), но и предпринимают определенные шаги для его развития, прежде всего в части конкретизации «тысячелетней истории» России. Однако этим усилиям явно недостает системности, которая тем более необходима, если учесть, что при составлении рабочих графиков президентов приходится принимать в расчет множество факторов.

---

¹ См.: Ефремова В.Н. День народного единства: Изобретение праздника // Символическая политика. Вып. 1. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М.: ИНИОН РАН, 2012. С. 286–261.

П.В. Тарусин

РОЛЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОЙ КОНТРЭЛИТЫ В ОБНОВЛЕНИИ ПРАВЯЩЕГО РЕЖИМА

Данная статья посвящена исследованию понятия «контрэлита», поиску и обоснованию методологических инструментов и способов применения данного теоретического конструкта, которые позволяют спрогнозировать потенциальные формы и содержание рассматриваемого явления в конкретных исторических ситуациях и политических процессах. Контрэлита описывается как особое явление социальной и политической реальности, возникающее на этапах «переучреждения» политического порядка и уходящего типа правящей элиты, в качестве потенциального «могильщика» и преемника последней. Автором на основе структурно-функционального подхода уточнено разграничение явлений контрэлиты и политической оппозиции, рассмотрены процессы и условия перехода политической власти от правящей элиты к контрэлите и перспективы становления различных групп российского протестного движения в качестве контрэлиты.

Применение предложенного конструкта показывает, что в ближайшей и среднесрочной перспективе в России при существующем состоянии правящего режима и политической культуры населения отсутствуют объективные и субъективные предпосылки и условия, необходимые для возникновения контрэлиты в качестве ответственной и легитимной политической силы. Тем не менее, несмотря на мощное противодействие правящей верхушки, последовательно продолжается становление тех социальных групп и политических сил, которые потенциально способны в определенных обстоятельствах идейно и организационно оформить «контрэлитный запрос» общества.

Ключевые слова: *правящая элита, контрэлита, политическая оппозиция, политический режим*

Предметное (с точки зрения процессов элитогенеза) изучение распада социалистической системы, причин расхождения целей и итогов «цветных революций», а также традиционно неуспешных попыток демократизации политического устройства в России настраивает на уточнение представлений по поводу субъекта политического оппонирования, способного выступить в качестве агента трансформации правящего

режима и элиты. Отставание с концептуальным переосмыслением данного феномена оборачивается запутанностью и противоречивостью научных подходов к процессам обновления типа правящего режима и его руководства, подменой понятий и односторонностью трактовок происходящих событий, что в конечном итоге ограничивает состоятельность разрабатываемых схем и моделей политического реформирования. Уточнению сущности и функционально-ролевых параметров данного субъекта, описываемому в категории «контрэлиты», оценке перспектив его развития в России посвящена настоящая работа.

Автор намеренно не стал углубляться в описание внешних параметров или типологии данного явления, так как толкование понятия «контрэлита», объем и содержание описываемого им явления, приобретают реальное наполнение в зависимости от специфики решаемых исследовательских задач и познавательной ситуации конкретно разворачивающегося социально-политического кризиса. Наложение данного понятия на некие абстрактные условия развития общества или режима не имеет эвристической ценности и смысла. Поэтому задачи исследования ограничились не ретроспективной фиксацией состояний и параметров контрэлиты, а поиском и обоснованием методологических инструментов и способов применения данного теоретического конструкта, позволяющих прогнозировать потенциальные формы и содержание рассматриваемого явления в конкретных ситуациях и процессах.

Эмпирическим основанием проведенного анализа стали по большей части не социологические выкладки, обладающие смыслом не сами по себе, но приобретающие его в конкретной концептуальной аранжировке, а совокупность личных впечатлений и качественных оценок и интерпретаций рассматриваемых явлений со стороны их непосредственных наблюдателей и участников. В связи с событиями, протекающими на Украине, автор вынужденно вышел за хронологические рамки проводившегося семинара.

УТОЧНЕНИЕ ПОНЯТИЙ

В толковании феномена субъекта политического оппонирования можно выделить два основных подхода, каждый из которых через призму социально и исторически обусловленных научных представлений отражает принципиальное различие в состоянии и условиях развития конкретных обществ и соответствующих им типов политических режимов. Оба подхода основываются на идеях В. Парето, который, с одной

стороны, выделил два типа элиты: правящую и неправящую. Последнюю ученый идентифицировал в качестве контрэлиты, указав на принципиальное отличие от правящего сословия ее качественных характеристик, способностей, характера компетентности. С другой стороны, им было отмечено, что при существующем политическом порядке контрэлита в силу присущего ей социального статуса и сословных барьеров не обладает реальными возможностями обретения политической власти.

Для существующих реалий современного западного общества и демократического типа политического устройства, сталкивающихся скорее с проблемами новаций властных структур и порядков, нежели с масштабными требованиями их коренной трансформации, принято оперировать категорией *co-opt-elite* («кооптированные элиты»), удачно вписывающейся в концепции «демократического элитизма», «элитного плюрализма» и других. Отметим, что именно для демократических режимов характерно наличие встроенных, легко перенастраиваемых и доступных механизмов учета, согласования и разумного удовлетворения политических и иных притязаний разнообразных социальных групп, а процедуры ротации правящей верхушки поддерживают достаточно высокий уровень ее компетентности. Отсутствие социального запроса, самой потребности в радикальном обновлении политического порядка и элиты делает не востребуемыми и даже бессмысленными научные попытки идентифицировать субъекта политического оппонирования в качестве угрозы существующему режиму.

Источники и субъекты новаций демократических режимов и форм правления *предполагаются* заключенными внутри «плюралистичной» элиты, группировки которой, конкурируя в борьбе за власть, вынуждены подстраивать функционирование последней под интересы и запросы общества. Считается, что победившая на выборах политическая сила становится правящей, а проигравшая — не правящей элитой, чем и осуществляется регулярная смена господствующих политических элит контрэлитами, причем обеим оппонировавшим сторонам в целом присущи отношения кооперативного сотрудничества. Борьба за власть представляется игрой с ненулевой суммой, обеспечивающей прагматичное использование «элитных сетей» и ресурсных потоков в интересах всего общества. Тем самым феномен политического оппонирования приобретает весьма широкое содержание, включая всю совокупность многочисленных социальных сил и групп, противостоящих по разным

поводам существующей власти и стремящихся к ее завоеванию. Различия между терминами «политическая оппозиция» и «контрэлита» становятся несущественными, и обозначаемые ими явления рассматриваются как близкородственные.

Этот подход поддерживают и авторитетные отечественные элитологи. Так, с точки зрения О. Гаман-Голутвиной, контрэлита представляет собой конкурентов действующей власти, оказывающих влияние на принятие стратегических политических решений. Фактически в ее качестве выступает высший эшелон политической оппозиции¹. Группа авторов в составе Г. Ашина, А. Понделкова, А. Старостина, С. Кислицына считает, что оппозиция всегда является конкурентом правящей политической элиты и в широком смысле сама по себе представляет собой контрэлиту². В узком смысле слова контрэлита рассматривается ими как совокупность лиц, оппозиционных власти, претендующих в случае победы на выборах или иным образом на высшие должности.

Данный подход позволяет достаточно успешно решать научные проблемы, связанные со структурированием социальных страт и элитных группировок относительно распределения политической власти в рамках «зрелых» демократий, а также изучать процессы взаимодействия политических субъектов по оспариванию права на властные полномочия. Однако политическая практика показывает, что попытки имплементировать подобные концептуальные конструкты для «демократизации» недемократических режимов, тем более в условиях традиционных обществ, неизменно приводят к кардинальному расхождению первоначальных ожиданий и конечных результатов. Особенно наглядно это проявляется на примере так называемых «цветных революций», когда упорное следование идеализированным схемам приводит к распаду основ государственного порядка, что, в свою очередь, упраздняет сами условия перехода к демократическому транзиту.

Противоположные представления, производные от теорий «классовой борьбы», основаны на том, что в недемократических режимах для отдельных социальных слоев проблема реализации собственных интересов и целей ставится не в терминах завоевания власти в рамках

---

¹ *Гаман-Голутвина О.В.* Политические элиты и политическое лидерство // Политология: лексикон / Под ред. А.И. Соловьева. М.: РОССПЭН, 2007. С. 507.

² *Ашин Г.К., Понделков А.В., Старостин А.М., Кислицын С.А.* Основы политической элитологии. М.: Книжный дом «Либроком», 2013. С. 437.

существующего политического порядка, но в плоскости коренной трансформации последнего и обновления состава его руководства. Отмеченные тенденции предопределены неизбежным неравноправием в доступе к власти, предоставляемом различным социальным силам институтами и структурами политических режимов, изначально настраиваемых как инструмент доминирования конкретных социальных страт, а также ограничениями в реализации предлагаемых институциональных возможностей, накладываемыми групповыми идеалами, ценностями и установками. Субъект реализации властных притязаний подобных слоев рассматривается в «узком» смысле в категории *counter-elite* и качественно выделяется среди оппонировавших власти политических сил.

Оппонирование элиты и *counter-elite* представляет игру с нулевой суммой, победитель получает все и бесповоротно. Смена правящей элиты контрэлитой происходит в форме необратимого устранения первой из властного пространства, а зачастую и социальной структуры общества. При этом институт элиты сохраняется, но приобретает иное качественное наполнение. При этом речь идет не о тотальном замещении состава правящей элиты контрэлитой, а только о радикальном обновлении ее деятельностных паттернов. Поэтому количественно фиксируемые параметры преобразованных внешних форм правящей элиты зачастую не способны дать адекватное представление относительно качества нового элитного содержания.

Для нынешнего российского общества и существующего устройства власти невозможно применить некое единое понятие для акторов, оппонировавших правящей верхушке. Слишком уж они различны по своим качественным характеристикам, социальному статусу, функционально-ролевым нагрузкам в протекающих политических процессах, а главное, по условиям борьбы за государственную власть и возможностям ее завоевания. Упрощенно совокупность оппонентов отечественной правящей элиты можно разделить на две неравные части, что (подсознательно?) отражает распространенная классификация российской оппозиции на «системную» и «несистемную» (непримиримую).

Если следовать логике В. Парето, то к контрэлите надо отнести именно несистемную часть оппозицию, шансы которой на попадание во власть при существующем политическом режиме фактически сведены к нулю, а для обозначения системной оппозиции, реально участвующей в тех или иных формах в осуществлении власти, использовать понятие «политическая оппозиция». Однако не стоит буквально прила-

гать термин «контрэлита» к нынешней несистемной оппозиции, потенциально неспособной завоевать власть, что по определению исключает ее элитарный статус. Это понятие — несистемной оппозиции — более применимо для характеристики социального, политического, идеологического «протестного коктейля», современного аналога советского *диссидентства* — эклектичную и организационно несводимую совокупность неконструктивных критиков правящего режима, эксплуатирующих отдельные проблемные сферы или сюжеты публичного дискурса.

Для того чтобы выделить сущностные черты «контрэлиты», попытаемся развести «взаимно отождествляемые» явления и, выявив их сущностные расхождения, переопределить в итоге соотношение между ними. С целью избежать логически замкнутого круга, возникающего при сопоставлении явлений через их понятия, которые, в свою очередь, уточняются через содержание описываемых феноменов, выберем концепт правящей элиты¹ в качестве независимого индикатора сравнения, проведя последнее по двум основаниям: различие функционально-ролевых нагрузок в системе власти, а также идейно-ценностных установок их деятельности.

Структурные и функционально-ролевые различия правящей элиты и политической оппозиции не носят принципиального характера, фиксируя лишь текущее распределение властных полномочий среди разных групп правящей верхушки. Как подметил Г. Дорсо, политический класс, как технический, хотя и весьма самостоятельный инструмент господствующего класса, в ходе политических процессов и взаимодействий распадается на управляющий и оппозиционный слой², подвижные в своем составе и формах. Политическая практика не подтверждает распространенных представлений о регулярном «чередовании во власти элит и контрэлит», каждой из которых присущи принципиально

---

¹ Автор рассматривает правящую элиту в качестве функциональной группы, а именно «совокупности индивидов, занимающих значимые позиции в социальных, политических, экономических институтах, позволяющие им осуществлять интегративные и стабилизирующие функции в современном обществе и его подсистемах и в связи с этим имеющих возможность принимать решения по распределению основных общественных ресурсов». См.: Дука А.В. Институционализация политико-административной элиты в Санкт-Петербурге // *Полития*. 2003. № 2.

² Dorso G. *Dittatura Classe Politica e Classe Dirigente*. Roma: Laterza, 1986.

различные подходы к содержанию и методам осуществления государственного курса. Ограниченная ротация характерна лишь для весьма малочисленной категории избираемых публичных политиков и их ближайшего окружения из состава политической элиты, но не свойственна ее наиболее массовому политико-административному сегменту, а также отраслевым элитам. И этому есть объективные причины.

Регулярное (на краткосрочных или среднесрочных отрезках) обновление качественных оснований и целей проводимого курса препятствует устойчивому развитию общества. Для обеспечения преемственности в функционировании и воспроизводстве властных структур и институтов обновление их руководства следует производить из когорты лиц, обладающих схожими качественными характеристиками, идейно-ценностными установками служебной деятельности, разделяющими миссию и цели существования правящего режима. Неизбежные расхождения по поводу стилистики функционирования данных структур и институтов, методов, темпов и средств достижения целей не являются принципиальными и служат лишь основаниями размежевания правящей элиты на группы, которые в зависимости от состояния социального запроса или возникших условий периодически отстраняются или возвращаются к власти. Тем самым понятие политической оппозиции описывает состояние части правящей элиты, временно отстраненной от рычагов публичной власти, но которая сохраняет влияние на механизмы принятия решений¹.

В силу собственного опыта, социального статуса и наработанных связей группы, уходящие в политическую оппозицию, сохраняются в «сетевом ландшафте» процессов выработки ключевых решений, что позволяет им влиять как на содержание проводимого курса, так и на поддержание форм функционирования властных структур и институтов. Но дабы не утратить претензии на власть, политическая оппозиция вынуждена бороться за возвращение к ней исключительно в легальных рамках принятого политического порядка и элитных норм и ценностей. Этим гарантируется ее принадлежность к привилегированному слою правящего класса и сохранение социального статуса, моделей потребления и поведения наравне с группировками, наделенными властью.

---

¹ На единство правящей элиты, условность ее деления указывает и О. Крыштановская: *Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты*. М.: Захаров, 2005. С. 74.

Политическая оппозиция является важным институтом политического режима, выполняя специфические, крайне необходимые для его воспроизводства функционально-ролевые нагрузки, как, например, минимизация рисков принятия неверных решений. Противодействие оппозиции, ее обращение к обществу вынуждает правящую верхушку тщательно «выверять» принимаемые решения и следовать формальным алгоритмам их утверждения и реализации. Кроме того, восстановление утраченной легитимности правящей элиты осуществляется путем «призыва во власть» именно сил политической оппозиции, формально не запятнавших себя ответственностью за негативные последствия ранее принятых решений и действий. В итоге недовольство существующим режимом канализируется в отношении конкретных, отстраняемых от власти персоналий и элитных групп, но не элиты в целом. Тем самым ротация элитных групп во власти, точнее, смена статусов «правлящих» на «неправлящих» и наоборот, способствует воспроизводству политического режима и самой элиты.

Таким образом, специфика функционально-ролевых нагрузок политической оппозиции, ограниченность реформаторского потенциала рамками существующей модели властного порядка не позволяют ей выступать в качестве субъекта обновления политического режима и типа правящей элиты. Попытки решить подобные задачи исключительно путем перераспределения власти среди элитных группировок, ценностно-смысловые установки и модели деятельности которых принципиально не различаются, как показывает история отечественных и не только реформ, не приносит желаемых результатов.

Контрэлиты также присущи специфические роли и функции в системе власти, пусть формально и не связанные с ее реализацией. Преобразуя протестный потенциал недовольной части общества в собственный политический ресурс, она усиливает контроль социума над властью, препятствует закрыванию правящей элиты, принуждая последнюю «абсорбировать» наиболее деятельный элемент из внеэлитных слоев, а также служит мультипликатором существующих подходов к направлению государственного курса и оценок политических явлений и событий.

Однако ключевая системная функция контрэлиты заключается в следующем. В эволюции любого типа правящей элиты неизбежно наступает момент, когда ее возможности и властные потенции перестают соответствовать характеру стоящих перед социумом проблем и вызо-

вов. И если вырождение и историческая обреченность прежних форм и оснований политического правления, носителем которых выступает правящая элита, становятся очевидными и опасными для общества, последнее переходит к поиску новых, более соответствующих требованиям времени установок, принципов и моделей функционирования власти, субъектом учреждения которых становится именно контрэлита.

В итоге содержательно возникающие кризисы разрешаются за счет качественного обновления идейно-ценностных оснований социально-политического и экономического порядка посредством перехода власти в руки контрэлиты, сумевшей предложить более реалистичные и адекватные подходы к выработке целей и методов реализации приоритетов общественного развития. Преодоление функционального ступора властных структур и институтов происходит как за счет переосмысления оснований и форм их деятельности, так и за счет обновления деятельностных и мировоззренческих установок их руководства, но в непрерывной гармонии с политической культурой большинства населения и текущим состоянием общественного сознания.

Этим и обуславливается полярное расхождение *идейно-ценностных установок* контрэлиты и политической оппозиции. Оппозиция, борясь и достигая власти в рамках существующего политического порядка, не заинтересована в его разрушении и в целом разделяет идеологию режима и общие ценности правящей элиты. Возникающие противоречия носят, как правило, второстепенный, несущественный характер. В отличие же от оппозиции контрэлита борется не с группировкой, временно господствующей во власти, а выступает за переустройство установленного политического порядка на новых основаниях, ведь только в этом случае у нее появляются реальные возможности для завоевания государственной власти. Она неудержимо выходит за рамки режима, представляя собой *потенциально* новый тип элиты с принципиально иными качественными характеристиками и ориентационными установками функциональной деятельности¹.

При этом контрэлита вступает с правящей элитой в бескомпромиссный конфликт по крайне широкому спектру вопросов, затрагивающих основы политического и социального порядка, модели, нормы и ценности функционирования системы власти, формы и содержание поли-

---

¹ Семантически приставка *contre* означает противостояние сущностей сравниваемых явлений.

тических коммуникаций с обществом, что способствует «отстройке» ее идейного позиционирования в политическом пространстве от конкурентов. Идейный антагонизм контрэлиты способствует расширению спектра поиска востребованных временем путей, целей и форм развития общества и соответствующих им моделей организации власти.

Вместе с тем расхождение идейно-мировоззренческих позиций правящей элиты и контрэлиты и их ценностных установок наблюдается в разных пропорциях. Ценности как социокультурная категория, отвечающая за воспроизводство архетипов группового сознания и поведения, обладают более стабильной природой, что обуславливает их частичный «ренессанс», неоднократно наблюдаемый в истории отечественного элитогенеза, в ориентационных установках пришедшей к власти контрэлиты. Неизбежная близость ценностных оснований сменяющихся типов элит обеспечивает известную меру преемственности процессуальных (внешних) форм функционирования власти. Идейное же противостояние элиты и контрэлиты отражает и обеспечивает жизненно важные, как правило, несовместимые в рамках недемократических режимов интересы различных социальных слоев, борющихся за политическое господство. В силу этого идейные основания сменяющихся друг друга режимов и элит приобретают качественные отличия, пусть при внешней схожести их властных практик.

Очертив сущностные различия политической оппозиции и контрэлиты, можно уточнить понятие последней. *Контрэлита* — особое явление социальной и политической жизни, возникающее на этапах «перестройки» политического устройства и уходящего типа правящей элиты в качестве потенциального «могильщика» и преемника последней. Она воплощает весьма редкие и уникальные состояния (формы) предвластных сил. Случайно возникающие и более не воспроизводимые комбинации условий и состояний процессов социально-политического кризиса обуславливают разнообразие и несхожесть типов контрэлит. Временный же характер существования, размытость форм не позволяют в достаточной для типологизации степени развернуть сравнительные параллели между ними.

В широком смысле контрэлита представляет собой достаточно эклектичную по составу и подвижную в своих формах совокупность противостоящих правящему режиму социальных, политических и культурных кругов, лишенных фактического доступа к власти при существующем политическом устройстве. В узком понимании она может

быть отождествлена с «контрэлиным ядром»¹ — центральным руководящим и представительным элементом ее достаточно аморфной и разобщенной структуры, который связывает в относительное единство протестное сообщество социальных и политических маргиналов. Качественный состав и идеологическая платформа ядерной части контрэлиты задает программатику ее действий, связанную с борьбой за достижение политической власти, а также с трансформацией структур правящего режима.

Контрэлитное ядро составляется как из отлученных от власти бывших представителей правящей элиты, сознающих невозможность возвращения в прежний статус при существующем политическом порядке, так и их временных попутчиков из высшего социального слоя и представителей интеллектуального истеблишмента. Без таких лиц, обладающих опытом функционирования во власти, а также даром создавать формы и смыслы, мобилизующие социальную поддержку, контрэлита не в состоянии ни убедить общество в обоснованности собственных властных притязаний, ни переориентировать на свою сторону управленческий аппарат, ни расколоть единство правящей верхушки, сделав ее неспособной к продолжению борьбы за власть.

ПРОЦЕССЫ И МЕХАНИЗМЫ ЗАВОЕВАНИЯ ВЛАСТИ КОНТРЭЛИТОЙ

Социальные основания контрэлиты находятся вне господствующего класса, она опирается на слои общества, ищущие адекватные своим ценностным установкам формы и механизмы реализации собственных интересов. Именно идейный плюрализм общества служит «питательным бульоном» для возникновения и развития сил и движений, конфликтующих с существующим социальным и политическим порядком. Генерируемое снизу на неформальных площадках, в том числе и в протестной среде, разнообразие подходов и взглядов на проблемы социальной эволюции проникает в сознание части творческого и интеллектуального истеблишмента, который и придает им законченные идейно-концептуальные формы. Однако, хотя «зачатки» контрэлиты появляются в сферах, наименее подверженных властному регулированию: гуманитарной, правозащитной, культурной, интеллектуальной, независимых СМИ, — конкретные формы и обстоятель-

---

¹ Термин, предложенный С. Кислицыным в ходе научной дискуссии.

ства их развития задаются процессами, протекающими в лоне существующих социальных и политических институтов. Ведь именно деятельность последних создает (или не создает) условия для появления и политического структурирования социальных сил, целенаправленно стремящихся к кардинальному обновлению политического устройства.

Процессы развития контрэлиты разворачиваются в контексте отношений элитных и неэлитных слоев, и обстоятельства ее появления в решающей степени зависят от состояния, форм и содержания последних: власть «сама порождает своего могильщика». Соответственно, возникает треугольник взаимодействий, в котором контрэлита до определенного момента играет второстепенную роль, выдвигаясь на первый план только в случае стойкой некомпетентности, неспособности элиты и далее организовывать властное регулирование и массовые коммуникации. Подобная ситуация создает потенциал и потребность обновления системы отношений в указанном треугольнике на новых основаниях и выводит контрэлиту на роль «первой скрипки». Опосредуя дисфункции взаимодействия элиты и неэлиты, она перестраивает формы и качественное содержание существующего политического порядка. Однако в зависимости от характера и масштабов подобного «посредничества», факторов субъективного порядка и личностного выбора контрэлита может приобретать и качество политической оппозиции, интегрируясь в состав правящей элиты.

К необходимым условиям появления и структурирования контрэлиты следует отнести следующие:

- устойчивую некомпетентность правящей элиты, не позволяющую своевременно и целенаправленно задействовать имеющиеся инструменты и механизмы разрешения возникающих кризисов, что критически расширяет состав социальных сил, активно противопоставляющих себя существующему режиму;
- появление в социальной структуре общества групп, интересы которых невозможно по тем или иным причинам реализовать в существующей архитектуре правящего режима;
- ограниченность способов и механизмов социального и властного регулирования, присущих недемократическим формам политического устройства;
- наличие интеллектуальной прослойки, способной реализовать конфликтный потенциал выступающих против режима социальных

сил, идейно и организационно оформить выдвигаемые претензии по смене существующего властного порядка и обеспечить этим притязаниям массовую поддержку.

Важнейшим же фактором институционализации контрэлиты является соразмерность, соотнесенность темпов структурирования ее ядра и протестной радикализации отрицающих существующий политический порядок частей общества, скорость и характер их взаимного сближения и интеграции. При значительном расхождении динамики и соразмерности данных процессов, отсутствии точек взаимного соприкосновения контрэлита как явление оказывается несостоятельной.

Заметим, что контрэлиту невозможно вырастить (импортировать) извне. Как показывает политическая практика, «искренние», но неумело замаскированные порывы западных партнеров поддержать и выпестовать подопечное российское протоконтрэлитное ядро всякий раз обращаются против последнего, приводя к утрате им общественной поддержки, которая в подавляющем своем объеме перетекает к правящим кругам. Между тем, стремясь подтолкнуть отечественную правящую верхушку к реформированию политического порядка в моменты, наиболее благоприятные для либерализации последнего, западные контрагенты создавали «рукотворные» кризисы, купировавшие открывающиеся возможности и отбрасывавшие режим и элиту в сторону усиления государственного регулирования и ужесточения властных практик.

Нечто подобное мы наблюдаем и в 2014 г. Нетерпение западных партнеров и неприемлемость для них фигуры В. Путина перешли в открытое давление на существующий режим, что способствовало консолидации населения вокруг фигуры лидера, реформатированию повестки публичного дискурса в защиту существующего властного порядка и, как следствие, полному выпадению протоконтрэлитного ядра из публичного и информационного пространства. «Закручивание гаек» по ограничению пространства и форм политической конкуренции и общественного протеста получило легитимное основание.

Функционирование властных структур в общественной среде непрерывно сопровождается процессами «мутации» политического режима и его руководства, т.е. качественными отклонениями от базисных, опривыченных шаблонов и паттернов деятельности. В зависимости от обстоятельств возникающие «метастазы» способны приобретать самые причудливые формы и состояния, но, как правило, они своевре-

менно купируются фильтрами, включенными в механизмы и каналы элитного комплектования, контролируемые правящей стратой.

Противодействуя возникновению и структурированию контрэлитного ядра, правящая верхушка стремится сохранить в сфере собственного притяжения отставные элитные персоны, которые обладают значительным уровнем общественного доверия и способны при определенных обстоятельствах стать аттракторами, объединяющими вокруг себя разнородных противников режима. Стратегия «бархатной» постэлитной экстрадиции критически ограничивает кадровые ресурсы потенциального контрэлитного ядра, а также перспективы его структурного оформления. Одновременно, дабы не допустить появления общей для контрэлиты идейно-мировоззренческой платформы, оформляющей ее властные претензии и интересы, руководство режима достаточно жестко контролирует содержание идеологического дискурса, заигрывает и привлекает на свою сторону наиболее ярких и признанных в обществе представителей творческого истеблишмента. Наряду с действиями по сплочению правящего класса и самой элиты это способствует поддержанию в массах представлений о безальтернативности существующей власти, отсутствия у нее достойных и компетентных конкурентов.

Однако рано или поздно наступает период, когда «встроенные ограничители» перестают функционировать в предписанном им порядке. Повторяющиеся кризисы легитимности политического режима меняют запрос на модели и цели его функционирования, на качества и ценности руководства, обновляя по необходимости механизмы и каналы комплектования последнего. Но вследствие «ригидности» адаптивных механизмов недемократических режимов перед контрэлитой открывается «окно возможностей». Несмотря на сохраняющийся у правящей элиты административный ресурс, именно ее оппонент, опираясь на ресурсы вновь нарождающегося и осознающего свои интересы господствующего класса, оказывается в состоянии более эффективно и с выгодой для себя распорядиться возможностями, которые предоставляют формально вводимые демократические процедуры выборов руководства властных структур для установления собственного контроля над последними.

Наступает достаточно растянутый по времени этап «конкурентного сосуществования» правящей элиты и контрэлиты, когда первая постепенно теряет контроль над структурами и институтами существующего режима. На этой стадии процессы организационного оформления и властной институализации контрэлиты протекают одновременно, ди-

намично переопределяя друг друга. Для их успешного завершения требуется уникальное сочетание на коротком временном отрезке благоприятных условий, главным из которых выступает появление харизматичного «вождя» и/или группы лидеров, популярность которых, как правило, создается явными (или надуманными) «гонениями» со стороны власть предержащих.

Первоначальное, пусть и демонстративное расширение свободы и рамок идеологического дискурса переводит формат противостояния элиты и контрэлиты в плоскость публичного обсуждения идей и концептуальных моделей социально-политического развития. Первое время у контрэлиты доминируют размытые, во многом противоречивые идеалистичные принципы и лозунги, безотносительные к реально складывающейся ситуации. В основе ее риторики и действий заложено стремление разрушить барьеры, установленные на входе в пространство политической конкуренции, подорвать легитимность своего антипода через компрометацию результатов его функциональной деятельности и стратегических целей проводимого курса. Причем критика обращается в основном в прошлое, намеренно обостряет социальные и политические противоречия, усугубляя кризисное состояние общественного устройства, не предлагая, однако, конструктивных мер и программ по разрешению существующих проблем, скорее порождая новые. Это парадоксальным образом расширяет социальную базу контрэлиты за счет появления все новых, обделенных существующей властью общественных групп.

Однако победа контрэлиты зависит от ее способности предложить обществу наиболее привлекательную модель социально-экономического и политического устройства. Эта модель по возможности должна также провоцировать изменение позиций правящей элиты, подталкивать наиболее здравомыслящие ее круги к переходу на свою сторону. Потребность в оформлении и конкретизации собственной программы действий, в достижении необходимой степени внутренней сплоченности относительно ее содержания и целей, мобилизация поддержки масс обуславливает расширенный приток представителей интеллектуального и творческого истеблишмента в состав контрэлитного ядра. Последнее отчаянно нуждается в притоке «свежей крови», идейном опылении со стороны творческих интеллектуалов, ведь трансформация идейно-ценностных установок недавних выходцев из структур власти возможна только под влиянием извне. Незначительная присадка инородного

правлящей элите по ценностям и идеологии компонента качественно преобразует их идейные установки и ценности контрэлитного ядра¹.

При достижении требуемого уровня идейного и организационного сплочения у контрэлиты появляется реальный шанс победить. Ее «метастазы» лавинообразно «завоевывают» пространство власти. Ценности, нормы и модели деятельности контрэлиты, очерчивая содержание паттернов нового нарождающегося типа правящей элиты, в свою очередь, определяют процессы и формы обновления политического и социально-экономического устройства страны. В этой фазе решающее значение приобретает состояние и настроения контрэлитного ядра, его способность контролировать и направлять развивающиеся процессы. Особенно велика роль харизматичного лидера, выступающего центром консолидации политических и социальных сил, ведущих борьбу за доступ к власти.

По мере расширения социально-экономического кризиса контрэлиты, еще не обладающая властными полномочиями, но уже перетягивающая «одеяло социальной легитимности» на себя, превращается в наиболее привлекательную структуру для нарождающегося господствующего класса и обособливающихся кластеров прежней элиты, заинтересованных в привлечении ее ресурсов общественной поддержки. Становятся возможными временные альянсы и договоренности контрэлитного ядра с отдельными элитными фракциями. Взаимодействие с различными частями правящей элиты, по большей части, со стремительно «радикализирующейся» политической оппозицией, позволяет отчасти уравновесить первоначально несопоставимые ресурсы контрэлиты и властвующей верхушки, запустить процессы окончательного разложения последней.

В результате «бегства лояльности» к новому «сюзерену» возникает принципиально иное состояние элитной структуры. В обновляемой системе координат политического порядка большая часть элиты вынужденно порывает с прежними стандартами, переходя на сторону контрэлиты², которая, в свою очередь, необратимо встраивается в систему

---

¹ Так, идейно-ценностное «перерождение» Б. Ельцина отмечается с момента его попадания на лидерские позиции в Межрегиональной депутатской группе, большинство которой составляли представители интеллектуальных и творческих кругов.

² По приблизительным оценкам до 75 % политической элиты и 61 % бизнес-элиты в постсоветских странах в первой половине 1990-х годов составляли

внутренних взаимодействий и саму структуру прежней элиты, завершая тем самым процесс инверсии властных статусов и становясь правящей. Как следствие изменяются критерии и механизмы комплектования власти. Складывается новый бассейн элитного замещения, точнее, переходит по наследству от контрэлиты, на базе нарождающегося господствующего класса, основу которого закономерно составляют социальные группы и организации, связанные с теми институтами и структурами прежнего режима, которые в наибольшей мере сумели сохранить стабильность и влияние на переходном этапе.

Обрушение политического режима критически ослабляет институт государства, не означая тем не менее неизбежности распада последнего. Формы государственной власти и территориального устройства существенно преобразуются, подчас весьма кардинально, но характер подобных изменений зависит в значительной мере от исходного состояния и условий кристаллизации контрэлитного ядра. Например, процессы оформления контрэлиты при советском режиме случайным образом были ограничены рамками борьбы за руководство именно республиканскими структурами, поэтому выдвинутая ею стратегия социально-экономического и политического переустройства никак не предполагала сохранения единого хозяйственного и политического пространства страны. Фактический коллапс союзных структур власти после августовского (1991 г.) путча сделал невозможным и борьбу за руководство ими, и существование единого государства. Кроме того, путь к власти через союзные структуры для Б. Ельцина и его окружения был закрыт как в силу нарастающей обособленности стремившихся к независимости республик, так и по причине неприемлемости самой кандидатуры Бориса Николаевича в качестве объединителя и руководителя национальных (контр)элит. Появись у контрэлитного ядра иной лидер, возможно, процессы территориального распада страны удалось бы предотвратить либо максимально ограничить.

Раскол «победившей» контрэлиты составляет неотъемлемый этап процесса смены элиты. После необратимого ниспровержения прежней власти исчезает ключевой мотив, связывавший разнородные силы в со-

ставе контрэлитного ядра, единство которого начинает рассыпаться. На время приглушенные противоречия недавних союзников и попутчиков в борьбе за власть вновь выходят на поверхность и разводят их по нескольким полюсам идейно-политического противостояния, открывая завершающий акт драмы обновления правящей элиты. Последовательное устранение очагов противостояния учреждаемой модели властного порядка сужает структурное и идейно-ценностное разнообразие ставшей «правлящей» контрэлиты до двух сторон, придерживающихся принципиально расходящихся стратегий достижения заявленных целей, между которыми и разворачивается финальная схватка. Вторая волна раскола, теперь уже победившей контрэлиты, оказывается намного опаснее первой, как в отношении перспектив еще «рыхлого» политического режима, так и территориальной целостности переучреждаемого государства.

Неизбежные на стадии обустройства режима конфликты и противоречия между его институтами и структурами постепенно, но неуклонно распространяются и на сферу персонального соперничества пришедших к их руководству лиц за сохранение (приумножение) собственного статуса и влияния. Происходит «резонансное» усиление противостояния среди группировок «правлящей» контрэлиты, которые со своей стороны дополнительно поощряют существующее напряжение внутри режима. Государственные и политические институты превращаются в заложников, инструменты реализации текущих интересов различных контрэлитных фракций, что приводит к функциональному параличу системы власти. Конкретная форма разрешения данного кризиса в значительной степени обуславливает дизайн и последующую траекторию развития режима. При этом персональный состав «правлящей» контрэлиты меняется весьма незначительно, большинство «проигравших» благополучно перетекает во вновь создаваемые структуры и институты, лишь малое их число, в основном из случайно примкнувших попутчиков, отлучается от власти.

Процесс оформления политического режима сопровождается постепенным «разложением» прежней элиты. Для России переломным моментом по вытеснению из политического пространства стремившихся к реваншу «осколков» прежней элиты стали президентские выборы 1996 г. Конкретные политические практики и методы, примененные тогда «властвующей контрэлитой» для окончательного устранения побежденного «противника», продолжают воспроизводиться в отноше-

нии оппонентов конкретной правящей верхушки, предопределяя стилистику политического режима.

Специфика властного функционирования победившей контрэлиты характеризуется неспособностью (невозможностью) окончательно по-рвать с укорененными в ней ценностями, нормами и служебными моделями, она лучше представляет, что следует снести, нежели созидать. Сумев разрушить до основания структуру прежнего режима, она в состоянии лишь утвердить, и то в весьма противоречивых формах и неоднозначными методами, зачатки нового политического и социально-экономического устройства. Но вот вписывать новые институты и структуры власти в ткань традиционных социально-политических и экономических отношений, меняя последние, настраивать их совместное эффективное функционирование приходится следующему за ней поколению руководителей, которое уже с полным основанием именуется правящей элитой.

Поэтому некорректно разделять состояния правящей элиты при Б. Ельцине и при В. Путине. Путинская элита — логичное завершение, продукт развития тех тенденций и процессов, которые были заложены в недрах перестроечной советской номенклатуры, продолженные при Борисе Николаевиче и завершенные при нынешнем лидере. Различие элитных состояний обусловлено спецификой задач и условий конкретных фаз переходного периода — становления, позиционирования во власти и перехода к устойчивому воспроизводству. Это не результат единоличных и целеустремленных замыслов и усилий В. Путина, хотя нельзя отрицать и его персонального вклада в качественный состав собственного окружения, определенного влияния на выбор и реализацию случайным образом возникавших обстоятельств и вариантов действий.

Резюмируя, отметим, что смена типа элиты представляет собой достаточно продолжительный по времени и непредсказуемый процесс последовательного замещения правящей элиты совокупностью ее идейно-ценностных антиподов, выступающих в форме контрэлиты. Внутренне присущие механизмам власти и системам представительства закономерности функционирования не позволяют полностью и одномоментно обновить состав и качественные характеристики правящей элиты. Подобные попытки приводят к распаду самих основ воспроизводства и саморегулирования общества, управленческие структуры перестают функционировать, выжидая развития ситуации и обращаясь

исключительно к разрешению собственных интересов, тем самым приходя к состоянию властного коллапса.

Происходящие события на Украине в очередной раз подтверждают, что попытки обновления типа правящей элиты в отсутствие контролиты обречены на неудачу. Ни институт выборов, ни прямое избрание государственного руководства на «народном вече» не способны стать механизмом качественного обновления существующего политического режима и его руководства. Правящая элита в лице политической оппозиции, переигравшей собственных конкурентов и во власти, и на улицах, сумела сохранить руководство слегка подновленными структурами и институтами прежнего режима, вывернув наизнанку кадровые критерии и принципы Майдана. Об этом наглядно свидетельствует «избрание» очередным главой государства олигарха и неперемennого участника предыдущих правящих комбинаций П. Порошенко.

Только в Крыму местный политический, олигархический и культурный истеблишмент, исконно тяготевший к России и объективно выступавший в качестве непримиримого оппонента для киевской верхушки, сумел избавиться от опеки последней и органично встроиться в структуру и сети российской правящей элиты. Начатый на Майдане эксперимент по скоротечному обновлению правящей верхушки с «чистого листа» был спонтанно продолжен в самопровозглашенных «народных республиках» Юго-востока Украины. Как оказалось, достаточно механистическое соединение в их руководстве лиц, не имевших прежде отношений с региональной элитой и властью, тем более не пользующихся их поддержкой, по крайней мере дружественным нейтралитетом, не в состоянии создать работающие властные структуры либо наладить функционирование уже действующих.

Майдан продемонстрировал также опасные и непредсказуемые последствия искусственного воздействия извне на ценностно-ориентационную матрицу элиты, спровоцировавшего собой эволюционных алгоритмов элитогенеза. Обращение правящей верхушки к раскалывающим украинское общество социокультурным ценностям и установкам националистической части протестного движения как средству воспроизводства собственной легитимности обусловило раскол страны и общества, диффузию власти среди многочисленных центров силы, неподготовленных к конструктивной реализации захваченных полномочий.

ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОЙ КОНТРЕЛИТЫ КАК СУБЪЕКТА ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ

Признаем, что рассчитать (или предугадать) вероятность появления «окна возможностей» — комбинации условий, благоприятных для возникновения и развития контрэлиты, — для отдаленных от момента наблюдения дискретных точек или фаз политических процессов пока не представляется возможным. Процессы элитогенеза неизменно демонстрируют свойства диссипативных структур, для которых в кризисные моменты перемена ряда несущественных, порой неуправляемых для наблюдателя параметров способна привести к стремительному переходу в совершенно новое качество. Здесь не помогут данные регулярных опросов, ибо протестное (контрэлитное) структурирование социальных сил носит поистине реактивный характер, и в условиях обвального и непредсказуемого потока событий надо обладать невероятной прозорливостью, чтобы их вычленили и предсказать динамику. Тем не менее попытаемся приблизительно оценить перспективы появления, возможности и потенциальную базу поддержки субъекта реформирования отечественного политического порядка.

Текущее состояние и результаты властвования нынешней правящей верхушки, если оценивать их не с точки зрения, что не было свершено, а относительно того, что удалось сделать, даже в обстановке рукотворного кризиса в отношениях с западными партнерами не создают достаточных оснований для выдвижения требований по ее замене. Нынешнее руководство сумело полностью дистанцироваться от наиболее негативных последствий периода становления социально-политического и экономического устройства, переложив ответственность за них на плечи собственных оппонентов как из либерального, так и социалистического крыла. Обществу была обеспечена определенная стабильность существования, являющаяся приоритетом для наиболее крупных социальных слоев, которые *пока* заинтересованы в сохранении существующего властного порядка. В этих условиях предъявляемые власти обвинения не воспринимаются и отвергаются большинством населения, обуславливая, как показывают текущие рейтинги, непривычно высокую степень его поддержки, которую невозможно отнести только на счет манипулятивных технологий¹.

---

¹ Достаточно посмотреть на результаты социологических опросов. Например, опрос Левада-Центра от 22–25 августа 2014 г. <<http://www.levada.ru/27-08-2014/avgustovskie-reitingi-odobreniya-i-doveriya>>.

Наблюдается весьма высокий, экологически неблагоприятный для консолидации контрэлитного ядра уровень сплоченности политического класса, очень узок диапазон его идейно-ценностных расхождений. Со своей стороны правящая элита отнюдь не горит желанием создавать преференции своему антиподу, прекрасно сознавая иллюзорность и нереалистичность предлагаемых тем программ. Публичные каналы рекрутирования руководства властных структур и институтов надежно контролируются правящей верхушкой, в том числе и при помощи собственной оппозиции, которая весьма охотно и действенно ей подыгрывает в ограничении свободы действий и дозволенного пространства социальной и политической активности «ниспровергателей» существующего властного порядка. Под угрозой бесповоротного изгнания из сферы реальной политической конкуренции и утраты привычного социального статуса последние вынуждены играть по навязываемым правилам, несогласные же с неизменным успехом вытесняются в маргинальное измерение российской политики.

Своей кадровой политикой В. Путин и его окружение успешно предотвращают возникновение возможных центров кристаллизации контрэлитного ядра. Удержание отставленных из властных коридоров на орбите элитного притяжения, в том числе и за счет создания под них «синекур», выборочная инкорпорация во власть либо демонстративное приближение к ней наиболее способных представителей протестных движений¹ лишают потенциальную контрэлиту «политических тяжеловесов», вокруг которых и возможно ее идейное и организационное оформление. Возможные лидеры контрэлитного ядра вроде А. Кудрина закрепляются в политической оппозиции, сохраняя тем самым собственную принадлежность к правящей элите. В «свободное протестное плавание» отпускаются разве что бесповоротно скомпрометировавшие себя фигуры вроде Б. Немцова или М. Касьянова, которые лишь дискредитируют и раскалывают руководство несистемной оппозиции. Тем самым разрозненные и ограниченные по масштабам метастазы контрэлиты успешно купированы встроенными фильтрами политического режима.

Нынешние же лидеры несистемной оппозиции, воспроизводящие традиционную модель поведения российского интеллектуального ис-

---

¹ Через декоративные структуры вроде Общественной палаты или общественных советов при ведомствах.

теблишмента, увлеченные неконструктивной и неуправляемой критикой правящей верхушки, но не желающие реально бороться за власть, применять ее и нести соответствующую ответственность, вряд ли способны состояться в роли контрэлитного ядра. Для них приоритетен сам процесс собственной презентации, нежели достижение реальных результатов. Замкнутость рамками идеалистичных вариантов либерализма или социализма, не разделяемого большинством российского общества, объясняет их неумение выстраивать идейный дискурс, насыщать его повестку темами и смыслами, действительно волнующими население, отражающими его реальные приоритеты, либо представление последних в неприемлемой для основных социальных слоев интерпретации. Фактически лидеры несистемной оппозиции ретранслируют интересы и ценности откровенно маргинальных слоев, представляющих крайне узкий срез общества, достаточный, даже комфортный, для поддержания необременительного присутствия в окол властной среде и собственного социального позиционирования, но совершенно ничтожный для политического роста.

Существенно сужены идейно-парадигмальные основания для структурирования контрэлиты. Возможности консолидации широких слоев на базе либерально-демократической альтернативы крайне ограничены в силу общественного неприятия как следствия тяжелого периода рыночных реформ. Кроме того, сама власть достаточно уверенно играет на данном поле, вытесняя противников на чрезмерно радикальные и потому неприемлемые для большинства населения концептуальные подходы и позиции. Социалистические идеи монополизированы руководством КПРФ, которое войдя в состав правящей элиты, продолжает демонстративно позиционировать себя в роли идейной контрэлиты левого толка. Как отмечает подрастающее поколение левых активистов, например из Трудовой России, их попытки ревизовать в соответствии с обстановкой ценностные и идейные основания политической деятельности, программные требования блокируются «старшими товарищами». Все это вынуждает определенную часть лидеров данного направления скатываться на откровенно националистические позиции, критически обостряя соперничество и взаимное неприятие существующих полюсов потенциального контрэлитного ядра.

Декларируемые идеи и ценности «несистемной оппозиции» не просто противоречат друг другу, но и не соответствуют логике и принципам функционирования самих властных механизмов, так что в случае

завоевания ими власти, последней, а также самому государству угрожают серьезные риски. Так, либеральная часть постоянно забегает впереди эволюционного процесса развития, а представители левых течений зовут общество в мифологизируемое прошлое. В результате отсутствуют объективные по целям и ценностям социального и политического развития условия для конструктивного диалога общества, правящей верхушки и несистемной оппозиции, который помог бы расширить возможности для самоорганизации последней.

При этом собственный идеализм и деятельностная ограниченность прекрасно осознаются «несистемными» оппонентами существующего режима. Вследствие этого их «борьба» за власть ведется крайне несерьезно, с апеллированием не к обществу, а к западным посредникам и правящей верхушке с мольбами создать преференциальные условия для борьбы с ней же самой. Тем самым они включаются в продвижение целей внешних акторов, не связанных с проблемами российского общества, что свидетельствует о легковесности намерений лидеров «несистемной оппозиции», их «профессионализации» в статусе вечных бунтарей, использующих протестное движение ради обеспечения личных интересов. Пагубное сочетание несостоявшихся во власти персон и «приверженцев политического перформанса», более озабоченных собственным возвышением в кругу себе подобных, их неспособность к самоорганизации и кооперации на основе совместно выработанных целей, идеологическая мешанина препятствуют структурному и идейному оформлению контрэлитного ядра, появлению признанного и харизматичного лидера, опирающегося на соединенные ресурсы противников существующего режима.

Трансформация социальной структуры российского общества не приводит к автоматическому появлению (расширению) базы поддержки потенциальной контрэлиты. Подобные процессы зависят от возможностей и конкретных действий политического режима и его руководства по адаптации существующих механизмов представительства интересов к притязаниям и требованиям нарождающихся социальных слоев. Тем более что правящая верхушка за счет механизмов и стратегий «социального инжиниринга», перераспределения ресурсов и/или изменения форм и масштабов участия тех или иных социальных слоев в процессах реализации политической власти активно и целенаправленно воздействует на динамику развития и текущее состояние общественных структур, баланс их сил и позиций. Кроме того, усиливаю-

щееся разнообразие и подвижность социальных структур позволяет правящей элите целенаправленно манипулировать выбором и распределением групповых идентичностей среди населения за счет организации повестки публичного дискурса. Умело срежиссированные властью после присоединения Крыма устойчивые массовые настроения в свою поддержку практически лишили социальной базы потенциальные контрэлитные силы. Большая часть населения ныне не видит реальной альтернативы существующей власти, оказалась практически невосприимчивой к темам и смыслам повестки дня, предлагаемой ее оппонентами.

Способствовали усилению манипулятивного контроля и сущностные перемены в состоянии «социальных инкубаторов» контрэлиты. В этой связи следует особо отметить содержательное изменение функционально-ролевых статусов отечественного интеллектуального истеблишмента, традиционно выступавшего в качестве одного из бассейнов комплектования контрэлитного ядра. Именно эти круги создавали смыслы и ценности общественного развития, генерировали принципиально новые идейно-ценностные установки для деятельности власти, обеспечивали идеологические платформы политических конкурентов, особенно связанных с либеральным, «западническим» проектом.

Однако, восприняв западные либеральные установки и ценности, наиболее активная часть российского интеллектуального истеблишмента так и не переняла соответствующие традиции конструктивного вхождения во властные структуры с целью изменения оснований их функционирования. Традиционные практики отечественного властвования остались глубоко укорененными в данном сообществе и, как показывает политическая практика, неизбежно воспроизводятся при попадании его представителей в систему власти. Достаточно взглянуть на авторитарные модели служебных и политических взаимодействий, нетерпимость к иным точкам зрения, которыми отличались «либеральные демократы» первой волны, а ныне их современные наследники из рядов «несистемной оппозиции».

По мере же введения и упрочения демократических, пусть и достаточно декларативных, институтов правящего режима, расширения пространства производства и обращения разнообразных общественных смыслов и ценностей социальный запрос на посредническую и программную функцию стал перемещаться в сферу компетенции политической и информационной элит. В результате основания и источники возникновения и структурного оформления контрэлиты следует ожидать

не в кругах интеллектуального и культурного истеблишмента, а в сфере российского бизнеса и нарождающегося «креативного класса».

От появления в этой среде, только пробующей себя на стезе политической борьбы, по-настоящему популярных фигур, способных мобилизовать общество в поддержку выдвигаемых ими моделей и целей социального развития, во многом зависит будущее отечественной контрэлиты и судьба правящего режима. Даже ограниченное число их представителей, зарекомендовавших себя на поприще государственно-го и общественного служения, позволит достичь необходимого организационного, а отчасти и *идейного* единства в рядах контрэлиты. Разговоры же о политической роли среднего класса представляются несерьезными, ибо критерии его выделения носят скорее потребительский, а не политический характер. Более того, рентный характер российской экономики предопределяет исключительно высокую зависимость групп, причисляемых к среднему классу, от государства и правящей верхушки, что критически сужает их реформаторский потенциал.

Первая недостаточно удачная «проба социальных сил» состоялась зимой 2011–2012 г., и была связана с протестной волной и президентскими выборами. Она однозначно зафиксировала качественное изменение природы политического протеста, а также социального состава его участников за счет представителей отмеченных выше социальных слоев. Спонтанное перерастание недовольства выборными процедурами в масштабный протест и сопутствующая ему политическая турбулентность во власти предоставили замечательный шанс для структурирования и консолидации российского контрэлитного движения. К сожалению, лидеры несистемной оппозиции, которые перехватили руководство и контроль над данными процессами, бездарно упустили подобную редкую возможность, растранив антивластный потенциал социального протеста.

С их стороны звучали явно неприемлемые и неадекватные распускаемым силам/ресурсам лозунги и претензии, наглядно проявившие врожденную неспособность объединиться и предложить консолидированную и реалистичную программу действий и требований к власти. При этом растерянность правящей верхушки, как зеркало, отражала скорее соответствующее состояние самой несистемной оппозиции, для власти было совершенно непонятно, на каких площадках, с кем и о чем договариваться. Обилие туманной и ни к чему не обязывающей риторики

ки по поводу демократических принципов и свобод, а не по конкретике действий и стратегии программ, закономерно завершилось Болотной площадью в мае 2012 г. Именно отсутствие четкой идейной программы и конкретного плана действий по срокам и задачам предопределили разброд и шатания в лагере несистемной оппозиции, ее спонтанный переход к неконвенциональным способам политического участия, что дало власти легальные и поддержанные большинством населения основания решительно подморозить протестное движение и отказаться от намечавшегося диалога.

Тем не менее события 2011–2012 гг. следует характеризовать не в категориях неудачи (поражения) российской контрэлиты либо протестного движения, а как подтверждение неприемлемости самой идеи политической безгласности населения как объекта попечения со стороны элиты либо же контрэлиты. Стало очевидно, что, не изменив подобных элитаристских установок, потенциальная контрэлита и впредь не сможет воспользоваться не так часто выпадающими шансами для собственной идейной и структурной консолидации.

Обобщая результаты исследования, можно утверждать, что теоретический конструкт «контрэлиты» позволяет в целом представить динамику и специфику протекания процессов развития и смены недемократических режимов, а также прогнозировать их последствия. Возможно, по мере генезиса социальных структур российского общества и существующего политического порядка, перехода к реальному применению пока еще декоративных процедур и механизмов демократического правления и состоится конвергенция явлений, описываемых в терминах политической оппозиции и контрэлиты, но в настоящий момент факторы (и субъекты) подобного развития событий практически не просматриваются.

Применение данного конструкта показывает, что в ближайшей и среднесрочной перспективе в России отсутствуют объективные и субъективные предпосылки и условия, необходимые для возникновения контрэлиты в качестве ответственной и легитимной политической силы. Не обозначились в достаточной степени социальные слои, нацеленные на радикальную трансформацию политического режима в направлении его демократизации. Продолжается с весьма неясными перспективами становление новой социальной группы, способной идейно и организационно оформить «контрэлитный запрос» общества, причем мощное давление правящей верхушки способно качественно исковер-

кать протекающие процессы и подмять данную группу под реализацию интересов режима.

Тем не менее на более отдаленную перспективу окно возможностей для реактивного развития процессов качественного обновления российского режима и его руководства потенциально открыто. Вызывает, однако, тревогу, что в условиях нарастающей изоляции страны от демократических государств и ценностей новая волна контрэлиты способна приобрести националистически-консервативное, нежели либеральное содержание.

ЭЛИТЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА

С. В. Бондаренко

«ПРАВО НА ГОРОД» КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО- ФОРМООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР ОБЩЕСТВЕННОГО УЧАСТИЯ

Рано или поздно именно идеи, а не корыстные интересы становятся опасными и для добра, и для зла.

Джон Мейнард Кейнс

«Общая теория занятости процента и денег» (1936 г.)

В статье рассмотрен политико-социальный феномен «право на город», получивший за последние десятилетия широкое распространение во многих странах мира. Соответствующее направление муниципальных реформ находит отражение как в деятельности политиков, так и в научных исследованиях. Подход к развитию городов на основе прав жителей получил одобрение ЮНЕСКО. Для России данная проблематика особенно актуальна в контексте понимания общественных инициатив «рассерженных горожан».

Ключевые слова: *право на город, право на городскую жизнь, «рассерженные горожане», муниципальная реформа.*

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

Города живые организмы. Когда политики забывают об этом и власть начинает воспринимать процессы управления исключительно с функциональных позиций, рано или поздно появляются «рассерженные горожане». Их требования сначала носят социальный характер, а затем становятся политическими.

В возникшей социальной напряженности на поверхности множество нередко противоречивых требований, популистских лозунгов и персонифицированных требований. При этом все стороны конфликтов забывают об их истинной сущности, онтологической первопричине — философском столкновении живой социальной жизни с омертвевшей системой управления. Кому-то эта метафора может не понравиться, но законы природы и социальной жизни таковы, что нет ничего вечного и на месте пришедшей к упадку системы управления должна появиться новая. Перефразируя известное, «система управления умерла... Да здравствует система управления!»

«ПРАВО НА ГОРОД» — ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ

Если мы хотим понять социально-пространственную динамику функционирования и развития городов, для этого необходимо изучить, каким образом происходят изменения в городском политическом поле, каковы тренды развития, и уже на основе имеющихся эмпирических данных выработать стратегию действий. Сегодня глобальные тренды развития связаны как с насыщением среды обитания различными компьютеризированными артефактами, так и с попытками усиления социального контроля над поведением горожан.

Даже в странах с тоталитарными режимами такой контроль встречает сопротивление граждан, поэтому продвинутые бюрократы предпочитают обеспечивать стабильность функционирования политической системы за счет развития сотрудничества с социально активной частью городского сообщества¹. Безусловно, с точки зрения власти это вынужденные компромиссы, но для стабильности объективно необходимые.

В современной истории именно города были и остаются средоточием влияющих на жизнь страны социальных и политических конфликтов, местами противостояния инновационного и консервативного, сопротивления доминирующему политико-экономическому порядку и стремления во имя сохранения традиций ничего не менять. Именно здесь наиболее явно прослеживается социально-пространственная динамика функционирования общества.

Двадцатый век лучшая тому иллюстрация. В конце 1960-х годов под влиянием студенческой революции мая 1968 г. и иных протестных вы-

---

¹ *Loopmans M., Dirckx T. Neoliberal urban movements? A geography of conflict and mobilisation over urban renaissance // Neoliberal Urban Policies / T. Tasan-Kok, G. Baeten (eds.). Heidelberg: Springer, 2011. P. 99–117.*

ступлений Анри Лефевр первым сформулировал получившие в дальнейшем широкое распространение словосочетания «право на город» (*the right to the city*) и «право на городскую жизнь» (*right to urban life*)¹.

Этому французскому социологу и философу не откажешь в образности. В частности, Лефевр писал: «Право на город похоже на крик и на требование... влияющие на трансформацию и обновление прав жизни в городах»². При этом право на городскую жизнь изначально рассматривалось им не с юридической позиции, а как призыв к социальному действию, направленному на улучшение среды обитания, как интеллектуальный продукт, стимулирующий появление новых смыслов восприятия повседневности.

В политическом отношении Лефевр ориентировался на «пространственный подход к политической борьбе, в которой без дискриминации принимают участие все горожане»³. Французский философ первым внес в общественную повестку дня вопросы: «кто имеет право на город» и «как это право узаконено или при необходимости должно быть пересмотрено»⁴. В этом контексте идея Лефевра в большей мере была посылом формирования новой политико-философской платформы, чем инструкцией для бунтарей. К примеру, он утверждает, что классы, группы и индивидуумы, полностью исключенные из участия в процессах коллективного строительства городских общественных мест, тем самым политически лишены и «права на город».

На эмоциональном уровне идея «революционного урбанизма» была не содержащим нормативной компоненты вызовом оппозиции богатым и имеющим доступ к рычагам власти горожанам, не обеспокоенным вопросами защиты прав человека. Достаточно показательным, что Лефевр в своих работах даже не делал попыток представить полноценную дефиницию «права на город». Вместо этого он обеспечивает некоторые ключевые смыслы на весьма абстрактном уровне.

---

¹ Mayer M. The 'right to the city' in urban social movements // *Cities for People, not for Profit* / N. Brenner et al. (eds.). L.: Routledge, 2012. P. 63–85.

² Lefebvre H. *Le droit à la ville*. P.: Anthopos, 1968.

³ Dikeç M. Justice and the spatial imagination // *Environment and Planning A*. 2001. Vol. 33. No. 10. P. 1785–1805, 1790.

⁴ Merrifield A. *Henri Lefebvre: A critical introduction*. Abingdon: Routledge, 2006; Leontidou L. *Urban Social Movements in Weak Civil Societies: The Right to the City and Cosmopolitan Activism in Southern Europe* // *Urban Studies*. 2010. Vol. 47. No. 6. P. 1179–1203.

Центральная тема в его работе — восприятие города как *oeuvre* (фр. — *произведение, поступок*). Этот трудно переводимый на русский язык термин означает *понятие* всего творения, коллективного художественно-социального творчества всех жителей и гостей города. Они могут вносить вклад в *oeuvre*, коллективно формируя публичные городские места и наполняя окружающую среду города, к примеру участвуя в общественной жизни местных сообществ, затрачивая свое время и интеллектуальные ресурсы в интересах территориального развития.

Акцент на необходимости вклада индивида в общественные ресурсы основывается на взаимосвязи прав и обязанностей. Соответственно, «право на город» — не закрытая система процедур участия в общественной жизни, а проявление менталитета, подразумевающего право на голос в процессах принятия решения. За эти права нужно бороться постоянно, и не случайно Лефевр заявляет: «Право на город не отменяет конфронтации и борьбу. Напротив!»¹ Бесконечное разнообразие несправедливостей толкает горожан к перманентной явной и латентной протестной деятельности. Для понимания трендов развития необходимо охватить разнообразный набор стимулов общественного участия в постиндустриальном мире, понять фундаментальные элементы социально-экономического, политического, идеологического и культурного аспектов процесса урбанизации.

На практике идея Лефевра часто использовалась в полемике, но не служила руководством к действию², поскольку не могла разрешить объективно существующее социальное противоречие, в соответствии с которым «города... основаны на эксплуатации многих немногими»³. Тем не менее гуманистическая основа идеи «права на город» (состоящая в потребности трансформации городской среды с участием всех горожан и для всеобщей пользы) благодаря активности национальных и глобальных общественных движений, а также отдельных социальных групп постепенно стала преобразовываться в политические практики.

---

¹ *Lefebvre H.* La survie du capitalisme; la re-production des rapports de production. 2 ed. P.: Anthropos, 1973. P. 195.

² *Purcell M.* Recapturing Democracy: Neoliberalization and the Struggle for Alternative Urban Futures. N.Y.: Routledge, 2008; *Purcell M.* Citizenship and the right to the global city: reimagining the capitalist world order // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2003. Vol. 27. No. 3. P. 564–590.

³ *Harvey D.* Social Justice and the City. L.: E. Arnold, 1976. P. 314.

НОВАЯ ЖИЗНЬ ТЕРМИНА «ПРАВО НА ГОРОД» КАК ОТРАЖЕНИЕ ДИНАМИКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Потребовалось несколько десятилетий, чтобы у элиты и социума произошло переосмысление понятия «право на город», включая осмысление причин восприятия разными слоями горожан «антагонистической двойственности» этого понятия. Сегодня консолидированная идея состоит в нормативно закрепляемом муниципалитетами праве горожан на участие в поиске возможностей изменения жизни в городах, включая их пространственную конфигурацию¹ и формирование комфортной среды обитания.

Профессор из Германии Маргит Майер констатирует: городские власти в Европе смогли эффективно кооптировать значительную часть радикальных активистов, проявивших себя в 1980-х и 1990-х годах, в «партнерские» схемы участия в развитии среды обитания². Стратегия «разделяй и властвуй» помогла вбить клин между радикальными и умеренными активистами. Несмотря на декларации элиты о неприемлемости коллективной власти, чиновники вынуждены учитывать изменения в общественном мнении. При этом западная элита оставалась в процессе проведения муниципальных реформ сплоченной и сохранила потенциал, необходимый для решения стратегических политических задач обеспечения стабильности функционирования политической системы страны.

Особо подчеркнем, что речь не шла о какой-то изощренной форме иезуитства власти или попытке вытеснения содержательной повестки дня пиаром. «Рассерженные горожане» часто переносят не решаемые десятилетиями проблемы на общенациональный уровень, хотя на самом деле политические цели являются муниципальными и не имеют идеологической окраски, а мобилизация дискурсов происходит в контексте городских понятий и символов. Своими взаимосвязями они только укрепляют социальную среду городов.

Первоначально звучавшее революционно требование новой и при этом радикально ориентированной городской политики, сегодня широко распространено и используется в рамках существующего политического

---

¹ *Harvey D.* The right to the city // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2003. Vol. 27. No. 4. P. 939–994.

² *Mayer M., Brenner N., Marcuse P.* (eds.). *Cities for People, Not for Profit: Critical Urban Theory and the Right to the City*. L.: Routledge, 2011.

порядка самыми разнообразными способами¹, способствующими ренессансу городов, которые в организации социальной жизни позиционируют себя как инновационно ориентированные. Не случайно пытающиеся избежать ассоциации с любой идеологией независимые эксперты нередко становятся неформальными лидерами территориальных сообществ.

Эти изменения совпали с расширением политики, ориентированной на рост общественного участия, способствующей в европейских городах всестороннему преобразованию муниципального управления. Власть, социум и частный сектор изучают потенциал новых форм сотрудничества, в котором общественные инициативы занимают доминирующее место. Выяснилось, что многие застарелые проблемы городов можно разрешить только в партнерстве власти, бизнеса и общества.

Западная элита достаточно быстро поняла, что «рассерженные горожане» выражают вполне системные идеи и основа их недовольства — политическая рефлексия как ответ на неолиберальную урбанизацию, в основе которой максимизация прибыли. Происходит рост общественного участия, ориентированного на улучшение городской среды обитания и более справедливое перераспределение доступных территориальному сообществу символических и материальных ресурсов². В этом контексте мы имеем дело со сложно самоорганизованной, структурно гетерогенной, институционально и культурно открытой системой, элементы которой, взаимодействуя друг с другом, порождают импульсы к развитию.

Непонимание же элитой глубинных смыслов этих импульсов дорого обходится стране и может спровоцировать взрыв общественных эмоций. Формальных поводов множество — от проблемы транспортных пробок как отражения неэффективного планирования городского развития до техногенных аварий, связанных с низким качеством муниципального управления.

---

¹ *Purcell M.* Recapturing Democracy: Neoliberalization and the Struggle for Alternative Urban Futures. L.: Routledge, 2008; *Dikec M.* Police, Politics and the Right to the City // *GeoJournal*. 2002. Vol. 58. P. 91–98.

² *Mitchell D.* The Right to the City: Social Justice and the Fight for Public Space. N.Y.: The Guilford Press, 2003; *Smith M.P., McQuarrie M.* (eds.). Remaking Urban Citizenship. Organizations, Institutions and the Right to the City. New Brunswick; NJ: Transaction Publishers, 2012.

Не случайно города — это места не только концентрации социальной и символической власти, но и нередко сосредоточения протестных настроений. В таких условиях «право на город», становится частью интерпретации внутренней политики государства в целом, не исключая и общегосударственные дисфункции, становящиеся тормозом социального и экономического развития. Как политический лозунг понятие права на город вдохновляет по крайней мере некоторых активистов на целый ряд разноплановых требований¹. Эти требования отражают специфику среды обитания, поскольку даже города с одинаковой численностью населения в социальном отношении качественно различны.

В силу множества причин современные города отражают скорее опыт дисфункциональности территориальных сообществ, чем воспроизводство стремления жителей к конструктивному взаимодействию. Результатом становится типовой набор напряжений в фундаментальных отношениях: между включением и исключением, бедностью и развитием, творчеством и консерватизмом.

Напряженные отношения частично основаны (по крайней мере латентно) на несоответствии политическим и культурным особенностям современности прав и обязанностей жителей. И в этом контексте концепт Анри Лефевра «право на город» обеспечивает полезный аналитический инструментарий как для ученых, так и для политиков, заинтересованных в поиске вариантов развития городов.

«ПРАВО НА ГОРОД» И ФЕНОМЕН ВЛАСТИ

В контексте перераспределения прав и обязанностей всех акторов муниципальной политико-социальной экосистемы, а также в зависимости от степени оторванности чиновников от реальности различаются и интерпретации восприятия «права на город». Несмотря на объективную необходимость перемен, разглядеть рациональное зерно в нестандартных подходах к организации взаимодействий населения и структур бюрократии чиновникам в большинстве стран на ментальном уровне мешает консервативное восприятие феномена власти и нежелание ею делиться.

В философском плане объяснение происходящего связано с утратой основополагающих для горожан ценностных ориентиров: граждане

---

¹ *Attoh K.A.* What kind of right is the 'right to the city'? // *Progress in Human Geography*. 2011. Vol. 35. No. 5. P. 669–685.

не доверяют власти, власть скептически относится к общественным инициативам. В результате в процессе развития территорий упускаются из виду цели и нормативные ценности демократии. Со стороны чиновников ориентация исключительно на рационалистические модели поведения социума ведет в тупик ошибочных решений. Свобода делать и переделывать социальную атмосферу относится к основополагающим, хотя в наши дни наиболее забытым из всех прав человека и гражданина.

В рамках неолиберального дискурса бюрократия рассматривает город как свою собственность. Как известно, термин «неолиберализм» буквально означает «новый либерализм», а в смысловом отношении «либерализм» становится тесно связанным со «свободной рыночной экономикой»¹. Начиная с 1970-х в западных странах неолиберализм стал доминировать, что привело к идеологическим и практическим изменениям (хотя некоторые авторы утверждают, что необходимо вести речь только о победе идеологии, а не о функциональных изменений в глобальной экономической системе)².

Применительно к функционированию городов эти изменения привели к ориентации муниципальной политики на примат интересов среднего класса и бизнеса. В частности, при принятии решений о развитии территорий акцент делался на экономической ценности земли, в то время как проблематика удобства жителей и решение транспортных проблем уходили на второй и даже на третий план.

Одним из воздействий неолиберальных реформы стал рост де-факто приватизации городских мест и, как следствие, уменьшение числа публичных функций общественных пространств. Это делалось и делается в пользу большего регулирования социального поведения за счет ввода множества ограничений на публичные действия и паттерны поведения. Аргументация введения такого рода ограничений часто акцентируется на необходимости поддержания общественного порядка, который существенно ограничивает права горожан пользоваться общественными местами, что приводит к росту социальной напряженности.

---

¹ *Harman C.* Theorising Neoliberalism International Socialism, A Quarterly // Journal of Socialist Theory. 2007. No. 117.

² *Bourdieu P.* Acts of Resistance: Against the New Myths of our Time. L.: Polity, 1998.

Не случайно некоторые исследователи стали вести речь о появлении феномена т.н. «конца общественного места»¹ (по аналогии с «концом истории» Френсиса Фукуямы). Такие изменения не всегда обусловлены политическими детерминантами. Вторжение рынка в царство общественной культуры негативно сказалось на разнообразии и уникальности в городах общественных пространств, которые стали ассоциироваться с вездесущими торговыми центрами². В рамках нелиберального дискурса экономическая политика в городах помимо отмены госконтроля характеризуется более агрессивным реструктурированием городского места в пользу обеспечения частных интересов извлечения прибыли³.

Как замечают в своей статье Овен Киркпатрик и Михаэль Смит, сегодня «право на город» предоставляется немногим привилегированным акторам, в числе которых проектировщики собственности и финансисты, что обусловлено тесной связкой новых форм управления городами и корпоративных интересов бизнеса⁴. Очевидно, что такой дискурс противоречит стратегическим интересам территориального сообщества и рано или поздно станет источником социальных конфликтов.

Некоторые ученые рассматривают право на общественное место как сущность «права на город». Так, Джон Фридман утверждает: «Город можно действительно назвать городом, только когда его улицы принадлежат людям»⁵. Для иллюстрации приведенного тезиса цитируемый

---

¹ *Franzen M.* A weird politics of place: Sergels Torg, Stockholm (Round One) // *Urban Studies*. 2002. Vol. 39. No. 7. P. 1113–1128.

² *Boyer M.C.* The city of illusion: New York's public places // *The Restless Urban Landscape* / P.L. Knox (eds.). New Jersey: Prentice Hall, 1993. P. 111–126; *Goss J.* The “Magic of the Mall”: An analysis of form, function, and meaning in the contemporary retail built environment // *Annals of the Association of American Geographers*. 1993. Vol. 83. No. 1. P. 18–47.

³ *Peck J., Tickell A.* Neoliberalizing Space // *Antipode*. 2002. Vol. 34. No. 3. P. 380–404; *Jacobson M.* Urban Restructuring of Western cities and the implications for new urban social movements: case illustration of la Barceloneta / Paper presented at the Urban Justice and Sustainability Conference in Vancouver, Canada, 2007.

⁴ *Kirkpatrick O.L., Smith M.P.* The Infrastructural Limits to Growth: Rethinking the Urban Growth Machine in Times of Fiscal Crisis // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2011. Vol. 35. No. 3. P. 477–503.

⁵ *Friedmann J.* The Right to the City // *Rethinking the Latin American City* / R. Morse, J. Hardoy (eds.). Washington: Woodrow Wilson Center Press, 1992. P. 98–109, 100.

нами автор приводит два примера конфликтов, связанных с правом на общественное место: когда люди объединяются в протесте против государства, и когда они празднуют популярные праздники. Нормативное регулирование такого рода действий нередко не совпадает с общественными настроениями, что лишний раз подчеркивает актуальность этой проблемы.

«ПРАВО НА ГОРОД» И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ САМООРГАНИЗАЦИИ СОЦИУМА

Неолиберальная политика способствовала минимизации роли государства в развитии территорий, позволила снизить расходы на осуществление социальной политики, сняла ограничения на функционирование рынков, а в транзитивных государствах способствовала росту муниципальной коррупции и снижению общественной активности. Применительно к развитию «права на город» с точки зрения интересов бюрократии соответствующие процессы в России однозначно характеризуются как время неиспользованных возможностей укрепления власти и обеспечения политического порядка, без которого невозможна экономическая и политическая модернизация. Протестные выступления 2011–2013 гг. лучшая тому иллюстрация.

С точки зрения Энди Меррифилда, «когда люди исключены из активного политического участия в городских делах, доступа к решению существующих проблем... это оставляет для общин и групп только один выход — самоорганизовываться и искать независимых акторов, способных представлять их интересы»¹. В рамках диссидентского дискурса возможны самые разные форматы самоорганизации активных горожан.

Формальными поводами самоорганизации становятся точки роста социальной напряженности, в числе которых ошибки размещения социальной инфраструктуры, связанный с автомобильными пробками коллапс транспортной системы, а также многие иные пространственные аспекты недальновидной муниципальной политики. Онтологической же причиной выступает дефицит демократии в управлении городами, нежелание элиты способствовать развитию общественного

---

¹ *Merrifield A. Social justice and communities of difference: a snapshot from Liverpool // The Urbanization of Injustice / A. Merrifield, E. Swyngedouw (eds.). L.: Lawrence & Wishart Limited, 1996. P. 200–222, 202.*

участия в реализации инфраструктурных проектов, обусловленное ориентацией чиновников на неолиберальный дискурс трансформации городской среды.

Коммерциализация городской среды, даже если она ведется в интересах удовлетворения потребительского спроса, имеет обратную сторону. Как верно замечает Дэвид Харви, у людей начинает появляться на первый взгляд риторические вопросы, к примеру, «это чей город?»¹ После этого в процессе коллективного осмысления окружающей реальности и практик муниципального управления возникает ощущение взаимозависимости. На концептуально новом уровне осмысления происходящего, приходит понимание необходимости реформатирования социальных отношений, а далее становится востребованными и необходимость обеспечения «права на город», и связанные с этим феноменом социально-политические действия.

Появление в общественном сознании потребности в реформировании социальных отношений является свидетельством исчерпания потенциала устоявшихся форм политической активности, не работающих репутационных механизмов и исключения граждан из процессов принятия решений, что делает социально-политическую экосистему неустойчивой. Дойдя до определенного уровня накопления противоречий, в случае непредвиденных событий резко возрастают риски стабильности системы муниципального управления. Ориентация власти на т.н. «управляемый опыт существования человека в городской среде» вызывает внутренний протест активной части социума. И здесь уже не помогают ни скрытые формы электронного наблюдения, ни нормативные барьеры, ограничивающие социальные инициативы, а также законодательные ограничения прав на свободу собраний.

Все это проявления неготовности муниципальной элиты говорить с обществом. В ответ на ограничения растет социальное недовольство, проявляющееся сначала в протестных акциях в киберпространстве. Интеллектуальные бунты необязательно заканчиваются там же, где и возникли, — в кофейнях и на кухнях. Растущее общественное недовольство способствует процессам делегитимации муниципальной власти. В таких условиях формально организованное местное самоуправление становится политической миной замедленного действия.

---

¹ *Harvey D. Whose City? / Paper delivered at Whose City? Labor and the Right to the City Movements Conference, University of California Santa Cruz, 26 February 2011.*

Сначала горожане выдвигают мягкие требования необходимости полноценного обсуждения представительной властью волнующих людей проблем и демократических механизмов реализации на практике принятых решений. Городская молодежь и средний класс выступают основными акторами массовых протестов. Но именно эта часть городского социума обладает интеллектуальными ресурсами, на основе которых возможен поиск новых решений и постоянные изменения к лучшему среды обитания.

В теории демократии политическая стабильность основывается на воспроизводстве легитимности, в частности таких ее элементов, как подотчетность, прозрачность, доступ к участию в принятии решений, обсуждение процессов территориального развития. По сравнению с прямой подотчетностью перед электоратом через выборы феномен «права на город» имеет корни в совещательной модели легитимации на основе теории коммуникативного действия Юргена Хабермаса.

В рамках этой теории, как известно, легитимность возможна, когда решения опираются на публичную аргументацию, свободу и равноправие автономных акторов, стремящихся достичь мотивированного коммуникативного консенсуса, на понимание всеми заинтересованными лицами ситуации и при открытости обсуждений¹, недопустимости лишения горожан права на организацию публичных мероприятий. Когда действия и решения оторваны от реальности, муниципальная власть теряет свой авторитет в глазах социально активной части горожан.

От пассивности административной и представительной власти город не перестает быть центром коллективной деятельности. Как верно замечает канадский исследователь Алан Блум, город — «мобильное явление, которое одновременно ограничивает и оплодотворяет насыщенный пейзаж интерпретаций и действий, связанных со значениями и ценностями коллективных методов»². С одной стороны, «право на город» является рамкой, отделяющей заинтересованных в развитии лиц от остальных, а с другой — идеей, объединяющей разнородные социальные группы. Не случайно на базе совместных интересов в реализа-

---

¹ *Habermas J. Theory of Communicative Action. Vol. 1 and 2 / Trans. by T. McCarthy. Boston: Beacon Press, 1981 and 1987.*

² *Blum A. The Imaginative Structure of the City. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2003. P. 294.*

ции «права на город» формируются альянсы некоммерческих структур и общественных движений.

Даже если у прогрессивно мыслящих городских чиновников появляется понимание происходящего и возможных негативных сценариев развития политических процессов, по ряду причин они не могут или не хотят изменений, необходимость которых диктует инстинкт самосохранения бюрократии. Во-первых, считается, что политика в ее традиционном для многих стран понимании относится к компетенции федеральной власти. Во-вторых, срабатывает инерционность системы управления со всеми вытекающими негативными последствиями.

В-третьих, это страх перед «черным ящиком» будущего, обусловленный отсутствием системы управления рисками. Применительно к рассматриваемой нами проблематике целесообразно упомянуть точку зрения американского урбаниста Хелен Лиггетт, утверждающей, что такой подход детерминирован ограничениями модернистско-абсолютистского восприятия пространства¹. Чиновники просто боятся «открыть дверь» в мир нового понимания социальных и политических пространственных зависимостей, в котором они могут выглядеть некомпетентными. В лучшем случае местное сообщество они вовлекают в бесплодные дискуссии.

Так когнитивные проблемы бюрократии становятся источником политических проблем общества. Соответственно, и решать их необходимо, ориентируясь на *логику включения* жителей в решение существующих проблем, а не *исключения* из политического поля.

Для этого необходимо последовательно готовить общественное мнение к возможным переменам во взаимоотношениях социума и власти как неотъемлемой части процесса демократического развития. Должна быть согласованная общая программа формирования обновленной среды обитания, в которой были бы учтены пожелания и требования различных слоев населения, политических организаций и т.д. в пользу изменения политической системы.

Во многих западных демократиях в последние годы наблюдается увеличение числа новых процедур, связанных с «участием» или «публичным обсуждением» актуальных проблем. Эта тенденция прослеживается как на общенациональном уровне (в виде институционализации

---

¹ Liggett H. Urban Encounters. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2003. P. 67.

публичных дебатов и участия граждан в инфраструктурных проектах), так и на местном уровне в решении вопросов, связанных с точечной застройкой, размещением объектов культа и многих других локальных проблем.

Несколько факторов способствовали этой волне процессуальных инноваций, пустившей корни во всех современных демократиях. В первую очередь необходимо учитывать постоянное усложнение функционирования современного государства и общества, а также необходимость повышения осведомленности населения о технологических и экологических опасностях. Рост числа рисков способствовал появлению новой делиберативной (совещательной) парадигмы, в рамках которой требуется пересмотр механизмов обеспечения политической легитимности.

В таких условиях горожане должны получать не только новые обязанности, но и права участия в решении социально значимых проблем, для чего необходим пересмотр правовых рамок. Соответственно, изменяется и роль государства, которое все больше рассматривается не с точки зрения патерналистского дискурса, а как регулятор и юридический защитник различных социальных прав¹. Право быть гражданином, а не простым обитателем подразумевает участие в городском самоуправлении. Дополнительно это означает право принимать участие в кругообороте коммуникации, информации и социальных обменов². Это тренд формирующегося «информационного общества», которое не случайно еще называют и «обществом знаний».

Отставание политической системы и правящей элиты от запросов общественного развития, от роста гражданского сознания населения в конечном счете сказывается на ослаблении институциональной среды, приводит к ухудшению макроэкономических показателей, оттоку капитала и снижению качества трудовых ресурсов. Обобщенно говоря, вокруг феномена власти объединяются вопросы моральной легитимации, политической целесообразности и правового регулирования. Социум может изменить положение только через интеллектуальное влияние на муниципальную бюрократию и политиков, и этот тезис подтверждается международным опытом.

---

¹ Thelle H. Better to rely on ourselves: Changing social rights in urban China since 1979. Copenhagen: NIAS Press, 2004.

² Lefebvre H. Espace et politique: le droit à la ville II. 2 ed. P.: Anthropos, 2000.

ПРАВО НА ГОРОД КАК МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТРЕНД

Первоначально считавшаяся революционной политико-философская концепция «право на город» сегодня стала общепризнанной составляющей городской политики. Находясь в постоянном развитии, этот подход используется в проведении назревших реформ. Способствуя объединению различных заинтересованных лиц в решении проблем городов, тем самым рассматриваемый нами феномен влияет на развитие гражданского общества и демократического процесса во всем мире.

С начала 1990-х концепция «право на город» широко обсуждается на различных международных встречах. Если в 1996 г. на международной встрече в Стамбуле (Habitat II Meeting in Istanbul 1996) акцент делался на обеспечении законных «прав на жилье» и прав на предметы первой необходимости (чистую воду, атмосферу и т.д.), то в 2010-м в рамках прошедшего в Рио-де-Жанейро Глобального форума городов (World Urban Forum — 2010) «право на город» рассматривалось не в столь утилитарном плане — исходя из роли социальных движений в трансформации городской среды. В постсовременности общественное мнение становится ключевым фактором внутренней политики.

Перманентно идет поиск ответов на фундаментальные вопросы: что означает «право на город» в юридических терминах и как закрепить на нормативном уровне роли заинтересованных в развитии территорий акторов. Подход к развитию городов на основе прав жителей получил одобрение ЮНЕСКО¹. «Право на город» было явно или частично введено в национальное законодательство некоторых европейских стран. Начиная с 2000 г. сотни европейских муниципалитетов согласились принять «Европейский Устав охраны прав человека в городе». Ориентируясь на общественные инициативы, «право на город», начав свое развитие в США, Западной Европе и Латинской Америке, достаточно быстро распространилось на Ближнем Востоке, в Южной Африке и Индии². При этом властям и гражданским активистам пришлось заполнять многочисленные лакуны правового поля.

В 2001 г. в Бразилии (Закон 10.257/2001) «право на город» как коллективное право было юридически закреплено в муниципальных уста-

---

¹ Urban policies and the right to the city: international public debates. P.: UNESCO, 2006. P. 9.

² Scott M. Shackdweller citizenship // Cities in the 21st Century. 2010. Vol. 2. No. 1, art. 7.

вах¹. Как отмечают Эдесио Фернандес и Энн Варлей, хотя в правовом отношении заявленные цели и не были в полной мере достигнуты, гораздо важнее использование юридических наработок в качестве стандартов оценки функционирования местной власти и состояния общественной сферы². Тем самым повышается ценность рациональных дискурсивных возможностей граждан и в обязанности муниципальной власти включаются функции стимулирования развития общественного участия граждан в городских проектах.

Такого рода инициативы поддерживаются представителями общественных наук. К примеру, Марк Перселл считает, что «право на город» на концептуальном уровне может способствовать реструктуризации отношений горожан с муниципальной властью, в том числе и в сфере повышения эффективности использования имеющихся в городах ресурсов³. Во многих странах стали обычными практики обсуждений с горожанами конкретных составляющих проектов трансформации среды обитания. Кроме того, перед сотрудниками муниципальных структур в качестве стратегической цели ставится задача создания системы мотиваций для тех горожан, кто сам возьмется решать ту или иную актуальную проблему.

Сегодня необходимо констатировать, что на международном уровне «право на город» стало одной из базовых детерминант трансформации муниципальной политики. Без политических издержек найти баланс между интересами бизнеса, местной власти и горожан достаточно сложно. Объективно существующие предпосылки для произвола должностных лиц, у которых появляется слишком много рычагов для того, чтобы в нарушение международных стандартов превратить реализацию права на протест в экзотику, почти не достижимую на практике, приводят к выхолащиванию прогрессивной идеи.

В демократических обществах вопрос прав человека по-прежнему играет важнейшую роль. В случае массовых нарушений этих прав сами

---

¹ *Fernandes E.* Constructing the 'Right to the City' in Brazil // *Social and Legal Studies*. 2007. Vol. 16. No. 2. P. 201–219.

² *Illegal cities: law and urban change in developing countries* / Ed. by E. Fernandes, A. Varley. L.: Zed Books, 1998.

³ *Purcell M.* Globalization, Urban Enfranchisement, and the Right to the City: Towards an Urban Politics of the Inhabitant // *Rights to the City* / D. Wastl-Walter, L. Staeheli, L. Dowler (eds.). Rome: IGU, 2004.

власти могут спровоцировать массовую саморефлексию, выходящую далеко за рамки отдельных городов. Достаточно показательно, что на межгосударственном уровне подвергается критике национальное законодательство о публичных мероприятиях, в случае если его нормы не соответствуют международным стандартам.

Соответствующие политические процессы происходят в результате социального давления со стороны среднего класса, который продвигает соответствующие нормы и политические ожидания¹ большей «коллективной эффективности»² функционирования систем управления урбанистической средой обитания. Без постоянного поиска современного, модернизированного формата взаимодействий граждан с муниципальной властью власть не сможет контролировать ситуацию. Ситуация осложняется онтологической сущностью «права на город», являющейся не системой нормативно закрепленных процедур, а в первую очередь проявлением менталитета жителей.

Поэтому неудивительно постоянно растущее разнообразие групп, борющихся за идеалы социальной справедливости под лозунгами обеспечения «права на город», в том числе активистов, ориентированных на решение проблем качества жилья, гармонизации миграционных потоков, формирования комфортной окружающей среды и создания экологичных рабочих мест. Городские социальные движения, состоящие из заинтересованных жителей, оспаривают вопиющие несправедливости в муниципальном управлении, нередко действуя против политики местных органов власти. Город концентрирует каналы, через которые формируются социально-политические отношения, но и представляет возможности перераспределения власти и ответственности для всех видов движений, поскольку их действия в той или иной степени связаны с проблемой эффективности власти.

---

¹ *Kasarda J.* City jobs and residents on a collision course: The urban underclass dilemma // *Economic Development Quarterly*. 1990. Vol. 4. No. 4. P. 313–319.

² *Sampson R.J., Groves B.W.* Community structure and crime: Testing social-disorganization theory // *The American Journal of Sociology*. 1989. Vol. 94. No. 4. P. 774–802; *Sampson R.J., Raudenbush S.* Systematic social observation of public spaces: A new Look at disorder in urban neighborhoods // *The American Journal of Sociology*. 1999. Vol. 105. No. 3. P. 603–651; *Sampson R.J., Raudenbush S., Earls F.* Neighborhoods and violent crime: A multilevel study of collective efficacy // *Science*. 1997. No. 277. P. 918–924.

В последние десятилетия стал отчетливо проявляться тренд движения в сторону постиндустриальных городов, для которых главными продуктами становятся культура и благожелательная атмосфера к социальным инновациям. Потребителем и производителем культурной продукции в первую очередь выступает местный креативный класс. Практическая же реализация «права на город» облегчает формирование и развитие цифровой культуры и ценностей демократического участия, способствует росту сопричастности людей к функционированию территориального сообщества.

Не остался феномен «право на город» без внимания общественных наук. Этой тематике посвящены как многочисленные научные конференции, так и публикации, в которых делаются попытки осмысления разнообразия общественных инициатив в диапазоне экономических, социальных, культурных и политических контекстов. Такой подход обеспечивает базовую основу изучения динамики развития городской среды¹, ориентированной на реализацию требований участия граждан в процессах принятия общественно значимых решений.

Большинство представителей общественных наук расширительно толкуют понятие «права на город» Лefевра, интерпретируя этот феномен как запрос на «радикальное переосмысление социальных отношений при капитализме в контексте пространственных структур городов и идей либеральной демократии»². В этом контексте «право на город» рассматривается в качестве инструмента сопротивления неолиберальной глобализации, воспринимаемой в контексте уменьшения демократического участия в управлении городами, увеличения неравенства и роста числа социальных проблем, а также как ощущение катарсиса через участие в протестных действиях.

Достаточно показательно, что британский социолог и географ Дорин Мэсси новую форму организации политической жизни называет «сетевой, конфигурационной, местной политикой»³. Эта политика ориентирована на формирование солидарности вне классовых и иных стра-

---

¹ *Uitermark J., Nicholls W., Loopmans M.* Cities and social movements. Theorizing beyond the right to the city // *Environment and Planning A*, 2012. Vol. 44. No. № 11. P. 2546–2554.

² *Purcell M.* Excavating Lefebvre: The right to the city and its urban politics of the inhabitant // *GeoJournal*. 2002. Vol. 58. No. 3. P. 99–108.

³ *Massey D.* *World City*. Cambridge: Polity, 2007. P. 155.

тификационных рамок. В качестве иллюстрации упомянем противодействие угрозам разрушения исторических памятников. Таким образом, «право на город» становится борьбой не только за доступ к общественным местам, но и за «политическое место».

В материальном мире социальная борьба рассматривается в качестве главного источника социальных изменений, способствующих преобразованиям окружающей среды. Соответственно, места не нейтральны, но играют важную роль в организации социальной жизни, отражающую динамику трансформации городов. Без понимания особенностей функционирования общества в целом невозможно понять место. Сегодня теория места — существенный элемент социальной теории, и наоборот.

Во многих странах спонтанно возникают социальные движения сопротивления проектам муниципальных властей по точечной застройке, размещению различных культовых сооружений и объектов, негативно сказывающихся на качестве среды обитания. Такое противостояние отражает стратегический дефицит взаимопонимания в вопросах путей развития городских пространств. Несмотря на обманчивую видимость архитектурного постоянства и относительной стабильности, городские пространства включены в непрерывные латентно протекающие процессы реструктурирования и социокультурной трансформации среды обитания.

НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ «ПРАВА НА ГОРОД» В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ «ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА» И «ЭЛЕКТРОННОГО ГОСУДАРСТВА»

Будущее городов — предмет выбора их жителей. С развитием информационных технологий «право на город» получило новую жизнь и многочисленные интерпретации глубоких перемен по всему миру, связанных как с развитием социума, так и с техническими новациями. В политическом контексте принятие новых технологий не означает появление победителей и проигравших. Скорее вопрос в повышении качества социальных взаимодействий.

Телекоммуникационные сети технологически упрощают процессы самоорганизации, а сама модель современных технологий хорошо вписывается в философию «права на город», влияя на формирование качественно нового информационного поля. Появление Интернета способствовало активизации дебатов, связанных с выбором оптимальной

модели демократического участия в решении локальных проблем. В таких условиях становится реальным появление новых форм политической и социальной организации горожан. Эти формы в большинстве своем не будут долговременными, скорее, люди станут социально активными в решении конкретных проблем.

Для того чтобы на деле решить стоящие перед современными городами масштабные проблемы, необходимо учитывать объективно существующий диапазон несоизмеримых идей и интересов. Феномен «права на город» в этом контексте выступает посредником между противопоставлением различных перспектив развития и готовностью идти на компромиссы, координировать свои действия с другими людьми. Через деидеологизацию муниципальной действительности становится возможным расширить социальную базу социально ответственных горожан.

В городах интеллектуальный слой благодаря общественной активности способен оказывать огромное влияние на мнение той части социума, которая длительное время считалась пассивной. Самоорганизованные группы горожан, объединенных одной задачей, делом, проектом, идеей, оказываются способны решать локальные проблемы, противостоя при этом как властным структурам, так и нигилизму значительной части населения.

Игнорирование властью открывающихся возможностей сотрудничества ведет к эрозии полномочий местного самоуправления и муниципальных управленческих структур, т.е. к деинституциализации власти. Нормативные ограничения граждан в тех или иных социальных действиях не означают возможности нейтрализовать их стремления в «праве на город». В таких условиях реактивными действиями долго поддерживать стабильность, как раньше, уже невозможно. Понимание объективности изменений и способствовало переосмыслению во многих странах мира феномена «права на город». России же это еще только предстоит...

А.С. Быстрова

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ЭЛИТЫ
ПОСЛЕ СМЕНЫ ГУБЕРНАТОРОВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ
БИОГРАФИЧЕСКИХ БАЗ 2009 И 2012 ГОДОВ)**

В статье исследуются изменения, произошедшие в корпусе административных элит шести субъектов РФ после смены губернаторов в 2012 году. Работа выполнена на основе анализа биографической базы данных, созданной в Социологическом институте РАН сотрудниками сектора социологии и гражданского общества (данные 2006, 2009 и 2012 годов соответственно по четырем, шести и восьми регионам России). Сохраняется практика формирования административного корпуса регионов (правительства, администрации региона) в связи со сменой глав регионов, не имеет существенного значения (пока), как именно она происходит – посредством выборов или назначения. По-прежнему, во главу угла ставится принцип личной лояльности. Формирование команд новых губернаторов или обновление команд вновь назначенных (избранных) глав регионов идет под сильным влиянием конкурирующих групп. Возникновение или упразднение управленческих структур недостаточно ориентировано на цели повышения эффективности функционирования управляемых. Сохраняется периферийный характер региональной элиты. Довольно высокий уровень эндогенности региональных элит косвенно свидетельствует о недостаточной горизонтальной и вертикальной мобильности и об ограниченных возможностях продвижения на более высокие уровни элиты. Тенденция уменьшения доли администраторов с первым высшим техническим образованием вселяет надежды на ослабление технократического подхода к решению проблем регионов и населения.

Ключевые слова: *региональные административные элиты, бассейн рекрутирования элиты, горизонтальная и вертикальная мобильность, карьеры*

Ранее исследователями элит было установлено, что обновление региональной элиты РФ в 1990-е годы и в начале 2000-х было связано либо с приходом нового губернатора и его команды либо с какими-то внешними для элиты факторами, понуждающими ее к обновлению¹.

---

¹ См., например: *Гаман-Голутвина О.В.* Политические элиты России. Вехи исторической эволюции. М.:РОССПЭН, 2006; *Крыштановская О.* Анатомия

К аналогичным выводам приводят и наши исследования (сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН)¹.

В 2012 г. сектором социологии власти и гражданского общества была составлена база биографических данных региональных элит, которая включала восемь регионов, а именно: Санкт-Петербург, Ленинградскую, Ростовскую, Калининградскую, Костромскую области, Хабаровский край, Москву и Новосибирскую область. По четырем из них такая база составляется уже в третий раз, что дает возможность проследить динамику изменений элитного корпуса за восьмилетний период. Еще по двум регионам — во второй раз (Хабаровский край, Костромская область) и по двум — в первый раз (Москва и Новосибирская область).

Автором статьи выполнен поиск биографических данных и составление анкетной части базы в основном по административной части элиты. Трудности, с которыми столкнулась составитель базы при ее формировании в 2012 г., были связаны со следующими обстоятельствами. Формирование новых администраций, например в нашем родном городе Санкт-Петербурге и Ленинградской области, затянулось. Кроме того, в течение года после того, как губернаторы приступили к исполнению своих обязанностей, руководители некоторых органов исполнительной власти менялись ими не один раз. Нестабильность и неопределенность были отличительной чертой новых администраций в таких регионах Северо-Запада РФ, как Санкт-Петербург и Ленинградская область. К тому же некоторые комитеты региональных администраций теряли своих руководителей в связи с угрозой или реальным возбуждением против них уголовных дел. В то время как по скандально известным

русской элиты. М.: Захаров, 2004; *Туровский Р.* Власть и бизнес в регионах России: современные процессы обновления региональных элит // Региональная элита в современной России / Фонд «Либеральная миссия»; под общ. ред. Я. Фрухтманна. М.: Либеральная миссия, 2005. С. 143–178.

¹ См., например: Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации / Под ред. А.В. Дуки. СПб.: Алетейя, 2001; *Быстрова А.С.* Типы карьер представителей региональной административно-политической элиты и факторы, влияющие на карьерные различия // Властные структуры и группы доминирования: Материалы десятого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / Под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 76–93.

персонажам регионального политического процесса обнаружено множество публикаций, содержащих как факты, так и комментарии экспертов, по некоторым персонам вообще практически отсутствовали какие-либо биографические сведения, а по другим — в биографиях были значительные лакуны, включая такие, как место и год рождения. Последнее, правда, не ново и имело место и в прошлые периоды составления базы биографических данных региональной элиты.

Во всех восьми субъектах РФ, по которым сформирована база биографических данных, за прошедшее время (с 2009 г.) имела место смена губернаторов. Задача данной работы — показать, какие изменения произошли в административной элите после смены губернаторов.

Таблица 1

Губернаторы субъектов РФ, 2012 г.

Регион (субъект РФ)	Дата смены губернатора	ФИО губернатора
Санкт-Петербург	август 2011 г.	Полтавченко Георгий Сергеевич
Ленинградская область	май 2012 г.	Дрозденко Александр Юрьевич
Ростовская область	май 2010 г.	Голубев Василий Юрьевич
Калининградская область	сентябрь 2010 г.	Цуканов Николай Николаевич
Костромская область	апрель 2012 г.	Ситников Сергей Константинович
Хабаровский край	май 2009 г.	Шпорт Вячеслав Иванович
Москва	октябрь 2010 г.	мэр Собянин Сергей Семенович
Новосибирская область	сентябрь 2010 г.	Юрченко Василий Алексеевич

Данные в таблице 1 приведены на первую половину 2012 г., т.е. на период формирования базы данных. С тех пор в губернаторском корпусе исследуемых регионов произошли и другие существенные изменения. Так, губернатор Новосибирской области Юрченко Василий Алексеевич отстранен от должности по причине утраты доверия со стороны президента РФ. Судя по публикациям в региональных и центральных СМИ, у правоохранительных органов есть основания подозревать его

в злоупотреблениях¹. Губернатор Хабаровского края Шпорт Вячеслав Иванович в сентябре 2013 г. переизбран на новый срок. Мэр Москвы Собянин Сергей Семенович также в сентябре 2013 г. переизбран на новый срок. Губернатор Санкт-Петербурга Полтавченко Георгий Сергеевич досрочно подал в отставку. Он будет участвовать в выборах губернатора Санкт-Петербурга в сентябре 2014 г. Вообще в последнее время досрочное сложение полномочий губернаторами и их последующее участие в досрочных выборах глав регионов приобрело массовый характер. В сентябре 2014 г. будут избираться главы более тридцати субъектов РФ, т.е. более трети, и значительная их часть предпочла досрочное сложение полномочий и досрочные выборы, дабы использовать благоприятную политическую конъюнктуру. Обратимся к материалам биографической базы данных и посмотрим на динамику некоторых характеристик административной элиты, зафиксированных на начало 2012 г., а именно: показатели возраста, места рождения, образования (первое и второе высшее, ученые степени). В поле нашего внимания будут также карьерные характеристики, в частности бассейн рекрутирования элитных персон (работа, предшествующая занятию элитной должности), номенклатурный опыт, опыт работы (службы) в силовых структурах.

ВОЗРАСТ

В таблице 2 приведены данные, характеризующие динамику возрастных показателей административной элиты за 2009–2012 гг.

Данные таблицы 2 показывают, что произошел некоторый сдвиг в сторону увеличения доли старших возрастов в административной элите ряда наблюдаемых субъектов РФ. Это заметно на показателях, характеризующих административную элиту Санкт-Петербурга и Ростовской области. При этом в остальных наблюдаемых регионах возросла доля лиц моложе 40 лет. Отметим, что в массиве 2009 г. административная элита была чуть старше, чем элита в целом. Лидерство в этом смысле, видимо, осталось за администраторами и в 2012 г.

---

¹ См., например: *Морозова Е., Бурлакова Е., Бирюкова Л.* Новосибирский губернатор отставлен по утрате доверия // *Ведомости*. 19.03.2014 <http://www.vedomosti.ru/politics/news/24160841/yurchenko-ne-doverili-vybory?from=newsletter-editor-choice&utm_source=newsletter&utm_medium=content&utm_campaign=editor-choice&utm_term=news12>.

Таблица 2

Возрастные категории: административная элита (в %)

Регион (субъект РФ)	2009 (n=342)			2012 (n=284)		
	22–40 лет	41–55 лет	56–80 лет	22–40 лет	41–55 лет	56–80 лет
Санкт-Петербург	17	57	26	21	35	49
Ленинградская область	3	55	42	11	59	34
Ростовская область	9	51	40	3	74	23
Калининградская область	14	75	11	16	68	16
Костромская область	11	50	39	21	58	21
Хабаровский край	2	40	58	18	50	32
Москва	-	-	-	25	46	29
Новосибирская область	-	-	-	19	42	39
Итого	10	55	35	18	52	30

Некоторое постарение отмечается для элиты в целом (см. табл. 3, в которой приведены данные по шести сравниваемым субъектам РФ). Уменьшилась доля лиц моложе 40 лет и соответственно возросла доля лиц 56 лет и старше. Данный тренд отмечен в элите Санкт-Петербурга, Ростовской области, а также Ленинградской области. Однако это нельзя утверждать с полной уверенностью, поскольку данные за 2012 г. в таблице 3 охватывают не всю региональную элиту рассматриваемых субъектов РФ.

Таблица 3

Возрастные категории: элита шести субъектов РФ (в %)

Регион (субъект РФ)	2009 (n=1577)			2012 (n=712)		
	22–40 лет	41–55 лет	56–80 лет	22–40 лет	41–55 лет	56–80 лет
Санкт-Петербург	21	52	27	15	40	45
Ленинградская область	10	55	35	9	39	52
Ростовская область	12	44	44	4	51	45
Калининградская область	16	63	21	13	60	27
Костромская область	22	49	29	22	50	28
Хабаровский край	2	46	52	8	43	49
Итого	17	51	32	11	47	42

Отмеченный сдвиг в сторону увеличения доли лиц старших возрастных категорий имел следствием незначительное увеличение пер-

сон, имеющих номенклатурный опыт. Но в целом доля лиц, имеющих в своей карьере номенклатурный опыт, невелика — около 12%.

Уровень номенклатурного опыта также невысок: всего лишь 10% должностей, которые занимали наши герои, имели отношение к уровню региона или отрасли, 90% же — это уровень низовых организаций (на предприятии). Видимо, объяснение низкого уровня номенклатурного опыта кроется прежде всего в том, что в советские времена наши герои были еще достаточно молоды. А в те позднесоветские времена, когда начинались их карьеры, занятие высоких номенклатурных должностей молодыми людьми было большой редкостью.

Уменьшилась и доля администраторов, занявших нынешнюю должность до 40 лет: если в базе 2009 г. таких было 29%, то в базе 2012 г. — только 23%.

МЕСТО РОЖДЕНИЯ

Таблица 4

Элита восьми субъектов РФ: место рождения, 2009 и 2012 гг. (в %)

Годы	2009 (n=611)		2012 (n=588)		
	Центр (Москва, Санкт-Петербург, областные центры)	Периферия (малые города и села)	Центр (Москва, Санкт-Петербург, областные центры)	Периферия (малые города и села)	Заграница
Санкт-Петербург	46	54	75	25	0
Ленинградская область	11	89	37	63	0
Ростовская область		100	38	62	0
Калининградская область	8	92	42	58	0
Костромская область	4	96	33	65	2
Хабаровский край	1	99	16	84	0
Москва			70	30	0
Новосибирская область			35	63	2
Итого	16	84	44	55	1

В таблице 4 представлены данные о месте рождения элитных персон. В региональной элите 2012 г., как и в элите 2009 г., довольно высок удельный вес уроженцев периферии страны, т.е. предположительно их

первичная социализация проходила в менее благоприятных условиях, чем уроженцев Москвы, Санкт-Петербурга и областных центров, обладающих более развитой инфраструктурой для формирования продвинутой личности с современным кругозором и мировоззрением. В целом по восьми регионам в 2012 г. 55 % — это уроженцы периферии страны. Наибольшая доля выходцев из периферийных районов страны отмечается в административной элите нашей глубинки. Так, в Хабаровском крае уроженцы периферии составляют 84 %, в Костромской и Новосибирской областях — 65 % и 63 % соответственно. Напомним, что в 2009 г. 84 % представителей элиты шести рассматриваемых регионов имели местом своего рождения малые города и села. В наибольшей степени периферийный характер (по месту рождения) элиты выражен в Хабаровском крае (84 %), Ростовской (62 %) и Ленинградской области (62 %). Только в Санкт-Петербурге 75 % региональной элиты являются уроженцами центра (т.е. Москвы, Санкт-Петербурга и областных центров), а не периферии. По четырем сравнимым с 2006 г. регионам картина похожая: 71 % представителей элиты этих регионов родились на периферии страны. Если по сравнению с 2006 г. доля выходцев из периферийных населенных пунктов к 2009 г. практически не изменилась, то в 2012 г. можно констатировать уменьшение периферийного характера элиты во всех исследуемых регионах, включая Хабаровский край, хотя в последнем доля родившихся в малых городах и селах по-прежнему очень велика. Объяснение этой тенденции, по-видимому, следует искать прежде всего в распространяющейся практике горизонтальной территориальной мобильности. Например, в случаях, когда меняющий место своей деятельности высокопоставленный чиновник (из Центра) подбирает себе команду из числа своих коллег по прежнему месту работы в Центре.

Административная элита имеет более выраженный периферийный характер в ряде регионов. Тем не менее для нее тоже характерно уменьшение периферийного характера (по месту рождения). Так, в целом по шести регионам, для которых имеются данные двух баз (2009 и 2012 гг.), доля родившихся в малых городах и селах снизилась с 84 до 60 %. Для административной элиты соответствующий показатель снизился с 89 до 62 %. Включение в массив Москвы и Новосибирской области — двух субъектов РФ, в административной элите которых доля родившихся в провинции меньше, чем в других регионах, — снизил его до 53 % (см. табл. 5).

Таблица 5

**Административная элита восьми субъектов РФ:
место рождения, 2009 и 2012 гг. (в %)**

Годы	2009 (n=252)		2012 (n=234)		
	Центр (Москва, Санкт-Петербург, областные центры)	Периферия (малые города и села)	Центр (Москва, Санкт-Петербург, областные центры)	Периферия (малые города и села)	Заграница
Санкт-Петербург	33	67	78	22	
Ленинградская область	13	87	56	44	
Ростовская область		100	32	68	
Калининградская область	8	92	45	55	
Костромская область	5	95	11	83	6
Хабаровский край	2	98	8	92	
Москва			69	31	
Новосибирская область			44	56	
Итого	11	89	47	53	0

ОБРАЗОВАНИЕ

Периферийный (по месту рождения ее представителей) характер региональной элиты продолжается в «периферийности» показателя места получения первого высшего образования. В таблице 6 представлены данные о месте получения первого высшего образования. В 2009 г. 37% персон элитного корпуса шести рассматриваемых регионов РФ получили первое высшее образование в нестоличных городах. В 2012 г. доля лиц, получивших первое высшее образование в столицах, увеличилась — до 42%. Включение в анализ еще двух субъектов Российской Федерации — Москвы и Новосибирской области — незначительно уменьшило этот показатель (до 40%). В наибольшей степени периферийность элиты по месту получения первого высшего образования свойственна Хабаровскому краю и Ростовской области. В этих двух субъектах РФ доля выпускников столичных высших учебных заведений была невелика и в 2009 г.

Таблица 6

**Элита восьми субъектов РФ: место получения
первого высшего образования, 2009 и 2012 гг. (в %)**

Годы	2009 (n=611)		2012 (n=656)	
	Столич- ные города	Нестолич- ные города	Столич- ные города	Нестолич- ные города
Санкт-Петербург	74	26	93	7
Ленинградская область	60	40	83	17
Ростовская область	8	92	16	84
Калининградская область	33	67	25	75
Костромская область	7	93	22	78
Хабаровский край	7	93	5	93
Москва			71	28
Новосибирская область			7	92
Итого	37	63	40	59

Обратимся теперь к показателям, характеризующим образование представителей административной элиты. Обнаружено, что увеличилась доля лиц, получивших первое высшее образование в столичных вузах: по шести сравнимым регионам показатель вырос с 27 до 43 %. Но если в 2009 г. периферийный характер административной элиты по этому показателю был более отчетливо выражен (по элите в целом доля выпускников столичных вузов достигала 37 %), то в 2012 г. мы наблюдаем практически выравнивание их величины. В элите в целом этот показатель равен 42 %, а в административной — 43 %. По восьми регионам, включая Москву и Новосибирскую область, доля получивших первое высшее образование в столичных вузах равна 44 %. Создается впечатление, что мы зафиксировали тенденцию выравнивания характеристик региональной элиты по месту получения первого высшего образования.

Наиболее интересными, на наш взгляд, являются изменения, которые произошли в номенклатуре первого высшего образования региональной элиты (см. табл. 7). Так, уменьшилась доля лиц, у которых первое высшее образование — техническое. В целом по шести нашим регионам в 2009 г. доля имеющих первое высшее техническое образование составляла 49 %, в 2012 г. (по восьми регионам) — 42 %. Причем без учета Новосибирской области, где этот показатель равен 64 %, величина доли для элиты в целом имела бы еще меньшее значение.

Таблица 7

**Элита восьми субъектов РФ: номенклатура
первого высшего образования, 2009 и 2012 гг. (в %)**

Регион	2009 (n=1412)			2012 (n=681)		
	Финансово-экономическое	техническое	военное	Финансово-экономическое	техническое	военное
Санкт-Петербург	17	48	10	19	38	11
Ленинградская область	10	52	10	15	43	9
Ростовская область	16	53	4	12	45	16
Калининградская область	5	46	9	17	34	20
Костромская область	16	44	10	23	30	11
Хабаровский край	9	57	9	16	38	6
Москва				15	32	14
Новосибирская область				17	64	2
Итого	14	49	9	16	42	11

В целом не подтвердились наши ожидания об увеличении доли лиц с первым высшим военным образованием. Исключение составляют только Ростовская и Калининградская области, где в составе региональной элиты доля лиц с первым высшим военным образованием увеличилась весьма существенно: с 4 до 16% в Ростовской и с 9 до 20% в Калининградской области.

В корпусе элиты 2012 г. слегка подросла доля VIP-персон, имеющих финансовое и экономическое образование. Наибольший рост отмечается в Калининградской и Костромской областях, Хабаровском крае (17% против 5% в 2009 г., 23% против 16% и 16% против 9% соответственно). Одновременно обращает на себя внимание небольшой удельный вес тех, кто имеет управленческое образование. Недостаток познаний в области управления восполняется получением второго высшего образования. Управленческо-политическое образование практически у каждого второго (конечно, из тех, кто второе высшее образование имеет), правда, выявлен довольно большой разброс — от 53% в корпусе элиты Костромской области (максимальное значение для 2012 г.) до 34% в Новосибирской области (минимальное значение в 2012 г.).

В структуре второго высшего образования изменений практически нет. Здесь по-прежнему лидирует управленческо-политическое образование. За ним со значительным отрывом следует финансово-экономическое образование. Но, так же, как и в случае второго управленческо-политического образования, наблюдается большой разброс значений: от 48 % для элиты Новосибирской области до 12 % у представителей элиты Санкт-Петербурга.

Что касается административной элиты регионов, то в ней также снижается доля лиц, имеющих первое высшее техническое образование. Данное изменение в разной степени выражено в рассматриваемых регионах. Наиболее сильное снижение показателя отмечается в Хабаровском крае — с 60 % в 2009 г. до 33 % в 2012 г., т.е. почти в два раза. Такое же изменение фиксируется в Ростовской области. В этом регионе доля лиц, имеющих первое высшее техническое образование, снизилась в составе административной элиты с 55 % в 2009 г. до 28 % в 2012 г. Доля обладателей первого высшего силового, юридического и военного образования в административной элите существенно не изменилась. В части субъектов РФ она увеличилась, в других — уменьшилась. К первым можно отнести Санкт-Петербург и Ростовскую область. И в одной и в другой показатель вырос на треть и достиг 29 % и 22 % соответственно. Ко вторым можно отнести Калининградскую и Костромскую области, а также Ленинградскую область. В первых двух показатель снизился примерно на треть и составил в 2012 г. 27 % и 11 % соответственно. В Ленинградской области уменьшился на четверть и равняется 12 %.

Посмотрим, что происходило с «остепененностью» наших высших региональных чиновников (см. табл. 8).

Количество остепененных администраторов, как видим, выросло в четырех из рассматриваемых регионов, кроме Костромской области и Хабаровского края. Наиболее остепененный корпус администраторов — в Москве и Ростовской области (42 % и 49 % соответственно). Ростовская область выделялась в этом смысле и в 2009 г. Понятны мотивы престижа в стремлении обзавестись ученой степенью. В этом смысле вряд ли скандалы последних двух-трех лет вокруг чиновничьих и депутатских диссертаций смогут умерить аппетиты VIP-персон.

Что касается научных областей, в которых предпочитают защищаться администраторы, то здесь бесспорным лидером являются экономические науки. На них приходится 40 % кандидатских степеней.

Таблица 8

**Административная элита восьми субъектов РФ:
наличие ученой степени, 2009 и 2012 гг. (в %)**

Регион	2009 (n=425)		2012 (n=330)	
	Наличие ученой степени		Наличие ученой степени	
	есть	нет	есть	нет
Санкт-Петербург	25	75	37	63
Ленинградская область	22	78	35	65
Ростовская область	29	71	49	51
Калининградская область	8	92	31	69
Костромская область	17	83	8	92
Хабаровский край	24	76	14	86
Москва			42	58
Новосибирская область			31	69
Итого	23	77	33	67

На втором месте с большим отставанием юридические науки (12%). Больше всего кандидатов юридических наук в Ленинградской области, Санкт-Петербурге и Новосибирской области. Социологические науки пользуется популярностью преимущественно у чиновников Ростовской области. В этом регионе 20% кандидатских и 27% докторских степеней получены именно по социологии. Экономические науки лидируют и в докторских защитах: в целом по восьми регионам примерно треть докторских защит приходится именно на эту область знаний.

ВЫХОДЦЫ ИЗ СИЛОВЫХ СТРУКТУР В СОСТАВЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ

Интерес исследователей властных групп к продвижению выходцев из силовых структур на ключевые позиции в региональной элите, на наш взгляд, оправдан. Личностные качества персон этой группы как представителей власти и государственного управления обусловлены особенностями их профессиональной социализации. Само по себе их присутствие в структурах власти ни хорошо, ни плохо. Важно соответствие личных качеств потребностям государственного управления и отправления иных властных функций в конкретных условиях. Отметим только, что в советские времена служба в армии была неременным пунктом кадровой или иной анкеты, а по факту, как правило, необходи-

мой ступенью любой успешной карьеры лиц мужского пола. Не имея возможности подробно обсуждать тему возможного формирования «милитократии», поставленную известным отечественным исследователем О. Крыштановской, сошлюсь на работу А.В. Дуки, специально посвященную теме силовиков в региональной элите и очень взвешенную по выводам¹.

Сведения о службе в силовых ведомствах есть не по всему корпусу элиты базы данных 2009 г. Достоверно известно, что около 19% имели такой опыт. Из них 65% служили **в силовых ведомствах** пять лет и менее, при этом 48% служили всего лишь один-два года, что говорит, скорее всего, о том, что это срочная служба в армии. Наибольшее количество служивших менее пяти лет в составе региональной элиты Ростовской области, Хабаровского края, в Калининградской области. Меньше всего количество служивших менее пяти лет в составе региональной элиты Ленинградской области.

Что касается корпуса элиты в базе 2012 г., то можно отметить, что удельный вес лиц, имеющих опыт работы в силовых структурах, вырос. Кстати, если судить о доле выходцев из этих структур в составе корпуса административной элиты по первому высшему образованию — военному и юридическому, то в совокупности они дадут нам примерно ту же величину — около 2%.

КАРЬЕРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И БАСЕЙН РЕКРУТИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ

Анализ биографических баз данных 2009 и 2012 гг. проводился по таким переменным, как предшествующая и предпредшествующая работа, с тем чтобы выявить возможные изменения в характеристиках карьерных путей элитных персон, а также бассейн рекрутирования региональной элиты. Этот анализ показывает, что в 2012 г. по сравнению с 2009 г. большее количество администраторов рекрутировалось из административно-управленческой сферы (см. табл. 8). В то же время

---

¹ Дука А.В. К вопросу о милитократии: силовики в региональных властных элитах // Властные структуры и группы доминирования: Материалы десятого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / Под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 94–120.

уменьшилось значение бизнеса как бассейна рекрутирования административной элиты. Судя по показателям предшествующей работы, депутатский корпус не имеет существенного значения как бассейн рекрутирования административной элиты исследуемых регионов. Не имеет существенного значения и количество выходцев из силовых структур. Тем не менее, как правило, они занимают важные посты в региональных администрациях и их влияние в связи с этим более значимо, чем тех персон, чья предшествующая карьера не была связана со службой в силовых ведомствах. Так, в составе правительства Ленинградской области по крайней мере два бывших высших офицера спецслужб, которые отвечают за внешние связи области и координацию деятельности силовых и правоохранительных структур. Губернатор Санкт-Петербурга Г.С. Полтавченко с 1979 по 1994 г. служил в органах КГБ Ленинградской области и Санкт-Петербурга. С 1994 по 1999 г. — начальником Управления Федеральной службы налоговой полиции по Санкт-Петербургу, генерал-лейтенант налоговой полиции. Руководителем администрации губернатора Санкт-Петербурга стал отставной офицер спецназа ГРУ.

Те же тенденции рекрутирования административной элиты прослеживаются и по показателям предпредшествующей работы (см. табл. 9) — по массиву в целом. То есть в период между составлениями двух баз данных, в который произошла смена губернаторов в рассматриваемых регионах, относительно возростала роль рекрутирования чиновников из административно-управленческой сферы, хотя эта тенденция по данному показателю выражена гораздо слабее. Изменения произошли за счет включения в базу данных по администраторам Москвы и Новосибирской области.

Процесс профессионализации административной элиты, прослеживаемый по показателям, характеризующим бассейны рекрутирования административной элиты, наиболее отчетливо выявляется при сопоставлении данных о предшествующей и предпредшествующей работе, сгруппированных по годам составления баз данных 2009 и 2012 гг. (см. табл. 10 и 11). И здесь, как и в случае с другими показателями, мы наблюдаем довольно большой разброс значений от региона к региону. Однако общая тенденция скорее подтверждается. Правда, следует учитывать, что наблюдение охватывает сравнительно короткий промежуток времени, хотя и озаменованный значимыми событиями в политической жизни регионов.

Таблица 9

Административная элита регионов: предпринимательская работа, 2009 (n=316) и 2012 (n=289) годы в %%

Регион	2009 (n=316)				2012 (n=289)			
	депутат	админи- стратор	Бизнесмен, хозяйственник	силовик	депутат	админи- стратор	Бизнесмен, хозяйственник	силовик
Санкт-Петербург	3	68	23	4	7	48	38	7
Ленинградская область	18	58	10	5	6	57	26	3
Ростовская область	0	82	15	0	0	75	13	6
Калининградская область	7	61	21	0	3	58	23	0
Костромская область	7	86	7	0	0	71	17	0
Хабаровский край	2	89	0	4	0	57	29	0
Москва					0	68	23	6
Новосибирская область					0	64	21	4
Итого	5	57	25	5	2	63	24	4

Таблица 10

Административная элита регионов: предпринимательская и предпринимательская работа, 2009 год (в %%)

Регион	Предпринимательская работа (n=377)				Предпринимательская работа (n=316)			
	депутат	админи- стратор	Бизнесмен, хозяйственник	силовик	депутат	админи- стратор	Бизнесмен, хозяйственник	силовик
Санкт-Петербург	3	68	23	4	4	43	35	7
Ленинградская область	18	58	10	5	8	55	22	4
Ростовская область	0	82	15	0	3	62	28	0
Калининградская область	7	61	21	0	9	67	15	0
Костромская область	7	86	7	0	7	87	7	0
Хабаровский край	2	89	0	4	2	71	11	11
Итого	6	72	15	3	5	57	25	5

Таблица 11
Административная элита регионов: предшествующая и предпреществующая работа, 2012 в %/%

Регион	Предшествующая работа (n=312)				Предпреществующая работа (n=289)			
	депутат	админи-стратор	Бизнесмен, хозяйственный	силовик	депутат	админи-стратор	Бизнесмен, хозяйственный	силовик
Санкт-Петербург	0	73	23	3	7	48	40	7
Ленинградская область	0	77	21	2	6	57	26	6
Ростовская область	3	68	15	6	0	75	13	6
Калининградская область	0	71	19	0	3	58	23	0
Костромская область	3	77	16	0	0	71	17	0
Хабаровский край	4	82	11	0	0	57	29	0
Москва	1	86	12	0	0	68	23	6
Новосибирская область	0	77	16	3	0	64	21	4
Итого	1	78	16	2	2	63	24	4

Материалы биографической базы позволяют оценить степень укорененности региональной элиты. Показатели эндогенности, учитывающие совпадение места рождения и места занятия элитной позиции («где родился, там и пригодился»), с одной стороны, и совпадение места получения первого высшего образования и места занятия элитной позиции — с другой, позволяют оценить возможности «делания карьеры», продвижения на более высокие уровни социальной лестницы, горизонтальной и вертикальной мобильности.

По данным биографической базы 2009 г. (см. табл. 12 и 13), показатели, характеризующие эндогенность региональной элиты по месту рождения, по большей части ниже, чем показатели эндогенности по месту получения первого высшего образования. Так, 31 % администраторов Санкт-Петербурга родились в нем, но при этом 73 % получили первое высшее образование в вузах города. На общем фоне выделяется Ленинградская область, где эндогенность по первому высшему образованию равна нулю. Объяснение тем не менее есть, и оно связано с тем, что практически все вузы Санкт-Петербурга и Ленинградской области расположены на территориях, принадлежащих городу как субъекту РФ. По массиву шести регионов в целом укорененность элиты, измеряемая показателем совпадения места рождения и места элитной позиции, ниже, чем укорененность, измеряемая совпадением места получения первого высшего образования и места службы на элитной должности (29 % и 47 % соответственно). Место получения первого высшего образования имело большее влияние, чем место рождения, на занятие элитной позиции.

Данные биографической базы 2012 г. также демонстрируют более высокое значение фактора места получения первого высшего образования по сравнению с местом рождения. Так, для Санкт-Петербурга показатель эндогенности региональной административной элиты по месту получения первого высшего образования существенно выше показателя эндогенности по месту рождения (83 % против 45 % соответственно).

Но еще большее значение имело место предшествующей работы (см. табл. 14). Бассейн рекрутирования высших администраторов регионов «привязан» по большей части к собственной территории. Показатели эндогенности региональной административной элиты, измеряемый совпадением предшествующей работы и места элитной позиции, очень высоки и достигают в некоторых субъектах РФ почти 100 %.

Таблица 12

**Эндогенность региональной элиты:
совпадение места рождения и места элитной позиции, 2009 и 2012 годы**

Регион	2009 (n=1716)						2012 (n=595)							
	административная		политическая		экономическая		регион		административная		политическая		экономическая	
	эндогенная	неэндогенная	эндогенная	неэндогенная	эндогенная	неэндогенная	эндогенная	неэндогенная	эндогенная	неэндогенная	эндогенная	неэндогенная	эндогенная	неэндогенная
Санкт-Петербург	31	69	52	48	31	69	37	63	45	55	59	41	-	-
Ленинградская область	11	89	18	82	11	89	14	86	48	52	19	81	-	-
Ростовская область	30	70	50	50	14	86	37	63	55	45	52	48	-	-
Калининградская область	17	83	10	90	9	91	13	83	31	69	36	64	-	-
Костромская область	12	88	38	62	37	63	30	70	12	88	53	47	-	-
Хабаровский край	29	71	24	76	0	100	21	79	46	54	12	88	-	-
Итого	23	77	38	62	25	75	29	71	35	65	39	61	-	-
Москва	-	-	-	-	-	-	-	-	34	66	44	56	-	-
Новосибирская область	-	-	-	-	-	-	-	-	57	43	-	-	37	63
Итого	-	-	-	-	-	-	-	-	37	63	40	60	-	-

Таблица 13

Эндогенность региональной элиты: совпадение места получения первого высшего образования и места элитной позиции, 2009 и 2012 годы

Регион	2009 (n=1716)						2012 (n=658)							
	административная		политическая		экономическая		регион		административная		политическая		экономическая	
	элитная	неэлитная	элитная	неэлитная	элитная	неэлитная	элитная	неэлитная	элитная	неэлитная	элитная	неэлитная	элитная	неэлитная
Санкт-Петербург	73	27	79	21	64	36	70	30	83	17	93	7	-	-
Ленинградская область	0	100	0	100	1	99	0,4	99,6	0	100	0	100	-	-
Ростовская область	48	52	64	36	33	67	54	46	59	41	63	37	-	-
Калининградская область	15	85	31	69	28	72	27	73	32	68	45	55	-	-
Костромская область	17	83	41	59	29	71	28	72	62	38	45	55	-	-
Хабаровский край	51	49	49	51	18	82	43	57	63	37	56	44	-	-
Итого	40	60	50	50	47	53	47	53	47	53	50	50	-	-
Москва	-	-	-	-	-	-	-	-	53	47	79	21	-	-
Новосибирская область	-	-	-	-	-	-	-	-	83	17	-	-	69	31
Итого	-	-	-	-	-	-	-	-	53	47	54	46	-	-

Таблица 14

**Эндогенность региональной административной элиты:
совпадение места предшествующей работы и места элитной позиции,
2009 и 2012 годы, совпадение места предэлитной должности
и места элитной позиции, 2012 год, в % %.**

Регион	совпадение места пред- шествующей работы и места элитной позиции 2009 (n=259)	совпадение места пред- шествующей работы и места элитной позиции 2012 (n=305)	совпадение места пред- элитной должности и места элитной позиции 2012 (n=237)
Санкт-Петербург	99	73	86
Ленинградская область	21	72	56
Ростовская область	97	82	71
Калининградская область	24	97	81
Костромская область	80	86	95
Хабаровский край	98	96	93
Москва	Нет данных	94	77
Новосибирская область	Нет данных	100	100

Особый случай — Ленинградская область, тесно связанная с Санкт-Петербургом, вокруг которого она располагается. Ряд чиновников области рекрутирован из Ленинградской области и наоборот. Поэтому целесообразно учитывать в характеристике эндогенности административной элиты Ленинградской области предшествующую работу в Санкт-Петербурге. Данное действие немедленно поднимает показатель эндогенности по предшествующему месту работы до величины, сопоставимой с аналогичным показателем в других регионах нашей базы данных. Это справедливо и для 2009, и для 2012 г.

Наконец, для массива 2012 г. использован еще один показатель эндогенности региональной административной элиты — совпадение места предэлитной должности и места элитной позиции (см. табл. 14). Он также имеет высокие значения для всех регионов. Что свидетельствует, повторим, о тесной «привязке» бассейна рекрутирования региональной административной элиты к собственной территории. В то же время это

говорит о достаточно низкой территориальной (горизонтальной) мобильности регионального чиновничества.

Смена глав регионов, как правило, ведет к существенному обновлению административной элиты. Происходит оно иногда довольно быстро, иногда растягивается на годы, в течение которых представители команды бывшего губернатора сохраняют свои позиции. Объяснить в каждом конкретном случае положение можно различными обстоятельствами, но, представляется, есть одно общее — недостаточно активная работа с кадрами, которые «должны решать все». Формирование резерва вроде бы должно было разрешить проблему. В ряде случаев так и происходит. Например, в Ростовской области многие чиновники назначаются на новые должности именно из такого резерва. Несколько чиновников правительства Санкт-Петербурга сначала были включены в резерв, а затем получили должности в федеральном центре. Но все-таки ригидная малоподвижная система вертикальных лифтов не позволяет действовать адекватно. Поэтому, например, в Хабаровском крае до 60% администраторов — это люди прежнего губернатора (хотя и нынешний губернатор — тоже креатура прежнего). А в Карелии пригласили на работу в правительство региона бывшего отставника из правительства Ленинградской области, потерявшего должность в связи с нарушениями проведения конкурсов на госзакупки, за которые на чиновника были наложены штрафы в размере около полумиллиона рублей.

Обнаружилась и еще одна черта формирования административных элит регионов — это приглашение эффективных чиновников из других регионов, как далеких, так и близких. Не всегда такое перемещение означает повышение, нередко — это реализация деловых связей и формирование администрации не по принципу профессионализма, а лояльности. Так, Олег Сибиряков, руководитель Комитета Ленинградской области по тарифам и ценовой политике, до этого более семи лет работал заместителем руководителя аналогичных комитетов в Ивановской и Тверской областях. Пресса со ссылкой на «кулуары областного правительства» сообщает, что Сибиряков является креатурой вице-губернатора — председателя Комитета экономического развития и инвестиционной деятельности области Дмитрия Ялова¹. Сибиряков — уроженец Баку, окончил Ярославское высшее военное финансовое училище по

---

¹ Гильмишина Ю. Олег Сибиряков: свой среди чужих // Сайт новостей Ленинградской области «47News»: 27.11.2012. <<http://47news.ru/articles/59373/>>.

специальности «финансовое обеспечение», С 1985 по 1995 г. работал начальником финансовой службы в Кадровой военной службе Министерства обороны. По его собственным словам, для него главное — профессионализм. Его «покровитель» очень молод, выпускник 2002 г. Санкт-Петербургского государственного университета по специальностям «политология» и «экономика». В 2009–2010 гг. он исполнял обязанности министра экономического развития, труда, науки и высшей школы Иркутской области. Его появление в правительстве области связывали с Ю. Ковальчуком, однако подтверждения этому нет.

Формирование команд новых губернаторов или обновление команд вновь назначенных (избранных) глав регионов идет под сильным влиянием и даже давлением конкурирующих групп. Возникновение или упразднение управленческих структур недостаточно ориентировано на цели повышения эффективности функционирования управляемых. Становление «нового порядка» в администрациях затягивается. Так, в Ленинградской области смена губернатора пришлось на май 2012 г. А в январе 2013 г. читаем в местной прессе про Комитет по ТЭК: «Один из самых молодых, но уже самый безнадзорный — за полгода существования из него ушёл второй руководитель и появился уже третий председатель с приставкой “и.о.”». Журналисты напоминают, что «комитет является главным распорядителем бюджетных средств, его годовой бюджет с учётом выпадающих доходов — примерно 3 миллиарда рублей <...> У председателя комитета, помимо права распределять государственные деньги и контролировать идущие процессы, есть право подписи на проектах инвестиционных программ энергетических компаний — ОАО “Ленэнерго” и “ЛОЭСК”. А это уже бюджеты корпораций, ведущих бизнес в Ленобласти»¹. Кстати сказать, некоторые заинтересованные лица, комментировавшие очередные кадровые перемещения в Комитете по ТЭК, высказывали сожаление об уходе одного из руководителей комитета (Вадим Малык, генеральный директор ОАО «ЛОЭСК») как о чиновнике, способном обеспечить баланс интересов в подведомственном хозяйстве².

---

¹ Гильмишина Ю. Кого посадят на главный «электрический стул»? // Сайт новостей Ленинградской области «47News»: 23.01.2013. <<http://lenobl.allnw.ru/news/181289>>.

² Там же.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

1. Сохраняется практика формирования административного корпуса регионов (правительства, администрации региона) в связи со сменой глав регионов, не имеет существенного значения (пока), как именно она происходит — посредством выборов или назначения. То есть по-прежнему во главу угла ставится принцип личной лояльности.

2. Произошел некоторый сдвиг по сравнению с 2009 г. в сторону увеличения в административной элите доли лиц старших возрастов. Этот сдвиг имел следствием и некоторое увеличение персон, имеющих номенклатурный опыт. Уменьшилась и доля администраторов, занявших нынешнюю должность до 40 лет.

3. Сохраняется периферийный (по месту рождения и получению высшего образования) характер региональной элиты.

4. Сохраняется тенденция уменьшения доли администраторов с первым высшим техническим образованием, что вселяет определенные надежды на ослабление технократического подхода к решению проблем регионов и населения.

5. Удельный вес лиц, имеющих опыт работы в силовых структурах, вырос. Однако эти лица занимают важные посты в региональных администрациях и их влияние в связи с этим более значимо, чем тех персон, чья предшествующая карьера не была связана со службой в силовых ведомствах.

6. В 2012 г. по сравнению с 2009 г. большее количество администраторов рекрутировалось из административно-управленческой сферы. В то же время уменьшилось значение бизнеса как бассейна рекрутирования административной элиты — по показателям предшествующей и предпредшествующей работы.

7. Сохраняется довольно высокий уровень эндогенности региональных элит, что косвенно свидетельствует о недостаточной горизонтальной и вертикальной мобильности и об ограниченных возможностях продвижения на более высокие уровни элиты.

8. Данные выводы сделаны на основании анализа баз данных по 4–6–8 регионам. Поэтому распространение выводов на все регионы, на страну в целом ограничено.

В.Л. Римский

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ВЫСТРАИВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ КАРЬЕР И НЕЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ

Статья посвящена описанию в авторской концептуализации некоторых результатов исследования, проведённого РАПН в 2012 году по гранту ИНОП. В частности, в статье сделана попытка описать сущности реальных социальных институтов, определяющих политические карьеры в российских регионах, и обоснований того, как эти институты определяют системную неэффективность государственного управления.

Современные российские региональные и местные элиты не являются едиными, они разделены на клики и кланы, соперничающие за доступ к различным ресурсам, включая, политические, экономические и социальные. Кликовая и клановая структуры региональных и местных элит сходным образом определяют высокую значимость неформальных связей и отношений в их обновлении, омоложении, в рекрутировании в них новых членов, в том, насколько значимыми будут социальные позиции занимаемыми их членами, как новыми, так и старыми.

Российские региональные и муниципальные элиты являются замкнутыми в том смысле, что административные, политические, общественные и иные карьеры осуществляются почти исключительно внутри их сообществ. Исключения крайне редки, в частности, очень мало шансов имеет лидер местного уровня подняться в карьере на региональный уровень, а с регионального – на федеральный.

Понимания проблем, требующих решений, определяются интересами клик и кланов элитных социальных групп, а не общественными и не государственными. Поэтому многие значимые проблемы регионов и муниципальных образований в постсоветский период не решаются в течение десятилетий, а среди граждан нарастает отчуждение от политики и органов власти.

Ключевые слова: *политические карьеры, элиты, группы лояльности, вертикаль власти, коррупция, регионы, муниципальные образования.*

В 2012 году членами Российской ассоциации политической науки (РАПН), включая представителей ее руководства и исследовательских

комитетов, по гранту ИНОП¹ выполнялся исследовательский проект «Рекрутирование политических лидеров муниципального и регионального уровней в современной России: проблемы оптимизации и повышения общественно-политической эффективности». Целью этого проекта было определение возможностей и ограничений существующих механизмов развития политической карьеры лидеров местного и регионального уровней в современной России для выявления наиболее перспективных путей совершенствования процессов ротации, обновления и омоложения политических элитных групп данных уровней.

В ходе работы над проектом с конца апреля по начало июня 2012 г. проводились экспертные интервью с 22 ведущими российскими учеными в области элитологии и регионалистики из числа членов РАПН. Они являлись преимущественно докторами и кандидатами политических и социологических наук, крупными специалистами по предмету исследования, проживающими в Москве, Санкт-Петербурге, Астрахани, Перми, Ростове-на-Дону и Рязани. Интервьюерами были также преимущественно представители руководства РАПН и ее исследовательских комитетов.

Результаты этих экспертных интервью не исчерпывают всего содержания проекта, но позволяют тем не менее представить систему социальных институтов и практик, а также их действие в осуществлении политических карьер в регионах и муниципальных образованиях. Краткое изложение авторской концептуализации этих результатов исследовательского проекта приводится ниже, как и попытка описания сущности реальных социальных институтов, определяющих политические карьеры в российских регионах, а также обоснований того, как эти институты определяют системную неэффективность государственного управления.

КЛИКИ И КЛАНЫ В РОССИЙСКОЙ ЭЛИТЕ

По результатам проведенного исследования нынешнее состояние российских региональных и местных элит представляется следующим. Эти элиты не являются едиными, они разделены на клики и кланы,

---

¹ При реализации проекта использовались средства государственной поддержки, выделенные Институтом общественного проектирования в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 2 марта 2011 г. № 127-рп.

соперничающие за доступ к различным ресурсам, включая политические, экономические и социальные. При этом на макроуровне, напротив, происходит существенная социетальная дезинтеграция в силу слабости формальных и безличных социальных институтов, в частности, основанных на универсальных нормах законов.

Кланы, т.е. социальные общности близких или дальних родственников, более распространены в элитах республик Северного Кавказа и в национальных республиках в составе России. В других регионах элиты разделяются скорее по кликам. Кликами можно назвать социальные общности, объединяемые по неформальным принципам и стремящиеся к достижению общих целей, нередко корыстных и неблагоприятных, использующих для этого полномочия входящих в них должностных лиц органов власти в собственных целях и интересах.

Эксперты в своих интервью не употребляли понятия «клики», по-видимому, вследствие его редкого использования в современной российской политической науке. Тем не менее при определенной близости понятий «кланы» и «клики» принципы организации российских элит вряд ли можно свести только к клановости, основанной преимущественно на родственных связях. В современных российских элитах неформальные связи и взаимодействия порождают большое разнообразие социальных общностей на микроуровне, которые наиболее адекватно представляются именно кликами. Ведь в клики объединяются на добровольных началах ради реализации тех или иных частных интересов. А кланы не являются добровольными объединениями индивидов, потому что основаны на родстве, а также нередко на связанной с ним принадлежностью к одному этносу или одной религии¹. Кроме того, для российской ситуации весьма характерны негативные коннотации понятия «клика» в общественном мнении. Ведь ее участники объединяются неформальными взаимоотношениями независимо от своих официальных должностей, а для реализации интересов своей клики нередко готовы нарушать нормы закона и общественной морали². Примерами

---

¹ *Хлотин А.Д.* Социум клик как российский тип социальной организации // Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка / Ред.кол.: С. В. Патрушев (отв. ред.), С. Г. Айвазова, П. В. Панов. М.: РАПН; РОССПЭН, 2011. С. 70.

² *Патрушев С.В.* Введение. Гражданская активность и институциональный порядок в России: к постановке проблемы // Граждане и политические практи-

клик в российских регионах и местных сообществах могут служить весьма распространенные коррупционные сети как сети личных отношений, деятельность которых проявляется в складывании неформальных и нелегальных взаимосвязей и взаимозависимостей между чиновниками по вертикали управления в одном ведомстве или иной структуре, а также по горизонтали на различных уровнях управления между разными ведомствами и иными структурами¹. Во многом именно коррупционные сети определяют довольно высокий уровень коррупции в нашей стране.

Клики и кланы в российских регионах как объединения элиты имеют близкие цели и мотивы своих действий, а также способы использования для реализации своих целей полномочий входящих в них должностных лиц органов власти. Эти социальные общности различаются принципами принадлежности к ним: кланы скорее представляют собой объединения по родственному принципу, а клики — по связям и знакомствам, необязательно родственным, но полезным для реализации общих целей. В некоторых случаях родственный и прагматический принципы могут совмещаться, например клан может найти тот или иной способ обеспечения родственных связей с необходимым ему индивидом, а клика может строиться на основе неформального объединения членов одной или нескольких семей. При этом и кликовая, и клановая структура региональных и местных элит сходным образом определяет высокую значимость неформальных связей и отношений в их обновлении, омоложении, рекрутировании в них новых членов, в том, насколько значимыми будут социальные позиции, занимаемые их членами, как новыми, так и старыми.

ЗАМКНУТОСТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЭЛИТ

Российские региональные и муниципальные элиты являются замкнутыми в том смысле, что административные, политические, обще-

---

ки в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка / Ред.кол.: С. В. Патрушев (отв. ред.), С. Г. Айвазова, П. В. Панов. М.: РАПН; РОССПЭН, 2011. С. 13.

¹ Римский В.Л. Бюрократия, клиентелизм и коррупция в России // Общественные науки и современность. 2004. № 6. С. 76. <<http://ecsocman.hse.ru/data/2011/01/12/1223769304/Rimski.pdf>>.

ственные и иные карьеры осуществляются почти исключительно внутри их сообществ. Исключения крайне редки, в частности очень мало шансов имеет лидер местного уровня подняться в карьере на региональный уровень, а с регионального — на федеральный. В современной российской ситуации в большинстве случаев получить назначения на должности губернаторов регионов имеют больше шансов кандидатуры из других регионов или из федерального центра, чем сделавшие карьеры в своих собственных регионах. Аналогично мэрами городов, особенно крупных, существенно чаще становятся кандидатуры губернаторов регионов, чем сделавшие карьеры в этих городах. Во многом такая система назначений сложилась вследствие желаний, нередко таким образом вполне реализуемых, чтобы кандидатуры на должности губернаторов и мэров городов были более подконтрольны вышестоящим органам государственного управления, чем региональным и местным элитам.

Такая система назначений на должности губернаторов и мэров городов поддерживает замкнутость региональных и муниципальных элит и препятствует их консолидации. Причина в том, что федеральные органы власти не заинтересованы в появлении в регионах и в местных сообществах влиятельных элитных общностей, консолидирующих общие интересы различных элитных групп. В результате и сами эти элитные группы, их клики и кланы в первую очередь отстаивают свои неформальные права на владение и распоряжение значимой собственностью в регионах и муниципальных образованиях, стремятся распространять свой контроль над собственностью, формальные или неформальные права на которую имеют иные элитные группы. Контроль и распределение финансовых средств государственного и муниципальных бюджетов - также сферы интересов клик и кланов, которые им тоже приходится отстаивать в борьбе с другими кликами и кланам. Существенные различия интересов клик и кланов регионального и муниципального уровней поддерживаются и периодически обостряются как в результате активности самих этих клик и кланов, так и в результате политики федеральных органов власти. И эти различия интересов клик и кланов в современной российской ситуации существенно препятствуют консолидации элитных социальных групп регионов и местных сообществ.

В региональных и муниципальных элитах доминируют эгоистические интересы, можно даже говорить об атомизации этих элит, об отсутствии в большинстве регионов и местных сообществ их объеди-

нений в крупные влиятельные группировки, клики или кланы. В результате общие региональные и муниципальные интересы остаются фактически несформулированными, поэтому региональные и муниципальные элиты не могут представлять значимых противников в политической борьбе более влиятельным и сильным федеральным группам влияния, а тем более федеральному центру.

Необходимость консолидации региональных и муниципальных элит, несмотря на противодействующие факторы тем не менее возникает в политическом процессе и обеспечивается в различной степени, на более или менее длительные периоды. Но факторами такой консолидации региональных и муниципальных элит чаще всего становятся интересы федеральных органов власти и руководства страны. В частности, такая консолидация осуществляется, когда перед региональными и муниципальными элитами федеральные органы власти ставят задачи по обеспечению своих интересов на федеральных выборах. Региональные и муниципальные клики и кланы практически не имеют собственной мотивации к политической консолидации, поскольку она представляется им нерациональной. Ведь все возникающие проблемы взаимоотношений с чужими кликами и кланами они привыкли решать в неформальных взаимодействиях, без использования норм формальных социальных институтов.

ИНСТИТУТЫ КОНСОЛИДАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЭЛИТ

Периодически появляющийся запрос на консолидацию региональных и муниципальных элит сформировал соответствующие формальные и неформальные социальные институты. Такие формальные социальные институты в последние годы целенаправленно создавали федеральные органы власти, поскольку именно их интересы являются наиболее значимыми факторами такой консолидации. К формальным институтам консолидации региональных и муниципальных элит можно отнести «вертикаль исполнительной власти» и членство в партии «Единая Россия», а к неформальным — членство в группах лояльности и влияния, в кликах и кланах. Но различия интересов представителей разных элитных групп, иногда даже на личностном уровне, этими институтами не преодолеваются. Дело в том, что формальным институтам в российских элитах нет доверия и нет подчинения их нормам, а неформальные институты согласований интересов и разрешений конфликтов

клики и кланы предпочитают выстраивать самостоятельно без посредников и на основе нестабильных личных отношений. И небольшие изменения в этих отношениях, а тем более их сильные изменения, связанные с отставками и назначениями высокопоставленных должностных лиц регионов и муниципальных образований, способны существенно перестраивать взаимоотношения в них по поводу владения и распоряжения значимой собственностью и контроля над финансовыми потоками. Стабильные формальные или неформальные социальные институты консолидации интересов элитных групп регионального и муниципального уровня в таких условиях не формируются.

Доминирование эгоистических интересов и отсутствие консолидации региональных и муниципальных элит, а также их атомизация облегчают их объединение в поддержку интересов федеральных групп влияния и федерального центра. Ведь если каждый представитель региональной или муниципальной элиты отстаивает собственные интересы или интересы только своих кликов и кланов, то общие интересы регионов и муниципальных образований остаются фактически несформулированными, а потому и не имеют субъектов, способных их отстаивать. В результате региональные и муниципальные элиты даже самых крупных российских городов — Москвы и Санкт-Петербурга — не могут представлять значимых конкурентов в политической борьбе для более влиятельных и сильных федеральных групп влияния, а тем более для федерального центра. Но консолидировать региональные и муниципальные элиты удастся только временно, как правило, на периоды федеральных предвыборных кампаний, тогда как региональные и муниципальные предвыборные кампании не приводят к консолидации соответствующих элит.

Описанные особенности положения региональных и муниципальных элит определяют доминирование личных связей и принадлежности кандидатов к тем или иным кликам, кланам, группам влияния, а также коррупцию в назначениях на политические и значимые административные должности. Более того, именно личные связи в современной российской ситуации стали самым надежным и долговременным ресурсом политических и административных карьер. Сначала карьеры носителей личных связей продвигаются вместе с их патронами, а после исчерпания их ресурсов или в результате случайных стечений обстоятельств уже развитые личные связи помогают начать и развивать собственные карьеры.

ПАРТИЙНЫЙ ФАКТОР В КАДРОВЫХ НАЗНАЧЕНИЯХ

Партийный фактор в кадровых назначениях в органах региональной и муниципальной власти имеет существенно меньшее значение, чем личные связи, а кроме того, реальное влияние на кадровые решения имеет почти исключительно партия «Единая Россия» (принадлежность к другим политическим партиям может быть скорее негативным фактором).

Нередко работа в партии «Единая Россия» в первую очередь используется именно для формирования личных связей, которые могли бы способствовать политическим назначениям в органы власти. Профессиональная карьера должностных лиц внутри политических партий, включая и «Единую Россию», без использования личных связей весьма редко может привести на значимую административную должность в органе власти, к избранию депутатом федерального, регионального или муниципального уровня, к значимой позиции в системах принятия политических или государственных решений. Многие молодые активисты используют свою работу в молодежных движениях и ассоциациях при партии «Единая Россия» для получения нужных знакомств и личных связей, чтобы впоследствии попасть на должности в органах власти, включая и политические. Более того, партия «Единая Россия» привлекает молодых активистов, обещая им через несколько лет должности в органах власти, но на практике это бывает довольно редко. А наработанные личные связи карьеры помогают существенно чаще. В некоторых случаях такие личные связи можно сформировать вне партийных структур, например работая помощниками депутатов-единороссов или сенаторов.

Принадлежность к «Единой России» тем не менее является необходимым, но недостаточным условием успешности политической карьеры, потому что успешная партийная карьера совершенно не означает, что повышаются шансы стать губернатором региона или его заместителем. Успех в партийной карьере не означает даже высокого уровня вероятности стать депутатом Государственной Думы РФ, что было показано на последних парламентских выборах 2011 г. Тем не менее партийная карьера и не только в «Единой России», но и в других парламентских партиях существенно повышает шансы избрания депутатами регионального и муниципального уровней. Но партийная карьера никогда не обеспечивает стопроцентных гарантий избрания депутатами ни на одном уровне власти, потому что активистов политических партий больше, чем депутатских должностей на всех этих уровнях.

Партийным карьерам с муниципального на региональный и с регионального на федеральный уровень препятствуют противоречия в партии «Единая Россия». Это противоречия между федеральным руководством и региональными отделениями, региональными и местными отделениями, а также между чиновниками и бизнесменами, являющимися ее членами. Такие противоречия определяются различиями интересов клик и кланов разных уровней, различающимися, в частности, уровнями контролируемой собственности и финансовых потоков.

В силу этих противоречий объединение федеральными органами власти групп различных интересов в одну партию — «Единая Россия» — привело лишь к временным компромиссам между региональными и местными кликами и кланами, например, как отмечалось выше, в периоды предвыборных кампаний. Фактически, единой политической партии таким образом сформировать не удалось, имеются случаи, когда, например, представители одной партии «Единая Россия» борются друг с другом на выборах мэров городов, которые в период исследования проводились с голосованием граждан, в отличие от губернаторских выборов, результаты которых определялись голосованиями в региональных парламентах.

Такая внутренняя социальная ситуация в партии «Единая Россия» сложилась вполне закономерно в силу доминирования в российской политике клик и кланов. «Единая Россия» не является объединением носителей общих идеалов и интересов, носителей общих политических позиций. Вместо нормативного процесса согласования политических позиций ее членов для консолидированного политического действия и согласования позиций с другими партиями «Единая Россия» использует практически всегда силовые или административные способы осуществления таких действий. А это, в свою очередь, затрудняет формирование, структурирование и институционализацию российского политического пространства¹, в частности российской партийной системы.

Внутренние противоречия партии «Единая Россия» существенно снижают ее влияние в регионах, делают существенно зависимой от политики губернаторов, в частности в кадровой сфере. Кроме того, все политические партии, включая и «Единую Россию», имеют очень низкие уровни доверия граждан в силу их отстраненности от политики и доми-

---

¹ Патрушев С.В. Введение. Гражданская активность и институциональный порядок в России: к постановке проблемы. С. 14.

нирования в ней интересов клик и кланов. Поэтому нередко на выборах муниципального уровня — мэров городов и депутатов муниципальных собраний — больших успехов добиваются независимые кандидаты, чем партийные. А потому бывшие члены партии «Единая Россия» нередко регистрируются на выборах этого уровня как независимые.

ФАКТОРЫ НЕЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

По российской традиции при принятии решений о назначениях на политические и административные должности профессионализм управления в конкретных сферах деятельности как регионального, так и муниципального уровней ценится довольно низко, ниже, чем личные и неформальные отношения с первыми лицами соответствующих органов власти. Наибольших успехов в политических карьерах достигают, как правило, руководствующиеся личной выгодой и повышением своего социального статуса всеми возможными способами, нередко связанными с нарушениями норм морали и законов, с использованием коррупции. В частности, довольно распространенным стал вариант перехода из частного бизнеса в органы власти на ответственные и политические должности, чтобы сохранить свой частный бизнес, финансы и материальные капиталы. Кроме того, в современной российской ситуации элиты скорее принимают в свои составы тех, кто не пытается изменить социальный порядок, кто предлагает те или иные имитации решений значимых проблем и не создает риски изменений самих элит. Значимой причиной такого положения является во многом обоснованное опасение нарушения баланса влияния клик и кланов, групп влияния в регионах и муниципальных образованиях в результате осуществления действий, направленных на изменение сложившегося социального порядка. Ведь в результате таких действий при неустойчивости социальных позиций, основанных на личных связях, те или иные социальные группы элит регионального и муниципального уровня могут терять свое влияние на принятие политических решений, на владение как значимой для них собственностью, так и правом доступа к распределению финансов бюджетов разного уровня.

В современной российской ситуации для обеспечения эффективности системы государственного и муниципального управления ключевым стал вопрос отбора, обучения и расстановки кадров. При этом необходимо учитывать, что современная социальная среда в российских

органах власти всех уровней подчиняет себе всех назначенных в них граждан, даже социально активных и амбициозных, искренне желающих решать общественные проблемы и для этого делать свои карьеры.

Каждый, кто имеет мотивацию получить назначение на политическую должность, на должность в органах власти, должен успешно решить довольно сложную репутационную проблему. С одной стороны, ему необходимо быть заметным для лиц в органах власти или в партии «Единая Россия», принимающих кадровые решения. С другой стороны, его активность и успешность не должна вызывать зависть или даже испуг, как иногда бывает, у тех, кто рассматривает его кандидатуру. Для получения и политического назначения, и назначения в органы власти не следует быть слишком инициативным и активным, слишком успешным и интеллектуально развитым. Поэтому в современные российские органы власти и в партию «Единая Россия» принимаются те, кто не демонстрирует энергетику на высоком уровне, имеет средний или ниже среднего уровни активности, инициативы и интеллекта. Безусловно, более активны молодые члены партии «Единая Россия» и ее молодежных организаций. Но их активность никогда не выходит за рамки определенных руководством «Единой России» направлений деятельности и способов ее осуществления.

Адаптация к социальной среде российских органов власти и политических партий, в первую очередь «Единой России», приводит у подавляющего большинства граждан, желающих сделать в них карьеру, к усвоению в их социальных средах неформальных норм и правил поведения. А в этих нормах и правилах доминирующей является лояльность начальникам и исполнительность при отказе от изменения социального порядка как в социуме, так и в самих этих органах власти и политических партиях.

Такие факторы отбора кадров в органы власти следует оценить как негативные, они ведут к системной неэффективности государственного и муниципального управления в стране. Ведь в результате, несмотря на то, что современная политика связана с рисками, с умениями этими рисками управлять, рискованное поведение руководителей регионов и местных администраций стало практически невозможным. В современной российской ситуации риски оцениваются не как возможности развития регионов и местных сообществ, а как прямые и очень высоковероятные угрозы окончания карьеры в органах власти и политических партиях. Естественно, что в таких условиях руководители регионов

и местных администраций, соответствующих уровней отделений партий жертвуют решениями общественных и даже государственных проблем ради продолжения и развития собственных карьер, отстаивания интересов своих клик, кланов и других групп влияния. Поэтому реально реформирование кадров из регионов и муниципальных образований может быть осуществлено, как это вообще чаще всего бывало в нашей стране, только с федерального уровня, с верхних уровней иерархии системы государственного управления.

В современной же российской ситуации к управлению регионами и муниципальными образованиями, в составы их законодательных органов власти по описанным выше причинам приходят кадры, слабо разбирающиеся в конкретных проблемах регионов и местных сообществ, не имеющие мотивации и не знающие способов решений этих проблем. Такое положение поддерживает и позиция федеральных органов власти в проведении политической реформы последних лет в сферах назначений, выборов и деятельности политических партий. Ведь и в этой реформе федеральные органы власти исходили в первую очередь из собственной заинтересованности в лояльности своим интересам руководителей регионов и муниципальных образований.

У политических лидеров и у других представителей региональных и местных элит в силу их подчиненного федеральному центру положения нет никаких долгосрочных стратегий и оснований для их построения, а потому и следования им. Поэтому руководители регионов и муниципальных образований, депутаты органов законодательной власти этих уровней и практически все группы этих элит ориентированы на выработку краткосрочных целей и стратегий. А эти стратегии чаще всего направлены на решение личных, семейных или корпоративных проблем, чаще всего кликовых или клановых, и только в ближайшей перспективе, нередко с использованием не вполне законных и коррупционных методов решений возникающих проблем.

Собственно, и само понимание проблем, требующих решений, определяется интересами клик и кланов, а не общественными и государственными. Поэтому многие значимые проблемы регионов и муниципальных образований, в которых проживают наши граждане, в постсоветский период не решаются в течение десятилетий. А это в свою очередь приводит к нарастанию отчуждения граждан от руководителей регионов и муниципальных образований, других политиков и высокопоставленных должностных лиц государственного управления.

Д.Б. Тев

ВИЦЕ-МЭРЫ КРУПНЕЙШИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ СТОЛИЦ: СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ БАССЕЙН И ФАКТОРЫ РЕКРУТИРОВАНИЯ

Статья посвящена результатам исследования бассейна рекрутирования заместителей глав администраций крупнейших региональных столиц РФ. В биографическую базу данных была включена информация о 264 персоне, занимавших должности заместителей глав администраций (вице-мэров) по состоянию на март 2012 г. в 32 региональных столицах с населением свыше 500 тыс. человек (кроме городов федерального подчинения — Москвы и Санкт-Петербурга).

Важность исследования бассейна рекрутирования политико-административных элит вообще и вице-мэрского корпуса в частности определяется двумя обстоятельствами. С одной стороны, социально-профессиональные характеристики членов властных групп могут в существенной мере определять специфику их политических ориентаций и предпочтений, их склонность к представительству или, напротив, игнорированию интересов определенных социальных групп. С другой стороны, особенности бассейна рекрутирования политико-административной элиты могут сами быть отражением и следствием структуры власти, присущей данному обществу или сообществу. В этом смысле, их анализ «высвечивает», проливает свет на структуру власти, характер взаимоотношений, сложившихся между различными группами интересов и институциональными сегментами внутри данного общества.

Анализ бассейна рекрутирования заместителей глав администраций крупнейших региональных столиц обнаружил ряд примечательных тенденций. Весьма выражен процесс профессионализации: почти половина вице-мэров непосредственно вышла из самих муниципальных административных структур столичных городов. Вместе с тем, муниципальные административные карьеры только относительно обособлены: существенная доля вице-мэров непосредственно выходит из областных администраций и руководства предприятий различных форм собственности и отраслевой принадлежности. Представляется, что важная роль регионального чиновничества и делового сообщества как бассейна рекрутирования местной административной элиты, отражает и, одновременно, закрепляет систему отношений взаимной зависимости, в которой мэр и муниципальная администрация находятся с губернаторами и бизнесом. Градоначальник, с точки зрения, как своего рекрутирования,

так и функционирования своей администрации, существенно зависят от губернаторов и бизнеса, которые, в свою очередь, заинтересованы в контроле над мэрией, принимающей ключевые решения в столичных городах, где сосредоточена значительная доля населения и ресурсов регионов. Как следствие, назначение вице-мэрами прямых ставленников региональной власти и бизнеса, а чаще — лиц, имеющих опыт работы, связи и влияние в этих структурах и способных наладить с ними эффективное взаимодействие, весьма распространенное явление.

Значимость объективного контекста формирования муниципальной административной элиты не исключает важной роли субъективных отношений в процессе рекрутирования заместителей глав администраций. Примечательной особенностью рекрутирования вице-мэров является то, что важным «вытягивающим» фактором выступают, как можно предположить, личные связи мэра и назначенца, сложившиеся вследствие пересечений на карьерном пути, предшествующем вхождению в должность. Иногда мэры приводят за собой в муниципальные администрации целые команды коллег и соратников, формировавшиеся благодаря длительному опыту совместной профессиональной деятельности и установившимся на его основе доверительным отношениям.

Наконец, еще одной важной особенностью рекрутирования вице-мэров является его функциональная специфика, проявляющаяся в тенденции назначения заместителями главы администрации, ответственными за конкретные направления муниципальной политики, выходцев из тех социально-профессиональных сфер и категорий, которые предстоит курировать назначенцу. Эта «клиентелистская» практика назначений, весьма выраженная, например, в области градостроительной политики, способствует тому, чтобы вице-мэры превращались в орудие защиты интересов тех отраслей (например, строительного бизнеса), которые они призваны регулировать в интересах всего местного сообщества.

Ключевые слова: муниципальная администрация, вице-мэры, региональные столицы, бассейн рекрутирования, карьера, бизнес.

ВИЦЕ-МЭРЫ КРУПНЕЙШИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ СТОЛИЦ: СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ БАССЕЙН И ФАКТОРЫ РЕКРУТИРОВАНИЯ

Важность исследования бассейна рекрутирования политико-административных элит определяется несколькими обстоятельствами. С одной стороны, социально-профессиональные характеристики членов властных групп могут в существенной мере определять специфику их политических ориентаций и предпочтений, их склонность к представи-

тельству или, напротив, игнорированию интересов определенных социальных групп. Конечно, есть и более значимые детерминанты, и автоматической связи между бассейном рекрутирования, политическими ориентациями и содержанием и направленностью политики элит не существует, но, как показывает ряд исследований¹, при прочих равных условиях социально-профессиональное происхождение имеет значение. С другой стороны, особенности бассейна рекрутирования политико-административной элиты могут сами быть отражением и следствием структуры власти, присущей данному обществу или сообществу. Как отмечал Д. Мэттьюз, «меняющиеся характеристики политических лидеров служат показателем меняющегося распределения власти в обществе»². В этом смысле их анализ проливает свет на структуру власти, характер взаимоотношений, сложившихся между различными группами интересов и институциональными сегментами внутри данного общества.

Следует также отметить, что изучение социально-профессионального бассейна рекрутирования элит дает возможность лучше понять сам процесс рекрутирования, факторы, лежащие в его основе, критерии отбора членов властных групп. Факторы и основания отбора элит довольно подробно рассматривались в научной литературе именно в связи с социально-профессиональными характеристиками бассейна их рекрутирования. Так, в своей модели политического и элитного рекрутирования Б. Харасимив выделяет «толкающие» и «вытягивающие» факторы, причем особое внимание уделяет изучению таких «толкающих» факторов, как социальный статус и профессиональная роль будущих членов элиты³. Другой исследователь,

---

¹ См.: *Edinger L., Searing L. Social Background in Elite Analysis: A Methodological Inquiry* // *The American Political Science Review*. 1967. Vol. 61. No. 2. P. 428–445; *Kim C. Attitudinal Effects of Legislative Recruitment: The Case of Japanese Assemblymen* // *Comparative Politics*. 1974. Vol. 7. No. 1. P. 109–126; *Razi G. Democratic-Authoritarian Attitudes and Social Background in a Non-Western Society: A Study of the Iranian Elite* // *Comparative Politics*. 1981. Vol. 14. No. 1. P. 53–74.

² *Matthews D.R. United States Senators and the Class Structure* // *The Public Opinion Quarterly*. 1954. Vol. 18. No. 1. P. 5.

³ См.: *Harasymiw B. Mosca and Moscow: Elite Recruitment in the Soviet Union* // *Does who governs matter? Elite Circulation in Contemporary Societies* / Ed. by M.M. Czudnowski. Chicago: North Illinois University Press, 1981. P. 265–292.

П. Бурнстейн¹, анализируя процесс отбора членов Кабинета США, рассматривает причины или цели, лежащие в основе решений президентов о назначении. Среди основных причин (т.е., по существу, оснований отбора) им выделяются компетентность, идентификация назначенца с определенной социальной категорией, дружба, рекомендация советников, политическая поддержка, оказанная назначенцем президентом, а также партийные соображения. Причем Бурнстейн стремится показать, «как президентские цели и процедуры вместе объясняют, почему члены Кабинета разделяют определенные характеристики», приходя в непропорционально большей степени с «высокостатусных позиций, особенно в политических и экономических иерархиях»². В целом ясно, что анализ бассейна рекрутирования, выявление типичных социальных характеристик членов властных групп и обнаружение тех особенностей их профессионального опыта, которые способствуют вхождению в должность, тесно связаны с исследованием факторов и критериев отбора элит.

Предметом настоящего исследования стали бассейн и факторы рекрутирования заместителей глав администраций крупнейших региональных столиц РФ, а именно 32 столичных городов с населением свыше 500 тыс. чел. (кроме городов федерального подчинения — Москвы и Санкт-Петербурга)³. Всего в биографическую базу данных была включена информация о 264 персонах, занимавших должности заместителей глав муниципальных администраций (вице-мэров) по состоянию на март 2012 г. Анализ социально-профессиональных характеристик вице-мэров является продолжением исследования бассейна рекрутирования административной элиты столичных городов, начатого в 2009 г. работой, посвященной главам администраций (мэрам) региональных столиц⁴. И, как

---

¹ *Burstein P. Political Elites and Labor Markets: Selection of American Cabinet Members, 1932–72 // Social Forces. 1977. Vol. 56. No. 1. P. 189–201.*

² *Ibid. P. 197.*

³ Это Астрахань, Барнаул, Владивосток, Волгоград, Воронеж, Екатеринбург, Ижевск, Иркутск, Казань, Кемерово, Краснодар, Красноярск, Липецк, Махачкала, Нижний Новгород, Новосибирск, Омск, Оренбург, Пенза, Пермь, Ростов-на-Дону, Рязань, Самара, Саратов, Томск, Тула, Тюмень, Ульяновск, Уфа, Хабаровск, Челябинск, Ярославль.

⁴ См.: Тев Д.Б. Как рекрутировались мэры региональных столиц в 2000-е годы // *Общество и экономика. 2010. № 1. С. 125–141.*

покажет дальнейшее изложение, характеристики вице-мэров могут быть довольно тесно связаны с характеристиками назначающих их глав администраций. Муниципальная административная элита заслуживает внимания исследователей, поскольку имеет по крайней мере формальную возможность принимать ключевые решения в крупнейших местных сообществах, в которых сосредоточена весьма существенная доля населения и экономического потенциала, как соответствующих регионов, так и Российской Федерации в целом. Причем если глава администрации осуществляет общее управление городом, то его заместители по преимуществу являются функционально специализированными, отвечая за определенные направления или аспекты политики (правда, в некоторых городах часть заместителей мэра возглавляют районные администрации, однако в общей совокупности вице-мэров доля таких чиновников невелика, около 12 %).

МУНИЦИПАЛЬНАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ, РЕГИОНАЛЬНОЕ ЧИНОВНИЧЕСТВО И БИЗНЕС: ОТНОШЕНИЯ ВЗАИМНОЙ ЗАВИСИМОСТИ И ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ РЕКРУТИРОВАНИЯ ВИЦЕ-МЭРОВ

Подобно главам городских администраций, их заместители непосредственно выходят по преимуществу из трех властных (институциональных) сегментов: муниципальной администрации, регионального чиновничества и руководства различных экономических структур (предприятий). Приведенная ниже таблица 1 свидетельствует о структуре бассейна рекрутирования вице-мэров крупнейших столичных городов.

Как видим, муниципальное чиновничество является важнейшим «поставщиком» вице-мэров: 46 % вышли непосредственно из его рядов и, кроме того, около половины имели к моменту назначения опыт работы в местной администрации на том или ином этапе своей профессиональной карьеры. Хотя здесь есть значительные различия между городами, которые отчасти зависят от характерной для них политической ситуации. Например, в Новосибирске, где глава администрации занимает должность с 2000 г. и сам является выходцем из муниципальных структур (перед избранием на должность в течение четырех лет был заместителем мэра), все семь вице-мэров до своего назначения работали в муниципальной администрации. Напротив, в Томске, где прежний мэр был арестован и отстранен от должности, только один из восьми

Таблица 1

Непосредственный бассейн рекрутирования заместителей глав администрации региональных столиц, в %

Сегмент	Доля вице-мэров, работавших в соответствующем сегменте непосредственно перед назначением
Муниципальная администрация	46 ¹
Региональная администрация	11
Руководство предприятий ²	23

заместителей нынешнего главы администрации вышел непосредственно из местного чиновничества. В целом, однако, тенденция к профессионализации муниципальной административной службы довольно ясно выражена: практика назначения вице-мэрами начальников соответствующих управлений или департаментов администрации, обладающих опытом работы в той сфере, которую им предстоит курировать в качестве заместителей главы города, или других высокопоставленных местных чиновников весьма типична. И по крайней мере в ряде случаев, хотя и далеко не всегда, эта тенденция, может свидетельствовать об определенной степени автономии мэров и местных администраций от внешних давлений.

В то же время следует отметить ограниченность профессионализации, только относительный характер закрытости местной административной элиты и обособленности муниципальных административных карьер в крупнейших столичных городах. Во-первых, для действующих вице-мэров характерен сравнительно небольшой срок пребывания в должности, немногим менее половины заняли должность сравнительно недавно, в 2010–2012 гг., и лишь очень небольшая доля находится на своем посту с 1990-х годов. Это тенденция неудивительна, учитывая

¹ Здесь следует отметить, что все цифры, приведенные в таблице 1, представляют собой долю лиц, имеющих соответствующий опыт работы, от всей совокупности вице-мэров. Однако важно учитывать то, что в некоторых случаях данные о профессиональном пути заместителей глав администраций весьма фрагментарны. Так, должность, непосредственно предшествующая назначению, не известна почти у 5 % вице-мэров.

² Как правило, это высшие должностные лица предприятий, но в ряде случаев речь идет о менеджменте более низкого уровня (например, начальник управления или директор дирекции).

частую сменяемость самих мэров, а также то, что ключевая муниципальная должность нередко является лишь ступенькой к карьере на более высоком, региональном уровне власти или в бизнесе. Во-вторых, чисто муниципальных карьер, как постсоветских, так и уходящих своими корнями в номенклатурную систему¹, сравнительно немного. Преобладают смешанные карьеры с переходами, иногда неоднократными, из одних элитных и институциональных сегментов в другие. Подавляющее большинство вице-мэров в ходе карьеры, предшествующей назначению на должность, имели опыт работы на ключевых позициях в различных организациях за пределами муниципальных администраций соответствующих городов. В частности, 22% работали на том или ином этапе своей профессиональной карьеры на руководящих должностях в региональных административных структурах, 44% имели опыт руководящей работы на предприятиях различных форм собственности. Причем более половины вице-мэров занимали такие позиции непосредственно перед вхождением в должность, главным образом в экономических или хозяйственных структурах (24%) и региональной администрации (11%)².

Представляется, что важная роль регионального чиновничества и руководства предприятий как бассейна рекрутирования вице-мэров отражает и одновременно закрепляет ту систему отношений взаимной зависимости, в которых мэр и муниципальная администрация в целом находятся с губернаторами и бизнесом. Губернаторы всегда были особенно заинтересованы в контроле над столичными администрациями, которые руководят городами, где сосредоточена существенная, если не преобладающая доля населения, экономической активности и финансовых потоков управляемых ими регионов. Причем в 2000-е наблюдалось усиление такого контроля: исследователи отмечали тенденцию к «огосударствлению» местного самоуправления, его встраиванию

---

¹ Существенное меньшинство, примерно каждый шестой заместитель главы администрации региональных столиц имел номенклатурный опыт работы в партийных, советских или комсомольских органах.

² Кроме того, непосредственно перед вхождением в должность вице-мэры работали в руководстве учреждений образования и здравоохранения (3%), в административных структурах других муниципальных образований (3%), в руководстве силовых структур (1%), в ряде случаев были депутатами разного уровня и т.д.

в административную вертикаль в качестве низшего звена¹. В частности, росту влияния губернаторов на рекрутирование глав администраций способствует распространение системы сити-менеджмента (в т.ч. во многих из рассматриваемых городов), когда глава администрации назначается депутатами по конкурсу, результаты которого сильно зависят от региональной власти, делегирующей в конкурсную комиссию одну треть членов². Кроме того, поправки в Закон о местном самоуправлении, принятые в 2009 г., облегчили процедуру отстранения избранных мэров от власти, которую может инициировать губернатор по ряду довольно широко сформулированных оснований³. Наблюдалась также финансовая централизация на региональном уровне, существенное ослабление бюджетной автономии муниципалитетов, выразившееся в сокращении перечня местных налогов⁴. Словом, главы администраций в существенной и растущей степени зависят от региональной власти как в плане своего рекрутирования, так и в отношении доступа к финансовым ресурсам, необходимым для эффективного функционирования муниципальной администрации.

Подобно региональной власти, бизнес также находится в отношениях взаимной зависимости с мэрами и городскими администрациями. С одной стороны, земельная, градостроительная, бюджетная, инфраструктурная, налоговая и прочая политика городских властей может оказывать значительное, даже решающее влияние на процесс накопления капитала. Причем разные сегменты бизнеса в неодинаковой сте-

---

¹ См., напр.: *Гельман В.* От местного самоуправления — к вертикали власти // Pro et Contra. 2007. № 1. С. 6–18.

² См.: Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ (закон о МСУ) от 06.10.2003 № 131-ФЗ <<http://www.consultant.ru/popular/selfgovernment/576.html#1032>> (доступно: 29.11.2009).

³ См.: Отправлять мэров в отставку станет проще. <<http://www.regnum.ru/news/1155889.html>> (доступно: 24.04.2009); Для мэров придумали плетку. <<http://www.beriki.ru/2009/03/25/dlya-merov-pridumali-pletku>> (доступно: 25.03.2009).

⁴ См.: *Либоракина М.* Искушение единообразием. <http://expert.ru/expert/2003/40/40ex-mnenie4_21152/> (доступно: 10.09.2009); Российское местное самоуправление: итоги муниципальной реформы 2003–2008 гг. Аналитический доклад Института современного развития. <<http://www.insor-russia.ru/ru/programs/doc/3928>> (доступно: 12.11.2009).

пени зависят от муниципальной политики. Наиболее подвержены ее влиянию компании, обладающие такими характеристиками, как сильная зависимость от доступа к ресурсам, контролируемым муниципальной администрацией (например, земельным участкам), и от местного регулирования, ориентация на городской рынок и зависимость от местного роста, низкая пространственная мобильность в силу значительных инвестиций в недвижимость и инфраструктуру. К числу подобных «местнозависимых» предприятий относятся, например, фирмы, принадлежащие к таким отраслям, как строительство, девелопмент, ЖКХ¹. Такой бизнес, чьи представители особенно часто встречаются в составе муниципального депутатского корпуса и чаще других бизнесменов обнаруживаются среди мэров городов, может быть заинтересован и в том, чтобы иметь своих ставленников среди заместителей глав администраций, в особенности отвечающих за те конкретные направления местной политики, от которых непосредственно зависит данная фирма. С другой стороны, мэры и местные администрации также существенно зависят от поддержки со стороны делового сообщества. Представители бизнеса располагают финансовыми ресурсами, необходимыми для проведения дорогостоящих мэрских избирательных кампаний. Кроме того, бизнесмены, руководители предприятий обычно составляют большинство муниципального депутатского корпуса, который избирает сити-менеджеров и принимает другие ключевые решения на местном уровне (утверждение бюджета, согласование назначений в городской администрации, принятие планов развития городов и пр.). Наконец, бизнес обладает экономическими ресурсами, доступ к которым важен для эффективного функционирования городской власти, в частности для осуществления различных городских проектов, например в области инфраструктуры, в социальной сфере и т.д.

Социально-профессиональные характеристики и источники рекрутирования высшего муниципального чиновничества, его состав отражают эти отношения зависимости, в которых мэры и муниципальные администрации находятся с региональной властью и бизнесом. В частности, не только сами мэры все чаще приходят из рядов регионального

---

¹ Подробнее см.: *Тев Д.Б.* Капитал и местная власть. К вопросу о предпосылках участия бизнесменов в городской политике // *Элиты и власть в российском социальном пространстве* / Под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2008. С. 225–265.

чиновничества (широкое распространение получила практика назначения главами столичных администраций заместителей губернаторов соответствующих регионов), но и ставленники региональной власти обнаруживаются также среди вице-мэров. Конечно, эти позиции обычно второстепенны по отношению к мэрской должности, но в тех случаях, когда глава города не является креатурой региональной администрации, а пришел к власти в качестве компромиссной фигуры или вопреки усилиям губернатора, продвижение ставленников региональной власти на посты первого заместителя мэра или вице-мэров, курирующих важные направления политики, может иметь особенно большое значение. Например, в Екатеринбурге, где сити-менеджером стал выходец из муниципальной администрации, представитель группы бывшего мэра города А. Чернецкого, первым вице-мэром был назначен региональный министр транспорта, долгое время работавший в структурах РЖД, как и действующий на тот момент губернатор Свердловской области. Эксперты расценивали это назначение как «логичный этап политического процесса, призванного усилить позиции команды губернатора Александра Мишарина в администрации города»¹. В Иркутске, где мэром при поддержке КПРФ был избран бизнесмен, вице-мэром по согласованию с губернатором был назначен высокопоставленный региональный чиновник — заместитель министра жилищной политики, энергетики, транспорта и связи Иркутской области. Назначение вице-мэрами ставленников губернатора также может быть связано и с процессом передачи власти, когда перед отставкой действующего мэра его первым заместителем, а затем и исполняющим обязанности главы города становится областной чиновник. Такая практика, обеспечивающая ставленнику региональной власти преимущества в ходе избирательной кампании, довольно распространена. Так, недавно избранный глава Красноярска ранее был первым заместителем и исполняющим обязанности мэра, а до этого возглавлял правительство Красноярского края. Короче говоря, продвижение «своего человека» на должность вице-мэра может выступать важным средством и проявлением губернаторского контроля над мэром и муниципальной администрацией.

Ставленники различных влиятельных на местном и региональном уровнях бизнес-структур также обнаруживаются среди вице-мэров.

---

¹ Якобу назначили Швиндта <http://old.fedpress.ru/federal/polit/vlast/id_214405.html> (доступно: 10.04.2013).

Это, в частности, можно сказать о выходцах из предприятий строительной отрасли. Например, в Нижнем Новгороде заместителем главы администрации, курирующим градостроительный комплекс, является бывший высокопоставленный менеджер крупнейшей девелоперской компании города, владелец которой избран главой города и председателем городской Думы, назначившей по конкурсу главу администрации. В Перми до недавнего времени одним из заместителей главы администрации, ответственным за развитие инфраструктуры и городское хозяйство, работал бывший заместитель генерального директора ОАО «Пермский завод силикатных панелей», руководители которого занимают три места в муниципальной Думе, имея там наиболее крупную корпоративную «фракцию».

Впрочем, следует отметить, что вице-мэры, непосредственно и в особенности косвенно вышедшие из бизнеса или регионального чиновничества, далеко не обязательно являются прямыми ставленниками соответствующих структур. Чаще политическая зависимость проявляется в более общей и мягкой форме, в склонности глав городских администраций, осознающих потребность в поддержке со стороны региональных властей и бизнеса, в доступе к контролируемым ими ресурсам назначать своими заместителями лиц, имеющих опыт работы и, соответственно, связи, влияние, авторитет в этих структурах и способных наладить эффективное взаимодействие с ними. Так или иначе, социально-профессиональное происхождение муниципальной административной элиты является отражением и одновременно важным ключом к пониманию властных отношений, складывающихся на местном уровне, к выявлению тех коалиций интересов, которые правят столичными городами.

ЛИЧНЫЕ СВЯЗИ КАК ФАКТОР РЕКРУТИРОВАНИЯ ЗАМЕСТИТЕЛЕЙ ГЛАВ АДМИНИСТРАЦИЙ

Система отношений взаимной зависимости, существующей между мэром и муниципальной администрацией, с одной стороны, и региональной властью и бизнесом — с другой, определяет объективный контекст и некоторые общие характеристики рекрутирования заместителей глав администраций. Однако существенное значение имеют и субъективные отношения, личные связи. В литературе, посвященной рекрутированию, подчеркивается важная роль личных связей в процессе отбора членов властных групп. Так, Харасимив считает связи и дружбу

одним из «вытягивающих» факторов рекрутирования¹. Бурнстейн называет дружбу в числе причин, по которым президенты отбирают членов своего Кабинета². Кроме того, он подчеркивает, что одним из способов экономии расхода ресурсов, необходимых для нахождения и оценки подходящих кандидатов, является выбор людей, которых президент знает лично, «поскольку гораздо легче оценить кого-то, кого уже знаешь, чем собирать информацию, необходимую для оценки неизвестного»³. Можно предположить, что рекрутирование, основанное на личных связях, должно быть особенно распространено в обществах с низким уровнем обезличенного доверия, к которым, как отмечал Ф. Фукуяма, принадлежит и современное российское общество⁴.

В этой связи анализ совокупности вице-мэров крупнейших городов обнаруживает примечательную тенденцию. Мэры склонны назначать своими заместителями лиц, с которыми они пересекались в ходе предшествующего вхождению в должность профессионального пути, вместе работали в тех или иных структурах. Иногда они приводят за собой в муниципальные администрации целые команды коллег и соратников, сформировавшиеся благодаря длительному опыту совместной профессиональной деятельности и установившимся на его основе доверительным отношениям. В ряде городов эта тенденция проявляется весьма отчетливо. Например, нынешний глава администрации Ижевска до занятия мэрской должности возглавлял сначала «Удмуртскую хлебную корпорацию», а затем был министром транспорта Удмуртской республики. После его вступления в должность заместителем главы, руководителем аппарата администрации Ижевска был назначен бывший заместитель директора «Удмуртской хлебной корпорации», затем работавший начальником Главного управления безопасности дорожного движения, подчиненного Министерству транспорта УР. А первым заместителем главы администрации города стал бывший советник

---

¹ См.: *Harasymiw B.* Mosca and Moscow: Elite Recruitment in the Soviet Union. P. 267.

² *Burstein P.* Political Elites and Labor Markets: Selection of American Cabinet Members, 1932–72. P. 192.

³ *Ibid.* P. 194. См., также: *Mann D.E.* The Selection of Federal Political Executives // *American Political Science Review.* 1964. Vol. 58. No. 1. P. 83.

⁴ См.: *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: Изд-во «Ермак», 2004.

Удмуртской хлебной корпорации. В Самаре мэр города ранее работал в руководстве Средневолжской межрегиональной энергетической компании, а непосредственно перед вхождением в должность был министром природопользования Самарской области. После того как он возглавил городскую администрацию, вице-мэром по экономике стал бывший заместитель начальника управления энергетической компании, аппарат мэрии возглавил бывший управляющий делами этой бизнес-структуры. Кроме того, первыми заместителями мэра Самары стали бывший заместитель министра природопользования Самарской области и бывший директор по сбыту СМУЭК. В Воронеже, где мэром был избран председатель городской Думы, думский аппарат стал важным поставщиком вице-мэров: на эту должность были назначены бывший руководитель аппарата и начальник муниципально-правового отдела городской Думы. Стоит отметить также и любопытный случай в Пензе, где первым заместителем мэра по вопросам стратегического развития был назначен бывший начальник пограничного управления ФСБ, в первой половине 1990-х годов занимавший должность начальника Даурского пограничного отряда, одной из застав которого командовал будущий глава администрации, также выходец из ФСБ¹. В ряде других городов главы администраций также назначали заместителями своих непосредственных коллег и подчиненных по прежним местам работы, как, например, в Оренбурге, где вице-мэром, курирующим городское хозяйство, стал заместитель директора ООО «Оренбург водоканал», которое будущий мэр возглавлял перед вхождением в должность.

Такое основанное на общности карьерного пути и сложившимся благодаря ей личным связям рекрутирование вице-мэров может способствовать формированию сплоченной, хотя и необязательно компетентной местной административной элиты. В действительности основания рекрутирования вице-мэров из числа лично знакомых главе администрации коллег по прежнему месту работы могут быть различны: не только основанная на непосредственном знании назначенца убежденность в то, что он обладает знаниями и умениями, необходимыми для эффективного осуществления управленческих функций, но и, что скорее всего более важно, простая возможность доверять претен-

---

¹ См.: Пограничная жизнь Николая Волкова. <<http://penza.bezformata.ru/listnews/pogranichnaya-zhizn-nikolaya-volkova/1222334/>> (доступно: 17.05.2012).

денту на руководящую должность. Следует также отметить, что в условиях, когда сами мэры во многих случаях непосредственно выходят не из муниципальных административных органов, а из внешних по отношению к ним структур, в частности регионального чиновничества и бизнеса, такая практика приводит к притоку в административную элиту городов кадров извне, ограничивая профессионализацию и, что немаловажно, усиливая влияние на местную политику тех структур, из которых пришли сами мэры. В этой связи примечательно, например, что наиболее высокая доля выходцев из региональных администраций среди вице-мэров наблюдается обычно в тех городах, где сами градоначальники пришли из регионального чиновничества. Например, в Омске, прежний мэр которого до избрания работал первым заместителем председателя правительства Омской области, среди заместителей мэра можно обнаружить ряд бывших региональных чиновников (бывшего руководителя аппарата первого заместителя председателя областного правительства, первого заместителя министра образования и заместителя министра финансов Омской области). Так же и в Пензе, мэр которой перед назначением занимал должность первого заместителя губернатора области, трое из восьми вице-мэров пришли из регионального чиновничества. Сходную ситуацию мы наблюдаем в Тюмени. В действительности в этих случаях трудно сказать, что именно способствует назначению на должность вице-мэра: личные связи назначенца с главой администрации, установившиеся благодаря общности карьерного пути, или его принадлежность к влиятельной структуре (региональной администрации), продвигающей целую группу своих ставленников в мэрию областного центра.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА РЕКРУТИРОВАНИЯ ЗАМЕСТИТЕЛЕЙ ГЛАВ АДМИНИСТРАЦИЙ

Рекрутированию вице-мэров присущи не только общие закономерности, но и специфика, связанная с особенностями занимаемых ими должностей. Как уже отмечалось, заместители глав администраций региональных столиц в основном являются функционально специализированными, отвечая за те или иные конкретные направления муниципальной политики (социальную сферу, городское благоустройство, жилищно-коммунальное хозяйство, градостроительную, экономическую политику, имущественные отношения и пр.). Управление каждой из этих сфер связано с систематическим взаимодействием и руковод-

ством определенными социально-профессиональными категориями, занятыми в данной области. П. Бурнстейн, рассматривая причины, лежащие в основе назначения членов американского Кабинета, в качестве одной из них называет идентификацию назначенца с определенной социальной категорией, релевантной данному департаменту¹. Анализ характеристик заместителей глав администраций также обнаруживает определенную «функционально-категориальную» специфику их рекрутирования. Вице-мэры, курирующие конкретные направления городской политики, нередко приходят с ключевых позиций в тех сферах или отраслях, которыми они призваны руководить, рекрутируются из тех социально-профессиональных категорий, которые являются объектом муниципального управления. Это особенно заметно в области градостроительной политики: примерно четверть вице-мэров, ответственных за эту сферу, вышло непосредственно из компаний, занятых в строительной отрасли, более половины таких заместителей мэра имеют опыт работы на ключевых должностях на предприятиях строительного комплекса. Вообще, как уже отмечалось, строительная отрасль — один из наиболее широко представленных в составе местных административных элит сегментов бизнеса. Проявляется эта тенденция также в области ЖКХ, где вице-мэры в ряде случаев выходят из руководства соответствующих предприятий (водоканалов, теплоэнергетических компаний и пр.). Наблюдается она, однако, не только в экономическом блоке муниципальной администрации, но и в сфере социальной политики. Определенная часть вице-мэров рекрутируется здесь из руководства школ, больниц и других социальных учреждений. Причем в социальной сфере муниципального управления рекрутирование обнаруживает также и примечательную гендерную специфику. Женщины имеют особенно хорошие шансы занять должности заместителей мэров, курирующих социальную политику, образование и здравоохранение: они составляют более половины таких вице-мэров, но менее 20 % всей совокупности.

---

¹ *Burstein P.* Political Elites and Labor Markets: Selection of American Cabinet Members, 1932–72. P. 192. В США, например, довольно распространено назначение бизнесменов руководителями министерства торговли, а выходцев из профсоюзов — руководителями министерства труда. См.: *Mann D.E.* The Selection of Federal Political Executives. P. 92; *Martin J.* Frameworks For Cabinet Studies // *Presidential Studies Quarterly*. 1988. Vol. 18. No. 4. P. 797.

Ряд факторов способствует клиентелистской практике назначений, когда муниципальные чиновники, ответственные за определенные направления политики, рекрутируются из тех социально-профессиональных категорий, которыми им предстоит управлять, так что принадлежность к этим группам выступает в качестве «толкающего» фактора рекрутирования. Во-первых, в основе такой практики, по крайней мере ее легитимации, разумеется, лежат определенные представления о качествах, необходимых для компетентного и эффективного управленца, в числе которых опыт работы в соответствующей отрасли и связанные с ним знание ее специфики и авторитет среди ее представителей. Во-вторых, благодаря тому, что предприятия и учреждения в соответствующих сферах и отраслях (например, строительные фирмы) сильно и повседневно зависят от местных администраций, постоянно взаимодействуют с ними, их руководители часто обладают хорошим знанием административных процедур и значительным политическим опытом, например в качестве депутатов, что может способствовать их назначению. Наконец, как уже отмечалось, те сегменты местной элиты, особенно бизнеса, которые зависят от политики соответствующих административных органов, заинтересованы в контроле над ними и прилагают усилия, чтобы его установить, в частности посредством продвижения своих ставленников на ключевые позиции. Они могут выступать влиятельной «группой давления» в процессе назначения вице-мэров. Практика такого контроля, когда регулирующий орган превращается (разными способами, среди которых одним из важнейших является обмен кадрами) в орудие защиты интересов той отрасли, которую он призван регулировать в интересах всего общества или местного сообщества, подробно исследована в западной литературе¹. Применительно к российским городам можно предположить, что, к примеру, распространенность рекрутирования «градостроительных» вице-мэров из среды менеджеров и владельцев строительных фирм усиливает вероятность того, что соответствующая политика будет проводиться в интересах если не конкретных бизнес-структур, из которых приходят чиновники, то по крайней мере в интересах строительного бизнеса в ущерб другим участникам градостроительных конфликтов, типичных для местных сообществ.

---

¹ См., напр.: *Wilson G.K. Business and Politics: A Comparative Introduction*. Chatham, New Jersey: Chatham House Publishers, 1990. P. 46.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ бассейна рекрутирования заместителей глав администраций крупнейших региональных столиц обнаружил ряд примечательных тенденций. Весьма выражен процесс профессионализации: почти половина вице-мэров непосредственно вышла из самих муниципальных административных структур столичных городов. Вместе с тем муниципальные административные карьеры только относительно обособлены: существенная доля вице-мэров непосредственно выходит из областных администраций и руководства различных предприятий. Представляется, что важная роль регионального чиновничества и делового сообщества как бассейна рекрутирования местной административной элиты отражает и одновременно закрепляет систему отношений взаимной зависимости, в которой мэр и муниципальная администрация находятся с губернаторами и бизнесом. Мэр и его администрация с точки зрения как рекрутирования, так и функционирования существенно зависят от губернаторов и бизнеса, которые, в свою очередь, заинтересованы в контроле над мэрией, принимающей ключевые решения в столичных городах, где сосредоточена значительная доля населения и ресурсов регионов. Как следствие назначение вице-мэрами прямых ставленников региональной власти и бизнеса, а чаще лиц, имеющих опыт работы, связи и влияние в этих структурах и способных наладить с ними эффективное взаимодействие — весьма распространенное явление.

Значимость объективного контекста не исключает важной роли субъективных отношений в процессе рекрутирования заместителей глав администраций. Примечательной особенностью рекрутирования вице-мэров является то, что важным «вытягивающим» фактором выступают, как можно предположить, личные связи мэра и назначенца, сложившиеся вследствие пересечений на карьерном пути, предшествующем вхождению в должность. Иногда мэры приводят за собой в муниципальные администрации целые команды коллег и соратников, сформировавшиеся благодаря длительному опыту совместной профессиональной деятельности и установившимся на его основе доверительным отношениям.

Наконец, еще одна важная особенность рекрутирования вице-мэров — функциональная специфика, проявляющаяся в тенденции назначения заместителями главы администрации, ответственными за конкретные направления муниципальной политики, выходцев из тех

социально-профессиональных сфер и категорий, которые предстоит курировать назначенцу. Эта «клиентелистская» практика назначений, весьма выраженная, например, в области градостроительной политики, способствует тому, чтобы вице-мэры превращались в орудие защиты интересов тех отраслей (например, строительного бизнеса), которые они призваны регулировать в интересах всего местного сообщества.

А.Е. Чирикова, Д.Г. Сельцер

МАЛЫЕ РОССИЙСКИЕ ГОРОДА: РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ВЛАСТИ МЕЖДУ ГЛАВОЙ ГОРОДА И ЕГО КОМАНДОЙ¹

В предлагаемой работе делается попытка описать степень зависимости/независимости членов команды глав исполнительной власти в малых городах от своего лидера и показать вариативность этих отношений. В ходе эмпирического исследования на примере 5 малых российских городов, авторы выясняют, концентрируют избранные лидеры исполнительной власти в городе в своих руках реальную власть и насколько, или они вынуждены делиться ею с другими влиятельными игроками в команде.

В статье содержится эмпирическое описание конкретных практик принятия решений в команде с помощью оценок, полученных как от самих членов команды, так и лидера исполнительной власти. Полученные оценки дополняются оценками внешних лиц, имеющих опыт взаимодействия с командой и ее лидером, а также экспертными оценками.

Всего авторами проведено 64 глубоких интервью с лидерами исполнительной и законодательной власти, с членами их команд, влиятельными бизнесменами и региональными экспертами.

Проведенное исследование позволило убедиться в том, что практики распределения власти в городских и районных командах, несмотря на всю их схожесть тем не менее, не являются унифицированными. Вариативность подобных практик зависит от используемых главой исполнительной власти моделей власти: моноцентричной или полицентричной, а также от сложившейся практики неформального взаимодействия.

Всего исследование позволило выделить 5 моделей взаимодействия главы администрации и команды: «разделенное лидерство», «власть в одном кулаке», «захват власти вторыми лицами», «согласовательный моноцентризм», «неформальный полицентризм», которые в работе описываются достаточно подробно.

Ключевые слова: *малый город, команда, глава исполнительной власти, моноцентричная модель власти, полицентричная модель власти, вариативность властных практик.*

---

¹ Работа поддержана Российским гуманитарным научным фондом (грант 14-03-00151).

ВВЕДЕНИЕ

Ресурсы влияния глав городов и районов на своих территориях, по мнению экспертов, в сильной степени определяются профессионализмом и стратегиями поведения членов их команд. В силу того, что каждый лидер имеет возможность создавать команду «под себя», формируя внутри команды свои правила работы, работоспособность команды, степень свободы отдельных чиновников во многом определяют ресурсную базу лидера власти.

Вопрос о том, является ли команда мэра города самостоятельной или зависимой, весьма важен. Во-первых, ответ на этот вопрос может показать, является ли мэр реальным или мнимым носителем власти в городе, если в его команде оказывается более сильный игрок со своими ресурсами, который ведет скрытую борьбу с лидером за возможность влиять на городские процессы. Во-вторых, высокий ресурс влияния команды или его отдельных членов может способствовать коррумпированности, если контроль со стороны мэра за командой снижен. В-третьих, по состоянию команды можно определить степень бюрократизации власти в городе, если команда действует неэффективно и не стремится перестраивать характер своей деятельности в соответствии с меняющимися вызовами общества.

В настоящем исследовании нас будет интересовать степень зависимости/независимости членов команды от ее лидера.

Как показали наши более ранние исследования политических команд¹, характер их функционирования и внутрикомандные отношения во многом определяются тем, какую модель управления выбирает для себя руководитель. Она может иметь вид авторитарной модели или, напротив, включать в себя элементы более мягкого типа по принципу делегирования полномочий.

Однако чаще всего городская власть имеет вид моноцентричной модели², согласно которой глава города традиционно концентрирует в своих руках все экономические и политические ресурсы подведомственной территории, а команде достаются функции исполнения по строго выверенным лекалам лидера.

---

¹ Чирикова А.Е., Латина Н.Ю. Регионы-лидеры: экономика и политическая динамика. М.: ИС РАН, 2002.

² Чирикова А.Е. Политическая элита в российских регионах: власть и политические институты: Автореф. дис. ... д-ра соц. наук. М.: ИС РАН, 2003. С. 29.

Десять лет назад, исследуя команды Перми, Ростова, Новочеркасска, Ярославля и Самары (на момент исследования города-доноры), мы пришли к выводу, что чаще всего моноцентричная форма управления осознанно реализуется лидером, а члены команды воспринимают ее как весьма эффективную. Причиной живучести «естественного авторитаризма», по мнению информантов, является сужающиеся финансовые возможности, невысокий кадровый потенциал, оперативный тип управления в противовес стратегическому, высокая степень неопределенности ситуации.

При доминировании моноцентричной модели априори предполагается, что положение главы города внутри команды непререкаемо и именно он является доминирующим игроком в команде. Однако исследования последних лет позволяют убедиться в том, что власть мэра не является *автоматически*, структурно заданной и связанной исключительно с позицией в формальной структуре власти. Во многом она зависит от персональных качеств и усилий, прикладываемых для поддержания и укрепления власти и влияния в своей команде и за ее пределами¹.

Сегодня этот тезис, на наш взгляд, особенно актуален. Прежде всего потому, что за последние годы значительно возросла коррупционность чиновников, снизился контроль за их действиями, что не могло не вызвать у определенной части командных игроков желания использовать появившиеся «островки свободы» для индивидуальной выгоды. С другой стороны, нельзя исключать того, что именно коррупционность и потеря контроля могли привести к противоположному эффекту — усилению авторитаризма со стороны лидера, сужению сфер принятия самостоятельных решений у членов команды с одной целью — перекрыть любые возможности для самостоятельных действий во избежание неприятностей. Оба сценария гипотетически вполне реализуемы, а их существование или не существование во многом будет определяться раскладом сил в команде того или иного лидера исполнительной власти и от его индивидуальных поведенческих стратегий, которые тем не менее вполне могут зависеть от сложившихся норм и правил, которые действуют в коридорах власти.

Обоснованность высказанного суждения возрастает еще более, если в качестве предмета исследования выделяются не города-доноры,

---

¹ Чирикова А.Е., Ледяев В.Г., Сельцер Д.Г. Власть в малом российском городе: конфигурация и взаимодействие основных акторов // Полис. 2014. № 2.

а города-реципиенты, где существует высокая зависимость от федеральных и региональных трансфертов, а дефицит ресурсной базы вызывает стремление заменять формальные правила взаимодействия неформальными, чтобы хоть как-то выживать в условиях хронического недостатка ресурсной базы.

В данном исследовании ставилась цель — *установить, насколько всенародно избранные лидеры исполнительной власти в городе на практике концентрируют в своих руках реальную власть или они вынуждены делиться ею с другими влиятельными игроками в команде.*

Реализация данной цели предполагала описание конкретных практик принятия решений в команде с помощью оценок, полученных как от самих членов команды, так и от лидера исполнительной власти, которые дополнялись оценками внешних лиц, имеющих опыт взаимодействия с командой и ее лидером.

Кроме того, важным был также вопрос о том, насколько передача власти другим членам команды происходит добровольно или, напротив, вынуждено? Всегда ли лидер власти осознает, что власть у него частично отобрана, или он продолжает оставаться в неведении, искренне полагая, что ситуация в команде находится под его полным контролем? Чем чревата частичная потери власти лидером и как это может сказаться на социально-экономической и политической ситуации в городе или районе?

Ответы на эти вопросы мы попытались найти в ходе эмпирического исследования пяти команд исполнительной власти в малых городах двух регионов. В Пермском крае предметом исследования стали города Кунгур Чусовой, а также Чусовской район. В Тамбовской области изучались команда администрации города Котовска и команда главы администрации города Моршанска.

Всего было проведено 64 глубоких интервью с лидерами исполнительной и законодательной власти, членами их команд, влиятельными бизнесменами и региональными экспертами.

КУНГУР: РАЗДЕЛЕННОЕ ЛИДЕРСТВО

Кунгур — исторический город, хорошо известный в Пермском крае прежде всего историческими достопримечательностями. Власть в городе досталась нынешнему главе совсем непросто. В очень сложной борьбе ему удалось победить прежнего главу, который до сих пор сохраняет свой авторитет у определенной части городских элит и у некоторых членов команды нового мэра.

Тем не менее представители элитного корпуса города, в первую очередь те, кто не входит в команду, убеждены: первую и ключевую позицию в команде занимает глава города Кунгура.

Объясняя привилегированное положение главы города во властной иерархии, информанты исходят прежде всего из формальных ресурсов, которыми он обладает: глава является высшим должностным лицом муниципальной власти, выступая гарантом исполнения в пределах локальной территории положений Конституции, федерального и регионального законодательства, уставов субъектов федерации. Он без доверенности действует от имени муниципального образования, представляя его во взаимоотношениях с другими муниципалитетами и с государственной властью. Кроме того, глава нередко обладает административными возможностями, которые шире его должностных полномочий. Достаточно вспомнить о локальных контролирующих органах — пожарные инспекции, санитарные службы, энергетические органы, которые глава может привлечь в случае необходимости к работе, если требуется проявить свою власть. Более того, для региональной власти именно глава выступает представителем самоуправления. На практике взаимодействие региональной и локальной власти сводится к диалогу региональных властных структур непосредственно с главой. Это выделяет его среди прочих представителей локальной политической элиты. Высказанные оценки городских элит хорошо согласуются с позицией экспертного сообщества, представители которого убеждены: именно у главы города наибольшее количество формальных ресурсов, что позволяет поместить его на вершину властной пирамиды в малых городах¹.

Насколько формальные атрибуты власти мэра соответствуют его реальной влиятельности среди элитных групп и руководящего состава своей команды?

Позиции командных игроков по поводу того, является ли мэр самой влиятельной фигурой в команде, разделились. Большинство членов команды убеждены: вся власть в команде сконцентрирована в руках действующего мэра. Он обладает должным авторитетом внутри своей команды, хотя нельзя утверждать, что этот авторитет безусловен: *«Наибольшими ресурсами влияния в городе обладает глава. Он и статусное*

---

¹ Рябова О., Витковская Т. Моногорода Среднего Урала: локальные элиты и политические процессы. Екатеринбург: РИО УРО РАН, 2011.

лицо, и одновременно имеет личное влияние в команде. Несмотря на наличие в ней кланов».

Высокое личное влияние главы в команде досталось ему не просто так. После того как глава был избран на свой пост, он очень серьезно занялся формированием новой команды. Основная трудность заключалась в том, что в составе команды, которая была передана ему в наследство, было много сторонников прежнего главы. Но он не стал спешить с их увольнением, а некоторых прежних работников даже повысил в должностях, сформулировав предварительно новые правила игры: «Люди, которые были в той команде и дружили с прежним главой, остались частично работать у меня. Для меня хорошо то, что он очень многих людей тянул. А я не стал от них избавляться, взял их работать к себе. Замов, начальников управлений... Я их просто перестроил и сказал, какие теперь будут правила игры. И какие у меня будут требования. Кто меня услышал — те паирут. Кто не услышал — в свободном полете».

Настроив команду и распределив зоны ответственности тем не менее городской глава оставил за собой право принимать важные ключевые решения, особенно имущественные и земельные: «Серых сделок? У нас их нет. Я своему руководителю имущественного управления сказал — только попробуй! Мы договорились с прокуратурой, она раз в квартал проверяет документы. Плюс другой контроль. Он без меня никаких решений не принимает. И не дай бог, если я выловлю его... Он сразу уйдет... Он об этом знает. Конечно, может там что-то маленько и проскакивает.... Не думаю, что это что-то большое... Особенно по земле... Но все что касается новых участков, конкурсов, аренды, аукционов, тут 100 % ничего не пролетело. Я все контролирую».

Столь же ответственно глава города относится к решению социальных вопросов, потому что хорошо понимает: состояние социальной сферы — важный электоральный ресурс власти: «Социальная сфера очень важная. Это электоральная вещь, если думать о будущем. Это люди, которые действительно пойдут на выборы. Педагоги, воспитатели, врачи. Они пойдут. Пойдут голосовать или «за», или «против». Вообще народ очень злой. Эту сферу я контролирую лично особенно тщательно.»

Столь же серьезно мэр самолично курирует благоустройство и строительство: «Благоустройство и строительство курирую только я.

Ни одной дороги, ни одного тротуара, пока я все не увижу, никто не пропустит. Это плохо, но это так, иначе нельзя».

Если говорить о том, какие сферы городского хозяйства попадают под «двойное ведение», то по оценке главы — это общение с населением, частично коммуналка, строительство жилья и ветхое жилье.

Всю ответственность за положение дел в этих сферах глава делит со своим первым заместителем, бывшим начальником УВД, который сыграл ключевую роль в выборной кампании главы и во многом обеспечил ему победу на выборах. Однако он убежден — первый зам работает на него и не пытается перетянуть власть на себя: *«Вот у меня первый зам, бывший начальник УВД. Мы с ним до назначения были друзьями. Однако сразу договорились — на работе друзей нет. Я редко беру на работу друзей. Но иногда это необходимо. Я должен знать, что мне никто не плюет в спину. Мы делаем общее дело. Никто ничего не делит. Все работают на главу».*

Тем не менее мэр признает, что это самый влиятельный после него человек в команде, потому что именно он общается с народом в одной связке с главой: *«У первого зама высокий ресурс влияния в городе и команде, потому что он непосредственно общается с народом. У него коммуналка. Жилье, ветхое жилье. Он ездит по жителям, но я тоже езжу. Я коммуналку сам лично курирую... Мы вдвоем с замом все волочем».*

Точку зрения, согласно которой именно первый зам является наиболее влиятельной фигурой в команде, разделяет заместитель главы города по социальным вопросам: *«Я считаю, что наиболее влиятельный человек в команде после мэра, — это первый зам. Он просто состоявшаяся личность. И если ему здесь что-то не позволяло бы самому решать, он бы не пошел сюда работать. Мое мнение — это следующий глава. Если сравнивать этих двух людей, то можно предположить, что нынешний глава может не пойти на второй срок. Он устал. Ему это место досталось очень тяжело. Это просто не передаваемо. Он очень выдохся. Раньше он нас тербил, теперь мы тербим его: давайте сделаем».*

Даже дружба этих людей за стенами городской администрации не может им помешать стать соперниками на следующих выборах, по мнению одной из наших информанток, работающих в команде: *«Первый зам много лакомых ресурсов на себя стянул. Когда начнется предвыборная кампания, тогда не будет никаких дружеских отношений.*

Каждый будет сам по себе. Я была здесь рядом 5 лет. Мне жаль главу... но все может сложиться не в его пользу. Мне его просто по-человечески жаль».

Тем более что отдельные оценки командных игроков относительно того, получилась ли команда как единое целое у действующего главы, весьма осторожны: *«Команды нет. Мы просто пришли сюда и делаем одно дело. Кто-то действительно отдает всего себя. Кому-то ничего не надо, он просто пришел работать. Кто-то уже сегодня думает, что пройдут года и я смогу все это прочувствовать, а пока надо просто удержаться».*

Еще одним фактором влияния и возможной победы нынешнего первого зама в предвыборной борьбе может являться тот факт, что его неформальные ресурсы влияния на ситуацию в городе значительно выше, нежели у действующего главы. Правда, про команду это вряд ли можно сказать. Неформальные ресурсы первого зама обусловлены его лидирующей позицией в неформальном объединении влиятельнейших лиц города (силовые структуры, прокуратура, налоговые органы, директора, представляющие крупный бизнес в городе и др.) под названием «Офицерское собрание», которое было создано по его инициативе, когда он был начальником УВД. Широкие связи с элитой города значительно повышают его шансы стать новым главой в следующем выборном цикле.

Сам первый замглавы не имеет четких планов на будущее, хотя и не отрицает, что все может случиться: *«Глава сам пока не знает, до середины 2013 года еще столько воды утечет... Я и сам не знаю, хочу я здесь оставаться или нет. Я могу заработать большие деньги гораздо более легкими способами... Но у меня самолюбие, я хочу доказать, что у меня что-то получается... Мне и главой района предлагали, главы поселений меня уговаривали, но я не пошел... Мы за рюмкой иногда обсуждаем, что будет через некоторое время. И не знаем, может мы до начала выборов так наедемся, что нам не до того будет... Мы не сидим на месте... Часть вопросов мы реализовали».*

Таким образом, нельзя сказать, что уже сегодня первый заместитель сознательно стянул властные ресурсы на себя. Скорее сложившаяся ситуация позволяет говорить о добровольно «разделенной власти», что дает возможность обозначить сложившуюся практику взаимодействия этих двух самых влиятельных фигур в команде как *«разделенное лидерство».*

ЧУСОВОЙ: «ВЛАСТЬ В ОДНОМ КУЛАКЕ»?

Команда главы города Чусового ближе всего к привычным моделям взаимодействия лидера и команды в городских поселениях. Они строятся на принципах полного подчинения главе, которые сложились в течение длительного времени и которые никто из членов команды не способен изменить. В такой ситуации глава полностью контролирует происходящее в команде, держит все имеющиеся ресурсы в своих руках, при этом всем остальным членам команды не остается ничего другого, как подчиниться. Нельзя исключать, что в этом случае у членов команды остаются некоторые ресурсы «для собственного маневра», но их размер небезграничен.

В своей оценке происходящего в команде городские элиты и эксперты практически единодушны. Глава города всю власть держит в своих руках, а любые попытки эту власть уменьшить или «стянуть одеяло на себя» могут плохо кончиться для инициатора подобных начинаний. По крайней мере именно так считает влиятельный городской журналист: *«Если чиновники главы начнут играть свою игру, то он их сразу уволит...»*.

Эту же особенность команды главы разделяет профсоюзный лидер завода, который убежден, что глава стянул всю власть на себя и не дает другим чиновникам реализоваться в полной мере: *«Я не знаю, хорошо или плохо, когда в команде все решает сам глава. Да еще на ходу. Но другие члены команды в этой ситуации становятся винтиками, которые норовят действовать исподтишка на пользу своему карману.»*

Высказанную точку зрения разделяет и другой представитель СМИ: *«Наблюдая за работой администрации, могу сказать — она заточена на главу. Если там чиновники что-то и делают в своих интересах, то это очень скрыто. В районной администрации все наоборот. Там есть команда. И эту команду все знают в лицо. И с ней приходится считаться. А в городе — один глава и все.»*

Глава администрации, второй человек в команде главы города, честно признается, что его власть интересует мало, по крайней мере пока, и его приход в команду был непростым решением для него: *«Я долго не хотел на это место идти. Работа со мной велась очень долго и в итоге меня сломали... Мне было очень сложно и очень тяжело... Говорят, что надо сформировать свою команду... У меня, как у главного инженера водоканала, команды нет. Для администрации нет... Если бы речь шла о технических задачах, я бы такую команду сформировал.»*

Сам-то все на своих плечах не вытащишь. Правда, пока я к этой работе все равно не привык. Но я хочу учиться и развить свой кругозор. У меня есть намерение пойти учиться. Когда я шел сюда, то у меня было условие — я должен иметь какие-то гарантии. Ведь в 2013 году будут выборы, и здесь все изменится. Придет новый глава. Кто это будет, я просто не знаю. Он будет набирать свою команду».

Столь же отстраненно глава администрации относится к политике, несмотря на то что некоторые члены команды районного уровня пытаются его в нее втянуть: *«У меня, к сожалению, к политике нет интереса. Меня замглавы района уже три раза приглашал побеседовать. По поводу будущего. Надо с ними встречаться. Я главе города об этом говорил.»*

Но это не мешает ему весьма критично относиться к тому, что происходит в городе и районе. И даже учиться защищать себя от непредвиденных обстоятельств: *«Вы читали, наверное, что у нас здесь творится с тем же моногородом. Когда тендер на строительство выигрывает организация, которая не имеет опыта. В сфере этой деятельности. Как я защищаюсь? Довольно просто. Если я не понимаю, что происходит, то я приглашаю к себе юриста. Я ситуацию здесь уже почувствовал».*

Представители элитного корпуса весьма осторожно, но вполне благосклонно оценивают первые его шаги на посту главы администрации, видя в нем прежде всего не человека с политическими амбициями, а хорошего хозяйственника: *«В администрацию приняли нового главу администрации... Он пока не очень профессионал, но он энергичный и честный человек. Я вижу, что у него есть динамика здорового озлобления. Я вижу, что он начинает делать заявления, которые противоречат тому, что заявляет глава. Дело в том, что он пришел в банку со скорпионами. Его там не любят, он там чужой. Он не чиновник, он инженер по специальности. С ним трудно»* — убежден генеральный директор управляющей компании в Лямино (территория, непосредственно прилегающая к городу Чусовому).

Даже бывший глава города Чусового, который относится к команде нынешнего главы весьма сдержанно, видит в главе администрации человека, способного полноценно решать хозяйственные вопросы в городе: *«Сейчас глава администрации в городе неплохой. Он производитель. Без политических амбиций. В городе же много вопросов, которые ближе к коммунальной сфере. Поэтому его и назначили.*

Да страха нет никакого, что он начнет свою политическую игру. Для главы это важно. Именно поэтому он согласился на его кандидатуру».

Несмотря на то что пока реальной власти у главы администрации в команде мало, все же элиты убеждены: *«свежая кровь в команде городского главы необходима, иначе все покроется слоем коррупции».*

Несмотря на жесткую модель подчинения, сложившуюся в команде, опрошенные респонденты не отрицают, что *«отдельные чиновники в команде могут играть свою игру».*

Как правило, источником неформальных поступлений, а следовательно, неформальной власти в команде для чиновников служат деньги, которые платятся им заинтересованными лицами с целью торможения любых организационных изменений в подведомственных им муниципальных структурах: *«Как правило, деньги предлагаются взамен любым организационным изменениям. Любой чиновник при этом сразу понимает свою личную заинтересованность, как только он намерен что-то поменять в городском хозяйстве. Он начинает соображать, как это сделать с пользой для себя. Иногда договориться с частной компанией ему выгоднее, чем что-то менять. Мне выгодно преобразовать муниципальную компанию в частную. Я медленно начинаю к этому готовиться и понимаю, что это будет стоить немалых денег. Но я готов их заплатить, чтобы добиться своего»,* — замечает один из наших респондентов.

Нельзя исключить, что это не единственное поле маневра у чиновников из команды, но все же утверждать, что ресурсы влияния чиновничьего класса внутри команды городского главы очень высоки, вряд ли возможно.

Таким образом, можно констатировать, что желание контролировать всю власть в городе исключительно главой вымывает из команды сильных фигур, по крайней мере в политическом плане, но не спасает от скрытой коррупции, которая все равно существует, несмотря на жесткий контроль.

Власть в команде многими ее членами характеризуется как моноцентричная, и похоже, что глава города действительно является единственным лидером в команде, держащим многие городские процессы под личным контролем. Но если выйти за пределы команды и оценить, кто в городе сопоставим по влиятельности с главой, то безусловно такой фигурой окажется директор градостроительного предприятия.

Несмотря на жесткое подчинение в команде, многие информанты убеждены, что это не помешает директору ЧМЗ, если потребуется, поставить на место главы города своего человека и полностью поменять действующие в команде правила: *«Я думаю, что глава города все жестко контролирует. В его команде нет ярких фигур, как у главы района. Сегодняшний глава администрации, который всегда был главным инженером, он простой муниципальный служащий, еще не научившийся лидерству. Он исполнитель. Это единственная фигура в команде, которая может претендовать на свое влияние в команде, но он этого не делает. Глава сегодня выстроил отношения с директором ЧМЗ, но он, скорее всего, будет двигать на его место нового человека»*, — убежден влиятельный предприниматель.

Это означает, что если в городе существует влиятельный политический и экономический игрок, то даже авторитарная власть в команде, сконцентрированная в одном кулаке, не гарантирует устойчивости положения городского лидера в команде. Хрупкость моноцентричной модели усиливается еще и фактором усталости от лидера, а также низким профессиональным уровнем чиновников, работающих в команде.

Тем не менее у моноцентризма власти есть и свои преимущества — конкуренты в команде не приживаются, следовательно, у действующего главы города меньше сил уходит на борьбу за власть в команде, что, однако, не отменяет конкурентов извне, которые обязательно примут участие в следующих выборах главы города.

ЧУСОВСКОЙ РАЙОН: «ЗАХВАТ ВЛАСТИ ВТОРЫМИ ЛИЦАМИ»

Структура лидерства внутри команды главы Чусовского района существенным образом отличается от команды мэра города Чусового.

Суть этих различий заключается в распределении лидерства внутри команды. Никто из опрошенных представителей городской и районной элиты не отрицает, что формально возглавляет район глава, однако реально все бразды лидерства в отдельных направлениях работы районной администрации находятся в руках не главы района, а его заместителей, что создает определенный сумбур в принятии решений: *«Я не знаю, хорошо это или плохо, когда глава находится под влиянием своей команды и приватизирует все процессы. Понятно, что сумбур при принятии решения не есть хорошо. Когда никому ничего не понятно, это ведь выгодно»*, — считает профсоюзный лидер завода.

Причина скрытого «перемещения власти» из рук главы района в руки его заместителей объясняется разными причинами.

Одни представители городской элиты убеждены в том, что именно благодаря своим заместителям главе района удастся удержать свою должность, что непременно предполагает отдачу выборных долгов: *«Эти две фигуры обладали властью в команде всегда в силу решаемых вопросов, но особенно их влияние усилилось осенью 2010 года, перед выборами в марте. Один из них обеспечивал политическое сопровождение выборов. А другой консолидировал финансы. Он в душе где-то благодарен им, что они обеспечили ему еще одну пятилетку, но эта благодарность не может быть вечной. Особенно в тех условиях, когда ты уже достиг определенного уровня. Он все равно думает про себя — я же главный»,* — считает бывший член команды главы района, ныне работник областной администрации.

Другие настаивают на том, что подобная передача власти своим заместителям — это не просто долг, а отсутствие должного профессионализма у лидера, который тем не менее имеется у двух членов команды, которые сегодня обладают реальной экономической и политической властью в районе: *«Оба этих человека обладают своими ресурсами власти в команде. Они создают собственные коалиции и ими с выгодой пользуются. И у главы не хватает профессионального ресурса, чтобы вмешаться в те процессы, которыми управляет главный финансист в команде. Глава нуждается в другом своем заместителе, потому что он разбирается в политических раскладах и может ими управлять. Из этого вывод — не важно, кто первый, а важно, кто на самом деле всем управляет... Важно, что эти два человека формируют отношение главы к какой-либо персоналии, или к какой-то организации... Либо в отношении группы лиц. И тот и другой действительно сегодня являются основными движущими силами в команде»,* — убеждена одна из наших экспертов.

Некоторые даже объявляют главу «свадебным генералом» и убеждены, что от своего положения «неполной информированности» он получает свои дивиденды: *«Глава в команде свадебный генерал, а за него все решают эти два человека. Он даже не понимает, какими деньгами они ворочают, и наивно полагает, что работают они честно»,* — замечает один из наших информантов.

В честности двух фигур, которым доверяет глава района, сомневаются многие представители городской элиты и эксперты, полагая, что

«эти две фигуры много делают в команде, но они знают, за что они работают.» Одновременно опрошенные признают, что эти два человека умеют играть по правилам так, что поймать их на правовом несоответствии практически невозможно: *«Я могу сказать о финансисте команды, что это очень рискованный и эгоистичный человек, но он блестящий профессионал. Я смотрел на него и не мог понять, как он может так рисковать и никого не бояться... Он сам просматривает и дорабатывает документы тех компаний, которые предположительно должны победить в тендерах... Он их делает очень четко и убедительно. Он знает каждую запятую в нужных ему законах, он прекрасно аргументирует все свои решения. К нему невозможно придрататься. Но все в администрации района знают, что он работает прежде всего на свой карман»,* — замечает один из бывших членов команды.

К схожему мнению склоняется человек, который не входит в команду, но хорошо знает работу районной администрации: *«Заместитель главы действует без оглядки на кого либо, причем подставляет всех. Спросите у любого, кто первый коррупционер в районе и городе, все скажут, не задумываясь — первый зам. Но сам идет вперед, и как будто этого не замечает. Я ему как-то сказала: у Вас столько врагов! На что он мне ответил: врагом меньше, врагом больше, это мне не важно».*

Предметом коррупционных сделок заместителя, по мнению представителей элитных групп, являются строительные заказы, которые он предпочитает заключать с пермскими, а не с местными строителями, обеспечивая последним необходимую победу в тендерах: *«Этот человек формирует коалиции с пермскими строительными компаниями в противовес местному бизнесу для реализации собственных интересов. Понятно, что дополнительный источник доходов у него где-то есть. И здесь не надо долго гадать, где он находится, потому что все ресурсы у него в руках. И все скандальные истории со строительными компаниями, и обращение их в ФАС, и протесты других строителей, не только местных, которые заявлялись, хорошо все подтверждают. Но у него есть какой-то ресурс, который позволяет ему выплывать. Он постоянно выплывает из всех ситуаций»,* — убеждена одна из наших информанток.

Однако не только профессионализм помогает этим двум фигурам удерживать власть в городе. Не меньшее значение имеют правильно выстроенные отношения с главой, а также гибкость используемых при

этом политических и экономических стратегий: «Эти два человека главу слушают, но делают так, как им надо. Это плата за пребывание в команде. Как я понимаю, они ему платят за свою власть видимой покорностью. Я много раз убеждался в том, что в случае необходимости они могут с легкостью убедить главу в правоте своей позиции. В необходимости принятия того или иного решения. Оба они в своей аргументации отличаются хорошей убедительностью. Один из них настоящий трудоголик. У него всегда готовы пути к отступлению. Он не останется без работы при любом раскладе. У него есть свое направление в бизнесе. По слухам его производственный бизнес находится в Перми. Что это за производство — тайна за семью печатями. Он хорошо охраняет информацию», — замечает один из наших респондентов.

Часть представителей элитного корпуса видит в качестве «невидимого помощника» двух наиболее влиятельных фигур в команде их связи с областной администрацией. Возникновение подобного ресурса стало возможным, потому что глава фактически самоустранился от выстраивания должных отношений с областной администрацией, перепоручив все согласовательные процессы своим заместителям: «Я думаю, что выстраивание отношений с областью этих двух фигур есть некая форма самозащиты. И возможность отстранить главу от принятия важных решений. Ты сиди, мы сами съездим. Практически отстранив его от ключевых фигур в крае, они полностью взяли на себя процесс согласования определенных решений на уровне субъекта. Сейчас у главы фактически отсутствует надлежащий контакт, когда при необходимости он может зайти в дверь к кому-либо, кто ему нужен. Он просит: ты позвони, съезди и реши вопрос. На первой стадии они ему это сами предлагали, а в результате перетянули все контакты на себя», — обосновывает свою точку зрения эксперт из областной администрации.

Другие возможность появления и существования подобных практик обосновывают недюжинным умом и профессионализмом этих двух фигур. Но и у них есть одно существенное ограничение: они неместные: «На самом деле, что скрывать, и тот и другой достаточно грамотные люди. Мне один из них импонирует. Другой, как говорится, от сохи. Но он схватывает все на лету. Он действительно умный человек. Он умеет создавать коалиции. Но, с другой стороны, у них нет поддержки со стороны городских элит, а это опасно. Они в городе не выстроили никаких связей. Все-таки они не наши», — убежден местный предприниматель.

Некоторые, в свою очередь, убеждены, что причина влияния этих двух фигур кроется не только в профессионализме, но и в склонности к риску, качеству, которым обладают далеко не все представители команды: *«Они свое опережение в знаниях конвертируют в деньги. Но дело не только в этом. Они умеют рисковать. Иногда просто диву даешься, как они рискуют в этих сделках, и как будто никого не боятся»*, — считает эксперт из областной администрации.

Другие не без основания считают, что психологическая гибкость этих двух фигур в отношениях с людьми, стратегичность мышления, хорошее осознание целей, к которым они идут, играют в этом процессе не менее важную роль, чем все остальные факторы.

Однако стремление делить людей на сильных и слабых порождает вседозволенность по отношению к слабым, что не может не привести со временем к непредсказуемым и весьма негативным результатам: *«Первый заместитель — своеобразный человек. Сначала он к себе людей притягивает, использует их, а потом отодвигает на второй план. Во вседозволенности обоих есть свои причины. Во-первых, они привыкли к слабым оппонентам, это их уже растлевет. Во-вторых, немалую роль играют их победы, которые они одерживают одна за другой буквально на всех площадках. Выборы и победа главы — это просто закономерный итог. Это не самая главная победа, хотя и немалая. Они сильные игроки, в том числе на политическом поле. По организации их процессов, видно, что у них есть какие-то цели и задачи. Если взять городскую власть, то этого просто не видно. У них же есть стратегия и у них есть тактика. Они ведут себя резко только по отношению к слабым. С сильными они предпочитают не ссориться»*.

Видно, что полученные оценки действий районной власти весьма противоречивы. Тем не менее наиболее близок к реальной оценке ситуации, пожалуй, директор ЧМЗ, который видит в сложившемся положении дел не просто личные установки и профессиональные преимущества двух реальных лидеров команды, не просто российское желание нажиться там, где это можно во власти, а прежде всего личные качества самого главы района, которому, похоже, нравится положение «бога с закрытыми глазами» в своей команде: *«Если люди во власть пришли, то я понимаю, что власть коррумпирована и люди в ней воруют. Но в таких объемах... — Это, ребята, извините, просто беспредел. Один из них — серый кардинал. Он очень осторожный. Другой — это касса. А глава района — это бог. Они весьма грамотные люди, но, к сожалению»*.

нию, они грамотные для своего кармана. Если бы они также старались ради города, это было бы другое. На них можно было бы ставить.----... В чем проблема главы? Короля делает свита... Сейчас вся его свита поет ему о том, что он бог. Ведь как ты скажешь, так у нас и будет. Ты умнее всех. И он в это поверил... Если бы он этот замок разрушил и допустил критику, ему было бы намного проще. Но бога ведь нельзя оценивать, а тем более ругать».

При этом директор ЧМЗ убежден, эти две фигуры будут защищать свою власть до конца от любых попыток ее уменьшить, потому что им есть что терять: *«Сегодня глава района не хозяин своего слова. Он слушает своих молодых парней. Я думаю, что эти ребята будут стоять насмерть. Потому что сегодня они находятся у кормушки. А что будет завтра - им неизвестно. Это самый главный вопрос. Вряд ли эту власть они отдадут мирно, даже самому главе.»*

Сравнивая размер скрытых сделок внутри команды главы города и главы района, директор ЧМЗ не сомневается в том, что оба лидера власти «греют руки на бюджетных деньгах», но в разных размерах: *«У главы города бюджет годовой 150 миллионов, у главы района он миллиард. На порядок бюджет разнится. Отсюда делайте выводы. Те ребята, которые встали рядом с главой района, молодые, но они очень быстро влились в эту систему, и начали действовать. Их усилия это уже интерес других органов. Это ведь страна такая, они живут ровно по тем законам, которые сложились в России. Это было бы очень странно, если бы они действовали иначе. Я прекрасно понимаю, что так можно сказать и о заводе. Что у нас воруют в снабжении... Но ведь всегда видно, когда человек живет одним образом, а потом вдруг живет по другому.»*

Несмотря на то что именно «главный кассир» в команде в глазах городских элит выступает главным носителем коррупционных сделок в районе, следует помнить, что именно эти две фигуры помогли главе района победить на выборах, этого многие в городе не могут им простить. Поэтому здесь важна обоснованность подобных предположений. Хотя нельзя не признать, что приводимые аргументы, подтверждающие участие по крайней мере одного из них в подобных сделках, звучат достаточно убедительно.

К примеру, обосновывая участие «кассира» в коррупционных сделках, один из экспертов замечает: *«Буквально за три года, когда заместитель находился в статусе руководителя, курирующего строитель-*

ство, где объемы денег доходили до 300 млн руб., идущие на ремонты, человек построил свой загородный дом, двухэтажный, который он строил 10 лет. Купил машину Паджеро, весь дом оснастил, при этом он имел ту же самую зарплату, что и я, 46,5 тысяч. Вот я не смогла построить дом и купить шикарную машину. Я выучила дочь и считаю это единственным своим достижением, что я могла себе позволить благодаря этой зарплате».

В вопросе о том, известно ли главе района о происходящем, оценки опрошенных представителей элит разделились противоположным образом.

Одни из них убеждены, что «глава района просто жертва своих ловких помощников», аргументируя это умением того и другого убеждать главу в необходимости принимаемых решений. При этом сам глава остается честным человеком, не понимающим до конца, что за его спиной творят его помощники: «На мой взгляд, сильной фигурой в команде является «серый кардинал». Я уверен, что он амбициозный человек и ему интересно в этой нише. Есть еще «кассир», который решает экономические вопросы. Вдвоем они вертят главой. Он простой и честный человек, в известной степени наивный. Он не знает до сих пор, сколько они денег потратили на его избирательную кампанию. Он уверен, что совсем немного, и его никто в этом не разубедит. За влияние на главу они оба конкурируют с друг другом», — считает генеральный директор управляющей компании.

Для определенной части элиты степень информированности главы района о действиях своих заместителей остается загадкой, которую они не могут до сих пор решить для себя, а потому колеблются в оценке его честности: «Некоторые говорят, что глава в серой схеме участвует, кто-то говорит, что он не участвует. Глава не создает ощущения божатого или беспредельного человека. Он, скорее, на мой взгляд, во всем этом безобразии не участвует. У меня сложилось именно такое впечатление. Как человек, он всегда был порядочный. Но теперь я уже ни в чем не уверена до конца», — считает оппонент руководителя района, глава сельского поселения.

Действенность подобной схемы распределения власти в команде, по мнению эксперта из областной администрации, объясняется только одним: они не предают друг друга: «Мне кажется, что глава района эти две фигуры не контролирует. У них все держится на том, что они не предают друг друга. А главе эти двое показывают всеми способами,

что они его слушают, что он главный... На этом все и держится... Но не исключено, что сегодня глава хочет от них избавиться, потому что ему не нравится то, что они ему плохо подвластны. Он искренне считает, что он хозяин в районе, а на самом деле хозяин первый заместитель при правовой поддержке другого замглавы. Они вдвоем нормально держат ситуацию».

Но есть и другой вариант объяснения, согласно которому глава хорошо понимает, кого и почему он защищает: *«Глава считает, что все честно. Его заместитель столько лет строил этот дом, наконец он его построил. Я лично разговаривала с ним на эту тему. Я говорила ему: мы с Вами сидим на пороховой бочке. Вы чувствуете это? — Ты что, он пять лет строил этот дом, — ответил мне глава. Хотя он построил его за два года. Это была предвыборная кампания, осень. Либо у главы хорошие актерские нереализованные данные... Либо он хорошо понимает, что он при этом защищает», —* считает одна из членов его команды.

Определенную долю неуверенности в соучастии главы района в нечестных сделках выражает и председатель территориальной избирательной комиссии города Чусового: *«Я так и не могу понять, что знает, а что не знает глава района. Скорее всего, он об этом не догадывается или не хочет догадываться... Его зам устраивает, потому что позволяет не разбираться и не держать многие вопросы в голове... Глава района давно в команде занимается только тем, что ему интересно.»*

Другие эксперты более резки в своих оценках, искренне полагая: *«Нет другого объяснения, кроме одного — глава района в доле».*

Сам первый заместитель главы района, объясняя свой высокий ресурс влияния в команде, убежден, что это происходит потому, что он курирует наиболее сложный функционал в команде и делает это достаточно профессионально: *«Когда я готовлю для главы документы, то он их чаще всего пропускает. То есть те решения, которые я ему предлагаю, он их поддерживают. Принимать решения без убеждения трудно. Поэтому я его убеждаю в правильности тех или иных решений. Но если речь идет о перспективах, тогда это в большинстве случаев решение команды. При работе в текущем режиме мне чаще всего приходится принимать решения самому. Действительно, у меня широкий круг полномочий. Но это скорее вынужденная позиция. Да, я занимаюсь внутренней текущей политикой. С бумагами именно я работаю много.*

Сосредоточил ли я большую власть в своих руках? Функционально, скорее всего, да. Я ведь не так просто это все получил... Я работал, и у меня это получалось. Так постепенно расширялись мои полномочия».

Оценки уровня профессионализма команды в целом весьма неоднозначны. Низкий уровень квалификации чиновников одни объясняют кадровым дефицитом, другие неправильной мотивационной политикой. И похоже, что правы и те и другие.

К примеру, один из «серых кардиналов» совершенно не намерен ставить команду, в которой работает, высокие оценки: *«Нет у команды никакой стратегии, нет никакого понимания. Я сам пермский. Мне очень сложно в ней работать. В окружении нет людей масштабных. Там нет людей, которые бы сегодня хотели мыслить, которые бы могли смотреть дальше собственного носа. В малых городах это большая проблема. Скорее всего, это везде так, а не только в Чусовом. В любом моногороде и не только».*

Некоторые положение дел в команде объясняют нежеланием главы района справедливо поощрять своих сотрудников при высоком уровне нагрузки. Это формирует особый настрой членов команды, которые при первой же возможности способны сменить свое место в районной администрации на такое же место в команде главы города: *«Если говорить об условиях работы, то на сегодняшний день городская администрация находится в более выигрышной ситуации. При меньшем объеме работы в городском поселении специалисты городской администрации получают больше. У главы города сложилось правильное ощущение, что при определенных усилиях он может перетянуть часть сотрудников районной администрации, хороших специалистов к себе. Объемы работы меньше, а зарплата больше. Какой человек не захочет получать больше денег за меньшую работу? У администрации района есть четкая позиция главы, сформированная исполняющим обязанности начальника финансового управления, что все богатые, а потому могут работать за чашку риса. Нет никаких дополнительных бонусов в части отличить одного от другого. Бурьянов в этом смысле более чувствительный. Он любит поощрять. Причем он делает это сам. Его не надо просить и объяснять, кто и что сделал. Глава же района совершенно к этому равнодушен. Он считает, что все нормально»,* — убежден один из наших информантов.

При этом особенно заметной скупость главы стала в годы кризиса, когда по распоряжению губернатора надо было сокращать бюджеты,

в том числе фонды оплаты труда на территориях, и глава района решил поступить в этом случае однозначно, чем подорвал доверие своей команды: *«Глава района воспринял приказ сокращать деньги в буквальном смысле. Он просто срезал зарплату. Причем он объявил один день в администрации не работающим. Все всё равно ходили на работу. Если один день не сходишь на службу, то никто за тебя твою работу не сделает. В кризисных условиях работать было сложно. Надо было так изворачиваться, чтобы удержаться на плаву. Это требовало колоссальных специфических качеств у человека. Только благодаря этому территория не потеряла. Мы строили, мы ремонтировали... мы занимали хорошие позиции, причем это не оценивалось финансово никак. Не было ни благодарственных писем, ни финансов... Однозначно нельзя сказать, что все работники районной администрации готовы пойти на фронт за главу района. Он их интересы не защищает»,* — замечает в своем интервью один из членов команды.

Но не только деньги были решающим фактором в подрыве доверия команды к своему главе. Известную роль сыграло также его неумение работать «с маленькими людьми», которые тем не менее нередко определяют позитивный настрой в коллективе: *«Глава даже не знает некоторых специалистов по именам, которые сидят выше этажом. Он знает только тех, кто к нему ходит. Всех остальных он даже, видимо, и не хочет знать. Он их если и знает, то по внешности. А как их зовут, не знает. А они 6 лет на него пахали. Какое -то потребительское отношение к людям, его обслуживающим»,* — считает член команды главы района.

Может быть, и прав один из заместителей, что власть в команде не дается просто так — ее следует завоевывать, а это под силу далеко не всем: *«Далеко не все чиновники обладают в команде влиянием на главу... Некоторые еще должны доказать, что они что-то могут. Но, как правило, это зависит от главы. Один отдает власть команде, а другой все держит в своих руках».*

Пример Чусовского района и распределение власти в команде позволяет убедиться в том, что реальную власть в команде надо не только получить на выборах, но и поддерживать ее ежедневной работой по решению городских проблем. Важно, что иногда реальная потеря власти даже не ощущается «первым лицом», а те, кто ее захватил, действуют под прикрытием лидера, фактически не заботясь о его интересах как носителя власти. Захват власти может быть весьма опасен для управля-

емой территории, хотя бы потому, что ответственность за нее несет человек, формально облеченный властью, тогда как реальные действия на территории совершают другие лица, для которых собственные интересы «маскируются» под территориальные. Практика, когда идет «захват власти вторыми лицами» в команде по профессиональным основаниям, который они успешно конвертируют в собственную выгоду, вряд ли является характерной исключительно для Чусовского района. В России можно найти немало городов и районов, где публично члены команды действуют выполняя указания первого лица, а на самом деле постепенно захватывают наиболее выгодные куски власти с целью получения личной выгоды.

КОТОВСК: СОГЛАСОВАТЕЛЬНЫЙ МОНОЦЕНТРИЗМ

В целом представители городских элит, включая самих членов команды главы администрации, оценивают влияние городских чиновников уровня заместителей главы администрации города и начальников управлений на городскую политику как незначительное, при определенных поправках. Одна часть элит убеждена, что глава администрации фактически является единоличным лидером в принятии решений в своей команде: *«Мне кажется, что влияние городских чиновников на принятие властных решений в городе ограничено. Глава города не советуется с ними, хотя это и не исключает наличие диалога. Н.И. Луговских всегда пытался принимать оптимальное решение, которое устроило бы всех, но это всегда было его решение»*, — убежден депутат городского совета.

Солидарен с ним и бизнесмен, владелец городской сети магазинов, который полагает, что процессуальное согласование главы администрации с командой существует, но ключевые решения лидер города принимает самостоятельно: *«Безусловно, глава администрации города не может вникать во все вопросы, и в своей конкретной деятельности он советуется со своими заместителями. Но схема их взаимоотношений как в том анекдоте: «Пункт первый: Папа всегда прав. Пункт второй: Если папа не прав — смотри пункт первый». То есть решения глава принимает сам»*.

Начальник отдела муниципального заказа администрации предполагает при этом, что такая ситуация обусловлена не только недоверием к чиновникам, но и некоторыми социально-психологическими особенностями глав администраций, и прошлого, и настоящего: *«Ситуацию,*

в которой чиновники могли бы продать какое-то свое видение проблемы, я представляю с трудом. И наш бывший глава, и нынешний глава администрации такие люди, что их трудно «продать». У них по каждому вопросу свой ответ, и единственное, что может быть — они прислушаются к тому или иному мнению, внесут коррективы, но в целом сделают по-своему».

Тем не менее, по мнению депутата городского совета, информацией с чиновниками глава все же делится: «Я полагаю, что влияния городских чиновников на главу не существует и глава принимает решения сам. Хотя информацию глава им предоставляет, но принимает решение сам руководитель».

На том, что согласовательную функцию команда все же играет, настаивает и другой депутат городского совета: «Корпус городских чиновников влияет на принятие решений мэра. Механизм влияния здесь такой: мэр не принимает никаких решений без совета своей команды. Он обязательно выслушает разные позиции по насущному вопросу, а уж затем принимает решение».

В круг людей, с которыми глава администрации, по мнению информантов, советуется, входят также представители депутатского корпуса. Но окончательное решение «всегда остается за главой города».

Нельзя сказать, что членов команды главы такая ситуация не устраивает: «При прежнем главе администрации любой вопрос решался сначала на уровне начальника отдела, затем на уровне заместителя главы администрации. Только после этого вопрос обсуждался с главой администрации, и глава администрации принимает решение, которое и предполагалось принять. Надеемся, что при новом главе администрации будет также», — считает начальник отдела образования администрации.

Сам глава администрации убежден: «Чтобы кто-то из чиновников из моих замов мне доказал, что нужно принять то или иное решение по тем или иным мотивам — такого я не вижу. Я всё равно принимаю решение сам. Я даже иногда у них спрашиваю — если вы чувствуете, что я не прав, то скажите это мне. Но они настолько подавлены при предыдущей администрации, что они не привыкли спорить».

Размышляя о том, что выступает основным мотивом смены городских чиновников на своем посту, большинство элит связывают их с эффективностью работы чиновников. Тем более что для тех, кто умеет хорошо работать, команда главы является хорошим трамплином для ка-

рьерного роста: *«Причем для наиболее эффективных чиновников Котовск является своего рода трамплином для дальнейшей работы уже в Тамбове. Два наших последних мэра сейчас занимают ответственные посты в областных структурах»*, — полагает депутат городского совета.

Лишь некоторые из интервьюируемых добавляют в качестве смены состава команды мотив лояльности или нелояльности по отношению к главе администрации города или коррупционные истории, подчеркивая при этом, что это скорее смена «под давлением обстоятельств», нежели попытка улучшить деятельность команды: *«Если бы такие случаи происходили (а я подчеркиваю: социальная мобильность в этом направлении в городе очень слабая), то они были бы связаны лишь со скандалами и уголовными делами. Впрочем, говоря о скандалах, нужно помнить, что скандалы бывают разные — могут быть скандалы с мэром, могут быть просто скандалы»*, — настаивает депутат Котовского городского совета.

Но все же полученные оценки в большинстве своем свидетельствуют о том, что процесс смены чиновников в команде идет неоправданно медленно, что говорит как минимум о дефиците кадров и как максимум — о привычке жить устоявшимися схемами, никуда не стремясь: *«Многие чиновники работают долгие годы — таблички покрылись пылью на дверях. Видимо, это большие профессионалы»*, — с иронией замечает заместитель главы администрации.

О низкой мобильности упоминает также и бизнесмен, владелец Котовской городской сети магазинов: *«Мобильность в команде проявляется лишь при уходе чиновников на пенсию либо при смене структуры администрации. За те пятнадцать лет, сколько помню я, при смене главы города все заместители и начальники отделов в основной массе оставались прежними»*.

В целом это позволяет утверждать, что кадровый состав команды городских чиновников в Котовске сверхстабилен. Подобное положение дел, как это ни парадоксально, некоторыми представителями элит не осуждается. В этом информанты усматривают залог стабильности городской политической системы: *«Я в этом вижу залог стабильности развития города»*, — убежден депутат городского совета

Однако подобный взгляд на вещи разделяют совсем не все представители элитной группы: *«У нас практически нет смены чиновников. В город должна идти молодежь. Просто невыносимо смотреть на чиновников семидесятипятилетнего возраста. Очень хочется верить,*

что нынешний глава администрации поменяет всю команду в городе. И на смену старикам придут молодые. Все люди, которые остались после Луговских, живут по старинке — ждем, что скажут сверху», — полагает Виталий Ульянов, начальник центра продаж и сервиса котовского тамбовского филиала ОАО «Ростелеком».

Алексей Плахотников, в свою очередь, убежден: надо менять не чиновников, а их подход к делу, что он, собственно говоря, и собирается сделать за время своей работы в администрации: *«При предыдущей администрации состав городских чиновников не менялся — многие работали долгие годы. Что касается меня, то я не собираюсь никого менять, но собираюсь поменять подход к делу. Как только меняется подход — меняются люди».*

Вслед за главой не верит в то, что смена чиновников в городской администрации способна дать позитивный результат, считает котовский бизнесмен, и связано это с низкими ресурсами влияния городских чиновников: *«Я думаю, что смена чиновников не влияет на изменения работы городской администрации. Прежде всего это связано с тем, что принятие конкретных решений завязано на главе города. Любые изменения — к лучшему или худшему — возможны лишь при смене главы города».*

Источники рекрутирования городских чиновников, по мнению опрошенных, очень различны: с нижнего уровня городской администрации; из бизнеса и хозяйственных структур, из правоохранительных структур, руководителей бюджетных учреждений и т.д.

Предприниматель убежден, что вряд ли можно говорить о превалировании одних каналов рекрутирования над другими. Скорее, поиск работников в городскую администрацию ведется в зависимости от той должности, которая на данный момент требуется: *«Всё зависит от характера должности. Начальники отделов в основном приходят с нижнего уровня администрации. Из бизнес-структур — мало. Есть представители из хозяйственных структур, первый заместитель, например. Из правоохранительных структур я примеров не знаю. Многие приходят из бюджетных организаций».*

Некоторые представители элит отмечают в своих оценках неразвитость социальных лифтов в процессе рекрутирования городского чиновничества: *«За последние годы чиновники приходили из разных мест. Очень редки случаи социальных лифтов — канал вертикальной мобильности развит плохо. Случаи, чтобы чиновник с нижних ступеней под-*

нялся до начальника отдела или зама главы единичны», — заявляет депутат городского совета

Выделяются также случаи влияния традиционных неформальных механизмов на процесс смены чиновников (знакомства, личные и родственные связи): *«Откуда бы чиновники ни приходили, они всегда приходят с руководящих постов. Простой инициативный человек в нашем городе чиновником не станет. И обычно это либо родственник, либо знакомый, либо помогающий»*, — замечает начальник центра продаж и сервиса котовского тамбовского филиала ОАО «Ростелеком».

О том, что неформальные связи мешают создать эффективную команду и именно поэтому давно пора менять принципы отбора чиновников, свидетельствует и директор Котовского завода нетканых материалов, депутат городского совета: *«Город Котовск — очень маленький город с большим грузом неформальных связей. Все друг друга знают. Кого-то не хочется обижать, на что-то хочется закрыть глаза. В принципе это удобно но от этого страдает дело, а значит, и сами жители. Нужны новые люди, не обремененные этими неформальными связями»*.

Несмотря на то что непрозрачная система назначения чиновников на должности уже устоялась, новый глава администрации хочет коренным образом переломить существующее положение дел: *«Мне сейчас трудно ответить, как чиновники приходили раньше. Но при мне они будут приходиться по конкурсу. Я абсолютно уверен, что те хорошие специалисты, которые работают сейчас в администрации, станут моими единомышленниками. Есть и перспективные молодые кадры, которые, я полагаю, будут подниматься по социальному лифту»*.

Таким образом, проведенный анализ позволяет заключить, что если говорить о публичных оценках, то городские чиновники если и держат ситуацию в своих руках, переигрывая нового главу, то только за счет длительной практики работы на этой должности. Новый глава пока не хочет искать в команде аутсайдеров, надеясь на то, что ему удастся при поддержке команды держать ситуацию в городе под контролем, оставаясь доминирующим актором и не делясь властью с членами своей команды, однако и не отказывая им в совещательном голосе при принятии важных решений. Неизвестно, удастся ли главе без смены конкретных фигур чиновников поменять их подходы к делу. Ясно одно — перемены нужны, потому что, сохраняя старую команду, опасность того, что они будут использовать в своих целях приобретенные за годы работы администрации знания в свою пользу, очень велика.

МОРШАНСК: НЕФОРМАЛЬНЫЙ ПОЛИЦЕНТРИЗМ?

Полученные материалы интервью говорят о вполне предсказуемой картине: власть в городе сосредоточена в одном мэрском кулаке, а члены команды являются послушными исполнителями, которые могут выступать в отношении принятия решений лишь советчиками, к чьим словам мэр необязательно прислушивается. Складывается впечатление, что это достаточно распространенная модель власти, построенная по моноцентричному принципу, особенно характерная для кризисных в экономическом отношении городов.

Вполне разделяет высказанную оценку влиятельный городской предприниматель, в прошлом депутат областного собрания: *«На сегодняшний день единоличная система управления в городах сложилась по всей области. И это не случайно. Власть в России выстроена по жесткой вертикали от Москвы до муниципалитетов. В эту систему входит только президент, губернатор и глава города. Каждый находится фактически в прямом подчинении у вышестоящего руководителя. В силу этого влияние в городе, кого-либо из других чиновников просто не вписывается в созданную систему управления. Чиновники администрации — это просто исполнители поручений главы города. Глава города — исполнитель поручений губернатора. А губернатор — исполнитель поручений президента».*

Описывая действующую модель отношений между мэром и командой, и другие представители элит многократно говорят о том, что все нити политической и экономической власти находятся в руках мэра. Это даже позволяет говорить об авторитарной модели управления в городе *« В городе авторитарный способ управления. Мэр является главой политической элиты города, и все документы идут через него. Чиновники являются в первую очередь его подчиненными и партнерами, поэтому не могут оказать влияние на принятие того или иного решения. Да и в целом лидирующей роли ни один чиновник не играет. Главным, действующим актором является глава города»,* — полагает заместитель председателя Городского совета.

Возможность реализации авторитарной модели, по мнению элит, заложена в тесном взаимодействии с губернатором. Причина проста — стратегически важные решения глава города в первую очередь обсуждает с губернатором и тамбовскими чиновниками: *«Чиновники являются исполнителями поручений главы города. Все дело опять упирается в то, что над городской властью находится областная власть. И если*

кто-то решает какие-то вопросы в обход главы города, значит, он их решает без учета мнения областных чиновников. А это невозможно. Поэтому все по цепочке исполняют поручения вышестоящего чиновника», — полагает индивидуальный предприниматель.

Присоединяется к высказанной точке зрения и директор Моршанского пивоваренного завода, который также убежден, что реального ресурса влияния на ситуацию в городе у чиновников просто нет: *«Реальной властью в городе кроме губернатора, главы города и депутатов горсовета никто больше не обладает. Руководители управлений — это подчиненные мэра. Они являются только исполнителями его поручений. Нельзя, конечно, сказать, что он совсем с ними не советуется в принятии решений. Но в большинстве случаев инициативу проявляет сам глава города. И ключевое слово в решении вопросов стоит за ним».*

Да и сами чиновники, похоже, не стремятся брать на себя риски, а потому, не сопротивляясь, отдают мэру право решать все наиболее важные вопросы: *«Влияния городских чиновников нет. Каждый боится пойти в обход мэра. В основном они исполняют то, что предлагает мэр. Они представляют собой типичных бюрократических чиновников, занимающихся своей работой, перебирают с места на место бумажки в кабинете, выезжают на встречи мэра с населением и т.д. И затем, в конечном счете, делают то, что скажет мэр», — убеждена лидер местного отделения партии «Справедливая Россия».*

Почему так происходит? Не исключено, что чиновники не хотят терять «свое место под солнцем», а потому не спешат идти вперед со своими инициативами: *«Все чиновники ориентируются на высшее начальство. Никто свое мнение не навязывает, так как боятся в первую очередь потерять работу. Поэтому влияния на принятие решений они не оказывают. Решающее слово все равно остается за главой города», — дает свою оценку председатель Совета ветеранов.*

Безусловно, важным фактором низкой влиятельности членов команды, по мнению элит, являются слабые профессиональные компетенции чиновничьего класса: *«Складывается впечатление, что у чиновников недостаточно компетенций для самостоятельного решения каких-то проблем или сложных вопросов. Порой поражает непрофессионализм многих чиновников. Я по своей линии часто обращаюсь в администрацию. И каждый поход в администрацию — это бег из кабинета в кабинет. Чиновники просто боятся самостоятельно принять решение. Это не из-за того, что они такие неисполнительные. Происходит это*

из-за незнания, что и как делать (непрофессионализм), боязнь взять ответственность на себя, проявить свою инициативу. Отсюда только один выход — все решения принимаются мэром единолично», — полагает директор ФГОУ СПО «Моршанский строительный колледж», член партии «Единая Россия».

Размышляя о ресурсах влияния заместителей мэра, некоторые информанты говорят о том, что мэр даже их решения перепроверяет: *«Глава города сам принимает решения. Даже если решение было принято его заместителями, он лично проверяет и принимает решение о том, стоит ли реализовать предложенную идею или нет. Как правило, сложилось так, что Калинин является сам генератором идей и решения принимает в итоге самостоятельно, но прислушиваясь к мнению других», —* считает председатель Горсовета.

Некоторые представители элит напоминают, что авторитет главы города распространяется далеко за пределы своей команды, что позволяет ему согласовывать свои решения с главами ведомств, которые не находятся в его непосредственном подчинении. Но вот со своей командой, по некоторым оценкам, мэр советуется мало: *«Влияние чиновников ограничено. Мэр с ними мало советуется. Он реально действующий мэр города, а не марионеточная фигура в руках его заместителей. В рамках городской структуры власти он сильный управленец. Конечно слово в решении вопросов остается за мэром, и даже другие городские структуры (казначейство, Пенсионный фонд, Налоговая инспекция) к нему прислушиваются. Благодаря чему вырабатываются решения, работающие на пользу города. В проблемные периоды по вопросам Моршанскхиммаша, это мне хорошо известно, глава города неоднократно звонил и начальнику Налоговой инспекции, и руководителю Пенсионного фонда и т.д. Он звонит, говорит свои рекомендации и к нему прислушиваются», —* делится своими размышлениями директор ООО «Моршанскхиммаш», депутат городского совета.

С этой точкой зрения не согласен первый заместитель главы администрации, настаивающий на том, что мэр демократичен и способен услышать и учесть мнение других лиц при принятии важных решений: *«Реальной властью никто кроме мэра в городе не обладает. Но влияние со стороны чиновников, конечно, есть. В решении вопросов глава города достаточно демократичен. Как пример можно привести планерки, проводимые главой города каждую пятницу с привлечением на них руководителей Управляющих жилищных компаний и сотрудников отдела ЖКХ*

администрации. В рамках этих планерок происходит обсуждение насущных вопросов в этой сфере. И прежде чем принять какое-то решение, глава города советуется с руководителями управляющих компаний, с сотрудниками структурных подразделений администрации. Выслушивает все «за» и «против» и потом принимает решение».

Уточняет позицию бывший мэр Моршанска, который хорошо ориентируется с ситуацией в команде: «Влияние чиновников в городе ограничено, мэр мало с ними советуется. Он человек амбициозный. Он если и советуется, то с ограниченным кругом чиновников. В принципе в администрации есть всего несколько человек из чиновников, которые имеют полномочия принимать решения, остальные же — прямые исполнители. Поэтому у мэра нет необходимости обсуждать свои действия с каждым из них. У него есть свой ближний круг. Однако решение остается за мэром. Он если и обсуждает что-то, то для проверки внутренне принятого решения. Сделав выбор для себя, он сверяет решение, чтобы понять, насколько оно правильное. А последнее слово все равно за ним».

Однако процесс учета мнения чиновников, руководящих отдельными направлениями, все равно идет, какими бы слабыми и невлиятельными игроками они ни были: «Чиновники согласовывают свои действия с мэром. Каждый из чиновников руководит своей структурой, знает все проблемы в этой области. Во время проведения мэром планерок, в начале каждой недели, принимаются согласованные решения, которые не идут в разрез мнения ни одного из чиновников. Мэр — фигура достаточно влиятельная в городе, вокруг себя он сплотил людей тех, которые готовы работать с ним согласованно», — убеждена депутат Гордумы.

Сам мэр склоняется к мнению, что его стиль управления командой предполагает принятие согласованных решений, а это означает, что он своих подчиненных слушает: «Если говорить о принятии решений на городском уровне, то у нас происходит процесс принятия решений коллегально. Т.е. прежде чем принять какое-то решение, мы с коллегами советуемся. И в зависимости от того, в какой сфере следует принять решение, я советуюсь с различными специалистами в этой отрасли в администрации. Поэтому я самостоятельно решений не принимаю, но последнее слово всегда остается за мной».

Похоже, что его оценка собственной практики все же близка к реальности, хотя бы потому, что существует формальный совещательный

орган, куда входят в том числе чиновники, в его решениях заложен согласовательный механизм: *«Есть коллегия администрации города Моршанска. Это совещательный орган при главе. Все важные вопросы обсуждаются в рамках данного органа. В эту коллегия помимо чиновников администрации входят и начальник полиции, и руководители других структур. Но это всего лишь совещательный орган»*, — утверждает руководитель отделения Федерального казначейства по Моршанску и Моршанскому району.

Видимо, мэру хватает авторитета, чтобы склонить этот орган к нужному решению, но в любом случае это требует убедительности и определенных усилий, поэтому говорить о «сверхавторитарности» городского управления вряд ли целесообразно.

Вполне лояльно мэру ведет себя также в отношении Городского совета народных депутатов. Это позволяет главе Городского совета говорить о высокой договороспособности мэра города: *«Если у нас возникают разногласия, мы садимся с мэром друг напротив друга и разбираем конкретную ситуацию. В результате находим тот компромисс, с которым мы выходим к людям на заседании Городского совета»*.

Попытка выяснить, выстраивают ли городские чиновники собственные связи с влиятельными лицами в городе, свидетельствует о том, что если они и существуют, то не носят публичного характера. Большинство представителей элитного корпуса говорит о том, что такие связи, возможно, есть, но это не означает, что чиновники могут принимать самостоятельные решения.

Большинство оценок, полученных от городских элит, свидетельствует об ограниченном круге взаимодействия чиновников с городскими акторами.

Наиболее проработанные связи — это политические партии в лице «Единой России» и общественные организации. Выстроенные отношения с политической партией «Единая Россия» со стороны чиновников обусловлена тем, что они являются ее членами вслед за главой города: *«Многие имеют связи с «Единой Россией», так как это уже стало практически обязательным требованием. У нас все сейчас или в «Народном фронте» или в «Единой России». В этом нет негатива. Если ты работаешь в команде, то ты и должен принимать условия, на которых ты работаешь. Представьте, если мэром является руководителем «Единой России», а кто-то из его подчиненных к либералам относится, или к коммунистам, или к лимоновцам, так не должно быть»*.

Пусть это является пережитком партийного прошлого, но в этом нет ничего плохого», — убежден бывший мэр Моршанска.

Подобная позиция бывшего мэра свидетельствует о хорошем знании неформальных правил, действующих внутри администрации, хотя сам он там не работает, являясь руководителем Пенсионного фонда. Это, однако, не мешает ему поступать вразрез с принципами, действующими внутри команды: *«Я одному областному руководителю сказал, когда он меня упрекнул, что я опять с красными (КПРФ, являюсь членом этой партии). Я ответил: не с красными я, а сам с собой, с семьей и с работой, которую стараюсь делать добросовестно. А во-вторых, и для КПРФ иметь такого человека, как я, выгодно. Ведь когда вам это нужно было, на выборах 13 марта в Обл. думу, я спокойно со всеми и с коммунистами переговорил. Объяснил, что вы меня знаете, а я знаю В.М. Юрьева, что он за человек, какая за ним сила стоит, его возможности, его потенциал. Но если бы я работал в администрации, то это уже выходило бы за рамки дозволенного».*

Разделяет высказанную точку зрения первый заместитель главы администрации: *«Да, многие чиновники имеют собственные связи, но в основном только с политическими партиями. Многие из руководителей администрации являются членами партии «Единая Россия». Все остальные связи если и имеются, то они достаточно нестабильные».*

Связи с общественными организациями заместитель главы мэра, которая и курирует в команде эти отношения, называет очень тесными: *«Очень тесные отношения у чиновников с общественными организациями. При администрации создан Совет по взаимодействию с общественными организациями, который активно работает».*

Мэр города оценивает складывающуюся ситуацию схожим образом: *«Некоторые чиновники имеют собственные связи с различными структурами, но в основном это политические партии».*

Оценки связей чиновников с бизнес-структурами достаточно противоречивы. Одни представители элит говорят о том, что такие связи минимальны, другие настаивают на том, что они существуют, но не афишируются.

Среди тех, кто отрицает связи чиновников с бизнесом, депутат Горсовета, позиция которой однозначна: *«Связи с общественными и партийными структурами есть, а с бизнесом нет».*

Схожей позиции придерживается и влиятельный в городе предприниматель: *«Нет, собственных связей никто из чиновников с бизнесом*

не имеет. Как я уже упоминал, во взаимоотношениях превалирует глава города. Он дает поручения своим заместителям, и они работают под его личным контролем».

Другие представители элитного корпуса не столь категоричны и убеждены, что такие связи есть, но они плохо просматриваются: *«Ну, такой явной коррумпированности нет, да и не должно быть. Но так кое-где это проскальзывает, это жизнь, без этого никуда сейчас. Но слишком явных открытых связей нет. Это все находится на неформальном, мало кому заметном уровне. Так что отдельные случаи, конечно, есть»*, — полагает директор ООО «СтройСервис».

Лидер коммунистов убежден, что торговое управление администрации города не может не иметь связей с торговым бизнесом в городе и с другими представителями бизнеса, но назвать эти связи устойчивыми он тем не менее не может: *«В нашем городе и по области в целом в основном представлен торговый бизнес. Производство очень слабо развито. И, например, Комитет по торговле администрации города имеет определенное влияние на бизнес-структуры. Соответственно, чиновники этого комитета имеют связи с предпринимателями. Конечно, еще присутствуют кое-какие связи неформальные между бизнес-структурами и городскими чиновниками, но неустойчивые».*

На наличии отдельных связей с отдельными влиятельными предпринимателями настаивает председатель Совета ветеранов: *«Есть представители в администрации и Горсовете, поддерживающие контакты с отдельными представителями бизнес-структур».*

В то же время директор Моршанского пивоваренного завода убежден, что контакты бизнеса с чиновниками никак не влияют на механизмы реализации власти, так как все ключевые вопросы по взаимодействию с бизнесом все же контролирует мэр города: *«В силу своих должностных обязанностей многие чиновники имеют различные связи и с бизнес-структурами, и с общественными организациями, и с ячейками партий. Но, как правило, никто не решает никаких вопросов без участия главы города. Т.е. если кто-то из предпринимателей и хочет решить какие-то вопросы, то ему необходимо придти либо лично к главе города, либо к председателю Горсовета. Потому что никто из чиновников администрации не решится принять какое-то решение без учета мнения главы города. Так можно лишиться и рабочего места».*

Заместитель главы города также убеждена — взаимодействие происходит, но в рамках выделенных полномочий: *«Сотрудники отдела*

администрации по экономике взаимодействуют с бизнесменами, но в рамках своих полномочий. В связи с изменениями, произошедшими во властных отношениях в городе, бизнес-структуры перестали оказывать влияние на принятие решений. В этом заслуга и мэра города, и областных чиновников».

Однако один из наших информантов не сомневается в том, что многое в городе в плане взаимодействия чиновников и бизнеса происходит иначе, нежели об этом говорят сами чиновники. Связи между чиновниками и бизнесом определенно существуют, и они носят далеко не безобидный характер: *«Да, конечно, такие связи между чиновниками и бизнесом есть. Они же курируют разные вопросы. Поэтому имеют некоторые связи. Те, кто курируют вопросы экономики, имеют связи с бизнес-структурами, рассматривают их вопросы и предложения. Неформальные связи чиновников с бизнес-структурами и криминалитетом тоже присутствуют. Тем более что город маленький, все друг друга знают. Здесь все перемешаны и родственники, и друзья и т.д. Зачастую неформальные связи вытекают наружу в виде коррупционных дел, и такие примеры уже были и в городе, и в районе».*

Поддерживает высказанную точку зрения, и вполне убедительно, бывший первый заместитель мэра г. Моршанска, руководитель аппарата Тамбовской региональной общественной приемной председателя правительства В.В. Путина: *«Официально никаких отношений с бизнесом никто из чиновников не имеет. Но на неформальном уровне такие связи присутствуют. Иногда бывает, что кто-то благодаря этим связям пытается лоббировать личные интересы. Но, как правило, эти попытки в последнее время безуспешны. Все вопросы в сфере взаимодействия бизнеса и муниципальных структур сейчас обязательно проходят тендерный отбор. Все эти взаимоотношения отрегулированы. Однако есть лазейки, которые прокуратура постоянно отслеживает. И выигрывает ли та или иная заявка тендер, решает специальная комиссия, куда входят представители и администрации города, и горсовета, и федеральных надзорных органов и т.д.»*

Проведенный анализ убедительно показывает, что структура власти в городе предполагает единоличное лидерство мэра и не предусматривает высокого потенциала влияния членов команды на городские процессы, за исключением присутствия чиновников в составе партии «Единая Россия» в качестве демонстрации лояльности мэру и областной власти.

Беря на себя официально роль исполнителей воли мэра, члены команды не рвутся вперед и не проявляют излишней инициативности. Участие в согласовании решений — вот тот рубеж, на который они могут рассчитывать. И не только потому, что их не пускают вперед. Скорее всего, ограничителем здесь являются они сами. Ведь уровень кадрового ресурса в маленьких и бедных городах весьма низок. Отсюда проблемы бюрократические, страх перед принятием решений, желание не потерять свое место под солнцем любой ценой. Но это только одна сторона дела, формальная. Другая сторона — неформальная. Несмотря на то что больших ресурсов влияния нет, а процесс принятия самостоятельных решений минимален, все равно остается стремление со стороны чиновничьего класса получить выгоду от своего положения в системе власти. Вытеснение чиновников из поля взаимодействия с бизнесом не приводит однозначно к тому, что они из этого поля уходят. Формально подчиняясь требованиям мэра, они все же пытаются выстроить неформальные взаимовыгодные отношения для обеих сторон. И хотя в последнее время возможности для подобных контактов резко сужаются (вспомним прокуратуру и губернатора), нельзя отрицать, что этого не происходит в действительности.

Необходимо заметить, что это довольно типичная ситуация для малых городов подобного типа, что позволяет говорить о том, что выявленные особенности распределения власти в команде носят не случайный, а системный характер.

Весьма позитивный процесс на примере города Моршанска — выстроенные отношения чиновников с общественными структурами. Это не так часто наблюдаемое явление, которое говорит о том, что настроения в городе действительно контролируются. Не исключено, что власть выстраивает отношения с общественными организациями, прежде всего для того чтобы иметь дополнительные каналы воздействия на население в случае возникновения форс-мажорных ситуаций. Несмотря на это, какие бы мотивы ни скрывались за действиями чиновников, интерес к общественным организациям со стороны власти весьма позитивен и свидетельствует о том, что городская власть — это не «вещь в себе» и она вполне способна в случае необходимости влиять на городское население.

Таким образом, даже ставя перед собой цель сконцентрировать всю власть в своих руках, глава администрации города необязательно может этого добиться. Прежние административные ресурсы и связи у чинов-

ников приводят к тому, что он должен делиться с ними, прежде всего неформальной властью, которая в малых городах нередко оказывается важнее, нежели формальные атрибуты власти. Это позволяет обозначить данную практику как «неформальный полицентризм»,

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Описанные практики распределения власти в городских и районных командах позволяют убедиться в том что, несмотря на всю похожесть отдельных властных практик, они тем не менее не являются унифицированными.

В вариативности подобных практик можно убедиться, проанализировав результаты эмпирических исследований по пяти территориям.

Кунгур вполне можно назвать уральским городом, в котором власть строится по разделенному на добровольной основе принципу. Разделение всех важных функций между двумя влиятельными фигурами в команде не снижает ресурсы влияния действующего мэра, однако создает угрозы для его будущего пребывания во власти. Несмотря на то что сегодня еще не совсем ясно, с кем будет бороться ныне действующий мэр на предстоящих выборах (не исключено, что он на выборы не пойдет вообще), все же высока вероятность того, что «второй человек в команде» в случае конкуренции имеет большие шансы на победу.

В Чусовом наблюдается довольно типичная жесткая моноцентричная модель распределения власти в команде, когда все решения принимаются единолично городским лидером. Однако эта модель теряет свою типичность в том случае, если мы возьмем в расчет действующего в городе сильного экономического и политического игрока в лице градообразующего предприятия, которое оказывает существенное влияние на городскую власть — через городское собрание и напрямую, путем неформального влияния на отдельных членов команды. Это не может не снижать уровень моноцентризма в команде, однако утверждать, что подобное вмешательство со стороны существенным образом перестраивает сложившиеся практики власти в команде, вряд ли возможно.

Пример распределения власти в команде Чусовского района наглядно показывает, что объем формальных должностных и административных полномочий, которые наиболее высоки у глав территорий, необязательно гарантируют объем реальных властных ресурсов. Нередко власть в команде перехватывается «вторыми лицами», а потому первое

лицо в команде постепенно становится символом власти лишь в публичной сфере.

Избежать подобного перехвата власти возможно, но для этого нужно, во-первых, как минимум снизить уровень профессионализма команды, а во-вторых, перестать доверять членам своей команды по своему усмотрению решать подотчетные им вопросы. Стягивание власти главой на себя возможно и достижимо, однако в этом случае следует использовать модель жесткого контроля над действиями любого члена команды и забыть о том, что в твоей команде работают твои сторонники и партнеры. В предвыборной кампании каждый из них может стать твоим конкурентом, несмотря на хорошие дружеские и деловые отношения. Данная практика была названа нами как «захват власти», потому что именно при таком распределении власти в команде лидер, оставаясь на своем месте, тем не менее теряет рычаги влияния на ситуацию, кроме тех, которые предлагаются ему.

В Котовске власть имеет моноцентричную конфигурацию. Здесь вновь можно говорить о доминировании авторитарных практик внутри команды. Однако их реализация смягчается нацеленностью мэра города на согласовательный процесс с членами своей команды, что позволило нам обозначить данную практику как «согласовательный моноцентризм».

В Котовске властные практики и отношения в команде пока окончательно не сложились. Материалы интервью дают возможность утверждать, что на период адаптации нового главы администрации властные отношения в команде будут носить вид *неформального полицентризма*. В этом случае лидер попытается сконцентрировать всю власть в одном кулаке. Однако это может и не получиться, учитывая длительный опыт работы в команде чиновников, пришедших с предыдущим лидером и приобретших за время своей работы необходимые связи, в том числе неформальные. В результате у некоторых руководителей в команде есть свои скрытые рычаги управления, которые они не афишируют, но которые позволяют им негласно влиять на ситуацию в городе. Нельзя исключать того факта, что со временем станет ясно, кто стремится извлечь выгоду из своих неформальных ресурсов влияния, и данная практика исчезнет. Но пока отрицать ее присутствие в командной жизни главы администрации Котовска вряд ли стоит.

А.В. Шентякова

МОДЕЛИ И ФАКТОРЫ КАРЬЕРЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ

Статья посвящена анализу факторов и моделей политической карьеры представителей региональной элиты России. Исследуются внешние и внутренние ресурсы, который способствуют карьерному продвижению во властных структурах. В статье используются данные, полученные методом глубинных интервью с представителями политической и административной элиты регионов. Проводится анализ социально-демографических показателей, таких как место рождения и первичной социализации, образование и место его получения, степень укорененности, первое место работы. Данные переменные характеризуют внутренние ресурсы представителей элиты. Анализируется соотношение внутренних и внешних ресурсов, согласно оценкам респондентов. С помощью факторного анализа были выделены семь факторов, который способствуют политической карьере. При сравнении выделенных факторов были выявлены различия между представителями политического и административного сегментов. Анализ факторных нагрузок позволил сделать выводы о приоритете внешних факторов над внутренними. Используя метод многомерного шкалирования были построены модели карьеры. У представителей административной элиты выделились 2 модели развития карьеры: «автономные профессионалы» и «патронажники». Модели развития карьеры, которые были построены для представителей политической элиты, разделяют эту группу на «корпоративистов» и «общественников».

Ключевые слова: *политическая карьера, карьерные ресурсы, модели и факторы построения карьеры, факторный анализ, многомерное шкалирование.*

Феномен политической карьеры в широком смысле многие исследователи связывают с анализом механизмов рекрутирования политических элит, принятых в обществе в данный момент, а также с внутренними мотивационными стратегиями. Также политическая карьера может рассматриваться в более узком смысле слова — как продвижение в выбранной профессиональной сфере и достижение наиболее высоких и значимых позиций: «Карьерный путь любого человека отражает в первую очередь его жизненный путь, приобретенный социальный

и политический опыт, что не может не сказываться на мировоззрении личности, на его стиле поведения, и, в конечном счете, на его качествах как политического руководителя территории¹. При изучении политических карьер исследователи выделяют объективные и личностные факторы, которые способствуют успешному карьерному продвижению.

Среди личностных факторов исследователи выделяют мотивацию, психологические особенности личности, волевые черты характера и т.д.

К объективным факторам относят внешние условия, которые характерны для общества на определенном этапе развития, карьерные условия внутри организации, взаимоотношения с руководителем, длина карьерного пути (количество позиций от первой до высшей точки карьерного пути). Таким образом, характер политической карьеры в значительной степени зависит от процессов, которые происходят в обществе и властных структурах. «Изменения в структуре социальных институтов воспринимаются людьми, занимающими в этих институтах командные позиции, как благоприятные возможности, открывающиеся для них лично»².

Большинство отечественных исследователей при изучении карьер сходятся во мнении, что попадание на элитные позиции, как правило, связано с определенными социально-демографическими характеристиками, условиями социализации, первичным местом работы, профессиональным стажем и т.д. Таким образом, можно сделать вывод о том, что на карьерный процесс оказывают влияние факторы, которые имеют различную природу и характер воздействия.

Также исследователи карьер выделяют факторы, которые позитивно влияют на карьерный процесс, «движущие факторы», и факторы, препятствующие карьерному росту, «факторы торможения»³. В ходе исследования карьер государственных и муниципальных служащих Т. Бахматова выделяет индивидуальные факторы, которые характеризовали потенциал индивида, и внешние факторы, которые оказывают влияние со стороны.

---

¹ Слетцов Н.С., Куколев И.В., Рыскова Т.М. Новая легитимность региональных лидеров // Социология власти. 1997. № 3. С. 119.

² Коган Е.А. Политическая карьера в современном российском обществе как социальный феномен. М.: МАИ-ПРИНТ, 2009. С. 34.

³ Бахматова Т.Г., Вырупаева Т.В. Особенности профессиональной карьеры государственных и муниципальных служащих. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2007. С. 19.

Каждый фактор характеризуется группой определенных ресурсов. К индивидуальным факторам автор относит 1) психофизические факторы — включают такие ресурсы, как физическое здоровье, психологические особенности, пол, возраст, происхождение; 2) образовательно-трудовой потенциал — образование, стаж работы, уровень квалификации; 3) профессионально-важные качества, к которым относят ответственность, инициативность, организаторские способности, дисциплинированность, уверенность в себе и т.д.

В число внешних факторов исследователь включает 1) факторы, обусловленные включенностью в социальные сети, такие как финансовая поддержка, деловые связи, семейные обстоятельства; 2) особенности карьерной среды; 3) оценочные факторы, например рекомендации, оценка руководством и др.

В статье используются результаты исследования, полученные при поддержке гранта № 149К «Рекрутирование политических лидеров муниципального и регионального уровня в современной России: проблемы оптимизации и повышения общественно-политической эффективности»¹. В рамках исследования была проведена серия интервью с представителями элитных групп в девяти регионах².

Была использована целевая выборка, отбор респондентов осуществлялся методом «снежного кома» с квотированием по полу и роду деятельности. Объем выборочной совокупности составил 90 респондентов. Методом сбора информации был выбран метод глубинных интервью. Среди опрошенных политиков мужчины составили 70%, женщины — 30%. Респонденты молодого возраста до 30 лет составили 12% опрошенных, 30–45-летние — 40%, 45–60-летние — 40%, а представители возрастной когорты старше 60 лет — 8%. Также учитывался элитный сектор: 30% опрошенных респондентов являются сотруднича-

---

¹ При реализации проекта использовались средства государственной поддержки, выделенные Институтом общественного проектирования в качестве гранта № 149К «Рекрутирование политических лидеров муниципального и регионального уровня в современной России: проблемы оптимизации и повышения общественно-политической эффективности» в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 2 марта 2011 г. № 127.

² Исследование проводилось в следующих регионах: Алтайский край, Воронежская область, Краснодарский край, Ленинградская область, Омская область, Пермский край, Республика Коми, Санкт-Петербург, Республика Татарстан.

ми исполнительных органов власти регионального уровня и занимают руководящие посты, 30% составляют депутаты региональных законодательных собраний, 20% являются депутатами МСУ, 10% — сотрудниками органов местной администрации и 10% опрошенных — представителями либо региональных отделений политических партий, либо значимых в регионе общественных организаций и занимают руководящие должности в этих организациях.

Для анализа карьер, по мнению большинства специалистов, большую роль играет такой показатель, как место рождения и первичной социализации, так как условия первичной социализации формируют круг друзей, которые позднее часто превращаются в неформальные связи — группы «однокурсников», «друзей детства» — и влияют на возможные карьерные изменения. Анализ собранной информации показывает, что первичная социализация у большинства представителей элиты проходила в крупных городах, так как 49% респондентов указали местом рождения областной центр и 22% — город областного подчинения. При этом большая часть из них (78%) годы детства и школьный период провели в этих же населенных пунктах, значит, условия их социализации на первых этапах не менялись.

Одним из первых шагов для построения успешной карьеры, по оценкам респондентов, является образование. К тому же факт наличия высшего образования — необходимое условие для построения успешной карьеры. Почти все респонденты (91%) указали, что после окончания школы поступили в вузы.

Место получения первого высшего образования также способствует образованию групп «однокурсников», «выпускников одного вуза», которые могут оказывать существенное влияние на карьеру. Анализ данных показал, что большинство респондентов (81%) заканчивали вузы «родного» региона.

Анализ степени укорененности представителей элиты показывает, что 78% опрошенных выстраивали свою карьеру в родном регионе/городе и только 22% отмечали, что приехали в этот регион/город для работы. Эти показатели позволяют говорить о том, что для большинства лидеров фактор укорененности оказывает влияние на карьерный рост и попадание в элитные круги. Таким образом, можно говорить, что ресурс «быть местным», «быть своим человеком, который знает этот город/регион» важен при выстраивании политической карьеры на региональном уровне.

Первое место работы после окончания учебы является первой ступенькой при анализе карьерных путей. Большинство респондентов (74 %) проработали на первом месте в первоначальной должности не более пяти лет, а затем стали продвигаться по карьерной лестнице. Только 16 % проработали более десяти лет на одной должности, прежде чем начался их карьерный рост. При этом большая часть респондентов (79 %) отметили, что заняли руководящие позиции в возрасте до 30 лет.

Среди ресурсов, которые в большей степени способствуют карьерному росту во властных структурах, по мнению представителей элиты, были названы как внешние (признание среди коллег, высокая значимость отношения руководителя, рекомендации, репутация), так и внутренние ресурсы (индивидуальные психологические черты, знания, опыт, знакомства и связи). Ответы респондентов распределились следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

**Распределение ресурсов
(респонденты могли дать более одного ответа)**

Ресурсы	Частота упоминаний (в %)
Признание среди коллег	88
Высокая значимость отношения руководителя	88
Индивидуальные психологические черты	85
Знания	76
Опыт	61
Рекомендации третьих лиц	52
Знакомства, связи	44
Репутация	44

По оценкам самих представителей элиты внешние факторы и ресурсы более значимы для карьерного продвижения. Наличие связей и рекомендаций со стороны руководителей или других третьих лиц упоминались в ходе интервью достаточно часто. При этом необходимо отметить, что в ходе анализа интервью удалось выявить различия в ресурсной базе представителей разных элитных групп. Такие ресурсы, как репутация, опыт, рекомендации, связи, чаще упоминались представителями политического сектора элиты, а респонденты административной группы чаще говорили о знаниях и образовании, отношении среди коллег, подчеркивая большую роль в карьерном продвижении непосредственного руководителя. Представители обеих групп упоминали личные качества как необходимый ресурс для любой карьеры.

Для выявления факторов, влияющих на построение карьеры, был использован факторный анализ. На рисунках 1 и 2 графически представлены результаты классификации данных.

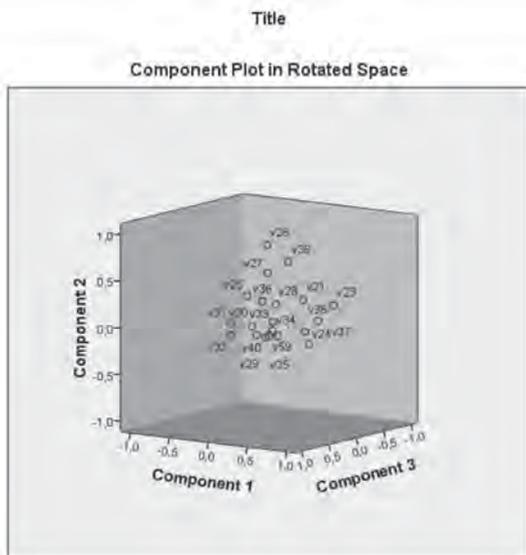

Рис. 1. График факторного анализа карьерных ресурсов после вращения

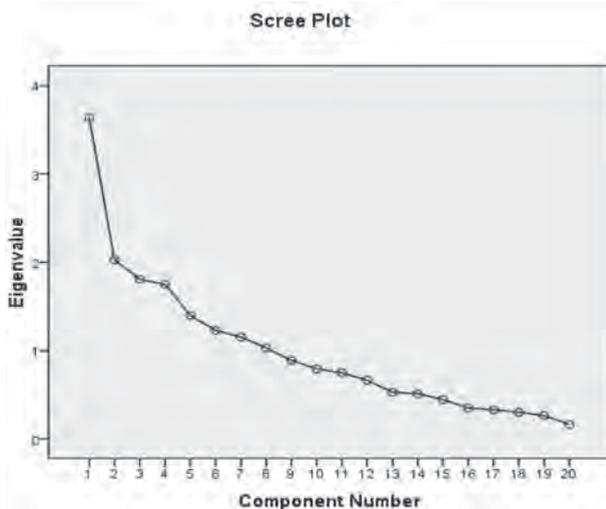

Рис. 2. График «каменистая осыпь» по результатам факторного анализа ресурсов

В таблице 2 представлена матрица, полученная методом главных компонент с использованием ортогонального вращения.

Таблица 2

Факторы влияния на построения карьеры

Матрица повернутых компонент ^а							
Переменные	Компонента						
	1	2	3	4	5	6	7
Значимость отношения руководителя к перспективным сотрудникам	,663						
Влияние реформы политической системы на карьеру	,631				-,332		
Степень удовлетворенности достигнутым результатом Вашей работы	,618						
Значимость карьерного роста	,552	,395					
Степень влияния финансового ресурса в Вашей карьере		,841					
Важность материального стимула для Вашего карьерного роста		,696					
Значимость знаний, опыта предыдущей профессии			,768				
Важность опыта работы в других областях как доп. ресурса для карьеры			,730		,327		
Важность лидерских качеств	,398		,548				
Значимость поддержки политической партии для карьеры			,446	,417	,372		
Оценка своего потенциала для карьеры в «большой политике»				,793			
Достигнутый статус как «трамплин»				,671			
Важность личных связей		,366		,525		-,319	

Окончание табл. 2

Переменные	Компонента						
	1	2	3	4	5	6	7
Значимость возрастного критерия для карьерного роста					,802		
Значимость профильного высшего образования для карьерного роста	,425		,386		,586		
Важность признания среди коллег					,542		,471
Оценка открытости каналов карьерного роста в регионе						,835	
Оценка системы стимулирования в профессиональной среде						,804	
Значимость первого лица в регионе для построения карьеры							,873
Степень влияния административного ресурса в Вашей карьере		,498					,629
Метод выделения: анализ методом главных компонент. Метод вращения: Варимакс с нормализацией Кайзера.							
а. Вращение сошло за 9 итераций.							

В результате построения факторного анализа у нас образовалось семь факторов, которые можно сформулировать следующим образом.

Фактор 1 — «влияние внешнего фактора на карьерный рост» — формируется прямой зависимостью значимости карьерного роста и степенью удовлетворенности достигнутым результатом работы респондента от отношения руководителей к перспективным сотрудникам и результатов реформ политической системы.

Фактор 2 — «финансово-материальный ресурс» — формируется той частью политиков, для которой важен материальный стимул в профессиональной деятельности и высокая степень влияния финансового ресурса на карьерный рост.

Фактор 3 — «партийная поддержка» — формируется для политиков, обладающих лидерскими качествами, для которых важны высокий

уровень профессиональных знаний и опыт работы в других сферах профессиональной деятельности (опыт предыдущей работы) как дополнительный карьерный ресурс. Также для данной категории политиков значима поддержка политической партии, способствующая карьерному росту.

Фактор 4 — «социально-профессиональный статус как «трамплин» в большую политику» — формируется для респондентов, которые высоко оценивают свой политико-профессиональный карьерный потенциал, рассматривают достигнутый социально-профессиональный статус как «трамплин» в большую политику. Также для этой категории политиков большое значение для карьеры имеют личные связи.

Фактор 5 — «индивидуальный профессионализм» — формируется для той части политиков, для которой значим возрастная критерий в карьере, значимость профильного высшего образования и признание среди коллег.

Фактор 6 — «благоприятная карьерная среда» — включает такой признак, как степень открытости каналов карьерного роста в регионе на основе оптимальной системы стимулирования в профессиональной среде.

Фактор 7 — «Административный ресурс» — формируют два признака: значимость первого лица в регионе для построения карьеры с высокой степенью влияния административного ресурса.

Суммируя полученные результаты, можем увидеть, что факторы 1, 3, 6 и 7 имеют внешний характер, а следовательно, для продвижения по карьерной лестнице и попадания на статусные позиции обладание ресурсами внешнего характера сохраняют приоритет. Но данное предположение получило подтверждение в результате анализа группы переменных, которые характеризуют карьерные ресурсы. Для выявления ресурсов, которые в большей степени влияют на карьерный рост, был использован факторный анализ. В результате получилось выделить только два статистически значимых фактора (табл. 3).

Фактор 1 — «внешний карьерный ресурс» — сформирован из внешних ресурсов, которые способствовали построению карьеры, таких как рекомендации, знакомства, репутация. При формировании данного фактора наиболее существенный вклад внесла переменная «рекомендации».

Фактор 2 — «внутренний карьерный ресурс» — сформирован на основе таких признаков, как личный профессиональный опыт и знания,

Таблица 3

Ресурсы, способствующие карьерному росту

Матрица повернутых компонент ^а		
Переменные	Компонента	
	1	2
Помогали ли Вашей карьере рекомендации	,903	
Помогали ли Вашей карьере знакомства	,799	
Помогала ли Вашей карьере репутация	,582	,303
Помогали ли Вашей карьере знания		,831
Помогал ли Вашей карьере опыт		,828
Метод выделения: анализ методом главных компонент. Метод вращения: Варимакс с нормализацией Кайзера.		

а. Вращение сошлось за 3 итерации.

которые, по мнению респондентов, оказали помощь в построении карьеры.

В приведенной ниже таблице сопряженности (табл. 4) представлено двухмерное распределение факторов влияния на построение карьеры, которые наиболее распространены среди таких целевых групп, как сотрудники исполнительной власти регионального уровня и депутаты региональных парламентов.

По результатам проведенного анализа таблиц сопряженности удалось выявить пять из семи полученных факторов, статистически значимых для социально-профессиональных групп.

Для сотрудников исполнительной власти очень большое влияние на карьерный рост оказывает фактор административного ресурса (13,1% от общего числа выборки при значимом стандартизованном остатке 1,8), а такой фактор, как индивидуальный профессионализм, для данной категории респондентов имеет слабое значение (13,1% от общего числа выборки при значимом стандартизованном остатке 1,8).

Для депутатов региональных парламентов индивидуальный профессионализм оказывает очень сильное влияние на карьерный рост (11,9% от общего числа выборки при значимом стандартизованном

Таблица 4

**Сопряженность социально-профессионального статуса
и факторов влияния на построение карьеры**

		сотрудник исполнитель- ной власти	депутат регионального парламента
Влияние внешнего фактора на карьерный рост	очень сильное	6	2
		7,1 %	2,4 %
		-,2	-1,6
Социально-профессиональный статус как «трамплин» в большую политику	очень сильное	3	10
		3,6 %	11,9 %
		-1,4	1,8
Индивидуальный профессионализм	слабое	11	3
		13,1 %	3,6 %
		1,8	-1,1
	сильное	4	7
		4,8 %	8,3 %
		-1,0	,5
	очень сильное	4	10
		4,8 %	11,9 %
		-1,0	1,8
Благоприятная карьерная среда	отсут- ствует	1	9
		1,2 %	10,7 %
		-2,2	1,4
Административный ресурс	отсут- ствует	3	3
		3,6 %	3,6 %
		-1,4	-1,1
	очень сильное	11	4
		13,1 %	4,8 %
		1,8	-,7

остатке 1,8), также для региональных парламентариев фактор «социально-профессиональный статус как ”трамплин” в большую политику» имеет очень сильное значение для карьеры (11,9 % от общего числа выборки при значимом стандартизованном остатке 1,8).

Для построения моделей карьер был использован метод многомерного шкалирования, который представляет выбранные переменные в виде точек, разделенных расстоянием по мере их отличий, и распределяет группы переменных в виде двухмерного графического изображе-

ния взаимного их расположения. Этот метод позволяет оценить степень сходства и различия между изучаемыми объектами. Чем больше различий между тестируемыми признаками моделей развития карьеры в исходной матрице, тем дальше они находятся друг от друга на диаграмме. Классифицировались признаки для каждой элитной группы. Для анализа были выбраны следующие переменные:

v58 — значимость престижности позиции в обществе для карьеры;

v59 — важность признания среди коллег для успешного карьерного роста;

v67 — роль личных связей в Вашей карьере;

v68 — степень значимости материальных стимулов в Вашей карьере;

v71 — значимость опыта работы для карьерного роста;

v72.1 — значимость опыта работы в других сферах для карьерного роста;

v74 — значимость отношения руководителя к перспективным сотрудникам для успешного карьерного роста;

v78 — принадлежность к партии для карьеры;

v79 — важность репутации для карьеры.

Большинство тестируемых объектов расположены на диаграмме в противоположных плоскостях вблизи осей координат.

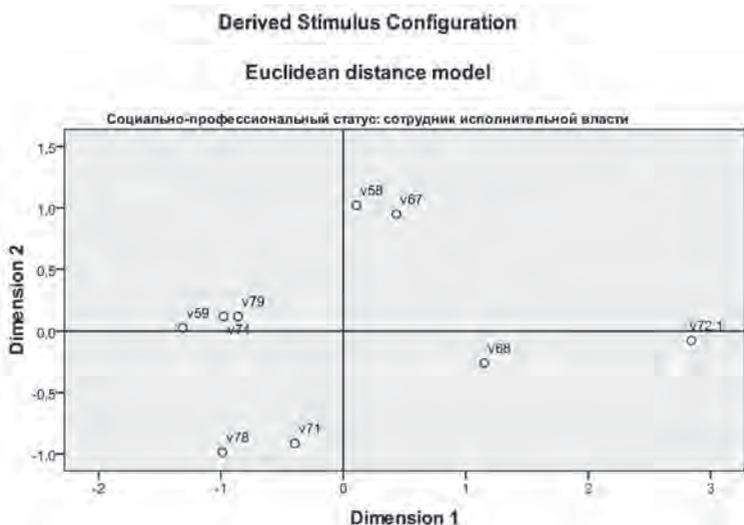

Диаграмма 1. Модель развития карьеры для сотрудников исполнительной власти

Интерпретация отдельно сгруппированных объектов позволят выделить две модели развития карьеры для сотрудников исполнительной власти, которые можно условно назвать «автономно профессиональной» и «патронажной».

Для «автономно профессиональной» модели характерна ставка на опыт работы вообще и опыт работы в других сферах, т.е. респонденты конструируют свою карьеру самостоятельно, базируясь на собственном профессиональном «багаже».

Для «патронажной модели» характерна ставка на внешнюю благоприятную среду, которая формируется репутацией, признанием среди коллег, личными связями, благосклонным отношением руководства.

Результаты многомерного шкалирования по индивидуальной матрице для депутатов региональных парламентов представлены на диаграмме 2.

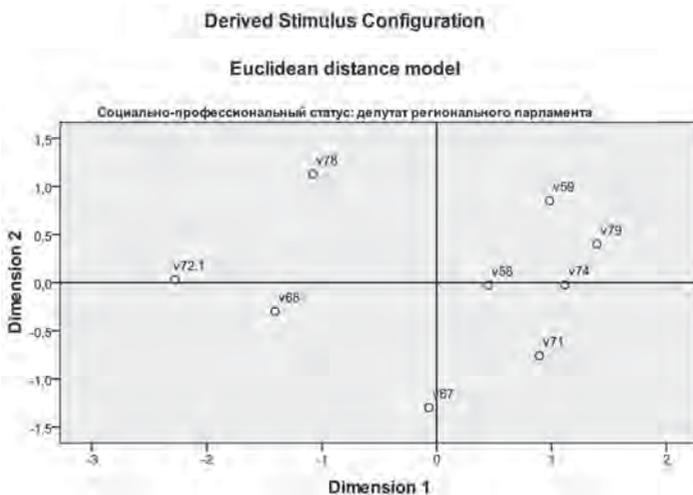

Диаграмма 2. Модель развития карьеры
для депутатов региональных парламентов

Для политиков также можно выделить две модели развития карьеры на основе распределения тестируемых объектов по оси абсцисс, что демонстрирует две противоположные модели развития карьеры региональных законодателей — «корпоративная ориентация» и «ориентация на общественное признание».

Первая модель включает такие переменные, как «значимость опыта работы в других сферах для карьерного роста», «степень значимости

материальных стимулов в Вашей карьере», «принадлежность к партии для карьеры», «роль личных связей в Вашей карьере». То есть для депутатов, которые ориентированы на данную модель развития карьеры, приоритетны опыт, а следовательно, и связи с предыдущими сферами профессиональной деятельности, интересы которых они могут представлять в региональном парламенте. Для них же характерна ставка на личные связи для карьерного роста, высокая степень материальных стимулов в работе и принадлежность к конкретной политической партии.

Вторая модель включает депутатов, развитие карьеры которых зависит от общественного признания среди своих коллег, избирателей и общественности в целом. Также законодатели этой категории делают ставку на высокую репутацию и поддержку вышестоящего руководства.

Подводя итог, можно резюмировать следующее:

- для сотрудников исполнительной власти ключевым фактором влияния на построение карьеры является административный ресурс, а возрастной критерий, признание среди коллег и значимость профильного образования как факторы влияния просто отсутствуют;
- выделяются две основных модели развития карьеры для данной элитной группы, которые разделяют эту совокупность на «автономных профессионалов», строящих карьеру за счет своего профессионализма, опыта и собственного материального капитала, и «патронажников», карьера которых зависит от внешней благоприятной карьерной среды.
- у региональных законодателей очень сильными факторами влияния на построение карьеры стали «социально-профессиональный статус как “трамплин” в большую политику» при наличии личных связей и «индивидуальный профессионализм», где возраст вхождения в политику играет большую роль, а также значимо наличие профильности полученного образования и признание среди коллег;
- модели развития карьеры, которые были построены для представителей политической элиты, разделяют эту совокупность на «корпоративистов», строящих карьеру на основе своего опыта и профессионализма, налаженных связей в профессиональной сфере до избрания в парламент, при наличии материальных стимулов, и «общественников», которые базируются на поддержке своих избирателей, признании коллег, репутации.

А.В. Дука

ВЛАСТЬ МЕЖДУ ТРАДИЦИОННОСТЬЮ И СОВРЕМЕННОСТЬЮ (ЭЛИТЫ РОССИЙСКОЙ ПЕРИФЕРИИ)

В зависимости от уровня социального и экономического развития российские регионы можно разделить на три группы: высокоразвитые урбанизированные регионы, интегрированные в современные глобальные процессы; среднеразвитые индустриально-аграрные регионы, слабоинтегрированные в глобальные процессы регионы, и регионы с низким уровнем и экономического, и социально-исторического развития. В этой группе регионов доминирующим сектором является сельское хозяйство. В социально-экономическом и социально-политическом отношении данные регионы можно охарактеризовать как периферийные. Социальное структурирование, регулирование социальных отношений, выстраивание властных иерархий, функционирование публичной сферы свидетельствует, что общества этих регионов являются, скорее, традиционными с внешними признаками и некоторыми элементами модерности. Этническая, клановая и родовая идентичность в них превалирует. В условиях кризисной российской трансформации конца XX — начала XXI вв. в традиционных обществах происходит социетальная рецессия, актуализируются архаичные формы социальных структур и отношений, которые могут снизить возникающую социальную неустойчивость. Одновременно сохраняются и определенные достижения предыдущего этапа развития. Помимо «стихийности» этого процесса, связанного с самоорганизацией общества и отдельных сообществ, властные группы архаизирующихся обществ стремятся найти механизмы социального равновесия, требующие наименьших затрат. Как правило, эти механизмы находятся в уже исторически апробированных практиках. Однако, будучи сами частью этих обществ, элиты включаются в процесс архаизации не только как внешние регулирующие инстанции, а как активные участники. Вместе с тем, региональные элиты выступают и как агенты центральной власти. Можно утверждать, что существует синтез современных и традиционных форм при развивающейся архаизации. Данное положение характерно как для обществ периферийных регионов, так и для их элит.

Ключевые слова: элиты, периферия, традиции, архаизация, этнос, клан, идентичность, социальная структура, регионы.

Уже стала общим местом констатация гетерогенности и фрагментированности российского общества¹. Данная черта наблюдается в социальных отношениях, экономике, этнонациональных, религиозных и культурных особенностях. Существующие различия можно определить как социетально-синхронные и социетально-диахронные, имея в виду социальное время и уровень социально-исторического развития.

Российские регионы и народы, проживающие на этих территориях, можно разделить по крайней мере на три группы. Основанием дифференциации будет уровень социального и экономического развития.

К первой группе можно отнести высокоразвитые урбанизированные регионы, интегрированные посредством глобальных процессов в современную экономику. Население этих регионов состоит в основном из автономных индивидов, частично включенных в деятельность гражданских инициатив. Религия по большей степени не важна в публичной и частной жизни. Традиции не регулируют повседневную жизнь. Традиционная власть отсутствует, за исключением некоторых этнических анклавов.

Вторая группа регионов сходна с первой, но менее развита. Сельскохозяйственный сектор играет важную роль в региональной экономике. Глобальные процессы затронули регионы очень слабо. Ориентации на традиционные нормы, иерархии, религию отсутствуют или достаточно поверхностны и реально не регулируют активность населения. Гражданская активность низкая.

Третья группа регионов серьезно отличается от остальных. Прежде всего тем, что социальной базой сообществ являются родственные связи, клановые и племенные отношения и соответствующие им социальные структуры. Другая отличительная черта — социальная регуляция, осуществляемая во многом посредством религиозных норм, традиций и обычаев при признании и формальном действии общих норм и законов. Третье отличие — доминирование локальной идентичности и локальной лояльности. Следующая важная черта — организация политики, напоминающей, скорее, племенное вожество и племенную демократию. По существу, эта группа представляет собой российскую

---

¹ Подчас авторы подчеркивают серьезность положения трагической проблематизацией: *Клюев Н.Н.* Российские контрасты как угроза территориальной целостности страны // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2010. Вып. 1.

социально-экономическую и политическую периферию¹. Нельзя сказать, что она однородна, общества достаточно отличаются друг от друга, и они внутренне могут быть сильно дифференцированы. Помимо этого отмеченные общие характеристики также могут проявляться неравномерно, своеобразие заключается и в их конstellляции. Однако общим для них можно считать более низкий уровень социально-исторического развития, чем в других регионах.

Важным обстоятельством является высокий удельный вес сельского населения в социальной структуре. Если сравнивать федеральные округа, то очевидна принципиальная разница в урбанизированности различных частей России.

В отдельных регионах рураризация населения соответствует уровню начальной стадии модерна. Наиболее показательны здесь Республика Алтай (72,4 % сельского населения), Чечня (65,1 %), Ингушетия (61,7 %)². В части регионов сельское население, не являясь численно доминирующим, составляет значительную долю титульного населения, что проявляется в формировании властных групп. Так, в Татарстане доля сельского населения — около четверти, две трети из них — представители титульного этноса³.

За последние годы наблюдается падение относительной доли занятых в образовании и науке. В периферийных регионах этот процесс существенно изменяет социальную ситуацию. Происходит монотонное снижение интеллектуальной составляющей в социально-экономической активности, что отражается и на политической сфере.

---

¹ Иногда встречаются описания всего российского общества как «в своей массе глубоко традиционного» с преобладанием «традиционной этнической, родовой, семейной, конфессиональной нормативности» (*Зорькин В.* Конституционный вектор России: 20 лет реализации Основного Закона страны // Российская газета. (Федеральный выпуск). № 6236 от 19 ноября 2013 г. <<http://www.rg.ru/2013/11/19/posizia.html>> (доступно 22.11.2013). Представляется, председатель Конституционного Суда явно преувеличивает, фиксируя существующую проблему. Речь может идти лишь о сложности единого нормативно-регулирующего пространства в общероссийском пространстве.

² Сайт Федеральной службы государственной статистики. Демография. Файл Popul2014 <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#> (доступно 20.05.2014).

³ *Беляев В.А.* Мировоззрение и социальное поведение современной правящей элиты Татарстана // *Общественные науки и современность.* 2007. № 3. С. 150.

Таблица 1

Удельный вес сельского населения в общей численности населения (начало 2014 г., в %)

Российская Федерация	25,8
Центральный федеральный округ	18,2
Северо-Западный федеральный округ	16,1
Южный федеральный округ	37,2
Северо-Кавказский федеральный округ	50,9
Приволжский федеральный округ	28,8
Уральский федеральный округ	19,3
Сибирский федеральный округ	27,5
Дальневосточный федеральный округ	24,7

Источник: сайт Федеральной службы государственной статистики. Демография. Файл Popul2014 <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#> (доступно 20.05.2014).

Относительно высокая доля занятых в образовании на Северном Кавказе объясняется демографическими показателями — большая рождаемость и большое число детей. Вместе с тем в стране за последние 20 лет появилось много неграмотных и малограмотных граждан, и их число остается значительным.

Как видно из таблицы 3, неравномерность распределения (не)грамотности большая. При сравнении отдельных регионов разница исчисляется десятками раз. Стремление государства изменить ситуацию малорезультативно. Проблема усугубляется не только низким экономическим уровнем периферии, но и общей тенденцией последнего времени деградации рабочей силы. Доля работников, занятых тяжелым физическим трудом, в Российской Федерации в 2003–2007 гг. выросла с 4,6 до 8 %¹, а в 2012 г. достигла 13 %². В периферийных регионах

¹ Доклад «О реализации государственной политики в области условий и охраны труда в Российской Федерации в 2007 году» / Министерство здравоохранения и социального развития Российской Федерации. М., 2008. С. 60. <<http://ohranatruda.ru/ot/statistika/doklad2007.pdf>> (доступно 15.10.2012).

² Доклад «О реализации государственной политики в области условий и охраны труда в Российской Федерации в 2012 году» / Министерство здравоохранения и социального развития Российской Федерации. М., 2012. С. 60.

Таблица 2

**Распределение среднегодовой численности
занятых по отраслям экономики
(в процентах от общей численности занятых)**

Территория	Образование			Наука и научное обслуживание		
	1995	2004	2012	1995	2004	2012*
Российская Федерация	9,3	9,0	8,4	2,5	1,8	1,1
Центральный федеральный округ	8,5	7,8	7,3	5,2	3,3	1,9
Северо-Западный федеральный округ	9,7	9,0	8,7	3,5	2,3	1,4
Южный федеральный округ	10,0	9,2	7,7	1,0	0,6	0,4
Северо-Кавказский федеральный округ	-	-	10,9	-	-	0,2
Приволжский федеральный округ	9,8	9,3	8,6	1,6	1,2	0,8
Уральский федеральный округ	9,4	8,6	8,3	1,6	1,1	0,7
Сибирский федеральный округ	10,6	10,5	9,3	1,3	0,9	0,6
Дальневосточный федеральный округ	10,5	10,1	9,0	0,9	0,7	0,4

* Рассчитывалось на основании абсолютных данных среднегодовой численности занятых в экономике и численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками.

Источник: Регионы России: социально-экономические показатели. 2005: Статистический сборник / Росстат; пред. редкол. И.С. Ульянов. М., 2006. С. 88–91; Регионы России: социально-экономические показатели. 2013: Статистический сборник / Росстат; пред. редкол. М.А. Дианов. М., 2013. С. 90–91, 99–101, 788–790.

охранения и социального развития Российской Федерации. М., 2013. <<http://www.pandia.ru/text/78/377/435.php>; <http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/salary/9>> (доступно 10.05.2014).

Таблица 3

**Доля населения старше 15 лет,
не имеющая начального общего образования (в %)**

Российская Федерация	6
Городское население	4
Сельское население	13
Центральный федеральный округ	4
Городское население	3
Сельское население	11
Северо-Западный федеральный округ	4
Городское население	3
Сельское население	9
Южный федеральный округ	6
Городское население	4
Сельское население	10
Северо-Кавказский федеральный округ	14
Городское население	9
Сельское население	19
Республика Ингушетия	35
Городское население	35
Сельское население	35
Чеченская Республика	26
Городское население	21
Сельское население	29
Приволжский федеральный округ	6
Городское население	4
Сельское население	12
Уральский федеральный округ	5
Городское население	4
Сельское население	12
Сибирский федеральный округ	8
Городское население	5
Сельское население	16
Дальневосточный федеральный округ	5
Городское население	4
Сельское население	8

Источник: сайт Федеральной службы государственной статистики. Всероссийская перепись населения 2010 <http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm> (доступно 21.09.2013).

данный показатель выше. Очевидно, что такого рода развитие отражает эволюцию российской экономики, ее потребности в определенном качестве рабочей силы. Следствием указанных трендов может быть изменение социально-политических отношений и институтов, изменение образцов гражданского поведения как масс, так и элит. Налицо серьезное расслоение по разным основаниям российского общества — пространственное и социально-классовое.

Тем не менее, будучи сильно дифференцированным, российское общество стремится к определенной гомогенности, особенно в сфере регулирующих и управляющих институтов. Это связано не только с объективным действием доминирующего «большого» современного общества, но и с целеполаганием членов сообществ, находящихся на иной стадии социального развития, включая их элиты. Первое основано на мощном культурно-институциональном давлении, которое не всегда связано с требованием российского контекста, но с общемировым трендом, основанном на доминировании Западного мира¹. Последнее связано со стремлением властных групп войти в элитный пул не только российского государства, но и быть «своим», узнаваемым в более широком контексте. Конечно, процесс принятия культурных и институциональных форм включен в существующий контекст, и влияние прошлого и эндогенного весьма велико². Возможны инволюции. Наряду с действием гомогенизирующих механизмов, связанных с доминирующим современным обществом, на части российских территорий, наблюдается архаизация, возвращение к предшествующим формам социальной организации и контроля. Закрепление этих ретро ориентированных социетальных форм и порядков сопровождается их культурной, религиозной и иной легитимацией. В отечественной литературе феномен взаимовлияния и переплетения исторически разновременных социе-

---

¹ См.: *Meyer J.W., Boli J., Thomas G.M., Ramirez F.* World society and the nation-state // *American Journal of Sociology.* 1997. Vol. 103. No.1; *Meyer J.W.* Globalization: Sources and Effects on National States and Societies // *International Sociology.* 2000. Vol. 15. No. 2; *Boli J.* Contemporary Developments in World Culture // *International Journal of Comparative Sociology.* 2005. Vol. 46, No. 5–6.

² В рамках общемировых тенденций см.: *Herkenrath M., König C., Scholtz H., Volken T.* Convergence and Divergence in the Contemporary World System: An Introduction // *International Journal of Comparative Sociology.* 2005. Vol. 46, No. 5–6.

тальных оснований функционирования общества описывался посредством концепта социально-исторического синтеза¹. В рамках институциональной парадигмы возможно рассмотрение институциональной гомогенизации в условиях сильного влияния прошлого социокультурного и институционального развития. Чеченское общество, представляется, в большой степени может служить если не идеальным типом, то хорошей иллюстрацией инволюционных процессов в контексте модернизирующегося общества. В изложении также будут привлекаться материалы других архаизирующихся регионов.

СОЦИАЛЬНАЯ НЕУСТОЙЧИВОСТЬ И АРХАИЗАЦИЯ

Последняя четверть века характеризовалась сменой социального порядка в России². С общесоциетальной точки зрения это стало возможным ввиду потери системой своей качественной определенности. Она перестала быть именно системой, в которой ее элементы поддерживают целостность и стабильность, даже при серьезных изменениях, к которым они стремятся адаптироваться. Особенно это очевидно на периферии. И не только в связи с сецессией национальных республик, но и в связи с отходом оставшихся в России территорий от вектора социетального развития. Данное обстоятельство было связано прежде всего с необходимостью поддержания социальной устойчивости и самосохранением этнотерриториальных сообществ. Произошел отход к уровню «естественной устойчивости», который фиксирует состояние социального воспроизводства на основании собственных ресурсов при ослаблении или исчезновении внешних в отношении данного сообщества (субобщества) ресурсов. Для членов таких сообществ этот процесс представляется элитой и идеологами как возвращение к своим истокам. Внешними наблюдателями он может быть интерпре-

---

¹ Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного / Отв. ред. Л.И. Рейснер, Н.А. Симония. М.: Гл. ред. восточной лит-ры, 1984.

² «Многие социальные порядки могут быть поняты как примеры адаптивных систем — комплексы активных компонентов, чьи взаимодействия приводят в действие устойчивую во времени, но изменяющуюся сетеподобную структуру, чувствительную к окружающей среде и адаптивную к ее характеристикам» (*McQuade T.J., Butos W.N. The Adaptive Systems Theory of Social Orders // Studies in Emergent Order. 2009. Vol 2. No. 1. P. 76.*)

тирован как социетальная рецессия, архаизация¹. Складывается ситуация слабого соответствия пространственных элементов общества друг другу. Вместе с тем на политическом уровне элиты прилагают усилия по нахождению и выстраиванию элементов соответствия, причем они определяют как общие рамки сосуществования разнородных частей, так и допустимые расхождения (система допусков). Таким образом, возникает определенная устойчивость и конфликтность снижается.

Архаизация зависит от предыдущего устойчивого политического развития, точки предыдущего устойчивого социального и политического порядка. В этом отношении архаизация у каждого народа своя. Вместе с тем существует ряд факторов, способствующих архаизации и усиливающих ее. Социальная трансформация и общий кризис актуализируют архаичные формы социальных структур и отношений². «Архаизация — показатель кризисности социальной трансформации традиционного общества»³. Важным является внутренняя рассогласованность общества и его подсистем в процессе общественного перехода или катаклизма. Властные инстанции, если нет внешних достаточно сильных воздействий, стремятся найти механизмы социального равно-

---

¹ «Архаизация является результатом следования субъекта культурным программам, которые исторически сложились в тех пластах культуры, которые сформировались в более простых условиях, в условиях догосударственной жизни, не отвечающих сегодня возросшей сложности мира, характеру и масштабам опасностей. Архаизация выступает как форма регресса, где программы деятельности связаны с доосевой культурой, с господством ценностей чисто локальных миров, где отношения основаны на эмоциях людей, чей круг общения был весьма ограничен. Архаизация имеет место в условиях большого общества, государства как попытка полностью или частично вернуться к догосударственным формам культуры и деятельности» (Ахиезер А.С. Архаизация как категория общественных наук (на опыте России) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV. № 1. С. 90.)

² И не только архаичные. При быстрой (в историческом отношении) предшествующей кризису урбанизации, ее незавершенности так же быстро происходит рураризация образа жизни (см.: Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. Изд. 4-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. С. 129–130).

³ Лажмама Ч.К. Архаизация общества: тувинский феномен. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. С. 52.

весьма, требующие наименьших затрат. Как правило, эти механизмы находят в уже исторически апробированных практиках. «В периоды общественно-политических кризисов и дезинтеграций, а также идеологических деградаций реактуализируются наиболее архаические формы проявлений властных отношений. Этот феномен возрождения комплекса архаических представлений, стереотипов и норм поведения уже получил название архаического синдрома»¹. Однако для «включения» этого синдрома кроме данных макрофакторов необходимым является определенное качественное состояние социальной структуры — слабая урбанизированность², наличие родоклановых отношений, проявляющихся в повседневной жизни, существование (квази)общинного крестьянства³.

Помимо структурных важны политические факторы. Прежде всего слабость государства⁴. В отечественных условиях фактически частью государства и его аппарата была коммунистическая партия, выполнявшая в том числе контролирующую и регулирующие функции. Вот как описывает ситуацию в Туве Ч.К. Ламажаа: «Радикальные реформы 1990-х годов привели к анархическому переделу власти и капитала. Деятельность политических группировок уже не контролировалась ни единой партийной системой, ни тем более народным волеизъявлением. Представления о соперничестве кожуунов и их лидеров снова были реанимированы»⁵. Милитаризация общества и военные конфликты способствуют актуализации архаичных моделей поведения⁶. И, конеч-

---

¹ Попов В.А. Символы власти и власть символов // Символы и атрибуты власти: генезис, семантика, функции / Отв. ред. В.А. Попов. СПб.: МАЭ РАН, 1996. С. 13.

² Бадранов А. Проблема архаизации общества на постсоветском пространстве [Электронный ресурс] // Рабкор.ру: Интернет-журнал. 10.03.2013. <<http://rabkor.ru/likbez/2013/03/10/archaism>> (доступно 23.04.2014).

³ Ахиезер А.С. Архаизация как категория общественных наук (на опыте России). С. 92.

⁴ Соловьева Л. Судьба традиций в эпоху глобализации: Абхазия в начале XXI века // Кавказ и глобализация. 2007. Т. 1. № 3. С. 89.

⁵ Лажмаа Ч.К. Тува между прошлым и будущим. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Алетейя, 2011. С. 154.

⁶ Albanese P. Nationalism, War, and Archaization of Gender Relations in the Balkans // Violence Against Women. 2001. Vol.7. No. 9.

но, существенным является намеренная политика архаизации со стороны властных групп, как местных, так и центральных. Как сказал один из лидеров Ичкерии, «будущее Чечни — это ее далекое прошлое»¹. Активность тувинских², абхазских³ и других элит именно в этом направлении свидетельствует об определенной их прагматичности, связанной с мобилизацией сторонников и обеспечением собственного выживания. Исследователи отмечают, что в России «федеральный центр поддерживает и консервирует в северокавказских республиках архаичные формы общественных отношений»⁴.

Немаловажное значение имеют культурно-психологические факторы, связанные со структурными и политическими. Прежде всего неготовность общества, рассогласование целеполагания верхов и повседневных ориентаций низов⁵. Существенным является доминирование сельской, негородской культуры, городского образа жизни и городских ценностей⁶. Безусловно, как указывают исследователи, слабая интеграция в российское общество тех или иных сообществ, этносов

---

¹ Нухаев Х.-А. Чеченцы скорее изменят мир, чем изменят свободе. [Грозный:] Мехк Кхел, 1999. С. 17. Ср. с нигерийской организацией «Боко харам» (“*Boko Haram*”), чье народное название переводится с языка хауса как «Западное образование запрещено (грех)». (Официальное название — “*Jamā’atu Ahli is-Sunnah lid-Da‘wati wal-Jihād*”, на арабском — «Общество приверженцев распространения учения Пророка и джихада».)

² Лажмама Ч.К. Клановость в политике регионов России: тувинские правители. СПб.: Алетей, 2010. С. 129.

³ Соловьева Л. Судьба традиций в эпоху глобализации: Абхазия в начале XXI века.

⁴ Новиченко А.И. Политическая деятельность этнократических элит (тенденции, специфика формирования — на примере Юга России). Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2010. С. 115.

⁵ Ахиезер А.С. Архаизация как категория общественных наук (на опыте России). С. 91–92; Лажмама Ч.К. Архаизация общества в период социальных трансформаций // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 3; Лажмама Ч.К. Архаизация общества: тувинский феномен. М.: ЛИБРОКОМ, 2013; Костюк К.Н. Архаика и модернизм в российской культуре [Электронный ресурс] // Сайт «Наука. Интернет. Россия» <<http://www.nir.ru/sj/sj3-4-99kost.html>> (доступно 23.04.2014).

⁶ Ахиезер А.С. Архаизация как категория общественных наук. С. 92.

в общую социокультурную матрицу способствует архаизации¹. Причем реакция на интеграционные трудности, воспринимаемые как несправедливость, может проявляться в форме поиска справедливости в архаичных формах². Зачастую усиливает данные тенденции этнический национализм³.

Указанные факторы действуют комплементарно, создавая именно системность архаизации (синдром). Но, надо отметить, что социальная рецессия возможна и на уровне, в рамках отдельных подсистем, создавая сложный «синтез современного и традиционного». В таких случаях обычно говорят о «проявлениях архаизации».

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Как отмечают исследователи, после 1990 г. в России наблюдается рост региональной идентичности⁴. Данное обстоятельство может способствовать автономизму и обособлению территорий⁵. Сравнительное исследование в рамках «Евразийского монитора» показало, что уровень локальной идентичности в России выше, чем в других странах СНГ, а общенациональной — ниже⁶. Исследование дагестанской молодежи

---

¹ Бадранов А. Проблема архаизации общества на постсоветском пространстве.

² Абдулагатов З. Дагестан и Татарстан: две тенденции в государственно-конфессиональных отношениях, определяемых российским исламом // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 1 (37).

³ Albanese P. Nationalism, War, and Archaization of Gender Relations in the Balkans.

⁴ Реутов Е.В. Фактор региональной идентичности и легитимации региональных элит // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2007. № 6. С. 180.

⁵ Задорин И.В. Региональный автономизм: фактор общественных настроений: Выступление на общественных слушаниях по теме «Модели регионального автономизма: итоги года укрепления вертикали власти» 26 января 2006 г. // Сайт ЦИРКОН <http://www.zircon.ru/upload/iblock/4dd/Regionalnyj_avtonomizm_faktor_obshhestvennyh_nastroenij.pdf?sphrase_id=1387> (20.05.2014).

⁶ Территориальная идентичность на постсоветском пространстве. Пресс-релиз, 15.03.2013 / Исследовательская группа ЦИРКОН; НП «Международное исследовательское агентство «Евразийский монитор» // Сайт ЦИРКОН <<http://>

показало, что по сравнению с 1999 г. в 2011 г. доля, идентифицирующих себя как граждан России, снизилась с 59,9 % до 36,8 %¹. Ряд исследователей говорит о кризисе общегражданской идентичности² или даже распаде³. Председатель Конституционного Суда таким образом описывает проблему: «В отсутствие в нашей стране новой — постсоветской — системы надэтнической интеграции в некоторых регионах России начали формироваться и даже укрепляться этнические и религиозные идентичности, враждебные общероссийскому социально-культурному и политико-правовому полю»⁴.

Как показывает Энтони Смит, территориальная идентичность наряду с гендерной является базовой⁵. В конкуренции с другими общностями она дает основания для пользования ресурсами именно здесь и именно данной группе. Исключение других групп из публичного пространства получает обоснование. Помимо этого группы доминирования в данном (суб)этнотипе, территориальной общности на данной территории получают возможность монополизировать присвоение и распределение существующих ресурсов. В условиях крушения прежнего государства (Советского Союза) утрачивается общая политико-территориальная идентичность и актуализируются региональные и этнические

---

www.zircon.ru/upload/iblock/222/PR_territorialnaja_identichnost_na_PSP_15-03-13.pdf?sphrase_id=468 (доступно 16.04.2013); С чего начинается Родина // Московские новости. 08.04.2013. <http://www.mn.ru/society_sociology/20130408/343102700.html> (доступно 16.04.2013).

¹ *Абдулагатов З.М., Шахбанова М.М.* Современное состояние патриотического сознания дагестанской молодежи // Дагестан и дагестанцы: взгляд на себя: Сб. ст. / Под общ. ред. А.-Н.З. Дибирова. М.: РОСПЭН, 2013. С. 261.

² *Султанов К.А.* Государственная национальная политика и кризис общегражданской идентичности в стране // Дагестан и дагестанцы: взгляд на себя: Сб. ст. / Под общ. ред. А.-Н.З. Дибирова. М.: РОСПЭН, 2013.

³ *Зорькин В.* Современное государство в эпоху этносоциального многообразия: Выступление на Международном политическом форуме в Ярославле 7 сентября 2011 года // Сайт «Российской газеты», 7 сентября 2011 г. <<http://www.rg.ru/2011/09/07/zorkin-site.html>> (доступно 10.09.2011). Также см.: *Зорькин В.* Как сохранить государство в эпоху этносоциального многообразия // Российская газета. (Федеральный выпуск). № 5579 от 13 сентября 2011 г. <<http://www.rg.ru/2011/09/13/zorkin.html>> (доступно 14.09.2011).

⁴ Там же.

⁵ *Smith A.D.* National identity. Reno: University of Nevada Press, 1991.

идентичности. После призыва Ельцина к регионам 14 августа 1990 г. в Уфе: «Берите суверенитета, сколько хотите»¹, — идея связанности территории и определенного этноса, а отсюда и его преимущества в данном пространстве получила импульс и определенную легитимность. Лозунг суверенитета и суверенности стал под воздействием властных групп активно внедряться в массы. В этом отношении релевантным выглядит определение Мюррея Лейса: «Политические элиты — это индивиды, обеспечивающие интеллектуальным элементом правящую группу внутри данного общества. Они формируют группу, от которой массы ожидают заявлений и утверждений, касающихся текущих социальных и политических вопросов»². В условиях кризисного общества значение формулирования повестки дня усиливается многократно. «Суверенность — все то, что позволяет именно данной инстанции стать сувереном, то есть задавать порядок внутри территориальной политики и взаимодействовать с властителями других территорий»³. Этнические элиты стремятся обозначить территорию как этнически маркированную и связать ее со «своим» этносом. Этот элитный проект дает дополнительную легитимацию доминирования определенных групп в данном пространстве. Отсюда призывы вернуться на родину предков, историческую родину и т.п. Вместе с тем национально-определенные территории не являются едиными и однообразными, несмотря на желание элит их гомогенизировать⁴.

Существующая в настоящее время в сознании части населения иерархия идентичностей благоприятствует реализации этого проекта и способствует консервации существующих социально-политических отношений на данной территории. Надо отметить, что данное обстоятельство закрепляет фрагментированную политическую культуру, для

---

¹ *Выступление Б.Ельцина на встрече с общественностью Уфы // Советская Башкирия. 1990. 14 августа.*

² *Leith M.S. The view from above: Scottish national identity as an elite concept // National Identities. 2012. Vol.14, No.1. P.41.*

³ *Ильин М.В. Суверенная государственность: многовековой путь в уходящее // Россия в глобальных процессах: поиски перспективы / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: Институт социологии РАН, 2008. С.204.*

⁴ *Бассин М. К вопросу о географии национальной идентичности // Идентичность и география постсоветской России: Сб. ст. / Науч. ред. М. Бассин, К.Э. Аксенов. СПб.: Геликон Плюс, 2003. С. 13.*

которой характерно преобладание приходской лояльности над национальной, отсутствие широко разделяемых и действующих процедур разрешения конфликтов, превалирование политического недоверия между общественными группами¹.

В литературе существуют противоположные точки зрения на роль и возможности элит по формированию социальных и политических установок и позиций. Причем оба взгляда основаны на результатах эмпирических исследований. Так, Джон Цаллер утверждал о доминировании элит: «Элиты заставляют граждан принять такое мнение, какое они не приняли бы, если бы им была доступна более качественная информация и они могли бы проводить анализ политической ситуации»². На значимое влияние элит в формировании этнических идентичностей указывает ряд исследователей³. Между тем, как пишет Хайнрих Бест: «Обнаружены значительные расхождения между элитами и населением в восприятии национальной идентичности, что ставит под вопрос представление о лидирующей роли элит в формировании коллективных идентичностей»⁴. На ограничения роли элит в формировании идентичностей ранее обращал внимание Э. Смит, указывавший на существование ограничений, связанных с ранее существующими структурами и системами взглядов внутри общества⁵. Тем не менее это не снимает проблемы идентификационной активности элит. Можно предположить, что ориентация на конструирование «своей» региональной идентичности и соответствующая политическая активность отличаются по нескольким существенным параметрам от общенациональной ориентации и деятельности.

---

¹ *Rosenbaum W.A.* Political Culture. London: Nelson, 1975. P. 37–52.

² *Цаллер Дж.* Происхождение и природа общественного мнения. М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2004. С.466–467.

³ См., напр.: *Guibernau M.* The identity of nations. Cambridge, MA: Polity Press, 2007; *Henderson A.* Hierarchies of belonging: National identity and political culture in Scotland and Quebec. London: McGill-Queen's University Press, 2007.

⁴ *Бест Г.* Элиты и население в формировании политической идентичности: межкультурное исследование // Политические элиты в старых и новых демократиях: сб. ст. / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной, А. П. Клемешева. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. С.71.

⁵ *Smith A.D.* National identity. Reno: University of Nevada Press, 1991.

Таблица 4

**Стратегии формирования идентичности
региональность vs. российскость**

Региональность	Российскость
Этническая / клановая / родовая идентичность	Общегосударственная (общенациональная) идентичность
История этноса / территории	История общего государства / общества
Религиозная идентичность	Светская идентичность
«Своя» нормативная система	Единый закон
Создание партикулярных символов	Создание общих символов

Этническая / клановая / родовая идентичность.

В условиях кризисного развития происходит актуализация «первичных» социальных отношений и структур, что мы наблюдаем в современной России¹. Этому способствует активность региональных элит. Надо отметить, что ориентация на традиционные формы может проявляться в большой степени у выходцев из групп, находящихся в определенном смысле на социальных полюсах: высокообразованная городская интеллигенция и малообразованные сельские жители. Объективно для тех и для других этничность и родовые связи — важный ресурс мобилизации, социальной и политической поддержки. Но для вторых помимо прагматических установок характерно «органическое» их переживание, связанное с формированием в условиях первичной социализации определенных терминальных ценностей. Исследования демонстрируют разницу в эксплицируемых ценностях у жителей разных населенных пунктов, города, села². Замечено, что жители сельских поселений и малых городов, как правило, меньше склонны к инновациям и в значительной степени консервативны³. Тип населенного пункта, места, где

¹ Справедливости ради, надо отметить, что в «благополучных» западных демократиях наблюдаются похожие тенденции, описываемые как крах или неэффективность политики мультикультурализма.

² Например, см.: Жители Москвы, крупных и малых городов живут в разных системах ценностей // Сайт Гильдии издателей периодической печати. 21.03.2007. <<http://www.gipp.ru/opennews.php?id=16869>>, доступно 20.07.2010.

³ См., напр.: Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х / Отв. ред. Ю.А. Левада. М.: Мировой океан, 1993. С. 241–243.

индивид вырос, провел детство, сильно влияет на его социальные установки¹.

Исследователь политической элиты Татарии В.А. Беляев, характеризуя ее как «аульную неонеоменклатуру», указывает на ее «доминирующую генетическую характеристику» — сельское происхождение и, как правило, агротехническое образование. С этим он связывает «приверженность к традициям, отсталость, примитивизм, консерватизм, закрытость, несвобода, клановая солидарность и рекрутирование, маргинальный статус относительно городской цивилизации, ориентация на авторитаризм и т.д.»². Вместе с тем, автор пишет о сильной тяге к власти у селян, стремлении доминировать.

Естественно, что в аграрных обществах можно наблюдать повышенную этническую идентичность. Так, Е.С. Арляпова отмечает: «Для Чечни характерно очень сильное этническое начало. За исключением советского периода (кроме 1944–1957 гг.), когда можно как минимум ставить вопрос о наличии позитивной надэтнической идентичности в виде общегражданской, советской; приоритет этнического над всем остальным проявлялся весьма отчетливо»³. Хотя здесь следует отметить, что существующая многоступенчатая идентификация в чеченском обществе может порождать конфликт лояльностей. «Каждый нохчи, — говорит Хож-Ахмед Нухаев, — самоопределяется по степеням от частного к общему, от двух видов родства — соответственно, брачного и кровного, через язык к национальности»⁴. Первая степень самоопре-

---

¹ В отношении политической элиты см.: *Miller W.L., Timpson A.M., Lessnoff M. Political Culture in Contemporary Britain: People and Politicians, Principles and Practice.* Oxford, U.K.: Clarendon Press; N.Y.: Oxford University Press, 1996. P. 238, 269–271.

² *Беляев В.А.* Мировоззрение и социальное поведение современной правящей элиты Татарстана // *Общественные науки и современность.* 2007. № 3. С. 150.

³ *Арляпова Е.С.* Мобилизационный потенциал ислама вчера и сегодня (Россия: Чеченская Республика). С. 9. // Сайт «academia.edu» <http://www.academia.edu/3857227/_Mobilization_Potential_of_Islam_Yesterday_and_Today_Russia_Chechen_Republic_> (доступно 24.07.2014).

⁴ *Нухаев Х.-А.* Чеченцы должны самоопределиваться как нохчи: Выступление на съезде тейпа Ялхой 24.09.2003 г. (Мансур) // *Адат. Кавказский культурный круг: Традиции и современность* / Гл. ред. и сост. В.А. Дмитриев. М.; Тбилиси: Межд. НИИ народов Кавказа, 2003. С. 139.

деления — четырехколенная патриархальная семья (*довзал*), вторая — община семикровных родственников (*вар*), третья — «основанная на единстве крови всех вариссов, которые составляют один *тейп* (род) и восходят к единому предку». Четвертая — объединение тейпов на основе диалекта — *тукхам* (племя). Пятая степень самоопределения — *къам* — основана на единстве языка, объединяющая девять тукхамов, вместе составляющих *Нохчи къам*, т.е. народ Нуха¹. Помимо этой «органической» идентичности существует еще искусственная — политическая, государственная, могущая, как утверждает Нухаев, разрушать естественную, данную Аллахом. Иса Джабраилов подчеркивает эту внепространственную идентичность: «Любой чеченец-горожанин идентифицирует себя не с улицей/поселком/городком, где он проживает, а со своей фамилией/гар/тайп и родовым селом. Каждый чеченец является составной частью того клана, откуда он происходит, вне зависимости от того, где он родился или проживает в данное время»².

Показательно, что, придя к власти, Р. Кадыров закрыл все сиротские приюты в Чечне. На вопрос норвежской журналистки Асне Сейерстад, почему это было сделано, при том что после войны в республике насчитывалось до двадцати тысяч детей без родителей, Рамзан Кадыров ответил: «Двадцать тысяч детей! Что за вздор! Нет чеченских детей, у которых нет родственников. <...> А сироты! Они есть только потому, что существует кто-то, кто жаждет заработать денег. Вот почему я закрыл их. <...> Семья и родственники — тейпы — должны заботиться о тех, кто остался один, будь то дети или старики. Что-нибудь другое является оскорблением семьи»³. Другими словами, нечеченских детей в Чечне нет, или о них не стоит беспокоиться.

Значимость принадлежности к существующим родоплеменным структурам абсолютна. Вне их любой человек превращается в изгоя

---

¹ Там же. С.139–140. В настоящее время существует 100–110 «горных тейпов» и 60–70 «равнинных». Некоторые тейпы не входят в тукхумы.

² *Джабраилов И.* Возвращение в будущее // Сайт «Кавказ Монитор». 24.06.2008. <<http://www.kavkazmonitor.com/2008/06/24/52145.shtml>> (доступно 10.03.2011).

³ *Seierstad Å.* The Angel of Grozny: Inside Chechnya. London: Virago, 2009. P. 221–222.

в первичном смысле этого слова, т.е. находящегося вне общины¹. «Человек, не имеющий кровно-родственных отношений — раб. Если вы просто так приедете в Чечню, вас никто не примет. Но вы можете стать под защиту одного из кланов как свободный человек»². Тувинская исследовательница Ч.К. Ламажаа характеризует «большую семью» тувинца как «сеть, из которой трудно выбраться»³.

Родоплеменная идентификация определяет индивида и данную группу в системе этнополитической стратификации. В архаичных и традиционных обществах родственные союзы не всегда находятся в равном положении. В Чечне, например, тейпы подразделяются на «чистые» — этнически «беспримесные» (нохчамакхой) — и прочие. Известны выстраиваемые иерархии между племенными союзами в Средней Азии т.п.

Современная политическая власть вынуждена опираться на традиционные структуры. Так, в Ингушетии по инициативе президента республики Юнус-Бека Евкурова в 2009 г. был образован Совет тейпов, в который входят представители всех родов, проживающих в республике. Как заявил Евкуров, «главная задача данной инициативы — участие жителей республики в наведении порядка через представителей своего тейпа»⁴. Очевидная ограниченность власти республиканского центра, характерная вообще для доиндустриального общества, понуждает столичные элиты не столько делегировать свои полномочия вниз, сколько легитимировать уже существующее влияние традиционных структур, включая их в официальную иерархическую структуру. В Ингушетии это тем более показательно, что параллельно в октябре 2009 г. прошли выборы в местные органы самоуправления. Но надо сказать, что данная инициатива, по видимости, была связана и с тем, что за полтора года до

---

¹ Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1986. С. 228–229.

² Хлебников П. Разговор с варваром: Беседы с чеченским полевым командиром Хож-Ахмедом Нухаевым о бандитизме и исламе. М.: Детектив-Пресс, 2003. С. 102. (Слова Хож-Ахмеда Нухаева).

³ Лажмаа Ч.К. Клановость в политике регионов России: тувинские правители. С. 129.

⁴ Юнус-Бек Евкуров возрождает Совет Тэйпов // Республика Ингушетия. Официальный сайт. 14.10.2009. <<http://www.ingushetia.ru/m-news/archives/012021.shtml>> (доступно 20.10.2010).

этого был проведен подпольный съезд представителей оппозиции, на котором был избран альтернативный парламент республики — «Мехк-Кхел»¹.

В родоплеменном обществе (даже частично модернизированном) власть принадлежит группе. Причем советская власть не разрушила прежние архаичные структуры, но способствовала их консервации, придав иногда иную форму. Данные процессы характерны для всех территорий Советского Союза. Например, в Киргизии исследователи фиксируют следующую ситуацию: «Родоплеменные группы становились оседлыми и территориальными, колхозы — новыми формами бытования родовых групп, а колхозные верхушки зачастую состояли из представителей одной, доминирующей в данной группе семьи. Родоплеменные лояльности стали принимать форму местничества и вступать в сложные взаимодействия с местными лояльностями»². Такая гибкость, приспособляемость архаичных структур связана, конечно, с их функциональностью, включенностью в повседневные публичные и private практики, что связано с незавершенностью модернизации общества. В историческом плане трансформация была слишком короткой.

Примечательно происхождение первых лиц Чечни / Ичкерии. В таблице 5 показана принадлежность президентов этой территории к родоплеменным структурам.

Если использовать терминологию Франсуа Фюре, власть не вакантна³, что характерно как раз для социальности традиционных обществ. Не каждый может занять властную позицию. Из одиннадцати персон, семь — выходцы из тукхама Нохчмахкахой, членов которого относят к этногенетическому центру чеченского народа. Именно на территории его расселения располагался «Мехк-кхел» — «Совет страны». Среди руководителей-лоялистов только один не принадлежит к упомянутому тукхуму. Причем Автурханов был московским правителем Чечни (председателем Временного совета Чеченской республики), находился в российской столице, поскольку территория контролировалась повстанцами.

---

¹ Сухов И. Невидимый парламент // Время новостей. 2008. № 41. 13 марта. <<http://www.vremya.ru/print/199436.html>> (доступно 14.07.2014).

² Фурман Д., Шерматова С. Киргизские циклы: как рушатся режимы. М.: Территория будущего, 2013. С. 137.

³ Фюре Ф. Постижение Французской революции. СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. С. 46 и далее.

Таблица 5

Руководители Чечни / Ичкерии и их принадлежность к родоплеменным структурам

Политическое образование	Тукхамы (тукхумы) / тейпы и первые лица		
		О	Н
Сепаратисты (Ичкерия)	-	Дудаев, Джохар (1991–1996)	Масхадов, Аслан (1997–2005)
	Ш	Н	М
	Яндарбиев, Зелимхан (2005–2006)	Садулаев, Абдул-Халим (2006)	Умаров, Доку (2006–2014)
	Н	П	Н
Лоялисты (Чечня)	Завгаев, Доку (1990–1991)	Автурханов, Умар (1993–1995)	Завгаев, Доку (1995–1996)
	Н	Н	Н
	Кадыров, Ахмад (2003–2004)	Алханов, Алу (2004–2007)	Кадыров, Рамзан (2007–)

Тукхамы: Н — Нохчмахкахой; О — Орстхой; Ш — Шотой.

Тейпы, не входящие в тукхамы: М — Мулкой; П — Пешхой.

Здесь уместно будет сослаться на слова Жоржа Баландые: «Власть находится всегда на службе у социальной структуры, которая не может поддерживать себя единственно вмешательством “обычая” или закона, своего рода автоматическим соответствием правилам»¹. Это система взаимной обусловленности и поддержки.

ЭТНИЧЕСКИЕ ЧИСТКИ

Усиливающаяся территориальная и этническая идентичность в архаизирующихся и традиционализирующихся общностях приводит естественно к необходимости для властных групп этих регионов этнизировать данную территорию, что находит понимание и поддержку у их соплеменников. Происходит этническое фреймирование властных конфликтов и борьбы за ресурсы. С политической точки зрения такие действия резко снижают структуру политических возможностей оппонентов из других этнических и национальных групп.

В одних случаях превращение территории в исключительно этническую свою происходит с применением военного насилия, как это проис-

¹ Баландые Ж. Политическая антропология. М.: Научный мир, 2001. С. 43.

ходило, например, в Чечне. В связи с этим президент В.В. Путин отмечал: «А по сути в последние годы на территории Чечни мы наблюдали широкомасштабный геноцид в отношении русского народа, в отношении русскоязычного населения»¹. В других случаях использовалась политика мягкого выдавливания. «Права нетитульных этногрупп ограничивались в получении основных видов социальных услуг: регистрации в органах внутренних дел, получении медицинского полиса, устройстве на работу или получении статуса безработного, устройстве детей в детский сад или школу и т.д.»². В результате часть территорий стала моноэтничной. Статистические данные показывают, что между переписями 1989 г. и 2002 г. русское население Северокавказских республик сокращалось: Карачаево-Черкессии — на 22 тыс. человек, Кабардино-Балкарии — на 29 тыс. человек, Северной Осетии — на 30 тыс. человек, Ингушетии — на 22 тыс. человек, Чечни — на 248 тыс. человек, Дагестана — на 55 тыс. человек³. В последующие годы тенденция продолжилась. Так, в Чечне по переписи 2002 г. было 93,5 % чеченцев и 3,7 % русских⁴, а по переписи 2010 г. —

---

¹ Путин В.В. Интервью французскому еженедельнику «Пари-матч» 6 июля 2000 года // Официальный сайт Президента России. <<http://news.kremlin.ru/transcripts/24166>> (доступно 20.07.2011). Также см.: Криминальный режим. Чечня. 1991–1995 годы / Гл. ред. А.Г. Горлов. М.: Кодекс, Объединенная редакция МВД РФ, 1995. С. 42–44.

² Барбашин М.Ю. Этнократические процессы на Юге России: институциональное измерение // Элитология России: современное состояние и перспективы развития: матер. Перв. Всерос. элитологического конгресса с междунар. участием «Элитология России: современное состояние и перспективы развития», 7-8 октября 2013 г., Ростов-на-Дону / Ред.-изд. гр.: В.В. Рудой (руков.) и др. Том. 2. Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИФ РАНХиГС, 2013. С.317.

³ Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по регионам России // Демоскоп Weekly. <http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php?reg=67> (доступно 02.08.2014); Национальный состав и владение языками, гражданство. Население отдельных национальностей по возрастным группам и полу по субъектам Российской Федерации // Сайт «Всероссийская перепись населения 2002 г.» <<http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>> (доступно 02.08.2014). Также см.: Кавказ 2011. Русский взгляд / Гл. ред. К. Крылов. М.: Фонд РОД, 2011. С. 36–37.

⁴ Национальный состав и владение языками, гражданство. Население отдельных национальностей по возрастным группам и полу по субъектам Российской Федерации.

уже 95,3 % чеченцев и 1,9 % русских¹. Если принять во внимание религиозную сторону проблемы, то актуальным оказывается следующий аят Корана: «Разве они (неверующие) не видят, как Мы постепенно уменьшаем землю по краям (отдаем ее во владение верующим)?»²

На других периферийных национальных территориях также существенно изменяется демографическая ситуация. В Туве национальные конфликты между тувинцами и русскими в 1990–1991 гг.³ привели к значительному сокращению доли русского населения в республике: в 1989 г. — 32 % (при 64,3 % тувинцев), в 2002 г. — 20,1 % (77 % тувинцев), в 2010 г. — 16,3 % (82 % тувинцев)⁴. Примечательно, что Тува также находится в зоне архаизации. Но при гомогенизации социального пространства повышается внутренняя конфликтность между родами и племенами.

Параллельно с зачисткой территории происходит «национализация» власти. Вымывание представителей нетитульной национальности из элитного сообщества происходит во многих этнических регионах страны. В архаизирующихся обществах, как уже говорилось, основания власти находятся в родоплеменных структурах. В этом отношении невозможно «стать своим», нужно им быть по рождению. И когда исследователь говорит о военно-патриархальных вожествах Чечни⁵, это

---

¹ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года в отношении демографических и социально-экономических характеристик отдельных национальностей. Приложение 2. Национальный состав населения по субъектам Российской Федерации. <http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html> (доступно 02.08.2014).

² Коран. Сура ар-Раад (Гром), аят 41.

³ См.: *Лажмаа Ч.К.* Тува между прошлым и будущим. С. 96–98.

⁴ Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по регионам России; Национальный состав и владение языками, гражданство. Население отдельных национальностей по возрастным группам и полу по субъектам Российской Федерации; Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года в отношении демографических и социально-экономических характеристик отдельных национальностей. Приложение 2. Национальный состав населения по субъектам Российской Федерации.

⁵ *Баранов А.В.* Политико-культурные лакуны Юга России (сравнительный анализ) // Регионалистика и этнополитология / Редкол. Р.Ф. Туровский (отв. ред.) и др. М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); РОССПЭН, 2008. С. 131.

следует понимать как отсылку именно к социальным отношениям догосударственного типа. Об этом настойчиво говорил Хож-Ахмед Нухаев: «У нас нет государства»¹. Это согласуется с более общими теоретическими и практическими основаниями: «Локальный этнос не нуждается в государственности. Государство — функция межэтнических отношений»². Но одновременно надо говорить и о догражданском обществе.

ТРАДИЦИОННЫЕ БАЗОВЫЕ СТРУКТУРЫ

О кровнородственном порядке я уже говорил. Здесь надо лишь добавить, что система зависимости индивида и социальных групп включает и контроль над данным социальным порядком. Этот контроль осуществляется как в фоновом режиме, так и с помощью властных усилий. Тем более что мы имеем дело не с «органически» развившемся обществом, а с синтезом традиционного и современного, обществом уже частично, начально модернизированном.

Половозрастная дифференциация в традиционных обществах принципиально функциональна. Она связана не только с разделением труда, но и с правами и полномочиями, важными властными иерархиями. Асимметрия в социальном положении женщины и мужчины наиболее очевидна в повседневности. По словам Р. Кадырова, «женщина — это домохозяйка. В ее обязанности входит воспитать детей, готовить, принимать гостей»³. В отношении современной Чечни об этом писалось достаточно много⁴. Более существенным является внед-

---

¹ *Хлебников П.* Разговор с варваром: Беседы с чеченским полевым командиром Хож-Ахмедом Нухаевым о бандитизме и исламе. С. 99.

² *Бородай Ю.М.* Эротика — смерть — табу: трагедия человеческого сознания. М.: Гнозис, Русск. феноменологич. об-во, 1993. С. 319.

³ Воспитание по-чеченски: Интервью с Р. Кадыровым // Эхо Москвы. 13.01.2006. <<http://www.echo.msk.ru/programs/scool/41120/>> (доступно 10.06.2012).

⁴ См., напр.: Почему Кремль не реагирует на нарушения прав человека в Чечне // Сайт «Newsland». 11.03.2011. <<http://newsland.com/news/detail/id/652518/>> (доступно 12.03.2011); *Литтелл Д.* Чечня. Год третий. М.: Ад Маргинем Пресс, 2012. С. 91–100; *Ахмадова А.* Роль женщины в чеченском традиционном обществе // Сайт «Regional Dialog». 10.08.2014. <http://regional-dialogue.com/articles/%D1%80%D0%BE%D0%BB%D1%8C-%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D1%89%D0%B8%D0%BD%D1%8B-%D0%B2-%D1%87%D0%B5%>

рение архаичных образцов поведения и норм властными элитами¹. При этом некоторые традиционные обычаи (например, умыкание невест, кровная месть) не принимаются и против них ведется борьба, что связано с их нефункциональностью для власти, выстраивающей «современное» общество.

В традиционных обществах структурирование по возрастным основаниям имеет большое значение². Во многих кавказских социорах существовали и есть молодежные группировки, члены которых действуют на основе определенных традиционных правил. Зачастую они носят военизированный характер, определенное время живут вместе, добывая себе пропитание грабежом и воровством³. Такие группировки имеют свою нишу в социально-потестарных отношениях и выполняют в том числе важные социализационные функции. Помимо этого сами

D1%87%D0%B5%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%BC-%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D0%BE/> (доступно 12.08.2014).

¹ См., напр.: В России разрешено многоженство // Коммерсантъ. 21.07.1999. С. 3. <<http://www.kommersant.ru/doc/222270>> (доступно 22.07.1999); Многоженство в Ингушетии: президент разрешил, Минюст России против // Gazeta. Ru. 22.07.1999. <<http://gazeta.ru/daynews/22-07-1999/40polygam.htm>> (доступно 22.07.1999); Chechen women face strict rule of Islam // The Washington Time. 2009. March 2. <<http://www.washingtontimes.com/news/2009/mar/02/chechen-women-face-strict-rule-of-islam>> (available 09.03.2009); Рамзан Кадыров: «Мы же танцуем, а не стреляем. Разве это плохо?» // Комсомольская правда. 24.02.2011. <<http://kp.ru/daily/25643.4/806772/>> (доступно 25.02.2011); *Смилян М.* Кадыров поднял «нравственный» вопрос многоженства // Газета. 24.02.2011. <<http://www.gzt.ru/topnews/politics/-kadyrov-podnyal-nravstvennyi-vopros-mnogozhenstva-/349486.html>> (доступно 25.02.2011); *Markosian D.* Chechen women in mortal fear as president backs Islamic honor killings // The Washington Time. 2012. April 29. <<http://www.washingtontimes.com/news/2012/apr/29/chechen-women-in-mortal-fear-as-president-backs-ho/>> (available 03.05.2012); Кадыров запретил девушкам носить никаб и скрывать подбородок // Сайт «Islam News». 18.09.2014. <<http://www.islamnews.ru/news-433613.html>> (доступно 18.09.2014).

² См., напр.: *Карнов Ю.Ю.* Половозрастные структуры в традиционном горско-кавказском обществе // Ранние формы социальной организации: генезис, функционирование, историческая динамика. СПб.: МАЭ РАН, 2000.

³ См., напр.: *Чеснов Я.* Быть чеченцем: личность и этнические идентификации народа // Сайт «Chechen.org». 20 июня 2009. <<http://www.chechen.org/index.php?newsid=301>> (доступно 25.07.2009).

возрастные характеристики конкретного индивида определяют его место в социальной иерархии. Право старшего закреплено традиционными нормами. Это дает возможность этническим властным инстанциям мобилизации младших возрастных групп. После ряда конфликтов в Москве в 2012 г., в которых участвовали молодые люди из Чечни, возник вопрос об их «репатриации». Председатель парламента Чечни Дукваха Абдурахманов в связи с этим сказал: «Это Кавказ, и здесь не оспаривается право старшего указывать. Будет исполнено. Мы граждане Российской Федерации, но если они представляют себя там как чеченцы, тогда пусть благородно, ответственно себя ведут. Если Рамзан Кадыров скажет, конечно, они приедут домой. Их собирать не надо даже, отправлять самолет не надо, сами приедут»¹. На уровне семейных отношений также старшинство определяет в значительной степени поведение младших. Так, матримониальные решения, как правило, принимаются старшими в семье².

Вместе с тем в современных условиях возрастные иерархии могут порождать управленческие проблемы, связанные с конфликтом норм и конфликтом возрастных групп. Рамзан Кадыров так описывает ситуацию: «А мы выбрали другую стратегию — отбираем амбициозную молодежь, создаем им условия и даем возможность выполнить то, что должны делать мы сами, чеченцы. Мы должны поднять республики, спорт, культуру, науку, экономику. Мы не должны спать в сутки 24 часа. 4–5 часов для сна нормально хватает. Человеку в 50, 60 лет сложно работать в таком режиме. У нас время быстро идет, поэтому нужны молодые кадры. И мне легко с ними работать — я могу их ругать, могу с ними спорить. Тем же, кто работал с моим отцом, мне даже тяжело сделать замечание. Это уважаемые люди, я их никак не могу ругать, если они не допускают большую ошибку»³. Как видим, сохранение воз-

---

¹ Молодежь вернется из Москвы в Чечню по первому требованию Кадырова // Русская служба новостей. 07.10.2012. <<http://www.rusnovosti.ru/news/226261>> (доступно 10.10.2012).

² Голубицкая Ж. Чеченкам запретили выходить замуж по любви // Московский комсомолец. 2011. 13 января. № 25542. <<http://www.mk.ru/politics/article/2011/01/12/557416-chechenkam-zapretili-vyihodit-zamuzh-po-lyubvi.html>> (доступно 15.01.2011).

³ Кадыров Р. «Путин дал нам все на этой земле» [Интервью «Огоньку» 06.09.2010] <<http://chechnya.gov.ru/page.php?r=28&id=101>> (доступно 12.10.2010).

растной иерархии становится затруднительной или даже невозможной в публичной сфере, но и полностью отказаться от нее в силу традиционной нормативной значимости нельзя.

ЭТОС И НОРМЫ

Сила играет важную роль в архаичных и архаизирующихся обществах. По Ж. Маке, законное использование физического принуждения является специфическим содержанием простейшей модели политического отношения¹. В условиях известного опрощения и упрощения публичной сферы в 1990-х годах непосредственное силовое принуждение становится базовым, модельным способом регулирования отношений в публичной сфере. Причем определенная «традиционность» такого рода практик способствует их легитимации. Исследователи утверждают, что в Чечне и прилегающих к ней районах Дагестана и сегодня существует неформальный культ абреков, почитаемых за святых, погибших за веру, шахидов². Это смешение «идейного» и «промыслового» насилия вполне естественно в силу его «фоновой легитимации», что демонстрируется в фольклоре. Показательным примером может служить следующая вайнахская сказка.

«Сидела сова на дереве. Прилетел ястреб и уселся рядом с ней.

— Какие мягкие у тебя перышки, — сказал он.

— А сердце у меня куда мягче, стала хвастать сова.

— Что ж, если твое сердце такое мягкое, держись.

И ястреб бросился на сову и съел ее»³.

Сила зачастую воспринимается в архаичных обществах как доблесть, удалство. А проявленная в отношении этнически, религиозно или регионально иных, она оказывается правомерной. «Насилие, творимое в отношении чужаков (что принципиально важно), утрачивает явные негативные параметры, так как несет отпечаток устоявшегося взгляда на узаконенность права сильного и его своеобразного удалства в отношении “не своих”»⁴. В этом контексте драчливость чеченских

¹ См.: *Баландье Ж.* Политическая антропология. М.: Научный мир, 2001. С. 49.

² *Бобровников В.* Абреки и государство // Вестник Евразии. 2000. № 1 (8). С. 35.

³ Ястреб и сова // Сказки и легенды ингушей и чеченцев / Сост., пер., предисл. и примеч. А.О. Мальсагова. М.: Наука, 1983. С. 273.

⁴ *Карпов Ю.Ю.* Образы насилия в новой и новейшей истории народов Северного Кавказа // Антропология насилия / Отв. ред. В.В. Бочаров и В.А. Тишков. СПб.: Наука, 2001. С. 251.

спортивных судей и спортсменов и ее фактическое поощрение чеченским политическим руководством находится в рамках обычных практик¹. Данный *modus operandi* свойствен и чеченской политической элите. В качестве примера можно привести драку, затеянную в Госдуме депутатом из Чечни по поводу депутатского запроса его коллеги, в результате которой у его оппонента были выбиты два зуба². Помимо внешнего проявления силы и насилия, немаловажной является и внутренняя функция. «Всякое правительство, всякий *суверен*, является в различной степени <...> одновременно хранителем принудительной физической силы и служителем культа Силы»³. В этом отношении «воспитательная беседа» президента Чечни со своими министрами на ринге вполне вписывается в данное представление. Вот как с некоторой бравадой Р. Кадыров это описывает в Instagram: «Как и обещал, провел воспитательную беседу с министром физической культуры и спорта на ринге. В ходе нашего диалога (вернее, спаринга) я мягко и ненавязчиво хуком справа и слева объяснил ему на пальцах (вернее, на кулаках), что нужно работать головой. Свои ошибки министр начал исправлять уже сегодня вечером, и поэтому я все-таки разрешил ему надеть шлем. Ведь ему завтра на работу еще))))). За “наказанием” наблюдал министр труда и соц. развития РФ М.А. Топилин и наш министр труда М. Ахмадов. А будет ли наказан на ринге Ахмадов, окончательно станет ясно после

---

¹ См.: В Грозном судья избил футболиста «Амкара» // Спорт-Экспресс. 28.04.2013. <<http://news.sport-express.ru/2013-04-28/583042/>> (доступно 28.04.2013); Судья Кадыров избил в Грозном футболиста «Амкара» // Сайт «Лента.ру». 28.04.2013. <<http://lenta.ru/news/2013/04/28/kadyrov/>> (доступно 28.04.2013); Избивший пермского футболиста судья пригрозил ему убийством // Сайт «Лента.ру». 29.04.2013. <<http://lenta.ru/news/2013/04/29/player/>> (доступно 29.04.2013); Константин Парамонов: «Проблемы с судьями в Грозном возникают постоянно» // Спорт-Экспресс. 29.04.2013. <<http://news.sport-express.ru/2013-04-29/583258/>> (доступно 29.04.2013); Особенности национального футбола. Спортсмены боятся ездить в Грозный, но молчат // Ридус. 29.04.2013. <<http://www.ridus.ru/news/81257/>> (доступно 29.04.2013).

² Депутат Госдумы Журавлев не оставит без реакции драку с Делимхановым — пресс-секретарь // ИТАР-ТАСС. 03.12.2013. <<http://www.itar-tass.com/politika/808569/>> (доступно 04.12.2013).

³ Люк де Хейс (L. de Heusch). Цит. по: Баландые Ж. Политическая антропология. М.: Научный мир, 2001. С. 102.

завтрашнего совещания»¹. Это очень напоминает историко-этнографические материалы, а также некоторые боевики на исторические и спортивные сюжеты о «настоящих мачо». Тем более что глава Чечни позволяет себе публично поколачивать людей и вне ринга². Легитимация практик насилия осуществляется через отсылку к традициям. Так, Рамзан Кадыров объясняет один случай избияния: «Он нарушил закон, но все правильно сделал. Я бы, может, вообще его убил за такое оскорбление. И это было бы нарушением закона — меня посадили бы. Но у нас такие традиции и обычаи»³.

Тесно связан с ролью насилия и культ воина. И здесь иногда не столь важно, что речь может идти о враге. Вот как Рамзан Кадыров отзывается о Басаеве: «Первая фигура — Басаев. Он — сильный воин. Может воевать. Хороший стратег. И хороший чеченец. <...> Как воина я Басаева уважаю, он не трус. Я прошу Аллаха, чтобы мы встретились с Басаевым в открытом бою. Один мечтает стать президентом, другой — летчиком, трактористом. А моя мечта: в открытом поле воевать против Басаева. Моя группа против его людей — и чтобы больше никто. И чтобы он командовал. И я командовал»⁴. Отсюда и очень важная самоидентификация: «Я сам могу постоять за себя, я воин, и я по жизни останусь воином. <...> Я хочу оставаться по жизни воином, воином Аллаха»⁵. И именно поэтому выстраивается такая иерархия ответственности: «Я ничего не боюсь, я боюсь только Всевышнего, а также подвести свой народ и не выполнить

---

¹ Instagram. kadyrov_95. Запись 23.04.2013. <<http://instagram.com/p/Ya3S-cjiRhX/#>> (доступно 23.04.2013). Также см.: Кадыров «наказал» на ринге министра спорта Чечни // Взгляд. 23.04.2013. <<http://www.vz.ru/news/2013/4/23/629914.html>> (доступно 23.04.2013).

² Литтелл Д. Чечня. Год третий. С. 99.

³ Рамзан Ахматович Кадыров. О чеченских обычаях // Сайт «ЧинЦит: Чинвичий цитатник». <<http://chincit.ru/525/O-chechenskikh-obychayakh/>> (доступно 05.07.2013).

⁴ Политковская А. Центровой из Центороя. Интервью с Рамзаном Кадыровым // Новая газета. 21.06.2004. <<http://www.novayagazeta.ru/society/23665.html>> (доступно 24.08.2011).

⁵ Кадыров Р.: «Путин дал нам все на этой земле» [Интервью «Огоньку» 06.09.2010].

заветы моего отца»¹. Такое экзистенциальное напряжение и переживание предела свойственно в большей мере традиционным обществам или этническим и религиозным анклавам. Сьюзан Стрейндж пишет: «Лояльность типа готовности умереть за дело чаще наблюдается в среде этнических или религиозных меньшинств... чем среди обычных граждан в обычном государстве»².

Помимо войны как контекста и фактора социализации в 1990–2000-х годах, существует и культурно-традиционные основания героизации воинской доблести, что фиксируется в фольклоре. В более мягкой форме культ воина и воинственности существует в культе агонистических видов спорта, особенно борьбы. Соответственно, в кавказских социорах спортсмены имеют значимый социальный и политический капитал, что позволяет им действовать эффективно в публичном пространстве³.

Вполне естественно, что проблема возмездия и мести в мужской воинственной культуре достаточно актуальна. Но следует сказать, что основания обычно-правового института кровной мести лежат в другой плоскости. В.В. Бочаров связывает становление этого института с усилением «принципа кровного родства в социально-хозяйственной деятельности “примитивных” обществ»⁴. Сохранение и воспроизводство практики кровной мести, следовательно, возможно там, где сохраняется высокая значимость кровнородственных отношений и достаточно примитивное хозяйствование. Ослабление этих практик будет происходить в модернизирующихся обществах. Весьма примечательно в связи с этим замечание М.Х. Фарукшина о том, что «элемент мести харак-

---

¹ Кадыров Р.: «Умаров ранен, но не умер. В следующий раз мы попадем в точку»: Интервью // Интерфакс. 07.07.2009. <<http://www.interfax.ru/txt.asp?id=89000>> (доступно 20.07.2009).

² Цит. по: Фергюсон П. Глобальное общество в конце двадцатого столетия // Международные отношения: социологические подходы / Рук. авт. кол. П.А. Цыганков. М.: Гардарики, 1998. С. 205.

³ Солоненко М.В. Борцы за власть: спортивные сообщества и их роль в политической жизни Дагестана // Общество как объект и субъект власти: Очерки политической антропологии Кавказа / Отв. ред. Ю.Ю. Карпов. СПб.: Петербургское востоковедение, 2012.

⁴ Бочаров В.В. Неписанный закон. Антропология права. СПб.: Изд. РХГА, 2012. С. 282.

терен для татарского сельского менталитета»¹ и, следовательно, для татарской элиты, поскольку она в основном по происхождению сельская. Но здесь сохраняется именно элемент, психологическая реакция на субъективно ощущаемую несправедливость. Другое дело структурно-институциональное требование регулирования отношений в социуме.

Обоснование необходимости и «естественности» кровной мести хорошо показал Хож-Ахмед Нухаев: «Для возрождения нации просто нужно из главных принципов исходить: единобожие, общинная система и закон возмездия.

Как закон возмездия правильно трактовать? Как коллективную ответственность. Вот это, я считаю, достаточно для фундамента.

Второй момент: общинная система жизни. Не государственная — а общинная. А закон возмездия вписывается в общинное сознание. Кровная месть — это принцип возмездия, который не на индивидуальной ответственности основан, как в цивилизованных странах, а на коллективной.

При такой коллективной, общинно-кровнородственной ответственности каждый человек попадает под строгий контроль своих родственников, ближних, он будет на виду и не сможет скрыть ни один свой серьезный проступок и ни один проступок не останется без наказания»².

Встроенность кровной мести в повседневность и в ценностные ориентации населения задает ее функциональность для данного социального порядка. Этим объясняется и заявление президента Ингушетии Руслана Аушева 10 июня 1997 г. на пресс-конференции «Самоопределение регионов и единство России»: «На территории Ингушетии необходимо узаконить кровную месть, так как это древний обычай ингушского народа и поделаться с этим ничего нельзя»³. И это спустя два года

---

¹ Фарукишин М. Нужна ли нам Республика «Минтимер инкорпорейтед»? // Вечерняя Казань. 1998. 11 августа. Цит. по: Беляев В.А. Мировоззрение и социальное поведение современной правящей элиты Татарстана // Общественные науки и современность. 2007. № 3. С. 152.

² Хлебников П. Разговор с варваром: Беседы с чеченским полевым командиром Хож-Ахмедом Нухаевым о бандитизме и исламе. С. 115–116.

³ Узаконить кровную месть? // Сайт «FLB. Агентство Федеральных Расследований». 13.06.1997. <<http://flb.ru/info/6200.html>> (доступно 22.08.2013).

после утверждения «Положение о примирительных комиссиях», направленных на предупреждение актов кровной мести¹.

Для потестарных и ранних политических традиционных обществ религия выступает важным элементом властвования. В архаизирующихся обществах религия, религиозные нормы становятся необходимыми для легитимации властных групп и их функционирования². Сакрализация функций управления через легитимацию их посредством религии отличается от религиозной легитимации. Последняя непосредственно апеллирует к божественному, представляя себя производной от него. Первое же связано с инструментализацией религии, религиозных институтов и артефактов. Отсюда возникает представление об ограниченности религиозного фактора: «Ислам в Чечне был и остается только политическим инструментом: со спорной эффективностью, с риском потери управления — со всеми плюсами и минусами использования конфессиональной компоненты в достижении каких-либо целей. Влияние религии на политику и даже его степень, определяется в норме потребностями заинтересованных политических элит. На сегодняшний день в этнической системе чеченцев не произошло каких-либо кардинальных изменений такого свойства, чтобы вывести мобилизационный потенциал ислама на качественно новый уровень. Этнополитические процессы в субъекте РФ по-прежнему вовлечены в орбиту влияния общегосударственных процессов и на данном этапе максимально отзывчивы общему курсу. Сохранение такого положения вещей лишает исламский фактор предпосылок к усилению влияния в мобилизационном качестве в ближайшей временной перспективе»³.

Однако представляется, что в Чечне в последнее время роль и значение ислама выходят за чисто инструментальные рамки. Этому способствует очень активная религиозная позиция руководства республики.

---

¹ *Ториев М.* Кровная месть в Ингушетии // Сайт «Эхо Кавказа». 25.09.2011. <<http://www.ekhokavkaza.com/content/article/24339135.html>> (доступно 22.08.2013).

² *Абдулагатов З.* Дагестан и Татарстан: две тенденции в государственно-конфессиональных отношениях, определяемых российским исламом // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 1. С. 60.

³ *Арляпова Е. С.* Мобилизационный потенциал ислама вчера и сегодня (Россия: Чеченская республика). С. 13.

Это организация хаджа в Мекку, внедрение религиозных норм, строительство мечетей. Построена крупнейшая в Европе мечеть («Сердце Чечни»). «Я делаю все, как и следует делать мусульманину», — говорит Рамзан Кадыров¹. Важным событием, влияющим на образ республиканской власти, стала передача Рамзану Кадырову для хранения в Чечне чаши пророка Мухаммеда потомками двоюродного брата пророка (четвертого халифа Али ибн Абу Талиба). Доставка ее в Грозный состоялась 21 сентября 2011 г. Вместе с ней были привезены два ковра, которыми длительное время была покрыта могила Пророка. В аэропорту Грозного эти артефакты встречали лично президент Кадыров, а также члены правительства республики. От аэропорта до находящейся в центре столицы мечети был выстроен живой коридор из студентов, школьников и представителей духовенства². В этом отношении заявление чеченского лидера — «Я слуга Всевышнего, я раб Всевышнего, поэтому я всю свою жизнь посвящаю исламу»³ — не кажутся лишь внешне ориентированными.

Вместе с тем, будучи главой светского политического образования, являющегося частью светского государства, Р. Кадыров вынужден апеллировать к профанному, но ссылаясь на священное: «Я боюсь только законов РФ, так как боюсь Всевышнего»⁴. Такое смешение светского и религиозного свидетельствует о важной легитимирующей основе религии. Политическое вроде бы находится на втором плане, но оно наполняет смыслом религиозные устремления: «Террористы — враги ислама, они враги пророка, они мои враги, они враги народа, они враги государства. Если я им так сильно мешаю, значит, я счастливый человек. Я на правильном пути, я защищаю интересы

---

¹ «Чечня спасла Россию»: Интервью президента Чечни Рамзана Кадырова // REGNUM. 30.01.2009. <<http://www.regnum.ru/news/1118397.html>> (доступно 30.01.2009).

² Магадаева С., Ибаева М., Ахмадова Л. Чаша Пророка Мухаммада (С.А.В.) в Чечне! // Сайт Информационного агентства «Грозный-информ». 22.09.2011. <<http://www.grozny-inform.ru/main.mhtml?Part=15&PubID=28771>> (доступно 23.09.2011).

³ Кадыров Р.: «Путин дал нам все на этой земле» [Интервью «Огоньку» 06.09.2010].

⁴ Кадыров Р.: «Умаров ранен, но не умер. В следующий раз мы попадем в точку»: Интервью.

религии, интересы народа, интересы государства»¹. С другой стороны, религиозные ритуалы используются для делегитимации политических противников. Так, Духовное управление мусульман Чечни запретило хоронить уничтоженных боевиков по мусульманским обычаям и на официальных кладбищах². Инструментализация религиозных институтов при повышении роли религии — закономерное явление. Но из этого логически следует и необходимость определенной автономии, особенности «своей» религии со своими внутренними правилами³.

Но «логика действий» в этом направлении может привести к стремлению максимальной защиты «своего» ислама, включая информационную закрытость и введение цензуры. Поэтому не случайно предложение Р. Кадырова отключить интернет, затрудняющий правильное воспитание молодежи. Ведь «в каждом доме есть интернет. Любой может взять и послушать проповедь какого-нибудь ваххабита. Даже у меня дома мой ребенок тоже может наткнуться на какую-нибудь проповедь»⁴. Архаизирующееся общество — потенциально закрытое общество. И, как следствие, его властная группа будет стремиться к максимальному контролю над духовной сферой, включая и образование⁵. Борьба за религиозную чистоту и религию как нравственную основу повседневности ведет к тому, против чего борется в своих заявлениях руководитель Чечни, — салафизму и ваххабизму. Как отмечает Жан-Франсуа Рателле, «то, как Рамзан Кадыров играет с религией, вызывает громадное удовлетворение в среде салафитов и подполья, пото-

---

¹ Кадыров Р.: «Путин дал нам все на этой земле» [Интервью «Огоньку» 06.09.2010].

² *Евстифеев Д., Баринов В.* В Чечне запретили хоронить боевиков // Известия. 2012. 6 ноября. <<http://izvestia.ru/news/538979#ixzz2Bbe42H8E>> (доступно 07.11.2012).

³ См.: В России появился первый пожизненный муфтий // REGNUM. 10.08.2010. <<http://www.regnum.ru/news/1313502.html>> (доступно 10.08.2010).

⁴ Кадыров выступил за отключение интернета ради мира // Interfax.Ru. 20.10.2014. <<http://www.interfax.ru/russia/402869>> (доступно 20.10.2014).

⁵ Instagram. kadyrov_95. Запись 14.10.2014. < http://instagram.com/p/uInXEECRs_/?modal=true> (доступно 16.10.2014). Также см.: Кадыров решил взять под контроль вузы // Лента.ру. 15.10.2014. <<http://lenta.ru/news/2014/10/15/kadyrov/>> (доступно 15.10.2014).

му что Чеченское правительство создает именно то, что салафистское движение хотело бы создать»¹.

Фактическое признание исламского характера общества и политической власти в Чечне сказывается на положении других религий. По итогам исследования международной благотворительной христианской организации «Open Doors» за 2012 г., Чеченская республика занимает 20 место в списке регионов мира, где чаще всего притесняют права христиан². Но, конечно, официальные заявления совершенного другого рода.

ГОСУДАРСТВО И ПОЛИТИКА

Логика архаизации должна приводить к однозначному отказу от государства. Но включение в реальные отношения современности и нахождение внутри России для архаизирующихся обществ и их элиты не оставляет выбора. Но тем не менее конфликт интерпретаций, представлений по поводу должного и возможного может существовать.

В чеченском обществе дилемма «общинность — государственность» была достаточно хорошо эксплицирована. Видный деятель Ичкерии и теоретик традиционализма Нухаев утверждал: «Государственная система может сработать, если люди одиноки, если у них нет кровнородственных связей. Тогда любого, кто закон нарушил, выдерживай и сажай, и за него никто плакать не будет. Любого расстреляй, и никто не придет и не скажет: ты почему нашего человека расстрелял? Но если действует закон кровной мести, родственники придут завтра к президенту и убьют его. Для того чтобы сработала государственная система, надо несколько веков, чтобы уничтожить, уничтожить, уничтожить кровнородственные связи, расселять всех родственников, чтобы вместе не жили, ничего общего не имели»³. Проблема не только структурная, но и нравственная, связанная с основаниями повседневного поведения, традиционным укладом, этосом: «Вернулся в конце декабря

---

¹ Рателле Ж.-Ф. Салафиты на Кавказе: политическая партия или джихадистское движение? // Сайт «Голос Америки». 29.11.2012. <<http://www.golos-ameriki.ru/content/caucasus-salafi-sochi-russia/1555647.html>> (доступно 30.11.2012).

² Open Doors Weltverfolgungsindex 2012. <<http://www.opendoors.de/verfolgung/wvi/platzierung/>> (доступно 25.11.2012).

³ Хлебников П. Разговор с варваром: Беседы с чеченским полевым командиром Хож-Ахмедом Нухаевым о бандитизме и исламе. С. 182–183.

1996 года. Я помогал Яндербиеву на выборах. Здесь я прозрел. Пока сам не столкнулся непосредственно с этими выборами, я не понимал, насколько это все ненормально. Каждый кандидат показывал, что он лучше, каждый должен был себя рекламировать, унижать достоинство противника. Это измельчило отношения между людьми. Они начинали говорить такие вещи! Потом друг перед другом объяснялись: “Это политика, не обижайся”. Но для чеченца каждое слово должно играть. У нас очень сильно сохранились родовые отношения, и они в себе несут развитую дипломатию между родами. Каждое слово играет роль. Не может быть просто брошенного слова. Эти выборы настолько сломали людей, настолько отравили всех, они разрушали нацию изнутри. Я понял, что в Чечне не должно быть такой политики, чеченцам не нужны такие выборы¹. Но политика уже вошла в чеченскую жизнь, государство присутствует, и его нельзя отменить. Отсюда предложение самоопределения чеченцев и разделение этнической территории: одни будут создавать общинно-патриархальное самоуправление, другие — самоопределяться как граждане России².

Утопичность этого плана подтвердила жизнь. Государственничество естественно победило. Но нынешняя чеченская власть все равно действует в традиционном, хотя и модернизированном обществе. В этом отношении показательно чеченское президентство. Есть чеченская поговорка: «Когда признают одного за князя, остальные становятся его рабами». Титулатура очень важна для традиционного общества. Отказ вначале Доку Умарова, а затем и Рамзана Кадырова от титула «президент» вполне логичен, тем более что он не совсем «свой».

Существенным является традиционный эгалитаризм, во всяком случае в нормативном плане: «Я требую, чтобы мои люди были слугами народа. Те, кто не может примириться с этим, не может работать на меня. Никому ничего лично не принадлежит. Все мои люди знают, что машины, офисы, даже галстуки, которые они носят, — не их, но это дано им, потому что они — народные слуги. У меня есть государственные машины, бесплатный телефон; государство делает все, чтобы я мог

---

¹ Там же. С. 175.

² *Нухаев Х.-А.* Чеченцы должны самоопределиваться как нохчи: Выступление на съезде тейпа Ялхой 24.09.2003 г. (Мансур) // Адат. Кавказский культурный круг: Традиции и современность / Гл. ред. и сост. В.А. Дмитриев М.; Тбилиси: Междунар. НИИ народов Кавказа, 2003. С. 148.

служить народу. Поэтому я должен делать все для народа. Они действительно хозяева, а мы — слуги. Я никогда не похваляюсь и не кичусь всем, что мы достигли. Я оставляю это народу»¹. Апелляция к народу связана с представлениями о легитимности власти, ее источнике и одновременно о характере этой власти: «Я буду президентом так долго, как хочет мой народ, но если кто-нибудь другой лучше меня на рубль, я уступлю место. В самом деле, даже если он только на копейку лучше»².

Совсем в духе традиционной персонификации социальных отношений рассматривается и лояльность. Институциональная и личная лояльность оказываются слиты вместе, поскольку для традиционного сознания абстрактность власти достаточно чужда, ее персонификация ближе и понятнее. Поэтому, по словам Р. Кадырова, он сам «не человек президента России, а человек Владимира Путина»³. Сильному человеку, воину нужен такой же патрон и идеал: «Мой герой — Путин, только Путин! Он — мой идеал!»⁴ И здесь, как указывают исследователи, возникает определенный психологический эффект, имеющий важные политические последствия: «Сам Кадыров воспринимает свой статус как следствие некоей личной унии между ним и Путиным, а вместо всесторонней интеграции республики в общероссийское пространство способствует ее обособлению»⁵.

---

¹ Seierstad Å. The Angel of Grozny: Inside Chechnya. London: Virago, 2009. P. 215.

² Ibid. P. 214.

³ Виноградов Д., Солянская К. «Человек Владимира Путина» [Информация с пресс-конференции Р. Кадырова] // Газета.ru. 20.02.2007. <http://www.gazeta.ru/2007/02/20/oa_232153.shtml> (доступно 11.07.2012).

⁴ Seierstad Å. The Angel of Grozny. P. 213. Вместе с тем существенным является и социально-экономический аспект. Как указывает исследовательница: «Патерналистские устремления, особенно в дотационных регионах, проявляются в преклонении перед центром» (Зеленухина И.В. Этнократические элиты: российская «специфика» // Элитология России: современное состояние и перспективы развития: матер. Перв. Всерос. элитологического конгресса с междунар. участием «Элитология России: современное состояние и перспективы развития», 7-8 октября 2013 г., Ростов-на-Дону / Ред.-изд. гр.: В.В. Рудой (рук.) и др. Том. 2. Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИФ РАНХиГС, 2013. С.158).

⁵ Маркедонов С. Приватизированная республика: как Рамзан Кадыров заменил государство // Forbes. 11.04.2013. <<http://www.forbes.ru/mneniya-column/vertikal/237166-privatizirovannaya-respublika-kak-ramzan-kadyrov-zamenil-gosudarstvo>> (доступно 12.11.2013).

Персонификация власти вполне совместна с ее символами и символическими знаками. Представитель власти и ее носитель должны выделяться, т.е. власть должна себя демонстрировать¹. Это свойственно всем обществам, но в традиционных это достигается максимально выразительными способами, чтобы стало очевидно, что это действительно власть. Сюда входит престижное потребление — машины, лошади, собственный зоопарк, дорогая одежда и т.п. Помимо этого необходимы и вещественные символические знаки власти. Например, золотой пистолет. Необходимым элементом презентации «начальника» является щедрость, дары²: часы — футболистам, квартиры — артистам, машины — чиновникам и т.п.

В настоящее время нет оснований полагать, что архаизация и традиционализация властных групп и властных отношений на российской периферии каким-то образом прекратятся или уменьшатся. Российское ядро, вполне модернизированное, демонстрирует очевидное политическое и социально-экономическое попятное движение. Внешние и внутренние обстоятельства снижают возможности модернизации как в центре, так и в этнических регионах. Вместе с тем было бы опрометчиво недооценивать уже пройденный к современности путь. Наиболее вероятно в обозримой перспективе «синтетическое» развитие, при котором модерные, постмодерные, традиционные и архаичные формы будет существовать в определенном симбиотическом единстве.

---

¹ О демонстративном аспекте высшего класса и власти см.: Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.

² Ср.: «Если сын Неба, самый знатный, обладатель богатств в пределах четырех морей, скряжничает, как простолюдин, то как можно, не имея свободы в средствах, отличать благородного от подлого?» (*Ли Гоу*. План обогащения государства // Искусство властвовать. М.: Белые альвы, 2001. С. 38).

ABSTRACTS

PROBLEMS OF THE ELITE STUDIES

Mokhov Victor P. Elite cycle: internal structure

Theoretical aspects of elite existence and its development have been studied over a long period of time: how does it develop? Are there any general development principles? Different theories of diverse scientific paradigms gave their understanding to these questions. Linear development theories, cycle and synergetic approaches deal with elite issues. The fundamentals of cycle analysis were developed by V. Pareto, who framed elite cycle basics (the cycle character of elite development).

Continuity is deemed as a crucial concept for the understanding of elite development: there are no autonomous elite formations turning up right out of the blue. All elite cycles have same internal structure which breaks out into four stages.

Elite genesis (elite creation and elite formation) includes three internal periods: the conversion of some social groups into a ruling power (at least temporarily), afterwards there is a shift to a governing power (the retention of power and permanent power execution), and the formation of an elite group as a dominant power (consolidated into a cluster that permanently holds the power and executes domination function, on the one hand, and alienates from the masses, on the other one).

The next stage is elite development deemed as a self-development process that taps full elite potential. This stage turns out as soon as elite formation has been completed, i.e. when all the competing social groups have vanished from the political arena, viz the groups which are involved in sharing the power directly or indirectly or whose interests are to be considered as a priority in the policy making process.

The third stage of an elite cycle is elite degradation which comes out due to continuous lack of elite system features under the impact of external influences and internal transformations.

Elite cycle is being eventually concluded with the stage of elite downfall considered as a quick loss of system quality and collapse of internal elite interrelations. Thus the ruin of an old elite and the formation of a new one are deemed as overlapping processes.

Keywords: *elite, elite cycle, elite cycle stages, elite genesis*

Petr Panov, Konstantin Sulimov. «Preemnik» versus «Preemnichestvo»: in the Context of Leadership Succession Variety

The concepts of 'preemnik' and 'preemnichestvo' came into existence from Russian political practice and its perception in mass consciousness. It is explained by that, since the middle of 2000s, public opinion has paid attention to the special phenomenon in the process of leadership succession. Strictly speaking, it is not a new phenomenon, but it didn't seem to be meaningful earlier. Now it has gained in importance. Although it was designated by the 'old' word (literally 'preemnik' meant 'the next leader' — 'successor'), the word takes a new sense in the new context. In this narrow sense 'preemnik' is a special pattern of leadership succession. Intuitively, we are well aware what the special pattern is. Needless to say that it is not a special Russian phenomenon. We name 'preemniks' such leaders as Ilkham Aliev, Raul Kastro, Nikolas Maduro, ect., while Obama, Cameron, Yanukovich and many others are not considered as 'preemniks'. Nevertheless, whereas intuitive conventionality is sufficient for public discourse, academic discourse needs a more definite conceptualization. Therefore in the article, we aim to define such a criterion of leadership succession classification that allows us to distinct 'preemniks' among all cases of leadership succession. Next, descending 'ladder of abstraction', we intend to make the 'taxonomic unfolding' (G. Sartori) of the concept 'preemnik' and develop a classification of 'preemniks'.

We suggest that appropriate conceptualization of 'preemnik' can be achieved if to analyze a leadership succession as a decision. If so, the key criterion for the classification of leadership successions is an identification of who is a decision-maker (an author of this decision). At the same time we need to take into account that a leadership succession is not a simple decision. It consists of at least two phases: a) leaving the office by the former leader; b) coming the office by the next leader. We argue that it is the second phase that has a decisive significance while the first phase can be assumed as a '*zero decision*'. Nevertheless, the second phase as such is also a complicated issue as it can include a set of sequential 'acts': nomination of the next leader, discussion over candidacies, '*final decision*' that is made by voters in elections, officials in appointment, etc. In many cases 'final decision' is no more than 'formalization' of already taken decision. Therefore we need to distinguish the main 'act' in the second phase when the candidacy of the next leader is really defined – so called 'basic' or '*primary decision*'. Thus, the key criterion for the classification of a leadership succession is who makes 'primary decision'. 'Zero decision' and 'final decision' will be additional criteria that allow highlighting sub-classes within classes of a leadership succession.

All decision-makers can be divided into three groups: former leader, elite group, and the people. However, there is a good reason to suggest that although

the people can participate in 'zero decision' and 'final decision', 'primary decision' is made by political elite. As our main reason is a conceptualization of 'preemnik', we can extract 'former leader' from 'political elite' as a special decision-maker. It allows us to conclude that 'preemnik' is a such class of a leadership succession when 'primary decision' is made by a former leader. In other words, it is a former who actually define a candidacy of the next leader personally. All other cases are not corresponding with 'preemnik'. Undoubtedly, they are extraordinarily diverse, but since they are not in the focus of our study, we don't consider them in details and designate them simply as 'non-preemnik'. Nevertheless, among them there is a group of cases that deserves a special attention. These are such cases when we are not able to define who makes 'primary decision' personally. It is possible if 'primary decision' is a quite institutionalized process, which both a former leader and ruling group participate in. Mexican model dedaco is the most well-known example of such practice. Here it is impossible separate a former leader from ruling elite because they are a whole entity. Consequently, these cases are similar but not identical to 'preemnik'. We call this special class of a leadership succession as 'preemnichestvo'.

The last task of our study is a classification within the class of 'preemnik'. Sub-classes are highlighted on the basis of who makes 'zero decision' and 'final decision'. So we can separate as a sub-class the cases when a former leader is dead (there is no 'zero decision') but nobody is able to challenge his 'primary decision' concerning 'preemnik'. The other sub-class is a voluntary resignation of a former leader (he make 'zero decision'). In both sub-classes 'final decision' is actually coincides with 'primary decision'. Disagreement within ruling elite is the next sub-class. Here 'final decision' is made not only by a former leader, but also by ruling elite. The support of elite groups is essential in the struggle of 'preemnik' for a leadership. The degree of disagreement within ruling elite may be different. In the cases when ruling elite breaks up, it is possible that different elite groups turn for the help to the people in their struggle. It is also possible that opposition elite group has an influence. Then 'preemnik' is able to wins only through competitive elections. It means that we have one more sub-class when the people participate in 'final decision'.

Keywords: reproduction of power, leadership succession, preemnik, preemnichestvo.

A. Soloviev. Network ethics of ruling class in system of public administration

In article the role of ethical standards and the principles of political and administrative networks in mechanisms of adoption of the state decisions in modern Russia reveals. Is shown that the complex of ethical reference points of

a number of such associations not only justifies and directs their administrative activity, but also switches activity of the state institutes to corporate and civil interests of ruling class. This ethical complex promotes distribution of the principles of not civic consciousness, interferes with forms of public control over administrative activity, influences symbolical policy of ruling regime for a pacification of public opinion. In this regard tasks which face the Russian society regarding overcoming of harmful influence of network associations are defined.

Keywords: *networks, ethical standards and principles, ruling class, political elite, public administration, administrative rent, corruption, civil activity.*

POLITICAL ELITES IN COMPARATIVE PERSPECTIVE

O. Gaman-Golutvina. Comparative analysis of BRIC's political elites

The dynamic development of the BRICS countries are not just impresses researchers, but encourages them to analyze the power groups in these countries, because — despite all the differences in the systems of recruitment and rotation of the ruling communities so different countries — namely politics power groups BRICS countries are called to achieve substantial economic success. Namely elites — key element of the control system, which plays a crucial role in any state of the system, and especially at the stage of substantial transformation. That's a significant transformation in the BRICS countries have become the processes of modernization in the late twentieth century — beginning of the XXI century, which resulted in a significant increase in economic power and political influence of the group. The formation of elites in the BRICS countries are not simply different — they are strikingly contrast — historically and contemporary. And it is no accident: member states differ in BRICS extremely in historical genesis and social experience, models of political development and social structure, economic development and foreign policy priorities. This fact motivates the author of this article to refer to comparative analysis, because, as rightly wrote G.-W.-F. Hegel, the essence is learned best when crossing its borders.

A comparison of BRIC members — is methodologically difficult task, because the general for Comparative Politics comparability problem becomes especially acute in connection with the non-obvious criteria for comparison in this case. Author researches recruitment and rotation of political elites, which allowed them to become key actors in the modernization of the BRICS countries.

Joining a group of South Africa in 2011 added to the original BRIC abbreviation "C". In this paper, an analysis will be carried out in relation to "the first composition," without South Africa.

Keywords: *BRIC, BRICS, power groups, political elites, recruitment of political elites, rotation of political elites, modernization.*

H. Best. Is ‘Europe’ the Lesser Evil? Limits of Elite Crisis: Resolution in a Limitless Crisis

The article analyzes the preferences of European political elites regarding options for tackling economic crisis that erupted in 2008. The author reveals the attitudes of elites to four strategies to combat the crisis, including coordinated actions of national governments (intergovernmentalism), intervention by the European Union (multilevel governance), intervention by international financial institutions (multilateralism) and autonomous actions by national governments (unilateralism). The study showed a coordinated action by national governments embedded in and complemented by supranational and multinational organizations was obviously the ideally preferred way out of the crisis for European political elites. Nearly half of all elites preferred a ‘coordinated action by national governments’ as their first option among four different ways of attacking the crisis. Nonetheless there was no pan-European consensus about the best means for combating the crisis: more than half of all respondents expressed their highest preference for one of the other three options and there were huge differences between what elites located in the 17 countries preferred.

The author examines the extent to which differences in the preferences of national elites are rooted in their countries’ general economic situations, their positions in international financial markets, their greater or lesser embeddedness in the EU institutional framework or simply respondents’ individual interests. Multilevel multiple regression models showed that elites’ preferences reflected primarily the institutional status of their own countries within the European Union, the economic condition of their countries, and cues they received from relevant reference groups, such as their local economic elites. Attitudinal dispositions played a significant role, but to a lesser degree and in only two models. The fact that individual dispositions of political elites — be they rooted in their attitudes or their positions in social structures — mattered little may be taken as a sign of political elites’ agency because it widens the limits for crisis resolution and makes it easier to compromise and maneuver the European Union out of its crisis-born turmoil.

Keywords: *crisis, political elites, preferences, consensus, European Union.*

Ursula Hoffmann-Lange. Citizens and Elites in Times of Economic Crisis and Citizen Unrest

The deep financial, economic and fiscal crisis that started in 2008 has given rise to broad protest movements against cuts in public budgets and welfare benefits in most European and North American democracies. Because responsibility for the crisis is widely attributed to the irresponsible behavior of private financial institutions and the neo-liberal policies of democratic

governments, the crisis has not only fueled dissatisfaction with politics and capitalist markets, but has also increased public support for the demands of NGOs and political parties to give ordinary citizens more direct influence in policy decisions. The paper discusses if the crisis has fundamentally altered elite-citizen relations by accelerating the ongoing erosion of traditional elite-mass linkages in the established democracies, undermining public support for representative political institutions and deference to government decisions even further. While some social scientists have hailed these developments as opportunities for pushing democracies in providing citizens increased opportunities for direct participation in policy decisions, thereby increasing the quality of democracy, the paper will argue that these expectations are unrealistic. Both elite theory and empirical political sociology have pointed out the less benign implications of more direct democratic involvement of citizens in policy decisions. While elite theory has argued that some degree of elite autonomy is necessary for enabling elites to pursue coherent and sustainable policies, empirical political sociology has shown that political interest and political involvement among citizens are not only limited, but at the same time highly unequal. Times of high citizen involvement are therefore difficult times for elites in general and for democratic political elites in particular. Their power basis becomes less stable and their careers are more vulnerable to electoral defeat. They are therefore more likely to pursue short-term strategies for maximizing their career prospects. These developments will make democratic politics more volatile and erratic in the future.

Keywords: *elites, citizens, crisis, NGO, political parties, democracy, political participation, political careers.*

N. Lapina. Political elite of France in the beginning of the XXI century: motivations, career paths and vocation

In the article the motivation and career trajectories of French politicians are analyzed on the basis of empirical research. Four types of motivations that encourage political activism are indicated: the desire to change one's life; personal loyalty to the leader; aspiration to continue one's family deeds; striving for social adaptation. The study of the career trajectories of representatives of the French political elite allows us to describe and analyze different models of promotion to the big politics: (1) the model of gradual progress, (2) apparatus career, (3) administrative-bureaucratic way or the "parachute" model (4) inheritance model (5) business as a politics. It is shown that in the French political class the representation of politicians who made the apparatus-bureaucratic career increased in the last decade. This type of career is supported by the party apparatus and its leadership. And professional political advancement depends on the degree

of the politician loyalty. The conclusion is that the crisis of political parties in France is due to the fact that they are failure to express the public interest and also due to their archaic political discourse. The crisis is largely a result of the existing mechanism of selection and promotion of party cadres for elective offices.

Keywords: *political party, political career, notable, functionary (apparatchik), France, F. Hollande, S. Royal, M. Aubry.*

A. Zotkin. Power institutions and elite groups of Ukraine in conditions of civil conflict (2013–2014)

The article analyzes the changes in the political system of Ukraine in terms of civil conflict (2013–2014). Fixed patterns of changes of social order and political institutions. The main cause of systemic crisis in Ukraine is a civilizational split of the Ukrainian society. Complication of relations with Russia and military operations in the Donbass stimulate the transformation of the political system in Ukraine. Ukraine increased risks become a field of conflict between Russia and the West for a long period of time. Dismantling of the old political system and the establishment of a new made in a limited political and discursive space. Ukraine seeks to integrate into the European Union, but retains the “front” imitative nature of democracy.

Keywords: *political system, the power elite, civil conflict.*

RUSSIAN ELITES: PRACTICE AND PERSPECTIVES OF DEVELOPMENT

A. K. Magomedov. The country’s key resources and the nature of Russian post-soviet power: continuity of the raw-material paradigm

The paper presents arguments to the effect that in modern Russian transition the political elite’s objectives is consists mainly for maintaining a monopoly on power and siphoning off resource rents. The Russian state led by Putin has increased its direct control of the oil industry. The author notes that the balance of motives in the recent expansion of state control cannot be gauged with any confidence, but guaranteeing political control for the present ruling group and rent-seeking by high officials appear to have played a substantial part.

Keywords: *Post-Soviet Russian transition, rent-seeking, oil industry, center-periphery, “cremlenization” of resource control.*

V. Achkasov. Dilemmas of the Russian immigration policy

The article states that the Russian migration policy is designed to solve a number of challenges. However, Russian authorities working out difficulties are faced with at least two dilemmas:

First, on the one hand, the Russian authorities have to draw from abroad the necessary labor; on the other they have to react to the growth of anti-immigrant sentiment in society.

Second, on the one hand, the Russian authorities keep open borders with many countries of the CIS, thus stimulating employment-based immigration. On the other hand, they attempt to reduce the costs of migrants' free movement across the borders of the Russian Federation. So toward this end they restrict the possibility of legal residence, limit employment and integration of immigrants into Russian society.

Keywords: *migration policy, xenophobia, ethnic networks, migrant labour, illegal immigration, intolerance.*

V. Gutorov. Political elite and political education in contemporary Russia

The immediate aim of the article is to summarize the discussion devoted to the problem of interaction of the process of formation of political elites, new political culture and the development of the structures of political education in the modern Russia. In civilized society political culture and political education are not only inseparable one from the other but in a definite sense are the equivalents. If one adheres to a definition of political culture as the pattern of individual attitudes and orientations toward politics among the members of a political system one can regard political education as a complex system integrating by a direct influence these elements of culture which define the character of political socialization in the process of formation of a definite type of political conduct and consciousness which form the property of a given society and state organization. Any state aspires, independent of a special feature and general perception of politics, to control the political processes through adoption of centralized decisions, i.e. to carry out a definite educational policy. In democratic state with a developed civil consciousness the existence of independent public opinion is a sufficient guarantee for orientation on the model of political education in the frame of which the mechanism of civil society's control on the state is supported and intensified. All leading industrialized nations have both the specific systems of 'elite education' and elite educational institutional structures behind the walls of which the key social elites spend the decisive years during which their political consciousness is formed on the level of school and/or university education. If the Russian postcommunist elites can be regarded as crucial actors in political and economic developments, it is essential to be clear about their main characteristics and the reasons for their importance.

Keywords: *political elites, political culture, political education, elite education, liberal education, liberal tradition, postcommunism, postcommunist elites, egalitarianism, hierarchy*

Malinova O. Constructing the national past in the official rhetoric: The analysis of thematic repertoire of the commemorative speeches of presidents of the Russian Federation (2000-2013)

The article is a part of research project studying political uses of the national past by the Russian governing elite. Analyzing the thematic repertoire of the commemorative speeches of presidents of the Russian Federation since 2000 till the May of 2013, it reveals, what kind of historical events, processes and figures were considered 'proper' for political use during three electoral terms of Vladimir Putin and Dmitry Medvedev. It was found that the most usable part of the national history are events of the Soviet period, in particular the Great Patriotic War. In general they provided more than a half of occasions for official commemorative speeches, and their portion raised from one presidential term to another. This symbolic resource was used rather arbitrary: the selected episodes represented the glorious past of the 'thousand-years-long' state that was able to win in the War and to become the world power. According to our argument, the 'popularity' of the Soviet past was not a result of particular sympathy to this legacy, but a consequence of the availability of this resource. Also significant attention was paid to representation of continuity of the state (in particular military) institutions. The shift in the state symbolic policy that took shape in 2003-2005 resulted in reduction of a number of 'post-Soviet' historical occasions for president's rhetoric: from 31 per cent of the total number of commemorative speeches during the first term of Vladimir Putin to 12 per cent during his second term and 16 per cent during Dmitry Medvedev's stay at office. At the same time certain efforts were made for institutionalization of the memory of more remote past associated with the idea of the 'thousand-years-long' Russian state (the most remarkable step was establishment of the Day of National Unity in 2004, commemorating the events of the seventeenth century). But these efforts could not bring quick results, besides there were not enough systematic.

Keywords: *symbolic policy, memory politics, governing elite, commemorative speeches, political rhetoric, V.Putin, D.Medvedev*

P.V. Tarusin. The role and prospects of the Russian counter-elites in the reformation of the political regime

This article analyzes the concept "counterelite", search and justification of the methodological tools and methods of use of this theoretical construct which allow to predict the potential form and content of the phenomenon in a specific historical situations and political processes. Counterelite described as a special phenomenon of social and political reality, appearing on the stages of "re-foundation of political order and outgoing type of the power elite, as a potential "gravedigger" and the successor of the latter. The author on the basis of structural-

functional approach clarified the distinction between phenomena counterelite and political opposition, examined the processes and conditions of the transition of political power from the power elite to the counterelite and prospects of different groups of the Russian protest movement as a counter-elites.

Application of the proposed construct shows that in the short and medium term under the current situation of the ruling regime and the political culture of the population, in Russia there are no objective and subjective prerequisites and conditions necessary for the emergence of counter-elites as a responsible and legitimate political force. However, despite strong counteraction of the power elite, consistently continues the development of those social groups and political forces that have the potential, in certain circumstances, ideologically and organizationally to make a demand of the society on the counterelite.

Keywords: *power elite, counterelite, political opposition, political regimes*

ELITES AND REGIONAL COMMUNITIES

S. Bondarenko. The ‘right to the city’ as institutional factor of the public participation

Abstract. In article the politic-social phenomenon «the right on city», received for last decades a wide circulation in many countries of the world is considered. The corresponding direction of municipal reforms finds reflection both in activity of politicians, and in scientific researches. The approach to development of cities on the basis of the rights of inhabitants has met with approval of UNESCO. For Russia the given problematics is especially actual in a context of understanding of public initiatives of «the annoyed townspeople».

Keywords: *the right on city, right to urban life, the annoyed townspeople, municipal reform.*

A.S. Bystrova. Regional administrative elites after replacement of governors (according to biographical data of 2009 and 2012)

The article deals with changes, which passed within the corps of in administrative elites of six federation subjects of the Russian Federation after the change of governors in 2012. The work was done on the base of analyses of the biographical data base, created in the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences by research fellows of the Department on sociology of authorities, power structures and civil society (data of the years 2006, 2009 and 2012 correspondingly in 4, 6 and 8 regions of Russia).

The practice of formation of the regional administrative corps (governments, regional administrations) remains unchanged and it is connected with the change of regional administrations heads. This process is independent to the mode of

the governors replacement, whether it would be by election or appointment. As earlier, the principle of the personal loyalty still remains as fundamental.

Formation of new governor commands or commands of newly appointed (elected) heads of regions is under the strong influence of competing groups. The emergence or the abolishment of executive structures is not sufficiently oriented on the efficiency.

The peripheral character of the regional elite remains conserved. A relatively high level of endogeneity of regional elites indirectly witnesses about a limited horizontal as well as vertical mobility and about limited elevation possibilities of the elite. The tendency to diminution of the administrators share with a first higher technical education gives hope to a weakening of a technocratic approach in resolve problems of regions and the population.

Keywords: *regional administrative elites, pool of recruitment of regional elites, horizontal mobility, vertical mobility, careers.*

Rimskiy V. L. Social factors of the political careers building and of the ineffective management of the regions and municipalities

The paper is devoted to the author's conceptualization of some results of the research conducted by Russian Political Science Association (RPSA) in 2012 by the grant of the Institute of Public Planning. In particular, the paper attempts to describe the essence of the real social institutions that define political career in the Russian regions, and justifications of how these institutions determine the inefficiency of the system of government.

Modern Russian regional and local elites are not united, they are divided into cliques and clans vying for access to various resources, including political, economic and social. In a similar manner the structures of cliques and clans in regional and local elites define the high importance of informal connections and relationships in their renovation, rejuvenation, in the recruitment of new members in them, and how important are the social positions their members, both new and old.

Russian regional and municipal elites are closed in the sense that the administrative, political, social and other careers are implemented almost exclusively within their communities. Exceptions are rare; in particular, usually a leader from the local level has a very little chance to rise in the career up to the regional level, and to rise in the career from the regional up to the federal level.

Understandings of the problems to be resolved are determined by the interests of cliques and clans of the elite social groups, and not by the interests of public and state. Therefore, in the post-Soviet period many important problems of regions and municipalities are not solved for decades, and among citizens is growing alienation from politics and authorities.

Keywords: *political careers, elites, group of loyalty, the vertical of power, corruption, regions, municipalities.*

Tev D. Vice-mayors of the largest regional capitals: social-professional pool and factors of recruitment

Article is devoted to results of research of the pool of recruitment of deputies heads of administrations of the largest regional capitals of the Russian Federation. Information on 264 persons holding positions of deputies heads of administrations (vice-mayors) as of March, 2012 in 32 regional capitals with the population over 500 thousand people (except the cities of federal submission — Moscow and St. Petersburg) was included in a biographic database.

Importance of research of the pool of recruitment of political and administrative elite in general and the vice-mayor case in particular is defined by two circumstances. On the one hand, social and professional characteristics of members of power groups can in an essential measure define specifics of their political orientations and preferences, their tendency to representation or, on the contrary, to ignoring of interests of certain social groups. On the other hand, features of the pool of recruitment of political and administrative elite can be reflection and a consequence of power structure inherent in given society or local community. In this sense, their analysis “highlights”, sheds light on power structure, nature of the relationship which has developed between various interest groups and institutional segments in society.

The analysis of the pool of recruitment of deputies heads of administrations of the largest regional capitals found a number of remarkable tendencies. Professionalization process is quite expressed: nearly a half of vice-mayors directly left from municipal administrative structures of capital cities. At the same time, municipal administrative careers only are relatively isolated: the essential share of vice-mayors directly comes from regional administrations and the management of the enterprises of various forms of ownership and branch accessory. It is represented that the important role of regional officials and business community as pool of recruitment of local administrative elite, reflects and, at the same time, fixes system of the relations of interdependence in which the mayor and municipal administration are with regional governors and business community. The town governor, from the point of view of, both his recruitment, and functioning of his administration, significantly depends on governors and business who, in turn, are interested in control over the city hall making key decisions in capital cities where the considerable share of the population and resources of regions is concentrated. As a result, appointment as vice-mayors of direct proteges of the regional administration and business, and is more often — the persons having experience, ties and influence in these

structures and capable to adjust with them the effective interaction, quite widespread phenomenon.

The importance of an objective context of formation of municipal administrative elite doesn't exclude an important role of the subjective relations in the process of recruitment of deputies heads of administrations. Remarkable feature of recruitment of vice-mayors is that a personal ties of the mayor and the appointee, developed owing to crossings on the career way preceding occurrence into a position, act as it is possible to assume as an important "pulling" factor. Sometimes mayors bring for themselves into municipal administrations the whole teams of colleagues and the associates, formed thanks to long experience of joint professional activity and the confidential relations established on its basis.

At last, one more important feature of recruitment of vice-mayors is its functional specifics which is showing in a tendency of appointment as deputy heads of administration, responsible for the concrete directions of a municipal policy, descendants from those social and professional spheres and categories which the appointee should supervise. This "clientelist" practice of the appointments which has been very expressed, for example, in the field of town-planning policy, promotes that vice-mayors turned into the tool of protection of interests of those branches (for example, construction business) which they are urged to regulate in interests of all local community.

Keywords: *municipal administration, vice-mayors, regional capitals, pool of recruitment, career, business.*

A. Chirikova, D. Seltser. Small Russian cities: distribution of power between mayor and his team

In this paper an attempt is made to describe the degree of dependence / independence of the chief executives team members in small towns from their leader and to show the variability of these relations. Empirical research was conducted in 5 Russian towns. The main task of this investigation was to enlighten whether elected leaders of executive bodies in practice concentrate in their hands the real power or they have to share it with other influential players of the team.

This article contains a description of the specific practices of decision-making in a team. This description is based on estimates that were made by the members of the teams and also by heads of the executives. These data were supplied by estimates of experts and persons which had experience of cooperation with the team and its leader.

Authors conducted 64 in-depth interviews with the leaders of the executive and the legislature, with the members of their teams, influential businessmen and regional experts.

It was found that practices of the distribution of power in the municipal teams in the towns under consideration are similar, but not uniform. Variance of such practices depends on whether chief executive uses monocentric or polycentric models of power, as well as on the established practices of informal interaction.

Our data allowed to indicate five models of interaction between the municipal administration and the head of the team: “shared leadership”, “power in one fist,” “capture of power by the second fiddles”, “concord monocentrism”, “informal polycentricism”, which describes in some detail.

Keywords: *small town, team, chief executive, monocentric model of power, polycentric model of power, variability power practices.*

CAREER MODELS AND FACTORS OF POLITICAL AND ADMINISTRATIVE ELITES MEMBERS

A. Shentyakova. Patterns and factors of regional politicians' and bureaucrats' career

The article is devoted to the analysis of factors and models of political career of the Russian regional elite. Internal and external resources, which contribute to career advancement in government agencies, are investigated. Data were collected with the method of interviews with politicians and administrators. The place of birth, the place of primary socialization, education and graduated university, the first job are analyzed as internal resources. The correlation of internal and external resources is researched according to respondent's opinion. Seven factors of career development were identified with factor analysis. Comparative analysis of factors helped to identify differences in career resources between politicians and administrators. Analysis of the factor loadings are helped to make conclusion about the priority of external factors on internal. Career's models were built by the use of the multidimensional scaling method. The models of career development divided politicians into two groups: «corporativists» and «public-spirited persons». The models of administrators career development divided administrators in other groups: «autonomous professionals» and «patronage persons».

Keywords: political career, career resources, models and factors of career development, factor analysis, multidimensional scaling.

A. Duka. Elites of Russian periphery: between traditionalism and modernity

Russian regions, according to the level of social and economic development, can be divided into three groups: highly urbanized regions, integrated in the

modern global processes; industrial-agrarian regions with medium level of economic development and poor integration into global processes; and undeveloped regions with low level of economic and socio-historical evolution. In this group of regions the dominant sector is agriculture. In the socio-economic and socio-political terms, these regions can be described as peripheral ones. Social structuring, regulation of social relations, building power hierarchies, the functioning of the public sphere show that societies in these regions are rather traditional with some signs and elements of modernity. Ethnic, clan and tribal identity prevails in them. In the crisis Russian transformation in the late XX — early XXI centuries, in traditional societies occurs societal recession, updated archaic forms of social structures and relations that can reduce the emerging social instability. At the same time some achievements of the previous stage of development saved. In addition to the “spontaneity” of the process associated with the self-organization of societies and communities, power groups of the archaizing societies seek mechanisms of social equilibrium with least cost. Usually, these mechanisms are in practice already historically proven. Nevertheless, elites, as part of these societies, are included in the process of archaization not only as external regulatory agencies, but also as active participants. However, the regional elites act as well as agents of the central government. It can be argued that there exists a synthesis of modern and traditional forms of social organization with developing archaization. This situation is typical for societies of peripheral regions, and for their elites.

Keywords: *elite, peripherals, tradition, archaization, ethnicity, clan, identity, social structure, regions.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ачкасов Валерий Алексеевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международных политических процессов факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (val-achkasov@yandex.ru).

Бест Хайнрих (Best Heinrich), доктор наук (социология), профессор Университета им. Фридриха Шиллера г. Йены (Германия), руководитель междисциплинарного исследовательского центра «Социальное развитие после государственного социализма. Традиции и формирование новых структур» (Heinrich.Best@uni-jena.de).

Бондаренко Сергей Васильевич, доктор социологических наук, директор Центра технологий «электронного государства» (г. Ростов-на-Дону) (2997881@aanet.ru).

Быстрова Алла Сергеевна, кандидат экономических наук, ученый секретарь Социологического института РАН (abc_46@mail.ru).

Гаман-Голутвина Оксана Викторовна, доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России, президент Российской ассоциации политической науки (ogaman@mail.ru).

Гуторов Владимир Александрович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (gut-50@mail.ru).

Дука Александр Владимирович, кандидат политических наук, заведующий сектором социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН, доцент кафедры теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (alexander-duka@yandex.ru).

Зоткин Андрей Алексеевич, кандидат социологических наук, ученый секретарь Института социологии Национальной академии наук Украины (and-zotkin@yandex.ru).

Лापина Наталья Юрьевна, доктор политических наук, главный научный сотрудник отдела глобальных проблем Института научной информации по общественным наукам РАН (lapina_n@mail.ru).

Магомедов Арбахан Курбанович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой «Связи с общественностью» Ульяновского государственного университета (magom@mv.ru).

Малинова Ольга Юрьевна, доктор философских наук, главный научный сотрудник отдела политической науки Института научной информации по общественным наукам РАН, профессор НИУ ВШЭ, профессор МГИМО (У) МИД России (malinova@rapn.ru).

Мохов Виктор Павлович, доктор исторических наук, профессор, декан гуманитарного факультета Пермского национального исследовательского политехнического университета (mvp@perm.ru).

Панов Петр Вячеславович, кандидат исторических наук, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой «Государственное управление и история» гуманитарного факультета Пермского национального исследовательского политехнического университета (petrpanov@yandex.ru).

Римский Владимир Львович, заведующий отделом социологии Регионального общественного фонда «Информатика для демократии» (Фонда ИНДЕМ) (rim@indem.ru).

Сельцер Дмитрий Григорьевич, доктор политических наук, директор Института гуманитарного и социального образования Тамбовского государственного университета (seltser@yandex.ru).

Соловьев Александр Иванович, доктор политических наук, заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления МГУ им. Ломоносова (alesol@mail.ru).

Сулимов Константин Андреевич, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук историко-политологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета (ksulimov@yandex.ru).

Тарусин Павел Владимирович, кандидат политических наук, ассистент кафедры политического анализа факультета государственного управления МГУ им. Ломоносова (lemarais@mail.ru).

Тев Денис Борисович, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН (denis_tev@mail.ru).

Хоффманн-Ланге Урсула (Hoffmann-Lange Ursula), доктор наук, профессор политологии (специализация по политическим системам), университет г. Бамберга (ursula.hoffmann-lange@uni-bamberg.de).

Чирикова Алла Евгеньевна, доктор социологических наук, главный научный сотрудник сектора исследований личности Института социологии РАН (chirikova_a@mail.ru).

Шентякова Анна Владимировна, старший преподаватель кафедры политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (anna_pedagog@mail.ru).

CONTRIBUTORS

Achkasov, Valeriy, Dr. of Sc. (Political Sc.), Prof., Head of the International Politics department, St. Petersburg State University, Faculty of Political Science (val-achkasov@yandex.ru).

Best, Heinrich, Prof. Dr. (Sociology) Lehrstuhl für Methoden der empirischen Sozialforschung und Strukturanalyse moderner Gesellschaften (Department of Methods of Empirical Social Research and Structure Analysis of the Modern Societies), Friedrich-Schiller-Universität Jena (Heinrich.Best@uni-jena.de).

Bondarenko, Sergey, Dr. of Sc. (Sociology), Director of the Center of the applied researches of the intellectual property (Rostov-on-Don). Co-chairman of the NGO “Journalists for civil society”, coordinator of the “Anticorruption coalition in the Russian South” (2997881@aaanet.ru).

Bystrova, Alla, Candidate of Sc. (Economics), Research officer. Sociological Institute, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (abc_46@mail.ru).

Gaman-Golutvina, Oksana, Dr. of Sc. (Political Sc.), Prof., Head of the Comparative Politics department, MGIMO-University. President of the Russian Political Science Association. (ogaman@mail.ru).

Gutorov, Vladimir, Dr. of Sc. (Philosophy), Prof., Head of the Department of Theory and Philosophy of Politics, St. Petersburg State University, Faculty of Political science (gut-50@mail.ru).

Duka, Aleksandr, Candidate of Sc. (Political sc.), Head of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Sociological Institute, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg). Assistant Professor of the Department of Theory and Philosophy of Politics, St. Petersburg State University, Faculty of Political science (alexander-duka@yandex.ru).

Zotkin, Andrey, Candidate of Sc. (Sociology), Research officer. Institute of Sociology of the Ukrainian National Academy of Sciences (Kiev, Ukraine) (and-zotkin@yandex.ru).

Lapina, Natalia, Dr. of Sc. (Political Sc.), main researcher of the Global Problems department, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow) (lapina_n@mail.ru).

Magomedov, Arbahan, Dr. of Sc. (Political Sc.), Prof., Public relations department, Ulyanovsk state university (magom@mv.ru).

Malinova, Olga, Dr. of Sc. (Philosophy), main researcher of the Department of political science, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow) (malinova@rapn.ru).

Mohov, Viktor, Dr. of Sc. (History), Prof., Dean of the Faculty for Humanity, Perm' National Research Polytechnic University (mvp@perm.ru).

Panov, Petr, Dr. of Sc. (Political Sc.), Head of the Department of Public Administration and History, Perm' National Research Polytechnic University (petrpanov@yandex.ru).

Rimskiy, Vladimir, Head of the Sociological department, INDEM ("Information Science for Democracy") Foundation. (Moscow) (rim@indem.ru).

Seltser, Dmitriy, Dr. of Sc. (Political Sc.), Director of the Institute for humanitarian and social education, Tambov state university (seltser@yandex.ru).

Soloviev, Aleksandr, Dr. of Sc. (Political Sc.), Prof., Head of the Political Analysis department, Moscow State University, Faculty of Public administration (alesol@mail.ru).

Sulimov, Konstantin, Candidate of Sc. (Political Sc.), Assistant Professor of the Political science department, Faculty of history and political science, Perm' state university (ksulimov@yandex.ru).

Tarusin, Pavel, Candidate of Sc. (Political Sc.), *Assistant* Professor of the Political Analysis department, Moscow State University, Faculty of Public administration (lemarais@mail.ru).

Tev, Denis, Candidate of Sc. (Sociology), senior researcher of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Sociological Institute, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (denis_tev@mail.ru).

Hoffmann-Lange, Ursula, Prof. Dr. (Political Sc.), Professur für Politikwissenschaft, insbesondere Politische Systeme (Professor of Political Science, in particular Political System), Otto-Friedrich-Universität Bamberg (ursula.hoffmann-lange@uni-bamberg.de).

Chirikova, Alla, Dr. of Sc. (Sociology), main researcher Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow) (chirikova_a@mail.ru).

Shentyakova, Anna, Lecturer of the Department of Political Institutions and Applied Political Science, St. Petersburg State University, Faculty of Political Science (anna_pedagog@mail.ru).

Научное издание

ВЛАСТЬ И ЭЛИТЫ

Том 1

Под редакцией А.В. Дуки

Компьютерный макет *Н. Паиковской*

Подписано в печать 20.02.2015.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 30,2. Уч.-изд. л. 31,2.
Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ № .

Издательство «Интерсоцис».
191060, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, 9-й подъезд.

Отпечатано с диапозитивов в типографии «Ренومه».
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40